Отдел Востоковедения.

С.-А. Г. Б.
Инв. № 160705

ТУРКЕСТАНСКІЙ СБОРНИКЪ

сочиненій и статей

относящихся

до средней Азіи вообще

и

Туркестанскаго края въ особенности,

составляемый

по порученію г. Туркестанскаго военнаго генералъ-губернатора М. Г. Черняева.

В. И. Межовымъ.

Томъ 323.

Санктпетербургъ.

1883.

С.-А. Г. Б.

ТРУДЫ

ТРЕТЬЯГО

МЕЖДУНАРОДНАГО СЪѢЗДА ОРЬЕНТАЛИСТОВЪ

ВЪ

С.-ПЕТЕРБУРГѢ

1876

Томъ первый

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

В. В. ГРИГОРЬЕВА

СЪ КАРТОЮ И ОСЬМЬЮ ТАБЛИЦАМИ РИСУНКОВЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія брат. Пантелеевыхъ, Казанская ул. д. № 33
1879—1880

TRAVAUX

de la

TROISIÈME SESSION

du

CONGRÈS INTERNATIONAL DES ORIENTALISTES

ST.-PÉTERSBOURG

1876

Tome premier

SOUS LA REDACTION

de W. W. GRIGORIEFF

AVEC CARTE ET HUIT PLANCHES

ST.-PÉTERSBOURG
Imprimerie des frères Pantéléjeff. Kazanskaya, № 33
1879—1880

ножны); разные сорты бумаги мѣстнаго производства; калямданы туземные, музыкальные инструменты струнные и духовые; б) обращики бумажныхъ, шерстяныхъ, полушелковыхъ и шелковыхъ тканей (не болѣе аршина каждый), и также тесемъ и шнуровъ; издѣлій изъ пуха и камыша; в) обращики шитья шелкомъ на сукнѣ и кожѣ (тюбетейки, шапки разныхъ формъ, скатерти, платки, чапраки, чалбары, сапоги); г) модели снарядовъ служащихъ для хлопчатобумажнаго и шелковаго производствъ, описанные въ книгѣ Бродовскаго „Техническія производства въ Туркестанскомъ Краѣ"; д) монеты обращающіяся въ краѣ, и древнія въ немъ находимыя.

„Сверхъ всего этого желательно было бы также имѣть на Выставкѣ полное собраніе картъ и плановъ Края, а равно по экземпляру изданныхъ управленіемъ Края „Туркестанскихъ Вѣдомостей", „Ежегодниковъ" и другихъ книгъ".

„Излагая свои желанія, Комитетъ понимаетъ что исполненіе нѣкоторыхъ изъ нихъ можетъ оказаться неудобнымъ или невозможнымъ; но питаетъ твердую надежду, что Ваше Высокопревосходительство, по любви къ наукѣ и просвѣщенію, не откажете содѣйствовать успѣху Выставки всѣмъ что сами Вы изволите признать возможнымъ и исполнимымъ въ предложенной программѣ."

Послѣдствіемъ изложенныхъ ходатайствъ было слѣдующее письмо г. Туркестантскаго Генералъ-Губернатора отъ 28 января 1876:

„Вполнѣ сочувствуя желанію Орг. Комитета 3-го международнаго съѣзда оріенталистовъ въ Петербургѣ устроить во время этого конгреса выставку по этнографіи и археологіи Русскаго Востока, я принялъ зависящія отъ меня мѣры чтобы и Туркестанскій Край былъ представленъ на ней. Для этой цѣли былъ составленъ мною въ г. Ташкентѣ особый комитетъ, и на него была возложена обязанность заняться собраніемъ и пріобрѣтеніемъ необходимыхъ коллекцій. Этотъ комитетъ, разсмотрѣвъ и обсудивъ дѣло, остановился на двухъ планахъ: 1) собрать вновь всѣ нужные предметы; или 2) просить Императорское Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящее при Московскомъ Университетѣ, отправить на предполагаемую выставку коллекціи Туркестанскаго Отдѣла Политехническаго Музея, а здѣсь ограничиться дополненіемъ ихъ изъ такихъ мѣстностей, которыя или совсѣмъ не представлены въ Музеѣ, каковъ Аму-Дарьинскій Отдѣлъ, или-же представлены весьма отрывочно и неполно, какъ, напримѣръ, Кульджинскій Раіонъ. Въ виду краткости времени, оставшагося до Съѣзда, я остановился на послѣднемъ планѣ, такъ какъ при этомъ цѣль выставки будетъ достигнута вполнѣ. Коллекціи

Политехническаго Музея на столько полны, что даютъ совершенно ясное понятіе о всей обстановкѣ, какъ кочеваго, такъ и осѣдлаго населенія Сыръ-Дарьинской Области и Зеравшанскаго Округа, а съ дополненіями, которыя будутъ сдѣланы, онѣ представятъ полную этнографическую картину туземнаго населенія всего Русскаго Туркестана. Поэтому я и обращаюсь къ Обществу Любителей Естествознанія съ просьбою уступить нужныя коллекціи Политехническаго Музея на время съѣзда оріенталистовъ, а на пріобрѣтеніе дополненій мною ассигнована комитету въ Ташкентѣ потребная для сего сумма".

„Что касается до желанія Орг. Комитета видѣть на Съѣздѣ такихъ представителей различныхъ народностей Туркестана по которымъ можно было бы судить о цивилизующемъ вліяніи Русскихъ, то, вполнѣ признавая всю пользу въ государственномъ и научномъ отношеніи этой мѣры, я поручилъ избраніе этихъ лицъ тому же комитету. При этомъ я нашелъ полезнымъ увеличить число ихъ до 4-хъ или 5-ти, прибавленіемъ киргиза и, можетъ быть, хивинскаго узбека, если такого можно будетъ найти».

„На всѣ расходы, необходимые для исполненія этой программы, мною ассигнованы слѣдующія суммы:

1) На пріобрѣтеніе этнографическихъ коллекцій и моделей — 1,500 р.; 2) на изготовленіе фотографій — 1,104 р.; на доставку коллекцій въ Петербургъ — 500 р.; 4) на мелочные и непредвидѣнные расходы — 400 р.; 5) на канцелярскіе расходы — 200 р.; 6) на командированіе туземцевъ — 2000 р.; 7) на командированіе двухъ лицъ, въ качествѣ депутатовъ отъ Туркестанскаго Края — 2,200 р. Итого — 7,904 р.".

Такимъ же образомъ и въ Тифлисѣ, по приказанію Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Намѣстника Кавказскаго, образованъ былъ особый комитетъ для приготовленій къ Конгресу, о чемъ получено было увѣдомленіе отъ 28 апрѣля 1876 черезъ покойнаго уже нынѣ статсъ-секретаря Н. В. Гулькевича, любезно принявшаго на себя всю переписку по предмету съ закавказскими властями.

За принятіемъ изложенныхъ мѣръ къ возможному обезпеченію успѣха Выставки, предстояло озаботиться пріобрѣтеніемъ корреспондентовъ какъ и внутри Имперіи, такъ, и преимущественно, за границею, какъ способа повсюду признаннаго наилучшимъ для рас-

Засѣданіе по отдѣлу Средней Азіи.

21 августа / 3 сентября } утромъ.

Началось въ 10½ часовъ, подъ предсѣдательствомъ Ш. Шефера, при вице-предсѣдателяхъ Я. де-Гуѣ и В. В. Вельяминовѣ-Зерновѣ.

Открылось сообщеніемъ Генеральнаго Секретаря Съѣзда о послѣдовательности засѣданій Отдѣловъ принятой Совѣтомъ, которая и утверждена окончательно Собраніемъ.

Первое слово затѣмъ предоставлено было г. Захау, который и сообщилъ нѣсколько подробностей о знаменитомъ аль-Бируни, а затѣмъ представилъ Собранію первый только-что вышедшій въ свѣтъ выпускъ издаваемаго имъ арабскаго текста хронологическаго труда этого писателя, подъ заглавіемъ *Китабъ-уль-Асаръ-эльбакійэ анъ элькурунъ-иль-халійэ*.

Предсѣдатель благодаритъ г. Захау отъ имени Собранія, въ виду важности работы имъ предпринятой и исполняемой.

Затѣмъ Н. В. Чарыковъ изложилъ содержаніе неизданнаго доселѣ донесенія, представленнаго Пазухинымъ, посланцемъ царя Алексѣя Михайловича, ѣздившимъ, въ 1671—72 годахъ, въ Узбекистанъ — донесенія хранящагося въ Главномъ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностр. Дѣлъ. Изложенію этому предпослалъ г. Чарыковъ нѣсколько словъ объ удобствѣ какое имѣла Россія для сношеній съ Азіею и пріобрѣтенія свѣдѣній о ней, съ самыхъ отдаленныхъ временъ, присовокупивъ что памятники этихъ сношеній, находящіеся въ помянутомъ архивѣ, могутъ послужить богатымъ матеріаломъ для разъясненія событій въ Средней Азіи въ теченіе XVI, XVII и XVIII столѣтій *.

Вслѣдъ за этимъ чтеніемъ, г. Лонгъ, миссіонеръ изъ Калькутты, представилъ Собранію записку свою «объ Арійскомъ Племени» на англійскомъ языкѣ, прося позволенія прочесть ее. Предсѣдатель замѣтилъ ему на это, что согласно § 16-му Règlement

---

* Статья г. Чарыкова напечатана цѣликомъ въ настоящемъ томѣ „Трудовъ“ Съѣзда, стр. 591—601.

Définitif, записка эта могла быть прочитана еслибы написана была на французскомъ или русскомъ языкѣ; но что она будетъ передана въ Издательную Коммисію *.

Тутъ попросилъ слова г. Оппертъ, чтобы изложить соображенія свои о языкахъ не принадлежащихъ, ни къ арійской, ни къ семитской семьѣ, слѣды коихъ сохранились въ клинчатыхъ надписяхъ. „Въ Иранѣ — сказалъ онъ — существовало нѣкогда племя, не арійскаго и не семитскаго происхожденія, которое можетъ быть названо Сузо-Мидійскомъ. Цѣлые вѣка господствовало оно въ Иранѣ и Хузистанѣ прежде чѣмъ наступило тамъ арійское господство Персовъ. Одинъ изъ языковъ этого племени — языкъ Мидійскій: на немъ писаны ахеменидскія клинчатыя надписи второй системы. Другой языкъ того же племени употреблялся въ Сузіанѣ, и слѣды его встрѣчаются въ памятникахъ отъ 2300 до 560 лѣтъ передъ Р. Х.“

Указавъ затѣмъ на характеристическія особенности сузо-мидійской группы языковъ, сравнивъ ихъ между собою, и опредѣливъ отличительныя черты каждаго, г. Оппертъ прочелъ нѣсколько сдѣланныхъ имъ переводовъ изъ надписей сузійскаго царя Суттрукъ-Нахунта и его преемниковъ, Силгакъ Кудуръ-Нахарта и Ундасъ-Армана.

Послѣ этого, Предсѣдатель прочелъ девять изъ вопросовъ Орг. Комитета относящихся до Средней Азіи, и пригласилъ присутствующихъ къ обсужденію оныхъ.

Изъ этихъ вопросовъ даны были разъясненія только по слѣдующимъ пяти **:

По вопросу (№ 4 программы): „Существовалъ-ли до Чингисъ-Хана родъ или народъ носившій имя *Монголовъ*, или имя *Монголъ* есть только династическое названіе, принятое Чингисомъ для основаннаго имъ государства“?—представлена была Собранію г. Лонгомъ, отъ имени маіора Раверти (изъ Калькутты), записка, которую и опредѣлено передать въ Издательную Коммисію. Кромѣ того, вызвался говорить о предметѣ г. Говорсъ. „Для исторіи Монголовъ — сказалъ онъ — существуютъ два разряда источниковъ: писатели персидскіе и писатели китайскіе. Первые узнали

---

* Съ закрытіемъ Съѣзда обязанности предполагавшейся Издательной Коммисіи перешли къ Исполнительному Комитету Съѣзда. Вообще всѣ записки доставленныя Съѣзду и не читанныя на засѣданіяхъ опредѣлялось передавать въ Издательную Коммисію, почему объ этомъ и не будетъ упоминаемо въ отчетѣ о слѣдующихъ засѣданіяхъ.

** Вопросы подъ №№ 3, 5 и 6 остались безъ обсужденія.

о существованіи Монголовъ лишь во времена Чингисъ-Хана: внукъ Гулаку, внука Чингисъ-Ханова, поручилъ везирю своему Рашидъ-эд-Дину написать исторію Монголовъ, что̀ тѣмъ и было исполнено. Цѣль записки маіора Раверти—разсмотрѣть критически извѣстія о возникновеніи Монголовъ, встрѣчаемыя у Рашидъ-эд-Дина и послѣдующихъ персидскихъ историковъ. Рашидъ-эд-Динъ писалъ въ XV вѣкѣ, стало быть могъ знать весьма не многое о Монголахъ до эпохи Чингисъ-Хана. Что касается до китайскихъ источниковъ то, на основаніи ихъ писалъ о происхожденіи Монголовъ берлинскій академикъ Шоттъ. Въ исторіи династій Цзинь (Kin) и Кидань (Kitan) встрѣчается часто имя *Монголъ-Шивей*, какъ общее обозначеніе бо̀льшей части обитателей на китайскихъ предѣлахъ. *Монголъ* и было спеціальнымъ именемъ *Шивейцевъ*. Г. Васильевъ полагаетъ что имена *Монгули* и *Монгу*, встрѣчаемые въ помянутыхъ источникахъ, обозначаютъ скорѣе Манчьжуровъ и Тунгусовъ; но я нахожу въ этихъ источникахъ такія обстоятельства, которыя могутъ относиться только къ народу позднѣе являющемуся подъ именемъ Монголовъ. Сананъ-Сецэнъ говоритъ, правда, что имя „Монголъ" только Чингисъ-Ханомъ дано было своимъ подданнымъ; но на писателя этого нельзя полагаться въ извѣстіяхъ его о временахъ ранѣе XV вѣка. Для этихъ временъ заслуживаютъ довѣрія только извѣстія китайскихъ источниковъ".

По вопросамъ программы: „Смыслъ, въ какомъ употребляются теперь европейскими учеными термины *Туранъ*, *Туранскій*, соотвѣтствуетъ-ли тому, какой имѣли эти термины у древнихъ Персовъ? Не употреблялось-ли послѣдними слово Туранъ, какъ терминъ чисто-географическій, съ которымъ не соединялось никакого представленія объ этнографической противуположности Туранскаго населенія съ Иранскимъ? (№ 18) и „Съ какихъ поръ народы, причисляемые къ Туранскому Племени, въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова, стали занимать пространства Средней Азіи на югъ отъ Тяньшаня? Не населяли-ли до того этихъ пространствъ исключительно народы Индо-европейской Семьи (предки Кельтовъ, Германцевъ, Славянъ и т. д.?" (№ 19) — В. В. Григорьевъ, предложившій въ Орг. Комитетѣ оба эти вопроса съ цѣлію разъясненія ихъ со стороны западныхъ орьенталистовъ, представилъ,—такъ какъ желаннаго разъясненія не было дано никѣмъ изъ присутствующихъ — слѣдующія соображенія: "Часто случается что употребляемому въ наукѣ термину придается значеніе недостаточно ясное и опредѣленное, и потому еще болѣе увеличивающее путаницу понятій, столь часто, къ сожалѣнію, встрѣчающуюся. Это случилось и съ терминами *Туранъ* и *Туранскій*. Персы называли *Тураномъ* страну лежащую

на сѣверъ отъ Аму-Дарьи, а *Ираномъ* — страну на югъ отъ этой рѣки. Въ наше время страны на сѣверъ отъ Аму населены, преимущественно, народностями говорящими на разныхъ тюркскихъ нарѣчіяхъ. Этотъ-то фактъ и подалъ поводъ къ ошибочному заключенію будто означенныя страны были искони обитаемы тюркскими народами, а, слѣдовательно и Туранъ Персовъ было страною тюркскою. Но изъ древнѣйшихъ китайскихъ историковъ видно что нынѣшніе Западный и Восточный Туркестанъ былъ въ древности, еще далеко до временъ Р. Х., населены народами физіологически отличными отъ тюркскихъ, народами, которыхъ, по разнымъ основаніямъ, должно признать за арійскіе. Къ какому-же или какимъ арійскимъ семействамъ принадлежали эти народы? Нѣкоторые ученые, и въ томъ числѣ почтенный археологъ и лингвистъ нашъ П. И. Лерхъ, полагаютъ что то были народы говорившіе по персидски; я-же увѣренъ что это были предки Славянъ, Германцевъ и Литовцевъ: только изъ Средней Азіи могли народы эти притти въ Европу. Нѣсколько лѣтъ уже тому какъ все это изложено подробно въ изслѣдованіи моемъ „О скиѳскомъ народѣ Сакахъ". Ошибочное употребленіе терминовъ *Туранъ* и *Туранскій* происходитъ отъ того, что лингвисты имѣли всегда недостаточныя познанія въ исторіи, а историки, наоборотъ, были плохими лингвистами".

По 21-му вопросу программы: «Гдѣ доказательства что Мавераннагръ въ концѣ X вѣка по Р. Х. отнятъ былъ у Саманидовъ ханами Уйгуровъ (какъ принято это вообще въ Европѣ), а не какого-либо другаго тюркскаго народа, и не были-ли такимъ народомъ именно Харлухи?» — сообщеніе сдѣлано было также В. В. Григорьевымъ, которымъ поставленъ и самый вопросъ. «Я старался разъяснить сейчасъ—сказалъ онъ—какую путаницу производитъ въ наукѣ ошибочное употребленіе тѣхъ или другихъ терминовъ. Съ такимъ же ошибочнымъ употребленіемъ встрѣчаемся мы и въ настоящемъ случаѣ. Уйгуры—народъ о которомъ говорятъ не имѣя яснаго представленія что̀ это такое. Существовалъ, дѣйствительно народъ этого имени, несомнѣнно тюркскій, жившій на оконечности Тянь-шаня, но памятниковъ языка, которые бы несомнѣнно принадлежали этому народу, мы не имѣемъ. Въ настоящее время, знаемъ мы, страны эти населены мусульманами, говорящими на какомъ-то тюрскомъ нарѣчіи; къ какой группѣ тюркскихъ языковъ принадлежитъ оно и какія его особенности? Это могъ бы опредѣлить только спеціальный знатокъ тюркскихъ нарѣчій, но ни одинъ изъ таковыхъ не проникалъ еще доселѣ въ древнюю Уйгурію: такъ что ни древняго, ни новаго языка этой страны мы не знаемъ, рав-

но какъ и того, продолжаетъ-ли настоящее населеніе ея звать себя Уйгурами или хотя считать себя ихъ потомками. При такой малоизвѣстности Уйгуровъ, во всѣхъ сочиненіяхъ западныхъ ученыхъ по исторіи Средней Азіи упоминается что Мавераннагръ, находившійся подъ владычествомъ Саманидовъ, былъ, въ концѣ X вѣка, завоеванъ Тюрками-Уйгурами. Между тѣмъ, изъ мусульманскихъ писателей—единственныхъ источниковъ касающихся этого событія—видно что Мавераннагръ былъ завоеванъ почти исключительно Турками населявшими Кашгаръ и Баласагунъ; а въ этихъ странахъ, по свидѣтельству тѣхъ же арабскихъ источниковъ, господствовалъ тогда тюрскій народъ именовавшійся Харлухами. Такимъ образомъ, нѣтъ ни малѣйшаго основанія приписывать Уйгурамъ то, что было совершено Харлухами: это было бы тоже самое, что приписывать Полякамъ побѣды одержанныя Русскими надъ властителями Золотой Орды".

По 22-му вопросу программы—относительно араба Абу-Дулафа и его рисалѐ—отвѣтъ также принадлежалъ В. В. Григорьеву, которымъ возбужденъ и самый вопросъ. Въ объясненіяхъ своихъ онъ повторилъ то же мнѣніе которое уже было высказано имъ печатно четыре года тому, въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, и по которому путешествіе приписываемое арабскому поэту Абу-Дулафу Мисару ибнъ-Мугальгилю, ни имъ и никѣмъ другимъ совершено не было, а рисалѐ въ которомъ это путешествіе описывается — плохая, исполненная невозможностями компиляція, составленная кѣмъ-либо по устнымъ разсказамъ бывалыхъ въ Индіи и Средней Азіи мусульманскихъ торговцевъ.

Относительно 7-го вопроса—о согдійскихъ письменахъ—заявлено было П. И. Лерхомъ, что онъ дастъ разъясненія свои по этому предмету въ засѣданіи по отдѣлу Археологіи и Нумизматики.

Когда было, такимъ образомъ, покончено съ изложенными вопросами, представили Собранію: г. Де-Рони—два первые тома „Трудовъ" перваго международнаго съѣзда орьенталистовъ въ Парижѣ; г-жа Федченко — альбомъ литографированныхъ видовъ, снятыхъ во время путешествія ея, вмѣстѣ съ покойнымъ ея мужемъ, въ Бухару и Коканъ, въ 1868—1871 годахъ; г. Веселовскій — статью г. Ростиславова подъ заглавіемъ „Очеркъ видовъ поземельной собственности и поземельный вопросъ въ Туркестанскомъ Краѣ"; г. Чарыковъ — толковый каталогъ хранящимся въ Главномъ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностр. Дѣлъ документамъ о сношеніяхъ Россіи съ азіатскими государствами съ XV по XVIII вѣкъ включительно: трудъ исполненный по мысли и подъ руководствомъ директора означеннаго архива, барона Ѳ. А. Бюлера. Пред-

сѣдатель счелъ долгомъ своимъ обратить на эту работу особенное вниманіе Собранія, какъ на могущую быть весьма полезною для всѣхъ занимающихся исторіею народовъ Востока, и предложилъ напечатать представленную рукопись, что̀ Собраніе одобрило и съ своей стороны.

Тутъ президентъ Съѣзда поднялъ вопросъ касающійся самой организаціи конгреса орьенталистовъ. По Règlement Définitif перваго, парижскаго, съѣзда, сообщенія и дебаты на съѣздахъ орьенталистовъ могутъ имѣть мѣсто лишь на французскомъ языкѣ, или на языкѣ той страны гдѣ собрался конгресъ. Заявивъ, что многіе изъ членовъ находятъ такое ограниченіе стѣснительнымъ, В. В. Григорьевъ предложилъ допустить употребленіе и другихъ языковъ.

Собраніе, значительнымъ большинствомъ голосовъ, изъявило согласіе на это предложеніе.

Тогда г. Шеферъ замѣтилъ что такое рѣшеніе обязательно лишь для настоящаго, петербургскаго, съѣзда, а г. Лонгъ, пользуясь означеннымъ рѣшеніемъ, вошелъ на каѳедру и прочелъ помянутую выше записку свою на англійскомъ языкѣ „объ Арійскомъ Племени, его началѣ въ Средней Азіи, и распространеніи оттуда въ Европу и Индію". „Англійскіе и русскіе члены Конгреса — началъ г. Лонгъ—принадлежатъ къ одному и тому же племени, выселившемуся 5000 лѣтъ назадъ, изъ Средней-Азіи въ Европу и Индію. Съ тѣхъ поръ какъ, почти одновременно, были основаны Петербургъ и Калькутта, границы русскихъ и британскихъ владѣній въ Азіи постепенно сближались и нынѣ, къ счастію человѣчества, находятся на разстояніи не болѣе 300 миль между собою. Единство происхожденія и интересовъ Русскихъ и Англичанъ да возбудитъ въ обѣихъ націяхъ соревнованіе въ дѣлѣ распространенія мира и религіи въ странахъ бывшихъ колыбелью ихъ собственныхъ предковъ!" Затѣмъ лекторъ выставилъ 13 вопросовъ рѣшеніе которыхъ, по его мнѣнію, представляетъ большія трудности, но трудности эти могли бы значительно облегчиться вслѣдствіе новыхъ открытій сдѣланныхъ въ Египтѣ, въ Ассиріи и т. д., и особенно при совокупныхъ къ тому усиліяхъ русскихъ и англійскихъ ученыхъ. Вопросы эти таковы:

1) Изъ какой страны забрались Арійцы въ Среднюю-Азію?
2) Въ какое время совершился этотъ переходъ?
3) Какъ долго оставались они въ Средней-Азіи?
4) Какія были причины выселенія ихъ оттуда?
5) Какими путями двигались они оттуда въ Европу и Индію?
6) Какія именно пространства занимали они въ Средней-Азіи?

7) По прибытіи ихъ въ Индію, какія части этой страны нашли они занятыми туранскими и туземными племенами?

8) Арійская цивилизація въ Средней-Азіи не предшествовала ли цивилизаціямъ ассирійской и египетской, и не было ли между ними связи?

9) Какой народъ пришелъ первымъ въ Европу: Греки или Этруски?

10) Вскорѣ-ли вслѣдъ за ними пришли Кельты?

11) Послѣдними-ли оставили свое общее отечество Славяне?

12) Двигались-ли Арійцы въ Индію черезъ Гиндукушъ?

13) Остаются-ли какіе слѣды арійскаго движенія (вглубь Европы) въ басейнахъ Окса, морей Каспійскаго и Чернаго, на Кавказѣ и, наконецъ, на Дунаѣ?

Въ заключеніе засѣданія, г. Шеферъ обратилъ вниманіе Собранія на вопросъ объ изданіи арабскаго подлинника обширной исторіи Табари. „Ученый міръ—сказалъ онъ—давно ожидаетъ этого изданія, настоятельная необходимость котораго требуется вслѣдствіе особенной важности этого творенія для исторіи обширной части Мусульманской Азіи и Восточной Европы. Но дѣло это не по силамъ одному ученому, скажу даже цѣлому кружку ученыхъ, такъ какъ сочиненіе Табари займетъ около двадцати томовъ и потребуетъ поэтому значительныхъ издержекъ. Тѣмъ не менѣе, изданіе арабскаго текста Табари мужественно предпринимается нынѣ г-омъ де-Гуѣ, послѣ того какъ, болѣе сорока лѣтъ назадъ, брался за него покойный Козегартенъ. Тогда предпріятіе это встрѣтило очень сочувственный пріемъ, между прочимъ, и въ Петербургѣ. Вслѣдствіе этого, предлагаю Собранію выразить желаніе чтобы Конгресъ ходатайствовалъ передъ Императорскимъ правительствомъ о благосклонной поддержкѣ этого изданія, въ виду его столь высокаго научнаго значенія“.

Предложеніе это принято было Собраніемъ съ полнымъ сочувствіемъ.

Засѣданіе окончилось въ часъ 40 минутъ пополудни.

Засѣданіе по отдѣлу Кавказъ, Подкавказье и Крымъ.

21 августа / 3 сентября } вечеромъ.

За внезапною болѣзнію предсѣдателя этого отдѣла, М. А. Гамазова, засѣданіе, въ 8 часовъ вечера, открыто было, въ присутствіи вице-предсѣдателя Р. Коста, вице-предсѣдателемъ А. П. Бержѐ.

Президентъ Съѣзда, В. В. Григорьевъ, читаетъ письмо Э. Ренана, въ которомъ знаменитый писатель выражаетъ сожалѣніе что не можетъ пріѣхать въ Петербургъ для участія въ занятіяхъ Конгреса.

А. П. Бержѐ сообщаетъ краткія свѣдѣнія о народной промышленности на Кавказѣ, обращики которой доставлены на Выставку.

В. В. Григорьевъ всходитъ опять на каѳедру для нѣсколькихъ словъ по поводу выраженія „Кавказское Племя". „Терминъ этотъ — сказалъ онъ — весьма употребителенъ въ этнографіи, благодаря авторитету Блуменбаха; но онъ породилъ ошибочное мнѣніе будто многочисленная семья человѣческаго рода, обозначаемая такимъ образомъ, имѣла колыбелью своею Кавказскія Горы — ошибочное мнѣніе, въ которомъ Блуменбахъ нисколько не повиненъ: „Кавказскимъ Племенемъ" окрестилъ онъ группу извѣстныхъ народовъ потому только, что, въ его краніологической коллекціи, совершеннѣйшимъ представителемъ этого племени былъ черепъ черкешенки изъ Подкавказья. Натуралисты прошлаго столѣтія не вникли въ это обстоятельство, и пустили въ ходъ гипотезу о Кавказѣ какъ о родинѣ бѣлотѣлой расы, гипотезу которая и нынѣ встрѣчается у этнографовъ и антропологовъ, и притомъ не въ качествѣ гипотезы, а чуть не историческаго факта. Кавказъ потому уже не могъ быть колыбелью какого-либо народа, что въ горахъ ищутъ убѣжища только народы вытѣсняемые съ равнинъ. По этой именно причинѣ въ горахъ и слѣдуетъ искать остатковъ исчезающихъ племенъ: таковы, на-примѣръ, Баски, Албанцы. Но если, такимъ образомъ, Кавказъ не былъ колыбелью „Кавказскаго Племени", то-есть бѣлотѣлыхъ народовъ, то откуда-же явились они въ Ев-

тайскомъ словарѣ къ сочиненіямъ Миръ-Али-Шира слово *сартъ* переведено словомъ *шегри*, „горожанинъ", „селянинъ", по чему весьма вѣроятно что слово это происходитъ отъ древне-иранскаго *кшатра*, „владѣніе", „государство" (civitas), и что кочевники обитавшіе по правому берегу Яксарта, и въ древности, безъ сомнѣнія, принадлежавшіе къ Иранскому Племени, дали осѣдлымъ сосѣдямъ своимъ по лѣвому берегу Яксарта названіе „горожанъ" въ противуположность „кочевникамъ", какъ звали они себя сами. Послѣ вторженія Тюрковъ въ страны орошаемыя Яксартомъ, названіе Сартъ было распространено ими на всѣхъ осѣдлыхъ обитателей этихъ странъ, какого бы происхожденія они ни были, тюркскаго, иранскаго или смѣси изъ Турокъ и Иранцевъ.

Въ заключеніе, Предсѣдатель Отдѣла, г. Кернъ, передалъ въ бюро многія изъ напечатанныхъ трудовъ своихъ по части Индіи.

Собраніе разошлось въ часъ пополудни.

Засѣданіе по отдѣлу Сибирь.

24 августа / 5 сентября } вечеромъ.

Открылось, въ 8 часовъ 10 минутъ, подъ предсѣдательствомъ В. П. Васильева, при вице-предсѣдателяхъ А. П. Словцовѣ и К. Ѳ. Нейманѣ.

Первое слово предоставлено было г. Словцову, который и прочелъ „Очеркъ исторіи народнаго образованія въ Западной Сибири" съ начала XVIII вѣка, когда митрополитъ Филоѳей предпринялъ проповѣдь Евангелія Вогуламъ и Остякамъ, а плѣненные Петромъ Великимъ и отосланные въ Сибирь Шведы завели школу въ Тобольскѣ, до настоящаго времени. Въ этомъ очеркѣ упомянулъ онъ также о стараніяхъ правительства къ облегченію въ Сибири изученія восточныхъ языковъ. Закончилъ изложеніемъ мыслей своихъ о преобразованіи существующихъ тамъ первоначальныхъ школъ для инородцевъ.

По окончаніи этого чтенія, Предсѣдатель предъявилъ Собранію два труда составленныхъ для настоящаго Съѣзда по распоряженію директора Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, барона Ѳ. А. Бюлера: 1) „Краткій указатель матеріаловъ для исторіи Востока содержащихся въ портфеляхъ исторіографа Миллера, хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ"; 2) Guide aux archives principales du Ministére des affaires etrangères

à Moscou, redigé à l'usage de mm. les membres du 3-e Congrés international des Orientalistes.

Далѣе, О. А. Федченко представила 4 экземпляра только что вышедшаго въ свѣтъ сочиненія Д. Н. Анучина подъ заглавіемъ „Матеріалы для антропологіи Восточной Азіи. I. Айны" (Москва, 1876), при чемъ прочтено было и письмо автора, излагающее источники и расположеніе его труда.

Затѣмъ К. Ѳ. Нейманъ прочелъ свою записку о Чукчахъ, имъ лично посѣщенныхъ, сущность которой заключается въ томъ что весь сѣверо-востокъ Сибири занимаютъ три отдѣльные народца въ совокупности обозначаемые именемъ Чукчей, а именно такъ-называемые Оленные Чукчи, Айгваны и Наммолы. Первые занимаютъ пространство между Беринговымъ-Проливомъ и Колымою съ одной стороны, между Ледовитымъ Океаномъ и теченіемъ рѣки Анадыра, съ другой. Общее число Чукчей всѣхъ трехъ отдѣловъ не превышаетъ въ настоящее время 3,000 душъ; сосѣдей ихъ, Ламутовъ, считается до 2,700 душъ, а Омоки совершенно исчезли. Климатъ страны ими занимаемой такъ суровъ, что въ цѣломъ году еле случается нѣсколько ночей когда не морозитъ. Соотвѣтственна такому климату и растительность, состоящая большею частію изъ мховъ. Изъ животныхъ встрѣчаются только олени, черные медвѣди и нѣкоторыя перелетныя птицы. Нѣтъ ни драгоцѣнныхъ металловъ, ни чего либо другаго привлекательнаго для человѣка. Тѣмъ не менѣе Чукчи не аборигены страны, а, по мнѣнію Миллера, переселенцы изъ Америки. На нынѣшнихъ мѣстахъ своего расположенія нашли они Коряковъ, кровавая борьба съ которыми и продолжалась у нихъ до 1740 года. Русскіе, подъ предводительствомъ Шестакова и Павлуцкаго, нанесли имъ на Анадырѣ сильныя пораженія. Съ конца прошлаго вѣка завязались у нихъ торговыя сношенія съ Русскими. Около 1867 недостатокъ мховъ для стадъ заставилъ Чукчей просить Русское Правительство о допущеніи ихъ на лѣвый берегъ Колымы и принятіи подъ свое покровительство.

А. Собринъ, какъ сказано выше, остякъ изъ Западной Сибири, сообщилъ, затѣмъ, о древнихъ идолахъ Остяковъ и Вогуловъ. Въ настоящее время у этихъ народцевъ рѣдко встрѣчаются идолы которые были бы обожаемы открыто, но уцѣлѣвшіе еще сохраняются въ жилищахъ вѣрующихъ. До завоеванія Сибири у Остяковъ насчитывалось восемь главныхъ идоловъ, а именно: 1) *Богиня Охоты*—близь селенія Бѣлогорскаго, при сліяніи Оби съ Иртышомъ. Идолъ изображалъ женщину съ ребенкомъ, сидящую на деревянномъ стулѣ. Богиня эта, по вѣрованію Остяковъ и Вогу-

ловъ, давала приносившимъ ей богатыя жертвы, удачу на охотѣ и рыбной ловлѣ, а также домашнее благополучіе. Того-же, кто не искренно приносилъ жертву, или, обѣщавшись принести, не приносилъ, наказывала лютою смертію; 2) *Обскій-Старецъ*, богъ рыбъ — близь нынѣшней деревни Самарово, тоже при сліяніи Оби съ Иртышомъ. Изображался съ человѣческою наружностію, но съ безобразнымъ лицемъ, съ рогами, съ носомъ изъ жести и стеклянными глазами. На немъ, одно на другомъ, надѣто было нѣсколько платьевъ и, сверхъ всего, кафтанъ изъ краснаго сукна. Около него лежали колчанъ, стрѣлы, копье и кольчуга. По преданіямъ Остяковъ, богъ этотъ спускался въ глубины рѣкъ и воевалъ тамъ съ богами водъ. Праздновали ему съ наступленіемъ весны; послѣ перваго рыбнаго улова Остяки приносили ему жертву, обмазывая рожу идола жиромъ лучшей рыбы, и моля о помощи его въ рыболовствѣ; 3) *Мѣдный-Гусь*, богъ птицъ — въ Бѣлогородскомъ юртѣ, на берегу Оби. Идолъ этотъ помѣщался какъ бы въ гнѣздѣ, и Остяки вѣровали что отъ него зависитъ направлять полетъ птицъ въ мѣста гдѣ они охотились; 4) въ одномъ капищѣ съ этимъ гусемъ находился также истуканъ „Главнаго Бога“ Остяковъ и Вогуловъ. Когда, въ 1712 году, крестили ихъ, истуканъ этотъ спрятали въ лѣсахъ близь р. Конды; 5) въ пригородѣ Шарканѣ находилось капище идола *Ортик*'а. Лице у него сдѣлано было изъ серебра, торсъ — изъ мѣшка набитаго мѣхами, а ногъ не было вовсе; 6) Идолъ по-имени *Мястерко* стоялъ близь нынѣшней деревни Троицкой. На почетномъ мѣстѣ въ его капищѣ находился мѣшокъ, набитый другими мѣшками, и крѣпко вверху связанный; по серединѣ привязана была къ нему серебряная тарелка. Мястярко служилъ помощникомъ Ортику, и черезъ посредство его Боги объявляли свои повелѣнія. Онъ считался также Богомъ Здравія, и больные въ жертву ему приносили мѣшки, которые наполнялись отъ приносителей серебромъ и цѣнными предметами; 7) *Эліяне* считался слугою и посланникомъ боговъ; вытесанъ былъ изъ дерева и покрытъ сукномъ; на головѣ была у него шапка изъ собачьей кожи; 8) наконецъ *Мейко*, злой богъ; вытесанъ былъ тоже изъ дерева и одѣтъ въ бобровыя шкуры. Обращались съ мольбою къ этому богу сбившіеся съ дороги“.

Затѣмъ, по прочтеніи г. Словцовымъ записки о киргизскихъ пословицахъ и поговоркахъ, появился на каѳедрѣ главный тайша Баргузинскихъ Бурятъ, Зыренъ-Мобъ Сахаровъ, чтобы сообщить свѣдѣнія о Забайкальскихъ Бурятахъ. Наиболѣе интереса въ этомъ сообщеніи представляли слѣдующія свѣдѣнія: Забайкальскіе Буряты — народъ монгольскій, и выселились изъ

Монголіи. Жизнь ведутъ полукочевую, полуосѣдлую, лѣтомъ нѣсколько разъ переходя съ мѣста на мѣсто, смотря по обилію кормовъ, а зиму проводя постоянно въ мѣстахъ гдѣ сложены ихъ сѣнные запасы. Тутъ живутъ они въ деревянныхъ избахъ, а лѣтомъ— въ войлочныхъ или берестяныхъ шалашахъ (юртъ). Главный ихъ промыселъ—скотоводство. Въ скотѣ и средства существованія ихъ, и богатство. Молоко пьютъ и лошадиное, и коровье, и овечье, употребляя въ пищу и всѣ молочныя произведенія. Въ началѣ настоящаго столѣтія Буряты вовсе еще не были знакомы съ хлѣбопашествомъ. Предки ихъ называли муку *хагурай-сасунъ*, „сухимъ снѣгомъ". Теперь сѣютъ уже они значительное количество лѣтнихъ хлѣбныхъ растеній — пшеницы и овса — могутъ считаться порядочными земледѣльцами, и благословляютъ людей научившихъ ихъ воздѣлывать землю. Религію исповѣдуютъ буддійскую, имѣютъ храмы (*дацанъ*) и священнослужителей (*лама*). Письмена употребляютъ монгольскія; знаютъ и тибетскую грамоту: на тибетскомъ языкѣ большинство ихъ релизіозныхъ книгъ. Съ начала настоящаго столѣтія стали знакомиться и съ русскимъ языкомъ; теперь есть у нихъ русскія приходскія школы, содержимыя общинами, и значительное число Бурятъ говоритъ уже порядочно по-русски. Религіозные обряды совершаются ими и дома, и въ дацанахъ; въ праздничные дни обязательна лишь молитва, а трудъ не воспрещается. Главный народный праздникъ у нихъ —новогодіе, наступающій съ первою весеннею луною. Называется *цаганъ-сара*, „бѣлый мѣсяцъ". Въ этотъ день, послѣ богомоленія, отправляются другъ къ другу съ поздравленіями и дарятъ взаимно „*хадакъ*" (шелковыя бѣлыя ленты), приговаривая: *саинъ удуръ, саинъ биликъ* (добраго дня, хорошаго подарка). Согласно старымъ обычаямъ, совершаютъ богомоленіе и въ степи; при этомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлаются небольшія насыпи (*обо*). Такія празднества имѣютъ мѣсто преимущественно въ іюнѣ. Послѣ богомоленія, начинаются конскія скачки, борьба между силачами, стрѣльба въ цѣль. Изъ семейныхъ празднествъ, слѣдуетъ упомянуть о празднованіи дня когда ребенокъ выходитъ изъ младенчества. Свадебные пиры продолжаются, смотря по достатку новобрачныхъ, отъ трехъ до семи дней. Въ обыкновенные вечера пожилые играютъ въ шахматы, а молодые люди забавляются играми или пѣніемъ. Случается также, что на этихъ вечерахъ старики и старухи разсказываютъ сказки, переходящія изъ рода въ родъ. Музыкальный инструментъ знаютъ только одинъ — двухструнную скрипицу; игрою на ней сопровождаются народныя пѣсни".

Послѣ этого чтенія упомянуто о доставленіи на Съѣздъ слѣдую-

щихъ записокъ по Отдѣлу: 1) „Озеро Калкаманъ“, г. Золотова; 2) „О военной границѣ Западной Сибири въ прошедшемъ столѣтіи“, того же автора; 3) „Историческій Очеркъ бывшей Омской Азіатской школы“, его же; 4) „Промыслы и ловушка въ Нарымскомъ Краѣ“ г. Шестаковича; 5) „Обзоръ этнографическихъ свѣдѣній о Самоѣдскихъ племенахъ обитающихъ въ Сибири“, князя Н. Кострова; и 6) „О Якутахъ“ г. Соловьева.

Затѣмъ приступлено къ обсужденію вопросовъ программы.

По вопросу № 1: „Историческіе источники свидѣтельствуютъ что Сибирь постоянно, въ теченіе болѣе двухъ тысячь лѣтъ, высылала въ Среднюю Азію народъ за народомъ: какія обстоятельства содѣйствовали тамъ распложенію населенія, и почему, съ завоеваніемъ Сибири Русскими, распложеніе это и выселенія оттуда прекратились?“ — выступилъ сначала г. Соловкинъ съ заявленіемъ что онъ занимается въ настоящее время обширною работою о философіи Исторіи, въ которой надѣется разобрать удовлетворительно и предложенный вопросъ, причемъ представилъ и программу означенной работы.

По тому же вопросу предсѣдатель Отдѣла, В. П. Васильевъ, высказался слѣдующимъ образомъ: „Не выдавая своего мнѣнія за непреложную истину, я долженъ однакоже замѣтить, что при изученіи Средней-Азіи и отношеній ея къ Китаю, мнѣ никогда не приходилось выводить изъ историческихъ фактовъ того заключенія, чтобы Сибирь была разсадникомъ народовъ, т. е. чтобы какіе-либо народы выходили изъ Сибири. Напротивъ, я всегда былъ того мнѣнія, что Сибирь служила лишь убѣжищемъ для народовъ вытѣсняемыхъ съ юга. Съ возникновеніемъ могущественныхъ государствъ на границахъ Китая, обитатели этихъ южныхъ государствъ стали стремиться къ обогащенію себя на счетъ своихъ сѣверныхъ сосѣдей, или къ ихъ покоренію, вслѣдствіе чего послѣдніе вынуждались покидать свои мѣста и поселяться въ Сибири. Исторія не показываетъ намъ, чтобы эти народы, возстановивъ свои силы и усилившись союзомъ съ другими народами, предпринимали, въ свою очередь, обратныя нашествія. Что-же касается до народовъ о которыхъ можно было бы сказать что они вышли изъ Сибири, то я могу припомнить лишь одинъ этому примѣръ: разумѣю династію Тоба (Топракъ), властвовавшую надъ Сѣвернымъ Китаемъ и большею частію Монголіи подъ именемъ Вэй. Въ исторіи этой династіи упоминается о народѣ Улухэу и, между прочимъ, о томъ что къ юго-востоку отъ страны обитаемой этимъ народомъ находится каменное зданіе, служившее жилищемъ для предковъ царствующаго дома. Описаніе этого зданія весьма сбив-

чиво, но можно допустить, пожалуй, что оно находилось въ предѣлахъ нынѣшней Сибири близь озера Байкала. Это единственный фактъ на который можно сослаться въ подтвержденіе предположенія что Сибирь была исходнымъ пунктомъ переселенія народовъ. Но и это можно было бы сказать лишь о юго-восточной части Сибири, о Забайкальѣ, которое находилось въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Монголіей, и которое нельзя, когда идетъ рѣчь о древнихъ временахъ, не считать страною средне-азіатскою. Скажутъ что Дикокаменные Киргизы или Буруты происходятъ отъ тѣхъ Киргизовъ которыхъ повстрѣчали Русскіе при завоеваніи Сибири; но подобное переселеніе никоимъ образомъ не можетъ быть принимаемо за явленіе часто возобновлявшееся, да и произошло оно не отъ усиленія могущества Бурутовъ, а, напротивъ, имѣло характеръ бѣгства побѣжденнаго народа. Перебирая въ моей памяти всѣ народы игравшіе, въ историческія времена, видную роль въ Средней-Азіи, не нахожу ни одного, который бы вышелъ изъ Сибири. Гунны считаются за потомковъ Хунь-юн'ей (Hien-yun), а послѣдніе жили въ сѣверной части собственнаго Китая; различныя колѣна Сяньбійцевъ (Sien-pi) или Шивейцевъ (Schi-wei), господствовавшіе послѣ нихъ въ Монголіи, происходили отъ Дунъ-ху'сцевъ (Doung-hou), т. е. отъ обитателей нынѣшней Маньчжуріи; Ту-кюй'цы, или Турки, также считаются потомками Гунновъ, и, во всякомъ случаѣ, та часть Алтая гдѣ они появились находится въ предѣлахъ Монголіи; Хой-хой'цы, смѣнившіе Тукюйцевъ, обитали въ монгольской части бассейна Селенги. Являются затѣмъ Кидани и Чжурчжени, но извѣстно что они вышли изъ мѣстностей гдѣ жили прежде Дунъ-ху и Ши-вей; наконецъ, самая отдаленная часть родины Монголовъ, та откуда выступилъ Чингисъ-ханъ, находилась недалеко отъ рѣки Онона".

„По моему мнѣнію, Сибирь никогда не была столь населена, какъ нынѣ. Возразятъ на это что большая часть ея населенія состоитъ изъ Русскихъ, и что Русскіе были косвенною причиною исчезновенія тамъ другихъ народовъ. Но, мнѣ кажется, слѣдуетъ поставить Русскимъ въ заслугу что одни они умѣли такъ устроиться что ихъ населеніе въ Сибири растетъ, а не уменьшается, какъ было бы непремѣнно съ другими пришельцами. Мы только что выслушали сообщеніе г. Неймана о постепенномъ вымираніи Омоковъ, безо всякой въ томъ вины съ нашей стороны. Не слѣдуетъ забывать, впрочемъ, что въ настоящее время уменьшеніе туземцевъ въ числѣ должно быть приписано тому что они, значительною частію, русѣютъ, становятся Русскими".

„Вообще я держусь того мнѣнія что Сибирь во время при-

хода Русскихъ была населена уже не аборигенами, а пришельцами съ какой-либо другой стороны. Не могу я допустить чтобы татарское племя, имѣющее столь отдаленныхъ представителей каковы Якуты, было племя туземное; или чтобы Тунгусы выселились въ Маньчжурію, а не пришли оттуда въ Сибирь. Неужели и Монголовъ слѣдуетъ считать за вѣтвь нашихъ сибирскихъ Бурятъ, а не наоборотъ — Бурятъ за вѣтвь Монголовъ? Остаются еще племена Финнскія. Съ перваго взгляда можно бы предположить что они распространились по Сибири съ запада, какъ Русскіе (одни Чукчи пришли съ востока), но есть много причинъ думать что и ихъ отечествомъ была Средняя Азія".

Вопросъ № 2: „Шаманизмъ, господствующій до сихъ поръ между инородцами Сибири, не обращенными еще въ Христіанство, у всѣхъ ли у нихъ одинаковъ, или представляетъ особенности смотря потому, къ какой этнографической группѣ принадлежатъ эти инородцы?"—вызвалъ на разсмотрѣніе его также В. П. Васильева. Вотъ что было сказано имъ: „Позволю себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно слова „шаманизмъ". Я уже имѣлъ случай замѣтить въ одномъ изъ моихъ печатныхъ трудовъ что это слово, по моему мнѣнію, тождественно съ китайскимъ „ша-мынь", которое, въ свою очередь, есть искаженное названіе Буддистовъ на санскритскомъ языкѣ—„шрамана". Я не настаиваю на абсолютной вѣрности этого объясненія, но позволю себѣ изложить основанія на которыхъ оно построено. На сколько мнѣ извѣстно, вообще предпочитаютъ производить слово „шаманъ" отъ маньчжурскаго глагола *самби*, „знать", и потому полагаютъ что оно должно имѣть приблизительно тоже значеніе, что и русское „знахарь". Но противъ этого производства можно возразить, что въ маньчжурскомъ языкѣ мы не встрѣчаемъ другихъ словъ, за исключеніемъ „шаманъ" (да и это слово должно произноситься скорѣе „саманъ"), которыя, будучи произведены отъ глаголовъ, имѣли бы окончанія *манъ* или *анъ*, для означенія лица. Въ моемъ объясненіи, вѣроятно, поразитъ именно то обстоятельство, какимъ образомъ это слово могло быть занесено въ глушь Сибири изъ столь отдаленной страны, какъ Индія. Но мы слышали сейчасъ, въ замѣткахъ г. Неймана о Чукчахъ, слово „тайша", а это слово, какъ и слова „зайсанъ", „шуленга", встрѣчаемыя у нашихъ волжскихъ Калмыковъ — несомнѣнно китайскаго происхожденія. Правда, что у Китайцевъ означаютъ они достоинства въ родѣ „канцлера", „визиря", а у Калмыковъ примѣняются къ мелкимъ родовымъ начальникамъ; но это нисколько не опровергаетъ китайскаго происхожденія этихъ словъ. У Монголовъ „тайша'ми" называются только лица принад-

лежащія къ княжескимъ семействамъ; но въ настоящее время и у нихъ встрѣчается много тайшей, занимающихъ простыя служительскія должности. У Китайцевъ, напротивъ, титулъ „тай-цзи" присвоенъ исключительно императорскимъ сыновьямъ. Титулъ „лама" (хо-шанъ у Китайцевъ) принадлежалъ въ прошедшія времена исключительно верховному первосвященнику, а теперь и кучеръ ламы, пока носитъ духовное одѣяніе, тоже зовется ламою. Пониженіе значенія титуловъ—явленіе обыкновенное повсюду, и потому не требуетъ длинныхъ объясненій. Въ древнія времена Буддизмъ часто появлялся между жителями Монголіи и нынѣшней Маньчжуріи, но не однократно и исчезалъ. Тогда распространеніе его шло со стороны Китая, и вотъ почему слово „шаманъ" явилось въ китайской формѣ. Народы принявшіе это слово, могли также прилагать его къ духовнымъ лицамъ и другихъ религій, или-же эти лица, съ паденіемъ ихъ религіи, избирали себѣ другое занятіе, сохраняя свой титулъ. Но тутъ является вопросъ: откуда происходитъ та сильная вражда, которая существуетъ между Шаманизмомъ и Ламаизмомъ? Извѣстно что Буряты, во время покоренія ихъ Русскими, всѣ были шаманистами; ламы, которыхъ вліяніе, благодаря нашему покровительству, усиливалось, должны были, чтобы обратить Бурятъ въ Буддизмъ, прибѣгать нерѣдко къ насилію; имъ случалось даже сжигать живыми послѣдователей Шаманизма. И это нисколько не удивительно, такъ какъ мы знаемъ что Тибетъ не разъ былъ опустошаемъ во время борьбы между собою различныхъ буддійскихъ вѣроученій. Буддизму часто случалось прибѣгать и къ шарлатанству, несмотря на похвальбу его высотою и чистотою своихъ догматовъ. Такъ исторія повѣствуетъ что одинъ изъ первыхъ распространителей Буддизма въ Китаѣ, въ IV вѣкѣ, Фу-ду-чинъ, отличался не силою проповѣди, а фокусами (вынималъ, напримѣръ, хлѣбъ изъ своего желудка). Припомнимъ что и нынѣшніе забайкальскіе ламы слывутъ за колдуновъ, занимаются, на-примѣръ, розыскиваніемъ краденыхъ предметовъ и т. п. Мнѣ не извѣстны въ подробности ихъ пріемы, но знаю что у Тибетцевъ также есть гадатели, передающіе свои знанія отъ отца къ сыну, и къ нимъ часто прибѣгаютъ въ важныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть для того даже чтобы открыть въ кого, по смерти далай-ламы, переселилась его душа. Прорицатели эти называются *чоинъ-джонъ* (защитники вѣры), на томъ основаніи что въ нихъ будто-бы вселяются буддійскія божества, страшныя и уродливыя изображенія которыхъ видимъ мы на нашей выставкѣ. Позволю себѣ разсказать по поводу этихъ прорицателей о томъ что я самъ видѣлъ во время проѣзда духовной миссіи нашей

черезъ Монголію, въ 1840 году. Мы только что выѣхали со станціи Дурма, столь извѣстной своими глубокими песками, какъ я замѣтилъ, вправо отъ дороги, дацанъ, который и отправился тотчасъ же осматривать. До моихъ ушей издали еще долетали звуки шумной музыки. Дацанъ оказался въ хорошемъ состояніи и обильно снабженнымъ идолами. Въ главномъ корпусѣ зданія идолы были обыкновенной формы, но въ придѣлѣ, откуда слышалась музыка, увидѣлъ я безобразныя божества, именуемыя „чоинджунъ". Въ тоже время замѣтилъ я въ углу сидящаго неподвижно на треножникѣ человѣка, котораго и принялъ сначала за статую. На немъ былъ надѣтъ остроконечный шлемъ и желтый кафтанъ, украшенные бахрамами и лентами; въ правой рукѣ онъ держалъ копье, а въ лѣвой саблю. Передъ нимъ курились благовонія. Не знаю долго ли продолжалось это дѣйствительное или притворное состояніе восторженности, но только вскорѣ послѣ моего прихода съ ламой начались судороги и икота; онъ сталъ вскрикивать, ударяя копьемъ своимъ въ идола, спрятаннаго у него позади за занавѣсью. Тогда другіе присутствовавшіе ламы стали давать ему успокоительныхъ средствъ, и когда конвульсіи прекратились, но сознаніе еще не возвратилось, стали шептать ему на ухо вопросы, на которые и отвѣчалъ онъ тихимъ голосомъ. Чрезъ посредство тѣхъ же ламъ ему были предлагаемы вопросы и отъ свѣтскихъ лицъ, которыя до того времени держались за дверями... Вотъ все что я видѣлъ, но не позволю себѣ утверждать чтобы въ разсказанномъ мною фактѣ было что либо общее съ Шаманствомъ".

Этимъ сообщеніемъ и закончилось засѣданіе въ 10¼ часовъ.

Засѣданіе по отдѣлу Закавказье.

25 августа / 6 сентября } утромъ.

Открылось, подъ предсѣдательствомъ К. П. Патканова, при вице-предсѣдателяхъ Г. Клэркѣ и Э. Иствикѣ, въ 11 часовъ.

Предсѣдатель обратилъ вниманіе Собранія на только-что появившійся въ свѣтъ, и представленный авторомъ Съѣзду, первый томъ труда г. Міянсарова Bibliographia Caucasica et Transcaucasica (Спб. 1874—1876, 804 стр.) и сказалъ нѣсколько словъ о его значеніи.

А. П. Бержѐ представилъ, затѣмъ, рукописный сборникъ пѣсенъ на адербайджанскомъ нарѣчіи, съ слѣдующимъ объясненіемъ. „Къ числу кавказскихъ народностей, о языкѣ и народной поэзіи

которыхъ имѣются весьма недостаточныя свѣдѣнія, принадлежатъ и Татаре адербайджанскіе. Языкъ ихъ, господствуя почти на всемъ пространствѣ Адербайджана, употребителенъ также въ персидскомъ Курдистанѣ и даже въ самой Персіи, гдѣ предѣломъ его распространенія на востокъ считается городъ Казвинъ. Въ русскихъ предѣлахъ Татаре Адербайджанскіе населяютъ преимущественно восточное Закавказье, къ югу отъ Куры. Къ сѣверу отъ этой рѣки поселенія ихъ встрѣчаются лишь вдоль ея низовья. Въ уѣздахъ Шемахинскомъ и Нухинскомъ составляютъ они главную массу населенія. Въ губерніи Эриванской внѣдрились они среди Армянъ, подобно тому какъ послѣдніе проникли, на-оборотъ, въ уѣзды Нухинскій и Шемахинскій. Затѣмъ встрѣчаются они оазисами въ Кубинскомъ уѣздѣ и даже далѣе въ направленіи къ Дербенту. Употребительно адербайджанское нарѣчіе въ особенности до полинѣ р. Самура; наконецъ, извѣстно оно также и жителямъ бывшаго Ахалцыхскаго пашалыка. Несмотря на такую распространенность адербайджанскаго языка, о литературѣ его знаютъ въ ученой Европѣ весьма мало. Въ 1868 году, онъ, г. Бержѐ, издалъ въ Лейпцигѣ небольшой сборникъ адербайджанскихъ стихотвореній подъ заглавіемъ Dichtungen transcaucasisher Sänger des XVIII und XIX Jahrhunderts in Aderbeidshanischer Mundart. Это была первая книга на этомъ нарѣчіи, напечатанная въ Европѣ; она заключала въ себѣ лишь произведенія самыхъ знаменитыхъ пѣвцовъ. Бо̀льшая часть этого изданія въ 500 экземпляровъ разошлась въ два-три мѣсяца между мусульманами Закавказья, что̀ свидѣтельствуетъ, какъ о любви ихъ къ своей народной литературѣ, такъ и о необходимости подобныхъ изданій. Продолжая собирать произведенія этой литературы при усердномъ содѣйствіи знатоковъ дѣла въ краю, онъ успѣлъ пополнить свой сборникъ не только новыми стихотвореніями пѣвцовъ уже нашедшихъ въ немъ мѣсто, но и многими произведеніями пѣвцовъ дотолѣ остававшихся неизвѣстными. Къ этому присовокупилъ онъ біографическія замѣтки объ авторахъ вошедшихъ въ сборникъ стихотвореній и карту географическаго распространенія адербайджанскаго нарѣчія. Въ такомъ видѣ подвергаетъ онъ дальнѣйшую судьбу своего сборника усмотрѣнію Съѣзда".

Вслѣдъ за Бержѐ, г. Э. Боннель, библіотекарь Императорской Публичной Библіотеки, выступилъ со статьею своею: Einige Nachrichten der alten griechischen und römischen Schriftsteller ueber die Skythen, Sarmaten, Kimmerier, Perser uud andere Völker *.

---

* Статья эта напечатана во II-мъ томѣ „Трудовъ" Съѣзда, стр. 371—387, и потому излагать содержаніе ея здѣсь излишне.

вызвать обсужденіе предмета; но вызова этого никто изъ присутствующихъ не принялъ.

По вопросу 32-му, объ именахъ *Маганъ* и *Мусуръ*, которыми въ надписяхъ Ассурбанинала обозначается одинаково Египетъ, — г. Оппертъ замѣтилъ только, что *Маганъ* и *Мусуръ* вовсе не тождественны, но что послѣднее всегда означаетъ Египетъ.

По вопросу 33-му, почему Шишакъ, при походѣ своемъ на Іудею, оставилъ въ покоѣ Царство Десяти-Колѣнъ? — Д. А. Хвольсонъ замѣтилъ, что онъ отчасти отвѣтилъ уже на этотъ вопросъ въ статьѣ своей на русскомъ языкѣ „О вліяніи географическаго положенія Палестины на судьбы этой страны", статьѣ, гдѣ онъ развивалъ преимущественно мысль, что Филистимляне были чѣмъ-то въ родѣ военной колоніи Египтянъ.

Собраніе разошлось въ часъ 15 минутъ.

Засѣданіе по отдѣлу Религіозныя и Философскія ученія Востока.

28 августа / 9 сентября } утромъ.

Открылось въ 10 часовъ 35 минутъ, подъ предсѣдательствомъ Р. Дугласа, при вице-предсѣдателяхъ А. Дегубернатисѣ и Т. Ченери.

Предъявлены поступившія на Съѣздъ по этому Отдѣлу слѣдующія записки: 1) А. Ф. фонъ-Мерена — Exposé de la réforme de l'Islamisme, commencée au 3-e siècle de l'hégire par Abou-l-Hasan Ali el-Aschàry et continuée par son école; avec des extraits du texte arabe d'Ibn-Asâkir; 2) Е. Эйтеля (изъ Китая)—Outlines of the History of Chinese Philosophy; 3) Дж. Чалмерза—Chinese Natural Theologie; 3) П. Горскаго-Платонова—„О славянскомъ переводѣ Псалтыря съ еврейскаго подлинника, сдѣланнаго въ XVIII столѣтіи архіепископомъ московскимъ и коломенскимъ Амвросіемъ Зертысь-Каменскимъ; 4) К. Тоттермана—Beitrag zu der Enstehungsgeschichte der biblischen Chronik des Peschita.

При представленіи вышеозначеннаго мемуара своего, А. фонъ-Меренъ изложилъ его содержаніе *.

---

* Мемуаръ этотъ напечатанъ во II-мъ томѣ „Трудовъ" Съѣзда, стр. 167—33°.

Вслѣдъ затѣмъ А. Дегубернатисъ изложилъ свой взглядъ на миѳологическую связь между сказаніями о сотвореніи міра, потопѣ и возрожденіи человѣчества, и на параллелизмъ существующій между космогоніями библейскою и индѣйскою.

Тутъ вошелъ на каѳедру г. Оппертъ. „Только-что хотѣлъ я повести рѣчь о клинчатомъ текстѣ, содержащемъ въ себѣ сказанія о потопѣ — сказалъ онъ — какъ получилъ сію минуту извѣстіе ошеломившее меня и опечалившее. Не далѣе какъ вчера вспоминалъ я объ Энебергѣ, погибшемъ мученикомъ науки въ Мосулѣ. И, вотъ, меня увѣдомляютъ о смерти Джорджа Смита. Вы понимаете какое тяжелое впечатленіе произвела на меня телеграмма въ своей краткости (Death of Georges Smith 19 Aug. Aleppo Confirmed), когда мнѣ подали ее въ ту минуту какъ я собрался говорить о текстахъ открытыхъ покойнымъ. — Дж. Смитъ не думалъ сначала посвятить себя наукѣ. Онъ былъ граверъ по профессіи. Гравируя клинчатыя надписи для сэръ Генри Ролинсона, онъ воспламенился страстью къ этимъ таинственнымъ письменамъ, и душою и тѣломъ отдался ихъ изученію. Успѣхъ увѣнчалъ его усилія. Одного сдѣланнаго имъ открытія пластинокъ о потопѣ достаточно чтобы имя его не погибло въ исторіи науки. У покойнаго было особое палеографическое чутье. Онъ одаренъ былъ большою проницательностію, позволявшею ему быстро схватывать характеристическія черты самыхъ различныхъ системъ письма. Я только-что намѣревался указать на различія въ его переводѣ съ моимъ. Теперь я долженъ отказаться отъ этого, изъ уваженія къ человѣку который, вдали отъ шестерыхъ дѣтей своихъ, палъ героемъ на полѣ научной битвы. Съ вашего позволенія, мм. гг., я умолчу о небольшомъ разногласіи моего перевода со Смитовымъ, и просто представлю Вамъ новый переводъ тѣхъ пластинокъ, открытіемъ которыхъ обязаны мы тому, чью безвременную кончину теперь оплакиваемъ“.

Теплыя слова эти Собраніе выслушало съ полнымъ сочувствіемъ.

Приступивъ, затѣмъ, къ дѣлу, г. Оппертъ сообщилъ обѣщанный свой, новый, переводъ клинописнаго сказанія о потопѣ, сопровождая его филологическими и историческими объясненіями. Между прочимъ онъ высказался противъ отождествленія Исдубара этого сказанія съ Немвродомъ Св. Писанія, и заявилъ, что, по его мнѣнію, Немвродъ не есть отдѣльное лицо, а олицетвореніе цѣлаго народа. Закончилъ г. Оппертъ благодарностію Собранію за благосклонный пріемъ оказанный всѣмъ его сообщеніямъ, благодарностію не только отъ своего имени, но и отъ имени французской науки, быть однимъ изъ представителей которой на настоящемъ съѣздѣ считаетъ онъ за честь.

В. Ѳ. Миллеръ, доцентъ Московскаго Университета, представивъ Собранію только-что вышедшій изъ типографіи трудъ свой подъ заглавіемъ «Очерки Арійской Миѳологіи», изложилъ главные результаты этого изслѣдованія. Въ первыхъ главахъ разбираетъ онъ нѣкоторые вопросы относящіеся до состоянія ведійской гражданственности и доказываетъ, что гражданственность эта далеко не можетъ быть названа первобытною, а, напротивъ того, представляетъ слѣды долговременнаго предшествовавшаго развитія. Обращаясь затѣмъ къ разсмотрѣнію миѳовъ, содержащихся въ ведійскихъ гимнахъ, онъ доказываетъ что эти миѳы не болѣе какъ обломки другихъ, древнѣйшихъ, и не только не могутъ служить къ разъясненію миѳовъ другихъ индо-европейскихъ народовъ, но еще отъ нихъ должны получить истолкованіе. Расположеніе обращать древнія, иногда забытыя божества — въ созвѣздія, существовало, по его мнѣнію, у Индѣйцевъ столько же какъ у Грековъ и Халдеевъ; созвѣздіе Діоскуровъ у Грековъ, и Асвиновъ (Асваюгамъ) у Индѣйцевъ отнюдь не свидѣтельствуетъ о первоначальномъ стеллярномъ значеніи этихъ божествъ-близнецовъ. Тотъ же типъ встрѣчается, по-видимому, въ халдейскомъ зодіакѣ, соотвѣтствуя маюіюню мѣсяцамъ, и является въ клинчатыхъ текстахъ подъ названіемъ Сиванъ, и нѣтъ никакихъ поводовъ къ сомнѣнію въ тождественности „близнецовъ" халдейскихъ съ „близнецами" индо-европейскими.

Слѣдующее сообщеніе сдѣлано было г. Либлейномъ — объ одномъ египетскомъ саркофагѣ, хранящемся въ музеѣ Имп. Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ. Референтъ уже описалъ его въ своемъ сочиненіи: Die ägyptischen Denkmäler in St.-Pétersbourg, Helsingfors, Upsala und Copenhagen, и отнесъ ко временамъ XIII-й египетской династіи.

Г. Боннель прочелъ свое изслѣдованіе о религіи Скиѳовъ.

Г. Науфаль повелъ рѣчь о мусульманской точкѣ зрѣнія на нѣкоторые экономическіе вопросы. «Эта часть философія Арабовъ— сказалъ онъ—представляется самымъ характеристичнымъ, самымъ оригинальнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самымъ несовершеннымъ произведеніемъ арабскаго духа». Взглядъ Арабовъ на способы разложенія налога на потребителей, изложенный референтомъ, является, по его мнѣнію, одною изъ любопытнѣйшихъ попытокъ къ разрѣшенію этой, одной изъ труднѣйшихъ задачъ политической экономіи. Если, съ практической точки зрѣнія, трудность эта и не преодолѣна мусульманскою наукою, то, по его мнѣнію, довольно уже и того для чести Арабовъ, и въ доказательство философской воспріимчивости ихъ сознанія, что они искали въ какихъ обстоятель-

ствахъ, какими способами и до какой степени могутъ быть потребители освобождены отъ налога на предметы необходимые для ихъ существованія. Законъ спроса и предложенія былъ, по словамъ референта, неизвѣстенъ Арабамъ, по крайней мѣрѣ они не разсматривали его въ качествѣ средства опредѣляющаго продажную цѣнность произведеній, иначе какъ въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаяхъ и, такъ сказать, безсознательно. Мнѣнія ихъ о цѣнности золота и серебра, кратко изложенные г. Науфалемъ, не соотвѣтствуютъ, по его мнѣнію, выводамъ современной экономической науки, видящей въ этихъ металлахъ товаръ, точно такъ же какъ и другіе, подчиненный закону спроса и предложенія. Сообщеніе свое закончилъ г. Науфаль указаніемъ на трудъ свой по мусульманскому законовѣдѣнію, и представленіемъ Собранію той части этого труда въ которой идетъ рѣчь о торговлѣ.

Заключилось засѣданіе обращеніемъ къ собранію г. Крылова, члена Миссіонерскаго Общества. „Вопросъ о переводѣ христіанскихъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ на восточные языки, съ цѣлію обращенія идолопоклонниковъ, былъ уже — сказалъ онъ -- обсуждаемъ много разъ. Тѣмъ не менѣе, имѣя въ виду что третья сессія Конгреса Орьенталистовъ посвящена, главнымъ образомъ, изученію Русской Азіи, пользуюсь случаемъ предложить слѣдующій вопросъ, чисто литературный:“ Книги означеннаго рода предназначаемыя къ распространенію между обращаемыми сибирскими язычниками должны-ли быть переводимы на языки литературные или на простонародныя нарѣчія?“ Монгольскій переводъ этихъ книгъ уже сдѣланъ: это результатъ постоянныхъ 27-лѣтнихъ трудовъ покойнаго архіепископа ярославскаго Нила, и, главнымъ образомъ, отца Николая Дорджеева, родомъ бурята, бывшаго прежде буддійскимъ ламою. Переведены слѣдующія книги: 1) Служебникъ, 2) Требникъ, 3) Ирмологъ, 4) Часословъ, 5) Постная Тріодь, 6) Цвѣтная Тріодь, 7) Службы на господскіе праздники, 8) Общая Минея, 9) Октоихъ, 10) Послѣдованіе на день Св. Пасхи, 12) Молитвословъ, и 12) Начатки христіанскаго ученія. Эти двѣнадцать книгъ уже отпечатаны; Евангелія-же и Дѣянія Апостоловъ лишь окончены переводомъ. Переведенныя такимъ образомъ книги печатались лишь по провѣркѣ перевода нашими профессорами монгольской словесности, гг. Поповымъ и Голстунскимъ. Впрочемъ, изданіе этихъ книгъ еще не совершенно окончено, да и распространеніе ихъ воспрещено вслѣдствіе вмѣшательства въ дѣло нашихъ миссіонеровъ, утверждающихъ что переводъ сдѣланъ на языкъ непонятный народонаселенію для котораго онъ назначенъ, т. е. для сибирскихъ Бурятъ. Но Буряты говорятъ нѣсколькими, столь

отличными одно отъ другаго нарѣчіями, что живущіе по сю сторону Байкала не понимаютъ живущихъ по ту. Буряты говорящіе нѣкоторыми изъ этихъ нарѣчій не знакомы даже съ искусствомъ письма, такъ что во многихъ случаяхъ переводчикъ вынужденъ былъ необходимостію прибѣгать къ коренному монгольскому языку. Все это доказываетъ, по-моему, что христіанскія священныя и богослужебныя книги должны быть переводимы на языкъ литературный, общій для всѣхъ отраслей одного и того же народа. По тому-то отецъ Николай Дорджеевъ, хотя и знакомый съ нѣсколькими бурятскими нарѣчіями, счелъ нужнымъ переводить означенныя книги на общій монгольскій языкъ. Въ интересахъ цивилизаціи и распространенія христіанской вѣры между язычниками, я и рѣшился, въ качествѣ члена Миссіонерскаго Общества, указать на необходимость продолжать изданіе книгъ переведенныхъ на монгольскій языкъ и снять воспрещеніе съ употребленія ихъ: для Бурятъ лучше имѣть священныя книги на этомъ языкѣ чѣмъ на славянскомъ, или-же чѣмъ не имѣть ихъ вовсе ни на какомъ языкѣ".

Въ разъясненіе этого вопроса г. Голстунскій представилъ Собранію особую записку.

Сообщеніе г. Махова о религіозныхъ системахъ у Японцевъ не могло быть выслушано, за позднимъ временемъ.

Засѣданіе закрылось въ часъ 20 минутъ.

Засѣданіе 28 августа было послѣднимъ спеціальнымъ засѣданіемъ Съѣзда.

На слѣдующій день, 29-го августа, въ 8 часовъ вечера имѣло мѣсто

ОБЗОРЪ

СОВЕРШЕННЫХЪ ВЪ РОССІИ ТРУДОВЪ

ПО

ВОСТОЧНОЙ НУМИЗМАТИКѢ

В. Г. Тизенгаузена

Почва Россіи, какъ извѣстно, болѣе всѣхъ другихъ европейскихъ государствъ, богата кладами восточныхъ, а именно мусульманскихъ монетъ, почти ежегодно открываемыми въ нѣдрахъ ея, въ большемъ или меньшемъ количествѣ. О значительныхъ размѣрахъ, до которыхъ доходятъ нѣкоторые изъ такихъ кладовъ, свидѣтельствуютъ извѣстныя находки: Великолуцкая (вѣсомъ въ 6—7 пудовъ), Муромская (11,077 экз.), Екатеринославская (14,350 экз.), Тетюшская (болѣе 10,000 экз.) и др. Монеты, заключающіяся въ нашихъ восточныхъ кладахъ, относятся, главнымъ образомъ, къ двумъ періодамъ времени: однѣ къ VII—XI, другія—къ XIII—XV столѣтіямъ нашего лѣтосчисленія. Вотъ почему изъ различныхъ отраслей восточной нумизматики у насъ преимущественно и разработаны: 1) отдѣлъ такъ называемыхъ куфическихъ монетъ, занесенныхъ къ намъ во время дѣятельныхъ торговыхъ сношеній сѣверо-восточной Европы съ мусульманскимъ востокомъ, и 2) отдѣлъ монетъ джучидскихъ, чеканенныхъ въ злополучную эпоху господства Золотой Орды.

Начало изученію того или другаго отдѣла положено было у насъ лейпцигскимъ оріенталистомъ Г. Я. Керомъ, который въ 1732 году, по приглашенію графа Остермана, поступилъ въ русскую службу при Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и, еще до пріѣзда своего, напечатавъ два, замѣчательныхъ для своего времени, нумизматическихъ трактата по восточной нумизматикѣ [1]), принялся въ 1735 году, по порученію Академіи Наукъ, за разборъ хранившейся въ Кунсткамерѣ груды (confuser Haufen) восточныхъ монетъ, большею частію собранныхъ, безъ сомнѣнія, по распоряженію Петра Великаго, изъ разныхъ кладовъ. Керъ горячо принялся за дѣло, но смерть, застигшая его въ 1740 году, не позволила ему окончить этотъ громадный трудъ. Плодомъ его занятій по этой части остался хранящійся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, вмѣстѣ съ другими рукописями Кера, огромный фоліантъ испещренный описаніемъ и оттисками разсмотрѣнныхъ имъ монетъ [2]). Само собою разумѣется, что по новости предмета, въ этомъ трудѣ Кера, также какъ и въ двухъ прежнихъ

нумизматическихъ сочиненіяхъ его, рядомъ съ нѣкоторыми весьма удачными толкованіями, встрѣчается не мало забавнѣйшихъ для нашего времени промаховъ.

Трудомъ Кера воспользовался, кажется, издатель вышедшаго въ 1745 году описанія „Палатъ Академіи Наукъ" или Museum Imperiale Petropolitanum, включивъ въ него краткій списокъ восточныхъ монетъ, хранившихся въ этомъ музеѣ [3]).

Со смертью Кера дальнѣйшій разборъ восточныхъ нумизматическихъ сокровищъ Кунсткамеры пріостановился до 1817 года [4]), когда за него принялся Френъ, хотя въ этотъ промежутокъ времени у насъ и были ученые, занимавшіеся восточною нумизматикою, какъ напримѣръ И. Шульце [5]), Ѳ. Байеръ [6]), П. Палласъ [7]), В. Гецель [8]) и Ю. Клапротъ [9]).

Френъ, съ самаго пріѣзда своего въ Россію, гдѣ онъ, въ 1807 году, какъ извѣстно, занялъ каѳедру восточныхъ языковъ при Казанскомъ университетѣ, пристрастился къ восточной нумизматикѣ и уже въ 1809 году издалъ въ Казани первый свой трудъ по этой части (о нѣкоторыхъ, большею частью неизданныхъ, саманидскихъ и бувейгидскихъ диргемахъ), который, за неимѣніемъ латинскаго шрифта въ тамошней типографіи, долженъ былъ напечатать на арабскомъ языкѣ [10]). Тамъ же онъ занялся описаніемъ восточной нумизматической коллекціи Пото, заключавшей въ себѣ преимущественно мусульманскія монеты, въ томъ числѣ и довольно много джучидскихъ [11]). О послѣднихъ онъ помѣстилъ также нѣсколько любопытныхъ замѣтокъ въ своихъ разсужденіяхъ о почетныхъ прозвищахъ золото-ордынскихъ хановъ [12]) и о происхожденіи русскаго слова «деньги» [13]). Затѣмъ двѣ большія статьи были посвящены имъ разсмотрѣнію вопроса о древнѣйшей (въ то время) Булгарской монетѣ [14]).

Всѣ эти замѣчательныя изслѣдованія, въ которыхъ Френъ прекрасно умѣлъ сочетать нумизматику съ вопросами историческими, географическими и филологическими, не могли не обратить на него вниманія ученаго міра, и потому въ 1817 году, когда Френу родной городъ его Ростокъ предложилъ занять тамъ профессору восточныхъ языковъ, наша Академія Наукъ, пользуясь пріѣздомъ его въ Петербургъ, пригласила его заняться разборомъ восточныхъ монетъ ея, за который Френъ хотѣлъ взяться еще въ 1807 году [15]).

Прельщенный возможностью всецѣло предаться одному изъ любимѣйшихъ занятій своихъ, Френъ не только охотно принялъ это предложеніе, но и навсегда остался въ Россіи. Благодаря знанію дѣла и неутомимому усердію Френа, работа быстро стала подвигаться впередъ и уже на слѣдующій годъ ему удалось издать об-

зоръ 4-хъ отдѣловъ всего собранія, заключавшихъ въ себѣ монеты халифскія, соффаридскія, саманидскія и газневидскія [16]), а три года спустя—краткій очеркъ какъ этихъ четырехъ, такъ и 24 другихъ отдѣловъ мухаммеданскихъ монетъ Академическаго минцкабинета [16a]), которыя, вмѣстѣ съ остальнымъ восточными монетами и древностями, рукописями и печатными книгами, принадлежащими Академіи, положили основаніе теперешнему Азіятскому Музею.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не упускалъ случая знакомиться съ восточными монетами, находившимися въ другихъ общественныхъ музеяхъ и въ собраніяхъ частныхъ лицъ и, такимъ образомъ, издалъ въ 1818—1823 годахъ описанія замѣчательнѣйшихъ мусульманскихъ монетъ изъ коллекцій Пфлуга [17]), графа Мантейфеля и Неѣлова [18]), Курляндскаго Общества Литературы и Искусства [19]), Императорскаго Эрмитажа [20]) и др.

Появленіе двухъ, изданныхъ около этого же времени, сочиненій о восточныхъ монетахъ Миланскаго Музея (Monete Cufiche dell' Museo di Milano. Milano, 1819) и коллекціи Майнони (Descrizione di alcune monete Cufiche. Milano, 1820) вызвало интересныя о нихъ рецензіи Френа, послужившія къ разъясненію нѣкоторыхъ спорныхъ пунктовъ [21]).

Замѣчательному кладу серебряныхъ куфическихъ монетъ, будто-бы найденному въ Крыму, въ окрестностяхъ древняго Херсонеса, и поступившему въ собраніе Шпревица въ Москвѣ, Френъ посвятилъ двѣ обширныя статьи [22]), въ которыхъ, между прочимъ, сообщилъ критическій сводъ извѣстныхъ въ то время аглебидскихъ и тагеридскихъ монетъ.

О двухъ другихъ кладахъ куфическихъ монетъ, найденныхъ въ Могилевской губерніи, онъ помѣстилъ краткія извѣстія въ Лейпцигской Литературной газетѣ [23]). Значительная доля монетъ одного изъ этихъ кладовъ поступила въ Азіятскій Музей, постепенно обогащавшійся и другими нумизматическими пріобрѣтеніями, о которыхъ Френъ печаталъ небольшія сообщенія то въ С.-Петербургскихъ нѣмецкихъ вѣдомостяхъ [24]), то въ журналѣ Парижскаго Азіятскаго Общества [25]), или въ упомянутой Лейпцигской газетѣ [26]).

Всѣ эти новыя приращенія задержали выходъ общаго каталога мухаммеданскихъ монетъ Музея до 1826 года, въ которомъ, наконецъ, появилась извѣстная Recensio [27]), составляющая эпоху въ исторіи восточной нумизматики и сдѣлавшаяся настольною книгою и однимъ изъ главныхъ пособій для занимающихся изученіемъ мусульманскихъ монетъ. «Сочиненіе это», какъ справедливо замѣтилъ пок. Савельевъ въ статьѣ своей «О жизни и ученыхъ трудахъ Френа», «открывъ ученому міру богатѣйшее изъ существующихъ

собраній восточныхъ монетъ, въ тоже время было представителемъ современнаго состоянія науки восточно-нумизматической. Оно показало, до какой полноты, точности и опредѣлительности доведена была въ Россіи, трудами одного ученаго, эта наука, дотолѣ представлявшая столь много темнаго, загадочнаго и безплоднаго».

Одинъ изъ небезосновательныхъ упрековъ, дѣлаемыхъ Френу за его Recensio, заключается въ томъ, что онъ въ ней, также какъ и въ другихъ своихъ нумизматическихъ трудахъ, не обратилъ вниманія на метрологическую часть, т. е. не указалъ вѣса описанныхъ имъ монетъ. Френъ самъ хорошо сознавалъ это, но какъ-то неохотно принимался за эту работу. «Restabat (говоритъ онъ въ предисловіи къ Recensio, стр. XXXI), ut singulos apparatus hujus numos integriores ad certum pondus examinarem. At nescio quomodo animum ab hujius generis occupatione prorsus alienum nondum vincere potui et inducere ad hoc quoque pensum molestissimum peragendum. Neutiquam tamen caussae huic gravissimae deero. In Prolegomenis ad sequentia operis Volumina habebis et quaestiones hoc de argumento diligentissimas et tabulas ponderis numorum comparativas quam accuratissime confectas». Къ сожалѣнію, ему не удалось издать ни этихъ Пролегоменъ, ни палеографическо-филологическо-историческаго комментарія и рисунковъ, которые онъ хотѣлъ помѣстить въ слѣдующихъ томахъ своей Recensio.

Изъ современныхъ статей, посвященныхъ разбору этого капитальнаго труда, мы отмѣтимъ тутъ только рецензію пок. О. И. Сенковскаго [28]), незадолго передъ тѣмъ напечатавшаго двѣ статьи о бухарскихъ и коканскихъ монетахъ [29]).

Сенковскимъ-же написанъ разборъ [30]) другаго замѣчательнаго сочиненія Френа—о золото-ордынскихъ монетахъ, которое послѣднимъ было составлено еще въ Казани, но вышло лишь въ 1832 году [31]) и, вмѣстѣ съ описаніемъ джучидскихъ монетъ, помѣщеннымъ въ Recensio, положило прочное основаніе изученію нумизматики золото-ордынскаго царства.

Нѣсколько критическихъ замѣтокъ на Френовъ трудъ о монетахъ хановъ улуса Джучіева напечаталъ бывшій проф. Петербургскаго университета, пок. Ф. Ф. Шармуа [32]). Этотъ ученый занялся также разборомъ описанія джучидскихъ и персидскихъ монетъ [33]), заключающагося во второмъ томѣ объемистаго, но безполезнаго для науки, сочиненія пок. проф. Ф. И. Эрдмана о восточномъ минцкабинетѣ Казанскаго университета [34]), сочиненія, панданомъ котораго можетъ служить столь-же неудачное описаніе мусульманскихъ монетъ того-же минцкабинета, составленное проф. И. Н. Березинымъ [35]) Краткій очеркъ этой нумизматической коллекціи былъ

изданъ Эрдманомъ уже въ 1826 году [36]), но такъ неудовлетворительно, что Френъ, въ избѣжаніе критики, на которую, эта книга вызываетъ на каждомъ шагу, не находилъ возможнымъ ссылаться на нее [37]). Тѣмъ безпощаднѣе онъ осмѣялъ новое произведеніе Эрдмана въ небольшой брошюрѣ, изданной подъ псевдонимомъ Адернсона [38]).

Не смотря впрочемъ на полнѣйшее фіаско, которое потерпѣли нумизматическія дѣтища Эрдмана, авторъ ихъ еще долго не переставалъ подвизаться на этомъ поприщѣ, но большею частью столь-же неудачно, какъ и прежде [39]).

Управившись съ изслѣдованіемъ монетъ монгольскихъ хановъ, властвовавшихъ въ Россіи, Френъ обратился къ нумизматическимъ памятникамъ Монголовъ, владѣвшихъ Персіею, и издалъ въ 1834 году обстоятельную монографію о монетахъ такъ-называемыхъ Ильханидовъ или Гулагуидовъ, къ которой присоединилъ еще описаніе разныхъ неизданныхъ мусульманскихъ монетъ Харьковскаго университета и Петербургскаго Института Восточныхъ языковъ [40]).

Три года спустя имъ была составлена, напечатанная въ 1840 году, первая часть другой обширной монографіи—о неизданныхъ халифскихъ монетахъ, указывавшая, между прочимъ, на тогдашніе (съ тѣхъ поръ во многомъ пополненные) пробѣлы мухаммеданской нумизматики въ видѣ двухъ конспектовъ, содержащихъ перечень 109 династій, монеты которыхъ въ то время уже были извѣстны, и 105 династій, отъ которыхъ до насъ тогда еще не дошло монетъ [41]).

Но занимаясь спеціальною разработкою нѣкоторыхъ, наиболѣе интересовавшихъ его, отдѣловъ мухаммеданской нумизматики, Френъ не упускалъ случая знакомить ученыхъ и съ разными мелкими открытіями своими по другимъ частямъ ея. Такимъ образомъ явились его замѣтки о кладѣ куфическихъ монетъ, найденномъ въ Тульской губерніи [42]), о восточномъ минцкабинетѣ Харьковскаго университета, который въ 1829 году пріобрѣлъ превосходную коллекціею Шпревица [43]), о денежной контрибуціи, уплаченной Персіей Россіи по Туркманчайскому миру, и о значительномъ собраніи персидскихъ монетъ, отобранномъ изъ этой контрибукціи для Азіятскаго музея [44]), о трехъ монетахъ Волжскихъ Булгаръ [45]), и о нѣкоторыхъ монетахъ Аббаса-Мирзы, Фетхъ-Али и др. [46]).

Съ 1836 года, когда началъ выходить Бюллетень Академіи Наукъ, Френъ сталъ помѣщать въ немъ разныя, болѣе или менѣе обширныя, статьи и замѣтки по части мухаммеданской нумизматики [47]); изъ нихъ однѣ посвящены изслѣдованію новыхъ видовъ мусульманскихъ монетъ, которыя онъ открывалъ либо у частныхъ

лицъ, либо въ общественныхъ хранилищахъ, какъ, напримѣръ, у г. Фукса [48]), въ музеѣ Московскаго университета [49]), у графа С. Г. Строганова [50]), у маіора Шига, викарія Гангарта, пастора Рана и неизвѣстнаго лица въ Штекборнѣ [51]), въ минцкабинетѣ Института Восточныхъ языковъ [52]), въ коллекціи восточныхъ монетъ Кіевскаго университета [53]), у г. Бозе, въ Лейпцигѣ [54]), въ Императорскомъ Эрмитажѣ [55]), и въ Ростокскомъ университетѣ [56]). Остальныя замѣтки служатъ къ исправленію нѣкоторыхъ ошибокъ прежнихъ изслѣдователей, напр. Лелевеля, [57]), Эттера [58]), Каваниллеса [59]) и другихъ [60]), или къ разъясненію разныхъ спорныхъ вопросовъ, какъ-то: о загадочной ортокидской монетѣ [61]), о годѣ смерти имама Али-Риза и монетахъ его [62]), о древнѣйшихъ монетахъ династіи Сефи [63]) и о монетахъ послѣдняго Харезмъ-шаха, чеканенныхъ въ Грузіи [64]). Затѣмъ Френъ постоянно помѣщалъ въ Бюллетенѣ сообщенія о новыхъ нумизматическихъ пріобрѣтеніяхъ Азіятскаго Музея [65]) и доходившихъ до него кладахъ куфическихъ монетъ [66]). Зорко слѣдя за открытіями такихъ кладовъ и сознавая всю важность, какое имѣетъ для древнѣйшаго періода Русской исторіи точное указаніе какъ мѣстъ нахожденія, такъ и содержанія ихъ, онъ напечаталъ въ 1841 году, въ томъ-же Бюллетенѣ, составленный по примѣру Ледебура [67]), топографическій обзоръ находокъ куфическихъ монетъ въ 39 различныхъ мѣстностяхъ Россіи, съ хронологическимъ и географическимъ опредѣленіемъ этихъ кладовъ и съ краткимъ изложеніемъ своихъ соображеній о томъ, какъ и когда эти монеты зашли въ Россію [68]). Дополненіями къ этому топографическому обзору служатъ его описанія двухъ подобныхъ-же кладовъ, открытыхъ въ Эстляндіи [69]) и въ Харьковской губерніи [70]).

Къ числу послѣднихъ нумизматическихъ трудовъ Френа, къ которымъ относятся и предыдущія двѣ статьи, принадлежатъ еще опредѣленія нѣкоторыхъ восточныхъ монетъ Митавскаго музея [71]) и описаніе трехъ кладовъ золото-ордынскихъ монетъ, найденныхъ въ губерніяхъ: Саратовской [72]), Оренбургской [73]) и Орловской [74]).

Длинный рядъ перечисленныхъ нами разнообразныхъ изслѣдованій Френа по части мухаммеданской нумизматики, одинъ уже доказываетъ, какой богатый матеріалъ находился въ его распоряженіи (черезъ руки его прошло до трехъ милліоновъ мусульманскихъ монетъ) и какъ усердно онъ воспользовался имъ. Если мы затѣмъ примемъ въ соображеніе, что его мастерскіе труды послужили путеводителями для дальнѣйшей разработки этой отрасли знаній и что въ оставленныхъ имъ рукописныхъ матеріалахъ кроется еще громадный запасъ самыхъ драгоцѣнныхъ свѣдѣній по

этому предмету, то нельзя не согласиться, что Френа справедливо называютъ основателемъ, главою или княземъ мухаммеданской нумизматики, съумѣвшимъ сдѣлать ее одною изъ главныхъ вспомогательныхъ наукъ исторіи Востока.

Усерднымъ сотрудникомъ и продолжателемъ работъ Френа по мухаммеданской нузмизматикѣ, является,преемникъ его по управленію Азіатскимъ Музеемъ, академикъ Б. А. Дорнъ, съ другими нумизматическими трудами котораго мы познакомимся ниже. Первымъ опытомъ его по этой части, сколько мнѣ извѣстно, была напечатанная въ 1873 году статья о нѣкоторыхъ восточныхъ монетахъ Кіевскаго университета [75]). Принявъ отъ Френа Азіатскій Музей въ 1842 году и подробно изложивъ въ своемъ описаніи этого хранилища [76]) исторію образованія нумизматическаго отдѣла его, онъ неоднократно сообщалъ въ Академическомъ Бюллетенѣ краткія извѣстія о дальнѣйшихъ приращеніяхъ, которыми минцкабинетъ Музея обогащался отъ времени до времени [77]). Кромѣ того онъ помѣстилъ въ журналѣ Нѣмецкаго Восточнаго Общества небольшую статью о зеренджскихъ монетахъ [78]).

Имъ-же изданъ, въ 1855 году, первый томъ посмертныхъ нумизматическихъ трудовъ Френа, заключающій въ себѣ Прибавленія къ Френовой Recensio или каталогъ монетъ, поступившихъ въ Азіатскій Музей со времени изданія Recensio до 1855 года [79]). Въ этомъ трудѣ заключаются также Additamenta самаго издателя.

Къ сожалѣнію съ тѣхъ поръ, т. е. въ теченіи 20 слишкомъ лѣтъ, не явилось продолженія этого изданія, нетерпѣливо ожидаемаго почитателями Френовыхъ трудовъ.

Упомянутое выше сочиненіе Френа о мѣстахъ нахожденія куфическихъ монетъ въ Россіи, побудило двухъ оріенталистовъ, сотоварищей по университету, проф. В. В. Григорьева и пок. П. С. Савельева, заняться дальнѣйшею разработкою этого вопроса, и, говоря словами перваго, «ревностно и усердно проповѣдывать о важности для древнѣйшей отечественной исторіи топографическаго опредѣленія кладовъ съ восточными монетами, отрываемыми безпрестанно на пространствѣ Имперіи».

Г. Григорьевъ, который въ 1841 году небольшою брошюрою о кладѣ куфическихъ монетъ, найденномъ въ Рязанской гберніи [80]) заявилъ о своемъ знакомствѣ съ восточною нумизматикою — это былъ первый самостоятельный трудъ по этой наукѣ, изданный на русскомъ языкѣ — помѣстилъ на слѣдующій годъ, въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, извлеченіе изъ упомянутыхъ статей Ледебура и Френа относительно топографіи кладовъ съ разными дополненіями и съ чрезвычайно убѣдительнымъ

изложеніемъ главныхъ результатовъ, къ которымъ приводитъ изученіе этихъ кладовъ [81]). Впослѣдствіи имъ напечатана еще, какъ дальнѣйшій матеріалъ для топографіи кладовъ, краткая замѣтка о нѣсколькихъ куфическихъ монетахъ, найденныхъ неподалекý отъ Пскова [82]).

Пок. Савельевъ, который уже съ 1839 года, подъ руководствомъ Френа, сталъ заниматься дешифровкою восточныхъ монетъ и, по просьбѣ его, перевелъ на русскій языкъ, упомянутые два трактата Ледебура и Френа [83]), мало по малу такъ заинтересовался затронутымъ въ нихъ вопросомъ, что въ 1844 году сообщилъ Академіи Наукъ замѣтку о 15 новыхъ находкахъ куфическихъ монетъ въ Россіи [84]), а два года спустя издалъ первый, и къ сожалѣнію единственный, томъ своей «Мухаммеданской нумизматики въ отношеніи русской исторіи» [85]). Подробно и отчетливо изложивъ въ этомъ превосходномъ трудѣ историческое значеніе восточныхъ монетъ арабскаго чекана, VII, VIII, IX, X и XI столѣтій, находимыхъ въ Россіи и при-балтійскихъ странахъ, авторъ присоединилъ къ нему переводъ обоихъ изслѣдованій Френа и Ледебура, со множествомъ своихъ дополненій [86]), и карту сѣверо-восточной Европы съ указаніемъ мѣстностей, гдѣ найдены клады съ куфическими монетами. Академія наукъ, основываясь на разборѣ составленномъ объ этой книгѣ акад. Устряловымъ и Дорномъ [87]), присудила автору ея половинную Демидовскую премію. Изъ другихъ рецензій на это сочиненіе Савельева, мы укажемъ тутъ только на статью И. Н. Березина [88]) и на составленный, по указанію В. В. Григорьева, подробный разборъ, изъ котораго позволяемъ себѣ привести слѣдующія заключительныя слова: «Авторъ пересмотрѣлъ всѣ источники, въ которыхъ могло находиться что-либо касающееся до торговли сѣверо-востока Европы въ VIII—XI столѣтіяхъ, извлекъ все, что было дѣльнаго объ этомъ предметѣ и замѣткахъ объ немъ, разсѣянныхъ у Френа, Расмуссена, Штюве и другихъ, обо всемъ этомъ передумалъ, все это переработалъ въ своей головѣ, и потомъ изложилъ ясно, просто, отчетливо, чистымъ и правильнымъ языкомъ, какимъ пишетъ мало кто изъ нашихъ ученыхъ: вышла книга о древней торговлѣ Россіи съ востокомъ и при-балтійскими народами, замѣняющая все, что было писано доселѣ объ этомъ въ Европѣ, и прибавившая къ извѣстному прежде множество свѣжихъ взглядовъ, свѣтлыхъ соображеій и основательныхъ догадокъ; книга, приносящая честь нашей литературѣ, и которая принята была-бы съ почетомъ во всѣхъ, если-бы вмѣсто Русскаго, написана была на Французскомъ, Нѣмецкомъ или Англійскомъ».

Продолжая слѣдить за дальнѣйшими находками куфическихъ монетъ и указавъ въ рѣчи, произнесенной въ одномъ изъ первыхъ засѣданій Археологическо-Нумизматическаго Общества, на важность изученія восточной нумизматики въ Россіи [90]), Савельевъ напечаталъ цѣлый рядъ извѣстій о подобныхъ кладахъ, найденныхъ въ губерніяхъ; Кіевской [91]), Владимірской [91a]), Вологодской [92]), Московской [93]), Псковской [94]) Лифляндской [95]), Казанской [96]), Рязанской [97]), Тульской [98]), Олонецкой [99]), Самарской [100]), и въ Кубанской области [101]).

Указанію мѣстъ нахожденія и описанію кладовъ съ куфическими монетами содѣйствовали еще пок. А. Ганзенъ [102]), пок. Г. Гейтлинъ [103]), которому восточная нумизматика обязана, кромѣ того, тщательно составленнымъ каталогомъ восточныхъ монетъ Гельсингфорскаго университетскаго минцкабинета [104]), М. И. Броссе [105]), И. А. Бартоломей [105a]) А. Ѳ. Лихачевъ [106]) и авторъ предлежащаго очерка [107]), составившій также новую топографическую карту кладовъ съ куфическими монетами въ Россіи [108]), и издавшій двѣ монографіи о монетахъ, наиболѣе другихъ встрѣчающихся въ этихъ кладахъ, т. е. саманидскихъ [109]) и халифскихъ [110]), Къ первой изъ этихъ монографій Савельевъ присоединилъ еще свои Дополненія [110a]), изъ которыхъ нѣкоторыя имъ были помѣщены также въ Академическомъ Бюллетенѣ [110б]).

Рядомъ съ изслѣдованіемъ куфическихъ монетъ шла весьма дѣятельно разработка золотоордынской нумизматики, благодаря также, главнымъ образомъ, трудамъ В. В. Григорьева и П. С. Савельева.

Напечатавъ сперва небольшую статью о джучидскихъ монетахъ, принадлежащихъ Одесскому Обществу Исторіи и Древностей [111]), г. Григорьевъ издалъ потомъ описаніе двухъ значительныхъ кладовъ такихъ монетъ, найденныхъ: одинъ — въ развалинахъ Сарая [112]) — описаніе это, заключавшее въ себѣ до 50 новыхъ видовъ, Савельевъ справедливо призналъ важнѣйшимъ пріобрѣтеніемъ для джучидской нумизматики послѣ изданія сочиненія Френа"—другой, содержавшій 27 неизданныхъ видовъ, въ предѣлахъ Внутренней Киргизской Орды [113]).

Савельеву, сообщившему нѣсколько замѣтокъ о джучидскихъ монетахъ, найденныхъ въ губерніяхъ Саратовской [114]), Оренбургской [115]), Астраханской [116]), Симбирской [117]), Казанской [118]), Владимірской [119]), Кіевской [120]), Харьковской [121]), Московской [122]), удалось разсмотрѣть два упомянутыхъ въ самомъ началѣ этого очерка, огромныхъ клада золотоордынскихъ, синеордынскихъ, джелаиридскихъ и джагатайскихъ монетъ, которые открыты были

въ 1851 году въ Екатеринославской губерніи, въ Александровскомъ уѣздѣ, и въ 1856 году—въ Казанской губерніи, близъ Тетюшъ [123]). Описаніе этихъ двухъ замѣчательныхъ кладовъ (къ нему присоединено еще объясненіе многихъ неизданныхъ джучидскихъ монетъ изъ разныхъ частныхъ коллекцій) составило превосходную монографію, которая, уже по одному богатству новаго матеріала (573 вида), заключающагося въ ней, заняла одно изъ первыхъ мѣстъ между сочиненіями по восточной нумизматикѣ [124]). Къ сожалѣнію смерть не позволила Савельеву окончить этотъ превосходный трудъ, послѣдній отдѣлъ котораго долженъ былъ содержать общіе выводы, добытые авторомъ изъ золотоордынской нумизматики по части метрологіи, исторіи и географіи. Мы вправѣ надѣяться, что этотъ пробѣлъ будетъ пополненъ В. В. Григорьевымъ, лучшимъ въ настоящее время знатокомъ джучидской нумизматики, принявшимъ на себя обработку этого отдѣла для международнаго изданія Марсденовыхъ Numismata Orientalia.

Кромѣ академической рецензіи [125]), на основаніи которой Савельеву и за этотъ послѣдній трудъ была присуждена Демидовская премія, болѣе обстоятельный разборъ его, содержащій вмѣстѣ съ тѣмъ краткую исторію золотоордынской нумизматики, напечаталъ г. Григорьевъ [126]), справедливо замѣтившій, что это сочиненіе Савельева „принадлежитъ къ немногимъ произведеніямъ Русской науки, которыми мы можемъ похвалиться передъ ученымъ міромъ".

Къ трудамъ П. С. Савельева, по части джучидской нумизматики, относятся еще его объясненіе монеты съ именемъ Пуладъ-Тимура [126а]) и замѣтка о монетахъ съ именемъ Тимура и словомъ экемену [126б]). Описаніемъ золотоордынскихъ монетъ, кромѣ того, занимались у насъ еще Г. С. Саблуковъ [127]), В. К. Савельевъ [128]) и А. Ѳ. Лихачевъ [129]). Пишущимъ эти строки сообщены замѣтки о нѣкоторыхъ кладахъ джучидскихъ монетъ, найденныхъ въ губерніяхъ: Астраханской, Симбирской и Курской [130]).

О монетахъ Крымскихъ хановъ у насъ пока еще нѣтъ обстоятельной монографіи. Отрывочныя свѣдѣнія о нихъ мы встрѣчаемъ въ Трудахъ Френа [131]), Григорьева [132]) и Савельева [133]). Они же описали нѣсколько генуэзско-крымскихъ монетъ [134]), которыми у насъ занимались еще Н. Н. Мурзакевичъ [135]), графъ К. Свидзинскій [136]), проф. В. Юргевичъ [137]) и Б. В. Кене [137а]).

Кладъ золотыхъ монетъ такъ называемыхъ Патанскихъ султановъ, найденный въ развалинахъ Сарая, вызвалъ интересное изслѣдованіе В. В. Григорьева по этому предмету [138]). О другой находкѣ золотыхъ патанскихъ монетъ, сдѣланной въ развалинахъ

Болгаръ, сообщены были краткія извѣстія мною [139]) и А. Ѳ. Лихачевымъ [140]).

Торговыя и политическія сношенія наши съ средне-азіятскими владѣніями также не остались безъ пользы для восточной нумизматики. За передовыми, по этой части, изслѣдованіями Френа [141]) и Сенковскаго [142]), являются труды В. В. Григорьева [143]) Н. В. Ханыкова [144]), Б. А. Дорна [145]), П. С. Савельева [146]), П. И. Лерха [147]) и въ особенности В. В. Вельяминова-Зернова [148]).

Послѣднему мухаммеданская нумизматика обязана еще изслѣдованіемъ о двухъ монетахъ испанской династіи Насридовъ [149]), уже выходящимъ изъ того спеціальнаго круга трудовъ, который выпалъ на долю русскихъ изслѣдователей. Къ такого рода исключеніямъ относятся также, кромѣ разныхъ упомянутыхъ уже выше статей Френа и Дорна, замѣтки Савельева о нѣкоторыхъ новѣйшихъ монетахъ мусульманской Азіи [150]), о медали Аудскаго набоба Гази-Гайдера [151]), о клеймахъ съ арабскими письменами на монетахъ византійскихъ императоровъ [152]), о половецкихъ монетахъ [152]).

По рукописнымъ матеріаламъ, найденнымъ въ бумагахъ пок. Савельева, мнѣ удалось издать еще довольно большой перечень замѣтокъ о наиболѣе замѣчательныхъ восточныхъ монетахъ, разсмотрѣнныхъ имъ въ разное время [153]).

Въ 1875 году мною помѣщено было въ Брюссельскомъ нумизматическомъ журналѣ извлеченіе изъ этой статьи, вмѣстѣ съ нѣкоторыми замѣтками изъ рукописныхъ трудовъ Френа, и описаніемъ нѣсколькихъ неизданныхъ мухаммеданскимъ монетъ, которыя въ послѣдніе годы прошли чрезъ мои руки [154]).

М. И. Броссѐ, вступившій въ 1851 году въ завѣдываніе отдѣломъ восточныхъ монетъ Имераторскаго Эрмитажа, отъ времени до времени сообщаетъ краткія извѣстія о наиболѣе интересныхъ приращеніяхъ этого богатаго минцкабинета, [155]).

Владѣлецъ одной изъ замѣчательнѣйшихъ частныхъ коллекцій мусульманскихъ монетъ, князь А. Г. Гагаринъ, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, издалъ только небольшую статью о нѣкоторыхъ халифскихъ монетахъ своего собранія [156]).

Нельзя также не пожалѣть, что другой знатокъ мухаммеданскихъ монетъ, Н. В. Ханыковъ, напечатавшій нѣсколько интересныхъ замѣтокъ по этой части [157]), по-видимому прекратилъ свои занятія восточною нумизматикою.

Пок. И. А. Бартоломей, о трудахъ котораго по грузинской, сассанидской и другимъ отраслямъ восточной нумизматики, будетъ сказано ниже, удѣлялъ свои досуги изученію мухаммеданскихъ мо-

нетъ. Объ описаніи клада, найденнаго около Тифлиса, уже упомянуто выше [158]). Въ 1858 году онъ сообщилъ Петербургскому Археологическому Обществу краткое извѣстіе о 500 джелаиридскихъ монетахъ, найденныхъ близь береговъ Гёкчайскаго озера [159]), а на слѣдующій годъ—замѣтку о сельджукскихъ монетахъ съ именемъ Алушъ-Бека [160]), вызвавшую возраженіе со стороны г. Григорьева [161]). За тѣмъ, въ теченіи 1859—1864 годовъ, имъ напечатаны четыре письма на имя Ф. Сорѐ, о множествѣ неизданныхъ мусульманскихъ монетъ, пріобрѣтенныхъ имъ въ разное время на Кавказѣ и въ Персіи [162]).

Упомянувъ еще о трудахъ О. Блау [162a]), К. Воронкевича Басанца [163]) и г. Де-Сенъ-Тома [164]) и о замѣткѣ М. А. Гамазова [164a]), мы разстаемся съ изслѣдованіями о мухаммеданскихъ монетахъ и переходимъ къ трудамъ по части грузинской нумизматики. Во главѣ ихъ являются три статьи М. И. Броссѐ [165]), подготовившія сочиненіе нумизмата-аматера (какъ называетъ себя самъ авторъ его), князя М. П. Баратаева [166]), которое издано на русскомъ, французскомъ и грузинскомъ языкахъ и заключаетъ въ себѣ богатый матеріалъ для дальнѣйшей разработки грузинской нумизматики, „представивъ впервые, въ вѣрныхъ рисункахъ, возможно полный рядъ монетъ. чеканенныхъ въ Грузіи, до тѣхъ поръ мало или вовсе неизвѣстныхъ или необъясненныхъ. По необработанности и трудности предмета, авторъ, не вполнѣ знакомый со всѣми требованіями современной науки, впадалъ нерѣдко въ ошибки, увлекался въ своихъ выводахъ за предѣлы осторожнаго наведенія, но тѣмъ не менѣе сдѣлалъ много открытій въ чтеніи монетъ, пояснилъ нѣкоторыя хронологическія запутанности, и вообще проложилъ путь къ изученію монетъ Грузіи“ [166a]). Въ уваженіе доводовъ, изложенныхъ М. И. Броссѐ въ разборѣ этой книги [167]), Академія наукъ удостоила ее весьма почетнаго отзыва. При этой рецензіи, г. Броссѐ сообщилъ новый обзоръ грузинской нумизматики, и описаніе нѣсколькихъ неизданныхъ монетъ. Мнѣнія, высказанныя имъ при этомъ относительно классификаціи грузинскихъ монетъ сассанидскаго чекана, встрѣтили возраженія со стороны И. А. Бартоломея и побудили послѣдняго предложить новую классификацію [168]), которая вызвала оживленную полемику между г. Броссѐ, съ одной стороны [169]), и гг. Бартоломеемъ, Сабатьѐ и Савельевымъ съ другой [170]). Переселеніе на Кавказъ дало Бартоломею возможность сдѣлать на мѣстѣ много новыхъ открытій по части грузинской нумизматики и представить о нихъ цѣлый рядъ любопытныхъ и остроумныхъ соображеній, которыя изложены отчасти въ Академическомъ Бюлле-

тенѣ [171]), отчасти въ Сборникѣ нумизматическихъ и археологическихъ писемъ его, изданномъ Академіею Наукъ, по предложенію и съ предисловіемъ г. Броссѐ [172]).

Кромѣ того, г. Бартоломей напечаталъ небольшую статью о монетахъ Георгія VII и Константина II [173]), а г. Броссѐ замѣтки о двухъ серебряныхъ монетахъ Баграта VI, и о неизданной сельджуко-грузинской монетѣ [173a]) и подробный разборъ изданнаго пок. французскимъ нумизматомъ Ланглуа «Опыта классификаціи грузинскихъ монетъ» [174]).

Изученіемъ армянскихъ монетъ занимались у насъ, сколько мнѣ извѣстно, только М. И. Броссѐ, издавшій въ 1839 году особую монографію о нихъ [175]), и Б. В. Кене [175a]).

Тѣмъ болѣе посчастливилось въ Россіи сассанидскимъ монетамъ, къ которымъ я присоединяю тутъ и двуязычныя сассанидско-арабскія монеты. Начиная съ трудовъ Френа [176]), мы встрѣчаемъ длинный рядъ изслѣдованій Б. А. Дорна [177]), къ сожалѣнію въ трудахъ своихъ слишкомъ строго придерживающагося любимаго девиза „nonum prematur in annum“, П. С. Савельева [178]) Н. В. Ханыкова [179]) и И. А. Бартоломея [180]), успѣвшаго составить одну изъ богатѣйшихъ коллекцій сассанидскихъ монетъ.

Смерть застигла послѣдняго въ то время, когда онъ собирался издать вмѣстѣ съ г. Дорномъ обширное сочиненіе о сассанидской нумизматикѣ, для котораго уже почти окончательно изготовлены были тридцать двѣ таблицы рисунковъ, изображающихъ 500 замѣчательнѣйшихъ монетъ его собственнаго превосходнаго собранія. Таблицы эти, съ краткой біографіей Бартоломея, изданы г. Дорномъ на счетъ Академіи наукъ въ 1873 году [161]). Въ небольшой замѣткѣ, которую издатель присовокупилъ отъ себя къ этой автобіографіи, онъ говоритъ: „Генералъ Бартоломей былъ одаренъ необыкновенною проницательностію въ дешифровкѣ надписей, даже самыхъ трудныхъ. Ошибался онъ очень рѣдко, и въ этомъ отношеніи я ставлю его въ числѣ первыхъ нумизматовъ, занимавшихся сассанидскою нумизматикою. Дешифровки его тѣмъ болѣе были важны и заслуживали довѣрія, что основывались на графическихъ данныхъ, а не были результатомъ предвзятаго мнѣнія“.

Книга эта разошлась такъ скоро, что уже черезъ два года потребовалось второе изданіе; въ немъ еще помѣщены отзывы объ ней извѣстнаго знатока сассанидской нумизматики, А. Д. Мордтманна, и нѣсколько замѣтокъ г. Дорна, изъ которыхъ мы узнаемъ, между прочимъ, что коллекція Бартоломея пріобрѣтена княземъ А. Шаховскимъ, за 20,000 руб. сер.

Перечисленными выше изслѣдованіями Бартоломея не ограничилась однако-же нумизматическая дѣятельность его. Онъ посвящалъ ее также изученію монетъ арсакидскихъ [182]), вавилонскихъ [183]) и бактріянскихъ [184]).

По части бактріянской нумизматики мы должны упомянуть еще о трудахъ пок. акад. Е. Е. Кёлера [185]) и проф. В. В. Григорьева, которому восточная нумизматика обязана также розысканіями объ индо-скиѳскихъ монетахъ [186]).

Китайскими и японскими монетами занимались у насъ пок. от. Іакинѳъ [187]), баронъ С. И. Шодуаръ [188]), З. Ѳ. Леонтьевскій [189]), В. П. Васильевъ [190]) и И. В. Маховъ [191]).

Акад. А. А. Шифнеромъ описаны: непальскія, ассамскія и цейлонскія монеты Азіятскаго Музея [192]).

Составленное В. П. Васильевымъ описаніе нѣсколькихъ неизданныхъ тибетскихъ монетъ, читанное имъ въ одномъ изъ изданій Восточнаго Отдѣленія Археологическаго Общества [193]), сколько мнѣ извѣстно, осталось неизданнымъ.

10 апрѣля 1876 г.

Приписка отъ 12-го декабря 1877 года. Со времени составленія этого „Обзора", который былъ приготовленъ мною къ третьему Международному Съѣзду оріенталистовъ, вышли еще: весьма тщательно составленный докторомъ О Блау каталогъ восточныхъ монетъ въ музеѣ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, особенно богатомъ монетами Крымскихъ Гиреевъ [194]), и давно ожидаемый (см. стр. 7), но очень неумѣло изданный акад. Дорномъ, второй томъ посмертныхъ нумизматическихъ трудовъ Френа [195]), содержащій замѣтки послѣдняго на разныя сочиненія по части восточной нумизматики, въ томъ числѣ и перепечатку двухъ, упомянутыхъ выше (стр. 3), рецензій его на сочиненія графа Кастиліоне и Скіепати о монетахъ Миланскаго музея и коллекціи Майнони.

За тѣмъ, на означенномъ Съѣздѣ орьенталистовъ, еще были сдѣланы слѣдующія краткія сообщенія по восточной нумизматикѣ: П. И. Лерхомъ—о монетахъ древнихъ Бухарскихъ властителей [196]); проф. В. Лагусомъ—о куфическихъ монетахъ, найденныхъ въ Финляндіи [197]), и проф. Фолькомъ—о восточныхъ монетахъ, хранящихся въ Дерптѣ [198]).

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Monarchiae Asiatico-Saracenicae Status, qualis VIII. et IX. post Christum natum seculo fuit, ex nummis argenteis prisca Arabum scriptura kufica, a monarchis arabicis Al-Mansor, Harun Raschid, Al-Mamon, aliisque in metropolibus Chaldaeae, Persiae, Transoxanaeque cusis, et nuper in littore maris Balthici prope Gedanum effossis, illustratus a M. Georgio Jacobo Kehr, Sleusinga-Franco orientali. Lipsiae, 1724. fol.—Monarchae Mogolo-Indici, vel Mogolis Magni Aureuk Szeb numisma Indo-Persicum argenteum etc... illustratum a M. G. J. Kehr. Lipsiae, 1725. fol.

[2]) Фоліантъ этотъ, составляющій 37-ой томъ Керовыхъ рукописей и разсмотрѣнный мною нѣсколько лѣтъ тому назадъ, носитъ слѣдующее заглавіе: «Sacrae Caesareae Majestatis Ruthenorum Thesaurus Orientalis plusquam sex millium antiquorum Numismatum Arabicorum, Tataricorum ac Mauro-Indicorum; nec non complurium recentiorum Mogolo-Indico-Persicorum atque Turcicorum in celebrioribus Imperii Saracenico-Arabici, Tatarici, Indici, Persici atque Turcici, Krimae urbibus cusorum; in nullo totius terrarum orbis imperio tam ingens quam in Russo-Caesarea sede Petropoli reperiundus; a Professore Georgio Jacobo Kehr in ordinem digestus atque Commentario ex rarissimis Orientalibus libris compluribus illustratus». По всей вѣроятности это тотъ самый фоліантъ, о которомъ упоминаетъ Бюшингъ въ своихъ Beiträge zu der Lebensgeschichte denkwürdiger Personen etc. Halle, 1785, т. III, стр. 23, и который долго считался потеряннымъ. См. Dorn, Das Asiat. Mus. p. 16.

[3]) Mus. Imper. Petropol. Vol. II, стр. 456—467: Numi chinenses, indici, ebraei, tatarici, persici, arabici, turcici. Списокъ этотъ впослѣдствіи перепечатанъ въ соч. акад. Дорна: Das Asiatische Museum, стр. 171—188. Въ этомъ-же сочиненіи, на стр. 121, упоминается еще другой нумизматическій трудъ Кера, хранящійся въ Азіятскомъ музеѣ: Gründliche historisch-philosophisch-critische Erläuterung der Ost-Indischen Historie mittlerer Zeiten aus einer zu Dehli in Indostan anno Christi 1340 geschlagenen Geld-Müntze angestellet. St.-Petersburg. 1733. Fol.

[4]) Въ 1782 и 1783 г. извѣстный ростокскій оріенталистъ О. Г. Тихсенъ предлагалъ разобрать эти монеты, но Академія не сочла возможнымъ воспользоваться этимъ предложеніемъ, не рѣшаясь выслать ихъ въ Ростокъ. См. Dorn, Das Asiat Mus. p. 17.

[5]) I. H. Schulze, Denarius argenteus arabicus explicatus, въ Comment. Acad. Scient. Petrop. T. XIV, p. 375—381.

[6]) Epistola ad Mich. Lilienthalium de quibusdam numis Arabicis. Рукопись въ Азіятск. Муз. См. Dorn, Das Asiat. Mus., стр. 119, n° 60, 6.

[7]) P. S. Pallas, Description de douze monnaies asiatiques d'argent, d'une antiquité trés-reculée, envoyées au médailler académique de la part de Sa Majesté l'Impératrice. См Nov. Act. Acad. Sc. Imp. Petropol. To. III Hist. p. 46—50. См. также Dorn, Das Asiat. Mus., p. 123.

[8]) G. F. Hezel, Diatribe de monetae arabicae iuunabulis, a Macrizio Arabe, mente conceptis. Издано при росписаніи лекцій въ Дерптскомъ Университетѣ за 1809 годъ.

[9]) I. Klaproth, Reise in den Kaukasus, T. I, p. 70—78, 424 — 429. Между прочимъ Клапроту въ 1812 году было предложено составить каталогъ восточныхъ монетъ, принадлежавшихъ Академіи Наукъ. См. Dorn, Das Asiat. Mus. p. 18.

[10]) Эта брошюра въ 1816 году была переведена покойнымъ проф. Эрдманномъ на латинскій языкъ: Christiani Fraehn: De quibusdam Samanidarum ac Buidarum uumis Schediasma e lingua arabica in latinam vertit notulisque instruxit Franc. Erdmaun. Goettingae, 1816. 8°.

[11]) Numophylacium Orientale Pototianum. Leviter adumbravit C. M. Fraehn, Rostochiensis. Casani, 1813. 16°.

[12]) De titulorum et cognominum honorificorum, quibus Chani Hordae Aureae usi sunt, origine, natura atque usu commentatus est C. M Fraehn. Casani, 1814. 4°.

[13]) Panegyrin memoriae anniversariae inaugurationis Univers. Litter. Caesar. Casanensis die V mens. Iul. a. 1815 instituendam indicunt ejusdem Universitatis Rector et Senatus, per. C. M. Fraehnium. Insunt nonnulla de origine vocabuli Rossici—деньги. 4°.

[14]) Эти двѣ статьи, напечатанныя въ 1816 году, одна для торжественнаго акта Казанскаго университета, другая при Указателѣ лекцій въ этомъ университетѣ на 1817 годъ, вышли также отдѣльною книгою подъ слѣдующимъ заглавіемъ: C. M. Fraehnii Rostochiensis, De Numorum Bulgharicorum forte antiquissimo libri duo. Accedit hujus aliorumque aliquot musei Fuchsiani qui data occasione illustrantur numorum tabula aenea. Casani. 1816. 4° Въ концѣ книги находится подробный азбучный указатель.

[15]) См. Dorn, Das Asiat. Mus. стр. 17.

[16]) C. M. Fraehnii, De Academiae Imperialis Scientiarum Petropolitanae Museo numario muslemico Prolusio prior qua dum coufiat accurata descriptio ejus copia et praestantia obiter contuenda proponitur. Particula prima. Petropoli. 1818 4°.

[16]) Das Muhammedanische Münzkabinet des Asiatischen Museums der Kais. Akad. der Wissensch. zu St. Petersburg. Vorläufiger Bericht vom Director des Asiat. Museums C. M. Frähn. St. Petersburg, 1821. 16°.

[17]) Beiträge zur Mnhammedanischen Münzknnde aus St.-Patersburg oder Auswahl seltener und merkwürdiger, bis dahin unbekannter Muhammedanischer Münzen aus dem Kabinet des. H. G. Pflug, kurz augedeutet von. C. M. Fraehn. Mit 1 lithogr. Tafel. Berlin (1818). 4°.

[18]) Novae Symbolae ad rem numariam Muhammedanorum ex museis Pflugiano atque Mannteufeliano Petropoli, nec non Nejelowiano Kasani, ed. Doct.

C. M. Fraehn. Accedunt 5 tabulae lapide expressae. Petropoli et Halis Saxonum. 1819. 4°.

[19]) In Kurland gefundene Chalifen-und Samaniden-Münzen. Nach den Mittheilungen des H. Bar. S. de Sacy in Paris und des H. Acad. Dr. v. Fraehn in St. Petersburg, въ Jahresverhandlungen der Kurländ. Gesellsch. für Liter. und Kunst. Th. II (Mitau, 1822, стр. 395—400.

[20]) Numi Kufici ex variis museis selecti a C. M. Fraehn. Cum IV Tabulis. Petropoli, 1823. 4°. Это отдѣльный оттискъ двухъ статей, напечатанныхъ въ Mémoires de l'Acad. Imp. des Sc. T. IX (1823), стр. 563 — 586 и 587—648.

[21]) См. Ergänzungsblätter zur Ienaischen Allg. Liter. Zeit. 1822, № 55—60, и 1824, № 13 16.

[22]) De aliquot numis kuficis antehoc ineditis, qui Chersonesi humo eruti esse dicuntur. Въ Mém. de l'Acad. Imp. des. Sc. T. X, стр. 397—428 и 445—530. Эти двѣ статьи вышли также отдѣльно книгою подъ слѣдующимъ заглавіемъ: De Musei Sprewitziani Mosquae numis kuficis etc. Commentationes duae, plura eaedem ut numismaticae ita geographiae et historiae Asiaticae capita obscuriora illustrantes. Patropoli, 1825. 4°. Съ нѣсколькими рисунками на заглавномъ листѣ.

[23]) Leipziger Literatur-Zeitung 1822, № 321 и 1826, № 110.

[24]) St.-Petersb. Zeitung 1822, № 103. Перепечатано въ соч. Дорна: Das Asiat. Mus. p. 264—265.

[25]) Journal Asatique 1824, Mai (To. IV) p. 274—280. Въ этомъ-же журналѣ за 1825 годъ (To. VI p. 138—154 и 193—212) помѣщена статья Френа: Examen critique d'une monnaie d'Abd-ul Melik et de Heddjadj, qui a été publiée par O. G. Tychsen.

[26]) Leipzig. Literatur-Zeit. 1822, № 130.

[27]) Ch. M. Frachnii Recensio numorum Muhammedanorum Academiae Imp. Scient. Petropolitanae. Petropoli 1826. 4°. Другое заглавіе этой книги: Numi Muhammedani, qui .in Acad. Imper. Scient. Petropolitanae Museo Asiatico asservantur. Auspiciis Academicis digessit, interpretatus est, Prolegomenis et Commentario palaeographico-philologico-historico illustravit, additisque notabiliorum tabulis aeneis edidit Ch. M. Fraehn. Tomus I. Recensionem omnium Musei Asiat. numorum Muhammedanorum seu titulos eorum interpretatione auctos continens. Petropoli, 1826.

[28]) Въ Сѣверной Пчелѣ за 1827 годъ, № № 105, 107, 109 и 110. Въ изложеніи въ Journ. de St.-Pétersbourg, 1827, № 102—103.

[29]) Monnaies orientales frappées à Boukhara et Khokand en 1225—1235. въ его Supplément à l'Histoire Générale des Huns, des Turks et des Mogols. St-Pétersbourg, 1824, pag. 130—131.—Description des monnaies Boukhares, въ сочиненіи барона Мейдорфа: Voyage d'Orenbourg à Boukhara fait en 1820. Paris, 1826, p. 307—320, съ рисунками.

[30]) Въ Сѣверной Пчелѣ за 1833 годъ, № 17.

[31]) Die Münzen der Chane vom Ulus Dschutschi's oder von der Goldenen Horde, nebst denen verschiedener anderen Muhammedanischen Dynastien im Anhange; aus der ehemaligen Sammlung des H. C. v. Fuchs zu Kasan, in kurzen Andeutungen und Nachweisungen von Ch. M. v. Fraehn. Mit 18 Kupfertafeln und 4 Vignetten. St.-Petersdurg und Leipzig. 1832. 4°. На русскомъ языкѣ: Х. М. Френа, Монеты хановъ улуса Джучіева или Золотой Орды съ монетами разныхъ иныхъ мухаммеданскихъ династій въ прибавленіи; изъ

прежняго собранія г. Фукса, принадлежащаго нынѣ тамошнему университету Съ краткими объясненіями и указаніями. Перевелъ съ нѣмецкаго М. Волковъ. Съ 18 табл. и 4 виньетками. Спб. 1832. 4°.

[32]) Въ Journal Asiatique 1837, Septembre, p. 261—273.

[33]) Въ Journal Asiatique 1837, Octobre, p. 316—344.

[34]) Numi Asiatici Musei Universitatis Caes. Litt. Casanensis, quos recensuit et illustravit Fr. Erdmann. P. I, vol. I et II. Casani. 1834. 4°. Cum 5 tab.

[35]) Catalogue des monnaies et des médailles du cabinet numismatique de l'Université Impériale de Casan. Dressé par le Professeur E. Berézine. Casan 1855. 4°. Monnaies de la Horde d'Or. Monnaies des khans de la Crimée. Monnaies musulmanes. См. также статью г. Березина: Нумизматическій кабинетъ Императорскаго Казанскаго университета, въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1855 годъ, Ноябрь (ч. LXXXVIII, Отд. III), стр. 25—40.

[36]) Numophylacium Univ. Caes. Litt. Casanensis Orientale delineavit F. Erdmann. Casani. 1826. 8°. Cum. 3 tab. aen.

[37]) Fraehn, Die Münzen der Chane vom Ulus Dschutschi's, p. XVII. См. также Leipz. Liter.-Zeit. 1827, № 19.

[38]) Die Regenwürmer auf den Feldern der Orientalischen Numismatik, untersucht von Dr. E. Adernson. Leipzig. 1836. 8°.

[39]) Ueber einige Münzen Tamerlan's. Kasan, 1837. 8°. Отдѣльный оттискъ изъ Ученыхъ Записокъ Казан. Универ. за 1837 годъ.—Lettres à M. Reinaud въ Journal Asiatique, 3 série, To. XII (1841, Septembre—Octobre), p. 385—395, съ табл. рис., и 4 série, To. II (1843, Novembre), p. 277—298, съ табл рис.—Ueber das auf muhammedanischen Münzen vorkommende *bkh bkh* (съ примѣчаніями Штиккеля) въ Zeitschr. der. Deut. morgenl. Gesellsch. Bd. IX (1855), p. 606—618.—Zur muhammedanischen Münzkunde. Sendschreiben an H. P. v. Sawelijew. St.-Petersburg, 1856. 8°.—Ueber das Zweidrachmenstück des Hrn. Hofrath Dr. Stickel, nebst einer Beilage, въ Zeitschr. der Deut. morg. Ges. Bd. XVII (1863), p. 365—371.

[40]) De Il-Chanorum seu Chulaguidarum Numis Commentatio. Accedunt nonnulli aliarum dynast. Muhamm. numi anecdoti. Petropoli, 1834, 4°. Съ 4 табл. рис. Отдѣльный оттискъ изъ Mém. de l'Acad. Imp. des Sc. 6 série, To. II, p. 479—548 и 549—562. Дополненія къ этой монографіи: Nachlese zur Numismatik der Tschingisiden von Iran, Френъ напечаталъ въ Bulletin scientifique de l'Acad. Imp. des. Sc. T. II (1837), p. 362 — 365 = Samml. klein. Abhandl. p. 97—101. См. также Nov. Suppl. p. 98—106 и 283—293. По части гулагидскихъ монетъ мы можемъ еще указать на статьи I. I. Шмидта: Philolog.-krit. Zugabe zu den von A. Rémusat bekannt gemachten Briefen St. Petersb. 1824. 8°), Nachtrag = Notice sur une médaille mongole de Ghazan-khan, trad. de l'allemand par M. Jacquet (Journ. Asiat. 1831, Octobre p. 344—348), А. А. Шифнера: Ein kleiner Beitrag zur mongolischen Palaeographie (Bull. hist.-phil. To. XII, № 18 = Mél. Asiat. To. II, p. 487—489 = Замѣтка по части Монгольской палеографіи, въ Уч. Зап. Академіи Наукъ по 1-му и 3-му Отд. Т. III, стр. 609 — 611), и о монетѣ временъ Газанъ-Хана съ тибетскими письменами (Изв. Арх. Общ. III, стр. 520), П. С. Савельева: О трехъ гулагидскихъ монетахъ, найденныхъ въ Пермской губ. (Зап. Арх. Общ. Т. V, переч. засѣд., стр. 65 — 66 = Труды Вост. Отд. II, 202—203), Ф. Сорѐ: Описаніе трехъ неизданныхъ восточныхъ монетъ (Зап. Арх. Общ., Т. IV, переч. засѣд. стр. 163—165) и И. А. Бартоломея (см. прим. 162).

[41]) Quinque Centuriae numorum anecdotorum Chalifarum cum Umeijadarum tum Abbasidarum ex variis museis. Praemissa sunt nonnulla de defectibus rei numariae Muhammedanae et additae 3 tabulae aeneae. Напечатано въ Mém. de l'Acad. Imp. des. Sc. 6 série, To. VI, p. 257—314. Краткія свѣдѣнія о содержаніи этого изслѣдованія и о дальнѣйшемъ ходѣ работы Френъ сообщилъ въ Bullet. scientif. To. III, № 3, p. 33—36; To. V, № 20, p. 305—306, и To VI, № 11—12, p. 181. См. также Прибавленія къ разсужденіямъ: De defectibus rei num. Muhammedanae. P. I, въ Чтеніяхъ Импер. Академіи Наукъ, кн. I, стр. 59. Обильными матеріалами, собранными имъ для этого труда, мнѣ удалось воспользоваться при изданіи своей монографіи о Монетахъ восточнаго халифата.

[42]) Ueber einen im Gouvernement Tula gemachten Fund Kufischer Münzen. Въ St.-Petersb. Zeit. 1828. № 11.

[43]) Ueber die frühere Orient. Münz-Sammlung der Charkower Universität. Въ St.-Petersb. Zeit. 1828, № 20.—Ueber das von der Charkower Universität angekaufte Sprewitzische Oriental. Münzkabinet. Въ томъ-же журналѣ за 1829 годъ, № 43.

[44]) Ueber die von Persien an Russland in Gemässheit des Friedens-Tractates von Turkmantschai gezahlten Entschädigungsgelder и Ueber die von S. Majestät der Akad. der Wiss. zu St.-Petersburg verehrten grossen Persischen Münzsammlung. Въ St.-Petersb. Zeit. 1829, № 56 и № 136 — 138. Перепечатано въ соч. Дорна: Das Asiat. Mus. pag. 387—400.

[45]) Drei Münzen der Wolga - Bulgharen aus dem X. Jahrhundert n. Chr. Въ Mém. de l'Acad. des Sc. 6 sér., To. I, p. 171—204, съ табл. рис.

[46]) Orientalische Miscellen aus St.-Petersburg. Въ Leipz. Liter.-Zeit. 1830, № 116.

[47]) Нѣкоторыя изъ этихъ статей изданы двумя отдѣльными книжками, озаглавленными: Sammlung kleiner Abhandlungen die Muhammedanische Numismatik betreffend von Ch. M. Fraehn. Mit zwei Kupfertafeln. Leipzig, 1839. 8° и Neue Sammlung kleiner Abhandlungen die Muhamm. Num. betreffend von Ch. M. Fraehn. Leipzig, 1844. 8°. Въ первую изъ этихъ книгъ вошло также изслѣдованіе Френа о русско-татарскихъ монетахъ, помѣщенное имъ по случаю разбора сочиненія барона Шодуара: Aperçu sur les monnaies Russes въ Отчетѣ о 7 присужденіи Демидовскихъ наградъ, 17 Апр. 1838 г.

[48]) Die neuesten Bereicherungen der Muhammedanischen Numismatik. I Lieferung. Aus der neubegonnenen Sammlung des H. Staatsr. v. Fuchs zu Kasan. Въ Bull. sc. To. I, № 13—14, p. 99—102 и 105—110.=Samml. kl. Abh. p. 1—19.

[49]) Die neuesten Bereicherungen etc. II Liefer. Aus dem Mus. der Kais. Univ. zu Moskau. Въ Bull. sc. To. I, № 16—17, p. 125—128 и 132 — 136= Samml. kl. Abh. p. 21—36.

[50]) Ueber einige Münz - Erwerbungen des Hn. Grafen S. v. Stroganow zu Moskau. Въ Bull. sc. To. II, № 6, p. 81 — 91 = Samml. kl. Abh. p. 37—48.

[51]) Erklärung der im J. 1830 bei Steckborn im Thurgau ausgegrabenen Münzen. Въ Bull. sc. To II, № 21, p. 326—334=Samml. kl. Abh. p. 71—82.

[52]) Auswahl einiger Seltenheiten und Merkwürdigkeiten aus der Münzsammlung der Asiat. Sprachanstalt des Minist. der auswärtigen Angelegenheiten. Въ Bull. sc. To. IV, № 10, p. 147—158=Samml. kl. Abh. p. 119—136.

[53]) Ueber einige bemerkenswerthe Stücke des Oriental. Münzkabinettes der Kais. Univ. zu Kiew. Въ Bull. sc. To. IV, № 15, p. 225—228=Samml. kl. Abh. p. 138—141.

[54]) Inedita aus der Orient. Münzsamml. des Hn. v. Bose in Leipzig. Въ Bull. sc. To. IV, № 16, p. 246—250=Samml. kl. Abh. p. 143—148.

[55]) Nachricht von den verschiedenen Oriental. Münzsammlungen der Kais. Eremitage und kurze Beschreibung der unedirten Stücke der letzten derselben. Въ Bull. sc. To. IV, № 20, p. 305—318=Samml. kl. Abh. p. 149—166.

[56]) Summarische Uebersicht des orientalischen Münzkabinettes der Universität Rostock, und Anzeige der in demselben befindlichen unedirten oder vor andern bemerkenswerthen Stücke. Въ Bullet. scient. To. X, p. 81—90 и Bullet. hist.-phil. de l'Acad. des. Sc. To. I, p. 1—32=Neue Samml. kl. Abhandl. p. 93—148

[57]) Einige Berichtigungen zu Hn. Lelewel's Numismatique du moyen âge. Въ Bull. sc. To. II, № 12, p. 177—192=Samml. kl. Abh. p. 49—70. Часть восточныхъ монетъ, о которыхъ тутъ идетъ рѣчь, была описана Лелевелемъ въ статьѣ: Obiaśnienie trzech pieniędzy kuficznych Sammanidów w Zbiorze królewskiego Warszawskiego Towarzystwa przyjaciół nauk znajdujących się, напечатанной въ литерат. журналѣ Ширмы, за 1828 годъ и перепечатанной въ Лелевелевыхъ Pisma rozmaite (Poznań, 1863) и въ 5-мъ томѣ собранія его сочиненій: Polska dzieje i rzeczy jej rozpatrywane (Poznań, 1863). Другая статья его по восточной нумизматикѣ: Monnaie de Kharizm, напечатана въ Revue de la numismatique belge, 2 série, To. II (1852), p. 351—368, съ политипажемъ.

[58]) Aufklärung über die zwei von Oetter edirten Arabischen Münzen. Въ Bull. scient. To. II, № 21, p. 326—334=Samml. kl. Abh. p. 71—82.

[59]) Aufschluss über die beiden Münzen bei dem Spanier Cavanilles. Въ Bull. sc. To. II, № 23, p. 360—362=Samml. kl. Abh. p. 94—97.

[60]) Ein Paar Worte über die Trauermünze des Ortokiden-Königs Juluk Arslan, und Berichtigung eines bisher in Bezug auf eine andere, demselben zu, geschriebene Münze bestandenen Irrthums. Въ Bull. sc. To. IV, № 5, p. 69—72=Samml. kl. Abh. p. 113—117.

[61]) Ueber eine bisher verkannte Ortokiden - Münze. Въ Bull. sc. To. II № 23, p. 355—357=Samml. kl Abh. p. 87—90.

[62]) Ueber das Todesjahr des Imam's Aly Risza und die Münzen desselben. Въ Bull. sc. To. II, № 23, p. 357—360=Samml kl. Abh. p. 90—94.

[63]) Die ältesten Münzen der Dynastie Sefy. Въ Bull. sc. To III, № 1, p. 3—7=Samml. kl. Abh. p. 103—108.

[64]) Ueber Münzen des letzten Charezmschah, die in Grusien geschlagen. Въ Bull. sc. To. IX, № 14, p. 213 — 217=Samml. kl. Abhandl. p. 25 — 31. Перепечатано также Дорномъ, Das Asiat. Mus. p. 641—647.

[65]) См. Bullet. scient. To. VI, № 5, p. 77—80; № 14, p. 223—224. To. VII, № 10, p. 134 — 143; № 22, p. 336. To. IX, № 19, p. 289 — 294 Bullet. hist.-phil. To I, № 5, p. 79—80; № 6, p. 84—85; № 8—9, p. 139 — 144; № 22, p. 351 — 352. To. II, № 6, p. 86. To. III, № 15—16, p. 244 — 252; № 17, p. 269—272. To. IV, № 3, p. 42—48; № 16, p. 245—256. См. также Neue Samml. kl. Abhandl. p. 1—24. 33—41, 149—150, 154—167, и Dorn: Das Asiat. Mus. p. 578—583. 588—601. 647—655. 661—667. 684—686. 693—695. 700—701.

[66]) Ueber einen im Guvernement Kasan gemachten Kufischen Münzfund, jetzt im Museum des Hn. Grafen S. Stroganow. Въ Bullet. scient. To. IX,

№ 19, p. 295—297 = Neue Samml. kl. Abh. p. 43.—47 Ueber elf, unlängst in Kurganen des Kreises von Wyschnij Wolotschok im G. Twer aufgefundene Münzen. Въ Bullet. hist.-phil. To. II, № 8, p. 113—118.

[67]) Ledebur: Ueber die in den Baltischen Ländern in der Erde gefundenen Zeugnisse eines Handels-Verkehrs mit dem Oriente zur Zeit der Arabischen Wetherrschaft. Berlin. 1840. 8°.

[68]) Topographische Uebersicht der Ausgrabungen von altem Arabischen Gelde in Russland, nebst chronologischer und geographischer Bestimmung des Inhalts der verschidenen. Funde. Въ Bullet. scient. To. IX, № 20 — 21, p. 301=332=Neue Sammlung klein. Abhandl. p. 49—92. См. также Френа: Jbn-Fozlan's und anderer Araber Berichte über dieRussen älterer Zeit, стр. 78=86.

[69]) Der orientalische Münzfund von Essemeggi. Ein Nachtrag zu der Topogr. Uebersicht der Ausgrabungen von altem Arab. Gelde in Russland. Въ Bullet. hist.-phil. To. V, № 8, p. 113—122. См. также Die Allerhöchst bestätigte Ehstländische litter. Gesellschaft und deren Geschichte von 1847—1850. Reval. 1851, p. 41—51.

[70]) См. Записки Археолог. Нум. Общ. Т. II, стр. 425, и III, переч. засѣд. стр. 37 и 44—45.

[71]) Bestimmung von orientalischen Münzen des Mitauischen Museums. Въ Arbeiten der Kurländisch. Gesellsch. für Liter. und Kunst. Heft II (1847), p. 56 и слѣд.

[72]) См. Зап. Археол.-Нум. Общ. Т. II, стр. 418—425.

[73]) Зап. Археол.-Нум. Общ. Т. II, 425 — 426 и III, переч. засѣд. стр. 31.

[74]) Зап. Арх.-Нум. Общ. Т. II, стр. 426—427.

[75]) B. Dorn, Ueber einige aus dem Münzcabinette der ehemaligen Wilna'schen Universität in die St. Wladimir-Universität zu Kiew übergegangene morgenländische Münzen. Въ Bullet. scient. To. II, № 13, p. 196 — 205 Его Aperçu chronologique des différentes dynasties, la plupart asiatiques, dont. les monnaies composent le médailler de l'Institut oriental attaché au Ministère des affaires étrangères (Lithogr. St.-Pétersbourg, 1841) мнѣ извѣстенъ только по цитатѣ въ Numism. Chronicle, To VII (1845), p. 57.

[76]) Das Asiatische Museum der kais. Akad. der Wissensch. zu St.-Petersburg. Von dem Director desselben Dr. Bernh. Dorn. St.-Petersb. 1846. 8°.

[77]) См. Bullet. hist.-phil. To. 1, № 7, p. 105—110; № 17, p. 268—272, (см. также Das Asiat. Mus. p. 686 — 691); To. II, № 6, p. 86 — 90 (=Das Asiat. Mus. p. 696—700). To. III, № 13, p. 203 — 204; № 14, p. 223—224. To. V, № 9, p. 139—142. To. VI, № 20 (=Mél. Asiat. I, p. 153—154). To. IX, № 18. (=Mél. Asiat. I, p. 559—560). To. XII, № 20 (=Mél. Asiat. II, p. 490—491). To. XIII, № 26 (=Mél. Asiat. II, p. 608—611). To. XIV, № 23—24 (=Mél. Asiat. III, p. 166—169). To. XV, № 10 (=Mél. Asiat. III, p. 240—241). To. XVI, № 7 (=Mél. Asiat. III, p. 502—505). Bullet. de l'Acad. des Sc. To. 1, p. 338=339, 513—536 (=Mél. Asiat. III, p. 712 — 714. To. IV, p. 29 = 34). To. IV, p. 384 (=Mél. Asiat. IV, p. 474—475). To. VII, p. 4826—484 (=Mél. Asiat. V, p. 218—220). To. X, p. 167 (Mél. Asiat. V, p. 461=462). To XIV, p. 188=194, 329=333 (=Mél. Asiat. VI, p. 141—150, 187=194. To. XVIII p. 152=154 (=Mél. Asiat. VI, p. 678 — 680). To. XX, p. 520 = 522 (=Mél Asiat. VII. 429 — 431). To. XXI, p. 517 — 518 (=Mél. Asiat. VII, p. 769—771).

[78]) Brief an Prof. Fleischer. Въ Zeitschr. der Deut. morgenl. Gesellsch. Bd. VIII, p. 841—842.

[79]) Ch. M. Fraehnii Opusculorum postumorum pras prima, imagine beati ornata. Edidit Bernh. Dorn. Petrop. 1855. 8°. Второе заглавіе этой книги: Ch. M. Fraehnii Nova Supplementa ad Resensionem numorum muhamedanorum Acad. Imp. Scient. Petropolit. Additamentis auctoris aucta, subjunctis ejusdem de Fraehnii vita, operibus impressis et bibliotheca relationibus. Edidit Bernh. Dorn. Petrop. 1855.

[80]) Описаніе куфическихъ монетъ X вѣка найденныхъ въ Рязанской губерніи въ 1839 году. СПБ. 1841. 4° Съ табл. рис.

[81]) О куфическихъ монетахъ VIII, IX, X и отчасти VII и XI вѣка находимыхъ въ Россіи и прибалтійскихъ странахъ, какъ источникахъ для древнѣйшей отечественной исторіи. Изъ Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Одесса, 1842. 4°.

[82]) Куфическія монеты, найденныя въ Псковской губерніи. Въ Запискахъ Археол.-Нумизм. Общ. Т. II, стр. 159—161. См. также Изв. Арх. Общ. Т. III. стр. 114—121.

[83]) Переводъ напечатанъ въ Сынѣ Отечества за 1842 годъ. Кромѣ того, есть отдѣльный оттискъ: Топографическое обозрѣніе мѣстонахожденій Арабскихъ монетъ въ Россіи. Сочиненіе акад. Х. М. Френа. Переводъ съ Нѣмецкаго, съ нѣкоторыми дополненіями, П. С. Савельева». Извлеченія изъ этой статьи помѣщены въ С-Петерб. Вѣдом. за 1842 годъ №№ 235—238, и въ Московск. Вѣдом. 1842, №№ 95—97.

[84]) Notiz über fünfzehn neue Ausgrabungan kufischer Münzen in Russland, als Ergänzung zu Ch. M. Fraehn's Topographischer Uebersicht der Ausgrabungen von altem arabischen Gelde in Russland; von Paul Saweljeff. St.-Petersb. 1844. 8° Отдѣльный оттискъ изъ Bullet. hist. phil. de l'Acad. des sc. To. 1, № 22, p. 337—342.

[85]) Мухамеданская Нумизматика въ отношеніи къ русской исторіи. I. Топографіи кладовъ съ восточными монетами и издѣліями VII, VIII, IX, X и XI вѣка въ Россіи и Прибалтійскихъ странахъ, объясненная историческими свидѣтельствами о торговлѣ сѣверо-востока Европы въ эпоху основанія и утвержденія Русскаго государства. Спб. 1846. 8°.

[86]) Въ число этихъ дополненій вошла также статья его, напечатанная потомъ въ нѣмецкомъ языкѣ въ Bullet. hist. phil. To IV № 13, pag. 205—208, и вышедшая также отдѣльнымъ оттискомъ: Zweiter Beitrag zur Topographie der Ausgrabungen von altem arabischen Gelde in Russland. St Petersburg. 1847. 8°.

[87]) См. XVII-е Присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ. 1848. Перепечатано въ соч. Григорьева: Жизнь и труды П. С. Савельева (Спб. 1861), стр. 232—237.

[88]) Въ Журн. Мин. Нар. Просв. ч. LV, отд. VI, стр. 128 и слѣд.

[89]) Въ Финскомъ Вѣстникѣ за 1847 годъ, № 14. Библ. хрон., стр. 18—39. Перепечатано въ упомянутомъ біографическомъ очеркѣ, на стр. 202—232.

[90]) Sur l'importance des études de l'archéologie et de numismatique orientales en Russie. Discours prononcé le 13/25 janvier 1847 à la séance de la Société d'archéologie et de numismatique de St.-Pétersbourg, par M. Paul Savelieff. St.-Pétersbourg, 1847. 8° Отдѣльный оттискъ изъ Mém. de la Soc. d'arch. et de num. de St.-Pétersb. Vol. I, p. 183—191. На русскомъ языкѣ: О важности изученія восточной нумизматики и археологіи въ Россіи. Въ Зап. Археол.-Нумизм. Общ. Т. I, стр. 78—88. См. также Журн. Мин. Народн. Просв. за 1847 годъ, ч. LIII, отд. II, стр. 262—272.

[91]) Куфическія монеты изъ Кіевскаго клада. Въ Зап. Археол.-Нум. Общ. Т. IV, переч. засѣд., стр. 121--122.=Труды Вост. Отд. Арх. Общ. II, стр. 190—191. Краткія извѣстія объ этомъ кладѣ помѣщены были Савельевымъ въ С.-Петерб. Вѣдом. за 1851 годъ, № 191 и въ Mém. de la Soc. d'arch. et de num. To. V, p. 397 — 398. См. также Изв. Арх. Общ. I, стр. 44 и 391. =Труды Вост. Отд. III, 146. О кладѣ мѣдныхъ восточныхъ монетъ см. Труды Вост. Отд. II, стр. 190—191.

[91a]) См. Зап. Арх.-Нум. Общ. Т. V, переч. зас., стр. 33, III.=Труды Восточн. Отд. II, 213.

[92]) Археологическіе поиски въ окрестностяхъ Устьсысольска. Въ Зап. Археол.-Нум. Общ. IV, переч. засѣд. стр. 122—125.

[93]) Зап. Археол.-Нумизм. Общ. Т. V, переч. засѣд., стр. 58, III.=Труды Вост. Отд. Арх. Общ. II, стр. 191.

[94]) Изв. Арх. Общ. I, стр. 44, III. (=Труды Вост. Отд. III, стр. 146).

[95]) Тамъ-же (=Труды Вост. Отд. III, стр. 147).

[96]) Тамъ-же, стр. 44 — 45, IV; 115 — 116, V; 197, XXIV (=Труды Вост. Отд. III, стр. 147--148, 160—161).

[97]) Тамъ-же, стр. 118, II (=Труды Вост. Отд. III, 166—167).

[98]) Тамъ-же, стр. 118 (=Труды Вост. Отд. III, стр. 167—168).

[99]) Тамъ-же, стр. 45, VI (=Труды Вост. Отд. III, стр. 150).

[100]) Тамъ-же, стр. 192—194, XII.

[101]) Тамъ-же, стр. 119 (=Труды Вост. Отд. III, 168).

[102]) Recensio XLIII numorum Arabicorum, quorum major pars in agro Dorpatensi reperta est, auctore Aug. Henr. Hansen. Dorpati Livonorum, 1838. 4°. Съ табл. рис.—Ueber einige bei Oberpahlen gefundene kufische Münzen. Въ Verhandlungen der gelehrten Esthn. Gesellsch. zu Dorpat. Bd. I, Heft I p. 68—72; Heft II, p. 77 и слѣд.—Verzeichniss der in den Ostseeprovinzen gefundenen Arabischen Münzen. Въ соч. Крузе: Necrolivonica, (Dorpat, 1832). Прилож. D, стр. 6—10.—Kufische Münzen bei Dorpat gefunden. Въ Verhandl. der gelehrt. Esthn. Ges. zu Dorpat. Bd. II, Heft I, p. 84—85.

[103]) Om Oesterlandska Mynt, funna i Finske Iord. Helsingfors. 1849. 8°. Изъ Finska Vetenskaps-Societetens Handlingar. Tom. III, p. 299—323.

[104]) Beskrifning öfver Kejserl. Alexanders-Universitetets i Finland Muhammedanska Myntsamling af Gabriel Geitlin. Aftryck ur Acta Societat. Scient. Fennicae. Helsingfors, 1862. 4°. Съ 3 табл. рис.—См. также его статью: Om ett gamalt kufisk guldmynt. Въ тѣхъ-же Acta Soc. Sc. Fennicae. T. VI, p. 551—558.

[105]) Извѣстія Имп. Археол. Общ., Т. VI, Отд. II. стр. 242.

[105a]) Description d'une trouvaille de 200 dirhems koufiques faite aux environs de Tiflis en 1857. Въ Bullet. hist.-phil. T. XV, № 10 — Mél. Asiat. T. III, p. 222—239.

[106]) Извѣстія Имп. Археол. Общ., Т. VI, Отд. II, стр. 103 и 243—246.

[107]) Извѣстія Имп. Археол. Общ., Т. VI, Отд. II, стр. 82, 136.—Древности. Труды Моск. Археол. Общ., Т. II, стр. 55—56.=Археолог. Вѣстникъ (Москва, 1867), № 3, стр. 138- 139. =Ueber zwei in Russland gemachte kufische Münzfunde. Отдѣльный оттискъ изъ Huber's Numismatische Zeitschr. Wien. 1871. Bd. III, p. 161—191.

[108]) Она издана въ атласѣ, приложенномъ къ соч. пок. М. П. Погодина: Древняя Русская Исторія (Москва 1871).

[109]) О саманидскихъ монетахъ. Въ Трудахъ Вост. Отдѣл. Импер. Археол. Общ., Т. I, стр. 1—237 и 254—265. См. также Т. II, стр. 202.

[110]) Монеты Восточнаго Халифата. Спб. 1873. 4°. Съ 4 табл. литограф. рис. и 4 политипажами.

[110а]) См. Труды Вост. Отд. Арх. Общ., Т. I, стр. 238—253.

[110в]) Vierzehn unedirte Samaniden-Münzen. Въ Mél. Asiat. To. II, p. 399—402.—Unedirte Samaniden-Goldmünzen. Ibid. p. 459—461.

[111]) Монеты Джучидовъ, Генуэзцевъ и Гиреевъ, битыя на Таврическомъ полуостровѣ. Одесса, 1843. 8°. Съ 1 табл. рис. Отдѣльный оттискъ изъ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн. Т. I, стр. 301—314 и 654.

[112]) Описаніе клада изъ золотоордынскихъ монетъ, найденнаго близь развалинъ Сарая. Въ Зап. Арх.-Нум. Общ., Т. II, стр. 1—63. Съ 4 табл. рис.

[113]) Новооткрытыя Джучидскія монеты. Въ извѣст. Археол. Общ., Т. I, стр. 142—147, съ 3 политип., и стр. 247, IV. См. тѣ-же Изв. Т. VIII, стр. 123—128: Еще два десятка неописанныхъ джучидскихъ монетъ.

[114]) См. Зап. Археол. Общ. Т. II, стр. 162. Изв. Арх. Общ. Т. I, стр. 254, XXIV.

[115]) См. Зап. Арх. Общ. Т. III, переч. засѣд. стр. 31.

[116]) См. Зап. Арх. Общ. Т. III, переч. засѣд. стр. 46.

[117]) См. Зап. Арх. Общ. Т. III, переч. засѣд. стр. 56—57.

[118]) См. Изв. Арх. Общ. Т. I, стр. 246, III; 253, XVIII. = Труды Вост. Отд. III, 168—170.

[119]) См. Изв. Арх. Общ. Т. I, стр. 187, II.

[120]) См. Изв. Арх. Общ. Т. I, стр. 196, 250.

[121]) См. Изв. Арх. Общ. Т. I, стр. 254.

[122]) См. Изв. Арх. Общ. Т. I, стр. 254—255.

[123]) Предварительныя свѣдѣнія объ этихъ двухъ кладахъ сообщены были Савельевымъ въ Зап. Арх. Общ. Т. V, переч. засѣд., стр. 67—68 (=Труды Вост. Отд. II, стр. 203—205), и въ Изв. Арх. Общ. Т. I, стр. 196—197.

[124]) Монеты Джучидовъ, Джагатаидовъ, Джелаиридовъ и другія, обращавшіяся въ Золотой Ордѣ въ эпоху Тохтамыша. Выпускъ 1-й и 2-й. Съ десятью литограф. табл. и рисунк. въ текстѣ. Спб. 1857 и 1858. Отдѣльные оттиски изъ Трудовъ Вост. Отд. Арх. Общ. Т. III, стр. 203—528. Это сочиненіе подало пок. Сорѐ поводъ заняться классификаціею джучидскихъ монетъ: Lettre à M. le capitaine au gardes impériales de Kossikowsky, sur un essai de classification des monnaies djoudjides, par M. F. Soret. (Extr. de la Revue de la num. belge, t. IV, 3 série). Bruxelles, 1860. 8°.—Извлеченія изъ писемъ этого ученаго, подъ названіемъ: Неизданныя восточныя монеты, изданы Савельевымъ въ Труд. Вост. Отд. Арх. Общ., ч. II, стр. 68—112 и 304—328, и ч. IV, стр. 285—314.

[125]) См. «XXVIII Присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ». 1859 г. Перепечатано въ соч. Григорьева: Жизнь и труды П. С. Савельева, стр. 262—267.

[126]) См. Жизнь и труды П. С. Савельева, стр. 238—262.

[126а]) См. Зап. Археол. Общ. Т. III, стр. 151—152.

[126б]) См. Изв. Археол. Общ. Т. I, стр. 194.

[127]) Монеты Золотой Орды. См. Саратогскія Губернскія Вѣдомости за 1844 годъ, №№ 2 и 3.

[128]) О кладахъ золотоордынскихъ монетъ въ развалинахъ древняго города Болгаръ. В. К. Савельева. Въ Трудахъ перваго археол. съѣзда въ Москвѣ. II, стр. 492—500.

[129]) Новый скадъ джучидскихъ монетъ. 11 стр. 8°. Отдѣльный оттискъ изъ VIII тома Изв. Археол. Общ., стр. 37—43.

[130]) См. Извѣстія Археол. Общ. Т. VI, Отд. II, стр. 30, и Труды Моск. Археол. Общ. Т. III, стр. 175—176.

[131]) Главнымъ образомъ въ его Recensio, p. 413—421, и Nova Suppl. ad Recensionem p. 118—119.

[132]) См. выше примѣчаніе 111-е.

[133]) См. Извѣстія Археол. Общ. Т. I, стр. 121—122. (=Труды Вост. Отд. Арх. Общ. III, стр. 172—173).

[134]) Frähn, Recensio, p. 411—412. Григорьевъ, Монеты Джучидовъ, Генуэзцевъ и Гиреевъ (см. прим. 111-е); стр. 9—21. Савельевъ, въ Зап. Археол. Общ. Т. I, стр. 231—233).

[135]) Въ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн. Т. IV, стр. 387.

[136]) O monetach hanów kipczaku czyli złotéj hordy, ze znamionami i nazwiskiem wielkiego ksiçcia litewskiego (Witolda i Kazimierza). Въ соч. Koran z arabskiego przekład polski Jana Murzy Tarak Buczackiego. Tom. I. Warszawa, 1858, стр. 193—197. См. также Jul. Bartoszewicza: Pogląd na stosunki Polski z Turcyą i Tatarami. Warszawa, 1860, p. 19—23.

[137]) О монетахъ генуэзскихъ, находимыхъ въ Россіи. Отдѣльный оттискъ изъ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн. Т. VIII.

[137a]) Koehne: Les monnaies génoises de Kaffa. Rev. de la numism. belge 1875, pp. 400—408.

[138]) Монеты Афганскихъ султановъ Индіи, найденныя въ развалинахъ Сарая. Въ Зап. Археол. Общ. Т. II, стр. 336—351, съ табл. рисунк. Издано также на англ. языкѣ въ Mém. de la Soc. d'arch. et de numism. de St.-Pétersb. Vol. V, p. 115—230.

[139]) Въ Изв. Археол. Общ. Т. VI, Отд. II, 151—152.

[140]) Въ Изв. Археол. Общ. Т. VI, Отд. II, стр. 245—264.

[141]) Преимущественно Recensio, p. 122—148, 437—445, 589—596, и Nova Suppl. p. 53—61, 131—136, 248—250.

[142]) См. примѣчаніе 29-е.

[143]) Современныя монеты Коканскаго ханства. Въ Трудахъ Восточн. Отд. Археол. Общ. Т. II, стр. 113—118.—Неизданныя Бухарскія и Хивинскія монеты. Въ Изв. Арх. Общ. Т. II, стр. 160—164. — Еще о Коканскихъ монетахъ и событіяхъ. Въ Изв. Археол. Общ. Т. IV, стр. 60—71. — Неизданныя монеты уйгурскихъ владѣльцевъ Мавераннагра. Казань, 1863. 8°. Отдѣльный оттискъ изъ Ученыхъ Зап. Каз. Унив. за 1863 годъ. См. также въ Изв. Арх. Общ. Т. VII, стр. 290—291, замѣтку объ особенномъ видѣ двуязычныхъ монетъ, находимыхъ въ Средней Азіи.

[144]) См. Nova Suppl. ad Recens. p. 333—337.

[145]) См. тамъ-же, стр. 337—338.

[146]) Списокъ извѣстныхъ доселѣ монетъ Коканскаго Ханства. Въ Труд. Вост. Отд. Арх. Общ. Т. 18, стр. 119—127.—См. тамъ-же статью на стр. 200.

[147]) Въ Изв. Арх. Обх. Т. II, стр. 251—252.

[148]) Монеты Бухарскія и Хивинскія. Спб. 1859. 8°. Отдѣльный оттискъ изъ 4-й части Трудовъ Вост. Отд Археол. Общ., стр. 328—456. Дополненія къ этой статьѣ помѣщены въ 2-мъ томѣ Изв. Археол. Общ., стр. 184 и 259.—

Description de quelques monnaies de l'oulous de Djaghataï, de Khiva et de Khokand. Въ Bullet. de l'Acad. des Sc. To. II, p. 297—218=Mél. Asiat. To. IV, p. 125—152. — Описаніе нѣсколькихъ монетъ, привезенныхъ изъ Бухары. Въ Зап. Импер. Акад. Наукъ. Т. III, стр. 76—86, съ табл. рис.

[148]) Véliaminof-Zernof, Description de deux monnaies inédites appartenant à la dynastie des Nasrides d'Espagne. Въ Bullet. de l'Acad. des Sc. To. I, p. 473—478.=Mél. Asiat. To. IV, p. 15—21.

[150]) Lettre à M. de Köhne sur quelques médailles et monnaies modernes de l'Asie. Въ Mém. de la Soc. d'archéol. et de numism. Vol. II, p. 397—404, et Vol. III, p. 248—249. См. также Зап. Археол. Общ. Т. I, стр. 414—422, и Труды Вост. Отд. Археол. Общ. I, стр. 292—293.

[151]) См. Изв. Арх. Общ. I, 48—49.=Труды Вост. Отд. III, стр. 155—157.

[152]) См. Зап. Арх. Общ. Т. VIII, переч. засѣд., стр. 30—31.=Труды Восточн. Отд. II, стр. 220—221. Срав. также замѣтку Сабатьé въ Mém. de la Soc. d'archéol. et de numism. Vol, IV, p. 11—17, Pl. IV, 1—3.

[152a]) См. Труды Вост. Отд. Арх. Общ. II, стр. 206—207.

[153]) См. Изв. Археол. Общ Т. III, стр. 387—421.

[154]) Mélanges de numismatique orientale Extrait. de la Revue de la numismatique belge, 1875, 76 стр. 8°.

[155]) См. Journal de St.-Pétersbourg за 1851 годъ, № 1575 (см. также Журн. Мин. Нар. Просв. за 1852 годъ, ч. LXXIII, Отд. VII, стр. 16—18), за 1857 годъ, № 574, за 1858 годъ, № 680, и Изв. Археол. Общ. Т. II, стр. 253-255. Т. IV, стр. 482—483 и Т. V, стр. 196—198.

[156]) Prince A. Gagarine, Lettre à M. Soret sur quelques monnaies orientales inédites de sa collection. Bruxelles, 1862. 8°. Extr. de la Revue de la numism. belge, 3 série.

[157]) О мѣдныхъ монетахъ адербейджанскихъ атабековъ. Въ газетѣ Кавказъ за 1851 годъ, № 96 (см. Зап. Археол. Общ. Т. V, переч. засѣд., стр. 64.=Труды Вост. Отд. Арх. Общ. II, стр. 201).—Извлеченія изъ писемъ къ акад. Дорну, напечатанныя въ Bullet. hist.-phil. To. VIII, № 11, и To. XIV, № 16.=Mel. Asiat. To. II, p. 504—508; To. III, p. 59—62, и въ Zeitschr. der Deutsch. morgenl. Gesellsch. Bd. X, p. 816—820.

[158]) См. примѣчаніе 105a.

[159]) Въ Изв. Археол. Общ. Т. I, стр. 391.

[160]) О сельджукскихъ монетахъ и о монетѣ Алушъ-Бека. Письмо къ П. С. Савельеву съ примѣчаніями акад. М. И. Броссе. Въ Изв. Археол. Общ. Т. II, стр. 236—239.

[161]) О первыхъ монгольскихъ монетахъ сельджукскаго типа, приписанныхъ Алушъ-Беку. Письмо къ Д. В. Полѣнову. — Въ томъ же томѣ Изв. Археол. Общ., стр. 342—345.

[162]) Lettre (1-re) sur des monnaies koufiques inédites rapportées de Perse. Bruxelles. 1859. Съ 5 табл. рис.—Seconde lettre sur des monnaies koufiques inédites. Bruxelles. 1861. Съ 1 табл. рис.—Troisième lettre sur des monnaies koufiques inédites, trouvées en Géorgie. Bruxelles, 1862. Съ 1 табл. рис.—Quatrième lettre sur des monnaies orientales inédites. Bruxelles, 1864. Съ 2 табл. рис. Всѣ эти письма — отдѣльные оттиски изъ Revue de la numism. belge, 3 série. To, III, V, VI, и 4 série, To. II. Между прочимъ, они очень богаты описаніями гулагуидскихъ монетъ.

[162a]) О неизданныхъ восточн. монетахъ Одесскаго Общ. Ист. и Древ. Въ IX-мъ томѣ Записокъ этого Общества. См. также Zeitschr. der Deut. morg. Ges. Bd. XXVIII, p. 168.

[163]) Описаніе мѣръ, вѣсовъ и монетъ Закавказскаго края. Въ Журналѣ Мин. Внутр. Дѣлъ за 1840 годъ, № 9.

[164]) Въ газетѣ Кавказъ за 1857 годъ, №№ 33, 40 и 41. См. Изв. Археол. Общ. I, стр. 208.

[164a]) См. Вѣстн. Геогр. Общ. за 1852 годъ, часть V, кн. I, отд. V, стр. 13—23 и замѣтку Савельева въ Зап. Археол. Общ. Т. VIII, переч. засѣд., стр. 30—31.=Труды Вост. Отд. II, стр. 209—210.

[165]) Dissertation sur les monnaies géorgiennes, trad. d'une lettre du prince Theïmouraz, avec des éclaircissements. Въ Journal Asiatique 1835, Mai. To. XV, p. 401—445.—Dissertation sur les monnaies géorgiennes. Въ томъ-же журналѣ за 1836 годъ, Juillet (To. II), p. 5—35. -Note sur quelques monnaies géorgiennes du Musée asiatique. Въ Bullet. scientif. Vol. II, p. 381—383. См. также его Hist. de la Géorgie. Introd. pag. CLXXVII—CXCII.

[166]) Нумизматическіе факты Грузинскаго царства. Documents numismatiques du Royaume de Géorgie. Спб. 1844. 8°. Съ 14 табл. рис.

[166a]) Отзывъ Савельева въ Трудахъ Вост. Отд. Арх. Общ. III, стр. 179.

[167]) Rapport sur l'ouvrage de M. Barataïeff, въ Пятнадцатомъ Присужденіи Демидовскихъ наградъ за 1846 годъ.

[168]) См. Зап. Археол. Общ. Т. I, стр. 114—116. С.-Петерб. Вѣд. за 19 Іюня 1847 года и Journ. de St.-Pétersbourg, отъ 21 Іюня 1847 года.

[169]) См. Bullet. hist.-phil. To. IV, № 22, p. 340—345.

[170]) Зап. Археол. Общ. Т. I, стр. 116, 258—262. Classement de médailles géorgiennes au type sassanide, du point de vue de l'art (статья Сабатьѐ).

[171]) Lettres sur la numismatique géorgienne. Въ Bullet. hist.-phil. To. XIV, № 18.=Mél. Asiat. To. III, p. 82—106.

[172]) Lettres numismatiques et archéologiques, relatives à la Transcaucasie. Aves 4 planches lithogr. St.-Pétersbourg. 1859. 4°. См. также Bullet. hist.-phil. To. XVI, № 5.=Mél. Asiat. To. III, p. 487—489.

[173]) Les monnaies de Géorgi VII, et de Constantin II, rois de Géorgie Въ Revue de l'Orient. T. XI (1860), p. 315—318.

[173a]) См. Изв. Археол. Общ. I, стр. 252, 279—280, 390.

[174]) A propos du livre intitulé: Essai de classification des suites monétaires de la Géorgie, depuis l'antiquité jusqu'à nos jours, par M. Victor Langlois; Paris 1860, in 4°. Въ Bullet. de l'Acad. des. sc. To. III, p. 180—215.=Mél. Asiat. To. IV p. 153—203.

[175]) Brosset, Monographie des monnaies arméniennes. St.-Pétersbourg, 1839. 4°. Съ 2 табл. рис. Отдѣльный оттискъ изъ Bullet. scientif. To. VI, № 3—4, p. 33—64.

[175a]) См. Зап. Арх. Общ. Т. V, переч. засѣд., стр. 56—57 и Т. VIII, переч. засѣд. стр. 34.=Труды Вост. Отд. II, стр. 189—190.

[176]) Die Chosroën-Münzen der früheren arabischen Chalifen. Mitau. 1822. 4°. Отдѣльный оттискъ изъ 2-го тома Jahresverhandl. der kurländ. Gesellsch. für Liter. und Kunst.—Supplément au mémoire sur les monnaies arabes (au coin) des Chosroès. Въ Journ. Asiat. 1824. To. IV, p. 331—347. Мнѣніе свое, высказанное въ этихъ двухъ статьяхъ, Френъ впослѣдствіи самъ опровергъ въ сочиненіи: Монеты хановъ улуса Джучіева, 1832, стр. 64.—Ueber eine Münze des Sassaniden Narses. Въ St.-Petersburg. Zeit. 1829, № 6.

[177]) Bullet. hist.-phil. To. I, p. 33 — 34, 2732 — 94. To. IV, p. 163 — 165. To. V, p. 225 - 234. To. X, № 15. (=Mél. Asiat. To. II, p. 249 — 263). To. XII, p. № 6. (=Mél. As. II, p. 387—398). To. XIII, № 22. (=Mél. As. II, p. 608—611). To. XV, № 13, 14. (=Mél. As. III, p. 286 — 315). To. XVI, № 1—2 8—9, 17. (=Mél. As. III. p. 460—475, 506—531, 613—630). Bullet. de l'Acad. des. Sc. To. I, p. 478—480. (=Mél. Asiat. To. IV, p. 22—24) и Zeitschr. der Deut. morg. Ges. Bd. XI, p. 161—168.

[178]) О пеглевійскихъ надписяхъ на монетахъ Табаристана. См. его Мухаммед. Нумизматику, стр. 129—143.

[179]) См. Bullet. hist.-philol. de l'Acad. des sc. To. XIV, № 24. (=Mél. Asiat. To III, p. 149—151.

[180]) См. Зап. Археол. Общ. Т. I, стр. 106 — 109 и 264 — 265. Т. II, стр. 163—164. Т. III, переч. засѣд., стр. 29—30. Т. IV, переч. засѣд., стр. 95—96. Bullet. hist.-phil. de l'Acad. des sc. To. XIV, № 24 и To. XV, № 22. = Mél. Asiat. To. III, p. 138—165 и 349—372.

[181]) Collection de monnaies sassanides de feu le lieutenant-général I. de Bartholomaei, représentée d'après les pièces les plus remarquables. Publiée par B. Dorn. (Avec le portrait de M. de Bartholomaei et XXXII planches gravées). St.-Pétersbourg. 1873. 4°. Seconde édition. St.-Pétersbourg. 1875. 4°.

[182]) Recherches sur la numismatique des rois arsacides. Отдѣльный оттискъ изъ Mém. de la Soc. d'archéol. et de numism. de St.-Pétersbourg, Vol. II, p. 1—80, съ 7 табл. рис.—Extrait d'une lettre à M. Dorn, concernant une monnaie du roi arsacide Tiridate II. Въ Bullet. hist.-philol. To. XVI, № 12. =Mél. Asiat. To. III, p. 584—588.

[183]) Notice sur lecs médailles de Timarque, roi de la Babylonie. Въ Koehne's Zeitschr. für Münz-Siegel-und Wappenkunde. To. VI, (Berlin, 1846).

[184]) Notices sur les médailles des Diodotes, rois de la Bactriane. Въ 3-мъ томѣ того-же журнала (Berlin, 1843).—Réponse à Mr. Droysen. Ibid. Vol. VI.

[185]) Description d'un médaillon rapporté de Boukharie par M. le colonel baron G. de Meyendorff, въ соч. бар. Мейендорфа: Voyage d'Orenbourg à Boukhara, p. 320 — 328, съ рис. Köhler's Gesamm. Schr. Bd. I, 1 — 30; II, 1—4.

[186]) О новомъ экземплярѣ монеты Антимаха Θеоса, съ именемъ Діодота. См. Древности, Археологич. Вѣстникъ, изд. Моск. Археол. Общ. за 1867 г., стр. 165—168. — Землевѣдѣніе Риттера. Кабулистанъ и Кафиристанъ. Спб. 1867, стр. 714—814. См. также Зап. Арх. Общ. Т. V, переч. засѣд., стр. 58—60—Труды Вост. Отд. Арх. Общ. II, стр. 191—193.

[187]) Описаніе Китайскихъ монетъ, переведено съ Японскаго. Спб. 1838. Рукопись, хранящаяся въ Азіятскомъ Музеѣ. См. Dorn, Das Asiat. Mus. p. 123.

[188]) Catalogue des monnaies de cuivre Chinoises, Iaponaises, Coréennes etc. St.-Pétersbourg, 1842, fol. Съ 62 табл. рисунковъ. См. также Dorn, Das Asiat. Mus. p. 124, n° 102.

[189]) Verzeichniss von 265 chinesischen, japanischen und koreischen Münzen und Medaillen des Asiat. Museums. Въ Bullet. hist.-phil. To. II, p. 60 — 71. =Dorn, Das Asiat. Mus. p. 702 -716. Зап. Арх. Общ. Т. III, переч. засѣд., стр. 11, 13—14.

[190]) Catalogue des monnaies et des médailles du cabinet numismatique de l'Université de Casan. Casan, 1855. 4°. Отдѣленіе Китайскихъ монетъ, стр.

1—14. Сравн. Журн. Мин. Народн. Просв. за 1855 годъ, Ноябрь, отд. III, стр. 36—40.

[191]) Введеніе въ Японіи мѣръ, вѣсовъ и монетъ, и сравненіе ихъ съ Русскими. Въ Изв. Археол. Общ. Т. IV, стр. 206—216, съ 2 табл. рис.

[192]) Ueber die Nepalischen, Assamischen und Ceylonischen Münzen des Asiat. Museums. Въ Bullet. hist.-phil. To XI, № 10=Mél. Asiat. To. II, p. 430—436. См. также Frähn, Nov. Suppl. p. 342—350.

[193]) См. Изв. Археол. Общ. I, стр. 392.

[194]) Восточныя монеты музея Импер. Общества Ист. и Древн. въ Одессѣ. Die orientalischen Münzen des Museums der Kais. Historisch-Archäol. Ges. zu Odessa, von Dr. O. Blau. Mit 1 Münztaf. Odessa, 1876. 4°. См. мою замѣтку объ этой книгѣ въ 18-мъ нумерѣ 1-го тома Bolletino Italiano degli studii orientali, гдѣ мною напечатанъ также краткій отчетъ о нѣкоторыхъ другихъ новѣйшихъ трудахъ по восточной нумизматикѣ. Въ 6-мъ выпускѣ тогоже журнала мною помѣщена замѣтка о сочиненіяхъ мадридскаго профессора Франц. Кодера и Зандинъ, посвященныхъ изученію арабо-испанскихъ монетъ.

[195]) Chr. M. Fraehnii Opusculorum postumorum pars secunda, adnotationes in varia opera numismatica continens. Edidit B. Dorn. Petropoli, 1877. 8°. Въ концѣ книги помѣщены Additamenta editoris, три указателя, четвертый, дополнительный, прибавленъ къ предисловію) и особый Πάρεργον, служащій отзывомъ на мою «Замѣтку въ память Х. Д. Френа», напечатанную въ Сѣв. Пчелѣ за 1860 годъ. См. Bollet. Ital. degli stud. orient. I, n° 22, и брошюру мою: Френовы рукописи и акад. Дорнъ. Варшава, 1877.

[196]) Bullet. du Congrès international des orientalistes à St.-Pétersbourg, pag. 112—113.

[197]) Ibid. pag. 114.

[198]) Ibid. pag. 117.

Алфавитный указатель авторовъ

(Цифры относятся къ примѣчаніямъ)

Байеръ (Ѳ. З.) 6.
Баратаевъ (кн. М. П.) 166.
Бартоломей (И. А.) 105а, 158, 159, 160, 162, 168, 170, 171, 172, 173, 180, 181, 182, 183, 184.
Березинъ (И. Н.) 35, 88.
Блау (О.) 162а, 194.
Броссѐ (М. И.) 105, 125, 155, 165, 167, 169, 172, 173а, 174, 175.
Васильевъ (В. П.) 190, 193.
Вельяминовъ-Зерновъ (В. В.) 125, 148, 149.
Воронкевичъ-Басанцъ (К.) 163.
Гагаринъ (кн. А. Г.) 156.
Гамазовъ (М. А.) 164а.
Ганзенъ (А.) 102.
Гейтлинъ (Г.) 103, 104.
Гецель (В. Ф.) 8.
Григорьевъ (В. В.) 80, 81, 82, 89, 111, 112, 113, 126, 132, 134, 138, 143, 161, 186.
Де-Сенъ-Тома 163.
Дорнъ (Б. А.) 75, 76, 77, 78, 79, 87, 125, 145, 177, 181, 195.
Іакинѳъ (от.) 187.
Кёлеръ (Е. Е.) 185.
Кёне (Б. В.), 137а. 175а.
Керъ (Г. Я.) 2, 3.
Клапротъ (Юл.) 9.
Лагусъ (Б.) 197.
Лелевель (І.) 57.
Леонтьевскій (З. Ѳ.) 189.
Лерхъ (П. И.) 147, 196.
Лихачевъ (А. Ѳ.) 106, 129, 140.
Маховъ (И. В.) 191.
Мурзакевичъ (Н. Н.) 135.
Палласъ (П. С.) 7.
Сабатьѐ (І.) 152, 170.
Саблуковъ (Г. С.) 127.
Савельевъ (В. К.) 128.
Савельевъ (П. С.) 40, 83, 84, 85, 86, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 110а, 110б, 114, 115, 116, 117, 118, 119 120, 121, 122, 123, 124, 133, 134, 146, 150, 151, 152, 153, 154, 164а, 170, 178.
Свидзинскій (гр. К.) 136.
Сенковскій (О. И.) 28, 29, 30.
Сорѐ (Фр.) 40, 124.
Тизенгаузенъ (В. Г.) 107, 108, 109, 110, 130, 139, 153, 154, 194, 195.
Фолькъ (В.) 198.
Френъ (Х. Д.) 10, 11, 12, 13, 14, 16, 16а, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 31, 38, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55. 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 79, 131, 134, 141, 154, 176, 195.
Ханыковъ (Н. В.) 144, 157, 179.
Шармуа (Ф. Ф.) 32, 33.
Шифнеръ (А. А.) 40, 192.
Шмидтъ (І. І.) 40.
Шодуаръ (бар. С. И.) 188.
Шульце (И.) 5.
Эрдманъ (Фр. И.) 10, 34, 36, 39.
Юргевичъ (В.) 137.

33

О МНИМОМЪ ПОХОДѢ

ТАКЛАТЪ-ПАЛАСАРА

КЪ

БЕРЕГАМЪ ИНДА.

К. П. Патканова.

Однимъ изъ замѣчательныхъ ассирійскихъ царей былъ Таклатъ-Паласаръ II (745—727), который не только возстановилъ находившееся временно въ упадкѣ могущество Ассиріи, но и распространилъ предѣлы государства, почти во всѣхъ направленіяхъ, гораздо далѣе чѣмъ они были при его предшественникахъ. Тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ онъ нанесъ чувствительныя пораженія Вавилонянамъ, предпринялъ опустошительные набѣги въ Арменію, Мидію, Курдскія горы, и возстановилъ въ этихъ странахъ ассирійское вліяніе. Но болѣе замѣчательны его походы на западъ, въ Сирію и Палестину, о которыхъ говорится въ Библіи (IV Кн Царствъ, XV и др.) Современниками его были цари израильскіе Манаимъ и Факія, и іудейскій Азарія. Таклатъ-Паласаръ, по всей вѣроятности, то самое лицо которое въ другихъ мѣстахъ Книги Царствъ встрѣчается подъ именемъ Фула. Исторія этого государя, какъ по библейскимъ источникамъ, такъ и на основаніи современныхъ ассирійскихъ надписей, довольно подробно разработана въ трудахъ Опперта, Раулинсона, Масперо, Дункера и другихъ.

Цѣль нашей статьи заключается не въ разсмотрѣніи всего царствованія Таклатъ-Паласара II, а только одного его похода, въ теченіе котораго онъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, завоевалъ всю Персію и Афганистанъ до самаго Инда. Мы-же полагаемъ что весь этотъ походъ ограничивался предѣлами одной Мидіи.

Во время своихъ раскопокъ въ развалинахъ дворца въ Нимрудѣ, Лайардъ между прочимъ, открылъ нѣсколько разбитыхъ таблицъ съ надписями Таклатъ-Паласара II. Ни одна изъ надписей этого царя не сохранилась въ полномъ видѣ и цѣлости. Всѣ онѣ страдаютъ большими пропусками, разбитыми и стертыми мѣ-

стами. Но несмотря на всѣ эти недостатки, ученые уже обратили свое вниманіе на ихъ важность, какъ для библейской исторіи, такъ и для исторіи почти всей Передней Азіи, и въ достаточной степени оцѣнили ихъ значеніе.

Одна изъ этихъ надписей, хранящихся въ Британскомъ Музеѣ, издана во второмъ томѣ Inscriptions of Western Asia, pl. 67. Въ ней съ 29 строки перечисляется рядъ собственныхъ именъ мѣстностей, числомъ тридцать пять. Дѣло идетъ объ одномъ походѣ Таклатъ-Паласара II, гдѣ онъ забираетъ одну за другой всѣ эти мѣстности. Эта надпись переведена Менаномъ въ его Annales des rois d'Assyrie, 1874, стр. 140—144, и Смисомъ въ его Assyr. Discov. 1876, стр. 256—265.

Такъ какъ у Менана встрѣчается множество опечатокъ въ чтеніи собственныхъ именъ, то мы выписываемъ названія мѣстностей изъ перевода Смиса, транскрипція котораго провѣрена нами по оригинальному тексту.

Вотъ списокъ этихъ именъ:

Строка 29: 1. Намри (Зимри), 2. Битъ-Сангибути, 3. Битъ-Хамбанъ, 4. Сумурзу, 5. Барруа, 6. Битъ-Суалзасъ, 7. Битъ-Матти, 8. городъ Нику въ странѣ Умліасъ (у Ленормана отдѣльно: Al Niqûsa. Mat-Massias), 9. Битъ-Таранзаи, 10. Парсуа, 11. Битъ-Затти.

Строка 30: 12. Битъ-Абдадани, 13. Битъ-Капси (у Ленорм Битъ-Инси), 14. Битъ-Санги, 15. Битъ-Урзикки (можно читать также: Таззакки), 16. Битъ-Са (Ленорм. и Менанъ читаютъ: Битъ-Истаръ), 17. городъ *Закрути* (читаютъ также: Зикрути), 18. Гизиникисси, 19. Нисса, 20. городъ Сибуръ, 21. городъ Уримзанъ, 22. Раузанъ?

Строка 31: 23. Нипарія (или Парія) 24. Бустусъ, 25. *Аріарми*, 26. Буруми-сари-иссуръ, 27. Саксукни, 28. *Аракутту*, 29. Каръ-Зипра 30. Гукинана, 31. Битъ-Сакбатъ, 32. Силхази, который Вавилоняне называютъ Крѣпкимъ, 33. Руади, 34. Битъ-Мунатускана, и 35. Сикра.

Еще Норрисъ (Assyrian Dictionary) сравнилъ нѣкоторыя изъ этихъ названій, а именно: 17. Закрути, 25. Аріарми и 28. Аракутту съ извѣстными иранскими мѣстностями, сохранившимися у Грековъ: Сагартіей, Аріей, Арахозіей. Мимоходомъ высказанную догадку Норриса извѣстный ассиріологъ Фр. Ленорманъ развилъ и съ убѣдительными доводами изложилъ въ статьѣ своей „Sur la campagne de Teglath Phalasar II dans l'Ariane", напечатанной въ Zeitschr. für Aegypt. Sprache und Alterthumskunde, 1870, стр. 48—55, 69—71.

Въ этой статьѣ своей авторъ, кромѣ вышеизложенныхъ назва-

ній (Закрути, Аріарми, Аракутту), находитъ возможнымъ отождествить еще слѣдующія: 5. Барруа—съ Vera XI книги Страбона; 7. Битъ-Матти—съ Matiani Геродота, жителями южныхъ береговъ Урміи; 10. Парсуа—съ Парѳіей; и 12. Абдадана—съ городомъ Abadan, до сихъ поръ существующимъ въ западной части древней Парѳіи; 16. Урзикки — съ городомъ Asaak Исидора Харакскаго, въ южной части Парѳіи. Это имя слѣдуетъ, по его мнѣнію, исправить въ Arsak-такъ какъ въ немъ провозглашенъ былъ царемъ Арсакъ, родоначальникъ парѳянской династіи. „Съ другой стороны, ассирійская форма имени города Урзикки даетъ намъ полное право на такую поправку названія Asaak въ Arsak". Странное доказательство! Далѣе, 16. Битъ-Истаръ—съ городомъ Астрабадомъ (Aster-abad); 17. Закрути—съ главнымъ городомъ персидской Сагартіи, также вѣроятно, Сагартіей (?); 19. Нисса—съ Nisaea Исидора Харакскаго; 20. Сибуръ—съ Σαφρὶ Исидора, и съ Σιφάρη Птоломея (VI, 17, 4); 22. Раузанъ – съ Ῥαγαῦ Исидора, нынѣ Roudjan; 23. Парія—съ Phra Исидора, въ Драангіанѣ, нынѣ Farrah; 24. Бустусъ—съ Βὶστ Исидора (въ рукописяхъ постоянно Βὺτ), нынѣ Bist или Bost на границахъ древней Арахозіи. Слѣдующія затѣмъ мѣстности, по мнѣнію автора, находились за Арахозіей на правомъ берегу Инда, который по всей вѣроятности не былъ перейденъ; иначе переходъ черезъ такую значительную рѣку былъ бы упомянутъ въ надписи. 31. Сакбатъ и 32. Силхази, находились у самаго устья Инда. „Съ послѣднею мѣстностью Вавилоняне познакомились во время своихъ морскихъ путешествій съ коммерческою цѣлью. Названіе-же Руади произошло, вѣроятно, вслѣдствіе поселенія въ тѣхъ мѣстахъ колоніи Арватидовъ, жителей финикійскаго города Арада".

Такимъ образомъ эти 35 мѣстностей, по мнѣнію Ленормана, составляютъ послѣдовательные этапы завоеваній Таклатъ-Паласара въ одинъ конецъ, въ теченіе одного похода къ берегамъ Инда. Такъ какъ завоеватель, вѣроятно, воротился тѣмъ же путемъ то онъ не нашелъ нужнымъ повторять названія мѣстностей въ обратномъ порядкѣ. Далѣе, въ надписи съ 34 строки снова повторяются, съ нѣкоторыми пропусками, тѣже имена, начиная съ 32, Силхази включительно. Это доказываетъ, по мнѣнію автора, новый наступательный походъ Таклатъ-Паласара въ томъ же направленіи, т. е. прибавимъ мы, за Афганистанъ, такъ какъ Силхази, по его же мнѣнію, находился у самыхъ устьевъ Инда. Такимъ образомъ, Ленорманъ полагаетъ, что ассирійскимъ завоевателемъ были предприняты непосредственно другъ за другомъ два похода, и оба эти похода исходною точкой имѣли область Намри, а крайнею цѣлью, —Силхази, при устьѣ Инда. Все это говорится на основаніи надписи

Къ статьѣ приложена небольшая карта, на которой черта идущая съ запада на востокъ указываетъ направленіе похода. Эта черта сначала дѣлаетъ небольшіе изгибы по направленію къ южнымъ берегамъ Каспійскаго моря, откуда прямо тянется на востокъ и достигаетъ Нисеи (Нишапура). Изъ Нисеи предпринимается отдѣльный походъ въ Зикрути (персидскую Сагартію, въ Караманіи). Завоевавъ и этотъ край, войско возращается тѣмъ же путемъ опять въ Нисею. Оттуда черта идетъ въ Сибуръ, гдѣ, по предположенію автора (на картѣ въ Аріарми), армія Таклатъ-Паласара раздѣляется на два отряда. Одинъ, поворотивъ круто на юговостокъ черезъ Арію, идетъ къ устьямъ Инда; другой продолжаетъ нѣкоторое время двигаться на востокъ, затѣмъ, взявъ направленіе на югъ, завоевываетъ Арахозію и, двигаясь далѣе, встрѣчается съ первымъ отрядомъ у самыхъ устьевъ Инда.

Изъ представленнаго изложенія содержанія извѣстной статьи г. Ленормана читатель можетъ убѣдиться въ томъ, что уже въ 1870 году большая часть названій завоеванныхъ Таклатъ-Паласаромъ мѣстностей была отожествлена авторомъ названной статьи съ мѣстностями извѣстными намъ изъ другихъ источниковъ. Остроумныя и на первый взглядъ убѣдительныя сближенія г. Ленормана приводятъ насъ, вмѣстѣ съ ассирійскимъ завоевателемъ, на берега Инда, и какъ будто подтверждаютъ древнее преданіе о походахъ Нина и Семирамиды въ Восточный Иранъ и въ Индію.

Многочисленные ученые и популярные труды г. Ленормана принесли тамъ много пользы дѣлу Ассиріологіи, что мы не обратили бы серьезнаго вниманія на нѣкоторые его промахи и недоразумѣнія, неразлучные съ изслѣдованіями въ новой научной области, имѣя въ виду то обстоятельство, что въ теченіе 6—7 лѣтъ, истекшихъ со времени появленія его статьи, обнародовано нѣсколько новыхъ сочиненій касающихся перевода надписей и ихъ объясненій, сочиненій значительно расширившихъ наши свѣдѣнія относительно Исторіи и Географіи не только самой Ассиріи, но и тѣхъ странъ и народовъ съ которыми Ассирійцы вступали въ столкновеніе. Однимъ словомъ, мы не стали бы въ настоящее время критически разбирать статьи г. Ленормана, еслибъ выводы его оказались въ данное время уже устарѣвшими и не требующими опроверженія. Но дѣло въ томъ, что весьма солидные историки, каковы Масперо (Histoire Ancienne, 1875, стр. 371—372), Дункеръ (Geschichte des Alterthums, II, vierte verbesserte Ausgabe, 1875 г. стр. 218) и другіе приняли результаты добытые этимъ изслѣдованіемъ г. Ленормана въ свои курсы, какъ вполнѣ достовѣрные и доказанные факты; на счетъ-же Парсуа, Аракуту и Аріарми всѣ кунеологи до

сихъ поръ согласны въ томъ, что эти названія означаютъ Парѳію [1]) (иные Персію), Арахозію и Арію, и въ переводахъ своихъ изъ текстовъ они за этими ассирійскими названіями всегда ставятъ въ скобкахъ ихъ греческіе эквиваленты. Къ этому мнѣнію присоединился и осторожный въ отожествленіяхъ Менанъ, который, въ изданныхъ имъ въ 1874 году „Annales des rois d'Assyrie" (на стр. 147), говоритъ: „Тиглатъ Пилезаръ предпринялъ отдаленный походъ въ Арію. Между завоеванными областями мы встрѣчаемъ имена въ тождествѣ которыхъ трудно сомнѣваться: Парсуа—Персія; Зикрути—Сагартія; Аріарми—Арія Грековъ; Аракутту—Арахозія" [2]).

Однако вопреки такому единодушному согласію кунеологовъ и историковъ съ выводами Ленормана, мнѣ кажется, что весь походъ Таклатъ-Паласара ограничивался Мидіей и не переходилъ за ея предѣлы, и что не можетъ быть рѣчи не только о завоеваніи Ассирійцами Аріи, Арахозіи и береговъ Инда, но даже Парѳіи. Случайное сходство Аріарми и Аракутту съ Аріей и Арахозіей, замѣченное еще Норрисомъ, убѣдило остроумнаго ученаго въ ихъ тожественности и породило въ немъ желаніе сообщить свое убѣжденіе другимъ, обставивъ свои гипотезы доводами изъ запаса своихъ географическихъ свѣдѣній и обширной начитанности. При этомъ онъ прибѣгаетъ къ такимъ натяжкамъ и искусственнымъ построеніямъ, которыя не выдерживаютъ, по нашему мнѣнію, малѣйшей хладнокровной провѣрки. Увлеченіе г. Ленормана объясняется, какъ мы уже говорили, случайнымъ созвучіемъ крайнихъ пунктовъ похода съ исторически извѣстными мѣстностями, Аріей и Арахозіей, и преданіемъ о походахъ древнихъ ассирійскихъ царей въ Восточный Иранъ. Разъ допустивъ возможность такого отожествленія, онъ легко подчинился мысли уяснить себѣ весь маршрутъ ассирійскаго завоевателя, и отожествить промежуточныя мѣстности съ названіями мѣстностей извѣстныхъ намъ изъ другихъ источниковъ, мѣстностей указывавшихъ на востокъ. Легкому на видъ разрѣшенію его задачи не мало содѣйствовало: съ одной стороны—несовершенство ассирійскаго письма для выраженія собственныхъ

---

[1]) Отожествленіе Parthia съ Parsua Ассирійцевъ допускается также Кипертомъ (Lehrb. der alt. Geogr. 1877. I, 64): nach Lenormant's sehr wahrscheinliher Erklärung der Inschrift des K. Samsibin.

[2]) На этомъ основаніи въ картѣ приложенной къ Анналамъ Менана имена Парсуа, Зикрути, Нисса, Аріарми и Аракуту помѣщены частью въ Западномъ, частью въ Восточномъ Иранѣ. Масперо-же въ своей картѣ (Manuel, p. 376) кромѣ вышеупомянутыхъ выставилъ еще названія: Ріа, Истаръ Парія, гора Наалъ, Сакбатти, все въ мѣстахъ опредѣленныхъ для нихъ Ленорманомъ.

именъ, особенно чужестранныхъ, съ другой—отсутствіе твердаго и установившагося руководства для чтенія этихъ именъ. Идеографическія значенія ассирійскихъ письменныхъ знаковъ и полифонія ихъ дѣлаютъ то, что одно и тоже имя можетъ быть читано различнымъ образомъ. Имѣя въ виду поговорить въ другомъ мѣстѣ обстоятельнѣе о несовершенствахъ ассирійскихъ транскрипцій, мы ограничимся здѣсь слѣдующимъ выводомъ: на бо̀льшую часть географическихъ именъ, встрѣчаемыхъ въ ассирійскихъ текстахъ и передаваемыхъ въ транскрипціяхъ европейскими алфавитами, слѣдуетъ смотрѣть не какъ на имена когда либо существовавшія, а какъ на алгебраическіе знаки x, y, z, искомое значеніе которыхъ только современемъ будетъ найдено, или по крайней мѣрѣ съ достовѣрностью подтверждено. Для бо̀льшей наглядности и для уясненія сказаннаго нами, приведемъ примѣръ изъ интересующаго насъ списка именъ, а именно мѣстностей 15 и 16, читаемыхъ г. Ленорманомъ и нѣкоторыми кунеологами, Урзикки и Истаръ, и потому легко отожествляемыхъ съ Αρσάκ и Астерабадомъ (не говоря уже о томъ что переправка имени города Ασάκ въ Αρσάκ не имѣетъ никакого основанія). Эти-же самыя названія съ такою же достовѣрностью, на основаніи ассирійскаго Силлабара, могутъ быть читаны: Тазакки (Smith l. c. 269) и Са (стр. 260). Въ такомъ случаѣ все кажущееся ихъ сходство исчезаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и главное основаніе для ихъ отожествленія. Такимъ образомъ два звена въ крѣпко-скованной г. Леморманомъ цѣпи маршрута Таклатъ-Паласара II къ Инду оказываются если не разбитыми, то значительно ослабленными.

Выражая предположеніе несогласное съ общепринятымъ, мы вовсе не думаемъ представить массу такихъ ясныхъ доказательствъ, которыя сразу опровергли бы установившееся мнѣніе. Еслибъ въ настоящее время существовали подобныя ясныя доказательства ложности высказаннаго г. Ленорманомъ и другими кунеологами мнѣнія, то люди лучше насъ знакомые съ предметомъ давно обратили бы на нихъ свое вниманіе, и истина была бы уже возстановлена. Наши доводы, сверхъ прямыхъ доказательствъ, основаны главнымъ образомъ на нѣсколькихъ соображеніяхъ, вытекающихъ изъ знакомства съ тѣми данными которыя встрѣчаются въ историческихъ памятникахъ Ассирійцевъ, и повидимому не имѣющихъ прямой связи съ занимающимъ насъ вопросомъ. При этомъ не слѣдуетъ выпускать изъ виду того, что, при обиліи непонятныхъ и непріуроченныхъ географическихъ именъ въ ассирійскихъ текстахъ, гораздо легче высказать какое нибудь ложное мнѣніе, чѣмъ опровергнуть его. Если г. Ленорманъ, на основаніи тѣхъ же данныхъ, т. е. созвучій,

попытался бы повести Таклатъ-Паласара не къ Инду, а къ берегамъ Днѣпра, то мы, вполнѣ сознавая несуществованіе подобнаго факта въ Исторіи, затруднились бы однако найти въ памятникахъ прямыя доказательства для опроверженія такой попытки. Несмотря на то, мы надѣемся что наши доводы будутъ на столько убѣдительны, что въ читателѣ останется мало сомнѣнія на счетъ направленія и исхода интересующаго насъ похода.

I.

Первоначальная Ассирія, изъ которой выросла впослѣдствіи Ассирійская Монархія, лежала на лѣвомъ берегу Тигра по среднему его теченію. Южною границею ея былъ Нижній Забъ (Caprus). Къ востоку отроги Загроса отдѣляли ее отъ мидійскихъ областей; Кордуенскія (нынѣ Бохтанскія) горы замыкали Ассирію съ сѣвера. Эта узкая полоса земли, плодородная только у подошвы и на скатахъ Курдскихъ горъ, въ другихъ частяхъ своихъ представляла почву мало производительную. Только помощію черпательныхъ машинъ и оросительныхъ канавъ она могла быть доведена до извѣстной степени плодородія. Безъ ввоза извнѣ, Ассирія едва-ли могла прокормить многочисленное населеніе. За то разные сорты горныхъ породъ: песчаника, мрамора, алебастра, имѣлись въ изобиліи и доставляли прекрасный матеріалъ для построекъ.

Древнѣйшая исторія Ассиріи намъ мало извѣстна. Знаемъ только, что она сначала управлялась первосвященниками (patesi), а впослѣдствіи—царями (sarru). Первоначально колонія Вавилонянъ, Ассирія, побуждаемая, съ одной стороны, малою производительностію почвы, съ другой—чувствомъ самосохраненія, мало по малу обратилась въ военную державу въ полномъ смыслѣ слова. Для защиты своихъ предѣловъ, но главнымъ образомъ для добычи хлѣба и скота и для грабежа, Ассирійцы вели свои войны. Изъ многихъ мѣстъ надписей и хронологическихъ таблицъ мы видимъ, что походы были ежегодные во все продолженіе существованія государства. Можно даже съ увѣренностію предполагать, что эти войны были для нихъ обязательны вслѣдствіе извѣстнаго государственнаго устройства и того идеала къ достиженію котораго, по мнѣнію Ассирійцевъ, должна была стремиться царская власть. Царь былъ неограниченный властитель своего народа, высшій его судья, главный предводитель войска и верховный первосвященникъ. Онъ былъ истолкователь воли боговъ, являвшихся ему въ видѣніи, и исполнитель ихъ повелѣній. Но на немъ лежали въ тоже время тяжелыя обязанности: онъ долженъ былъ считать врагами всѣхъ своихъ сосѣдей, неподчиняющихся ему; его обязанность—воевать съ ними безъ отдыха,

покорять и заставлять ихъ служить себѣ. Онъ долженъ былъ быть честолюбивъ, недовольствоваться тѣмъ что уже завоевано, какъ-бы ни велики были эти завоеванія; постоянно стремиться къ расширенію своихъ владѣній и къ обогащенію себя и своего народа на счетъ покоренныхъ; быть благочестивымъ и распространять культъ своихъ боговъ между народами не признававшими ихъ, а главное — онъ долженъ былъ воевать, воевать во что бы ни стало.

Для веденія этихъ войнъ необходимо было содержать значительное постоянное войско разнаго рода оружія, обученное извѣстному, выработанному временемъ и опытомъ, военному искусству. Весь военный быть Ассирійцевъ сохранился для насъ на барельефахъ въ развалинахъ ассирійскихъ дворцовъ. Мы видимъ, что главная сила Ассирійцевъ, пѣхота, состояла изъ различныхъ полковъ, отличавшихся другъ отъ друга, и одѣяніемъ, и вооруженіемъ. Тяжело вооруженная пѣхота носитъ конусообразные щиты и латы. Оружіе — пика, мечь и небольшой овальный щитъ. Стрѣлки и пращники составляли легкую пѣхоту. Ихъ прикрывали обыкновенно щитоносцы высокими щитами въ человѣческій ростъ. Цари лично участвовали въ бояхъ, стрѣляя съ колесницъ. Многочисленная конница также составляла необходимую принадлежность ассирійской арміи. Лошади частію осѣдланы, частію безъ сѣдла, всадники вооружены пиками и луками. Важную роль въ ассирійскомъ войскѣ играли также боевыя колесницы. Число ихъ было значительно. Ряды лагерныхъ палатокъ отдѣлены другъ отъ друга широкими улицами. Иногда лагери укрѣплены по всѣмъ правиламъ военнаго искусства. Внутренность шатровъ также не скрыта отъ нашихъ взоровъ. Въ одной походной палаткѣ солдаты готовятъ себѣ пищу въ котлахъ стоящихъ на камняхъ, между которыми разведенъ огонь; въ другихъ лежатъ на постеляхъ или кроватяхъ раненные. Барельефы представляютъ и другія стороны военнаго быта, напр. переходъ войска черезъ рѣку: царь, колесницы и вѣроятно багажъ перевозятся на лодкахъ; лошади и люди переплываютъ рѣку съ помощію дутыхъ бурдюковъ. Въ другомъ мѣстѣ изображено цѣлое сраженіе: тяжело вооруженная пѣхота, опустившись на одно колѣно, съ пикой на готовѣ, ожидаетъ натиска непріятелей. За нею стрѣлки съ натянутыми луками. Не рѣдко встрѣчаемъ сцену штурма на непріятельскую крѣпость съ зубчатымъ верхомъ и съ двумя или тремя рядами стѣнъ. Къ стѣнамъ приставлены лѣстницы, по которымъ Ассирійцы взбираются на верхъ, но поражаемые осажденными падаютъ, а за ними взбираются новые охотники. Между тѣмъ другіе, подъ защитой высокихъ, сверху загнутыхъ, щитовъ, вынимаютъ мечами или ломами камни изъ стѣнъ, съ цѣлью сдѣлать въ нихъ проломъ.

Ассирійцамъ знакомо было искусство подкоповъ и проведенія подземныхъ проходовъ, черезъ которые они врывались въ непріятельскій городъ или укрѣпленіе: мы встрѣчаемъ у нихъ разнаго рода стѣнобитныя машины и подвижныя башни съ особыми приспособленіями, и т. д.

Содержаніе подобной арміи очевидно требовало большихъ расходовъ. Прокормить ее не могла маленькая Ассирія. Приходилось поневолѣ содержать войско главнымъ образомъ на счетъ реквизицій въ непріятельскихъ странахъ, и потому ежегодные походы были необходимы. Эти постоянныя войны имѣли кромѣ того цѣлью поддерживать бодрость духа и воинственность, какъ въ народѣ ассирійскомъ, такъ и въ царяхъ, далеко не такихъ празднолюбцахъ, какъ о томъ сообщаютъ намъ древніе.

Трудно найти другое государство, которое выставило бы такой длинный рядъ воинственныхъ, энергическихъ, неутомимыхъ въ борьбѣ, царей, какъ Ассирія. Если вѣрить тому что сами Ассирійцы говорятъ о себѣ въ памятникахъ, то они вели войны не столько для расширенія своихъ владѣній, сколько для славы и для того чтобы принудить покоренные народы поклоняться богамъ ихъ: Ассуру, Сину, Самасу, Истару, Бину, Адару. Но это, конечно, не болѣе какъ благочестивая ложь. Побудительною причиною ихъ частыхъ войнъ была страсть къ наживѣ посредствомъ грабежа.

Вслѣдствіе подобнаго направленія государственныхъ силъ, небольшая Ассирія быстро обращается въ сильную державу, грозную для всѣхъ безъ исключенія сосѣдей, близкихъ и дальнихъ. Въ теченіе всего шестисотлѣтняго своего существованія въ качествѣ великой державы, Ассирія не знала покоя, но не давала покоя и другимъ. То на сѣверъ, то на югъ, на востокъ и на западъ ассирійскіе полки, бо̀льшею частью подъ личнымъ начальствомъ своихъ царей, вторгались, въ буквальномъ смыслѣ слова, съ огнемъ и мечемъ, въ предѣлы сосѣдей, опустошали, жгли, умерщвляли, и такимъ образомъ грабили имущество, налагали дань, уводили съ собой людей, коней, крупный и мелкій скотъ. О всемъ этомъ они сами неоднократно повѣствуютъ въ своихъ надписяхъ. Что главная цѣль ихъ походовъ и вторженій была военная добыча, доказывается также изображеніемъ тѣхъ сценъ которыя сохранились на барельефахъ ассирійскихъ дворцовъ. Мы видимъ, что солдаты, по взятіи города или крѣпости, не грабятъ лично въ свою пользу и не присвоиваютъ себѣ добычи. Они, какъ видно, были пріучены къ систематическому обыску всѣхъ мѣстъ гдѣ могло храниться что либо драгоцѣнное. Храмы, дворцы, общественныя зданія и частные дома послѣдовательно перерываются сверху до низу. Все добытое

этимъ путемъ солдаты сносятъ въ одно назначенное для того мѣсто, отдѣляя при этомъ болѣе драгоцѣнныя вещи отъ менѣе цѣнныхъ. Нарочно приставленные писцы записываютъ въ свиткахъ каждую вещь, а драгоцѣнные металлы даже взвѣшиваютъ на вѣсахъ.

Между тѣмъ другія сцены наглядно изображаютъ безпощадную экзекуцію попавшихъ или сдавшихся въ плѣнъ. Иныхъ сажаютъ на колъ, но не такъ какъ дѣлаютъ это въ Турціи, а подъ грудную доску или подъ шею; другимъ размозжаютъ головы палицею или кистенемъ, предварительно закрѣпивъ имъ руки къ землѣ или къ стѣнѣ. Въ другомъ мѣстѣ рубятъ головы, сдираютъ кожу, отрѣзываютъ носы, оконечности рукъ и ногъ, вырываютъ языки. Для казней всякаго рода придуманы и прилажены подходящія приспособленія. Все дѣлается обдуманно, методически. Мельчайшія подробности экзекуцій происходятъ передъ глазами нашими въ барельефныхъ изображеніяхъ, и дополняютъ то что мы узнаемъ изъ надписей, не считающихъ нужнымъ смягчать картины ужасовъ: „я содралъ кожу съ предводителя; иныхъ замуровалъ въ стѣны; другихъ посадилъ на колъ; тѣмъ отрѣзалъ носы и уши, инымъ руки и ноги; другимъ выкололъ глаза; изъ живыхъ и мертвыхъ я воздвигъ *идумъ* (пирамиды?) до высоты стѣнъ; изъ отрубленныхъ головъ навалилъ кучи; сыновей и дѣвицъ ихъ я обезчестилъ“ и т. д. Мерзкій народъ!

Плѣнники употреблялись главнымъ образомъ для публичныхъ работъ при возведеніи общественныхъ зданій, дворцовъ и при постройкѣ городовъ. Часть ихъ отдавалась въ рабство военнымъ людямъ и жрецамъ при храмахъ. Плѣнныя женщины раздавались тоже, вѣроятно, солдатамъ. Кони шли для снаряженія боевыхъ колесницъ и для кавалеріи, а стада крупнаго и мелкаго скота—на прокормленіе населенія и гарнизоновъ. Число угнаннаго скота иногда было довольно значительно. Такъ, въ надписи Сенахериба встрѣчаемъ между прочимъ слѣдующія цифры: 7209 лошадей, 5230 верблюдовъ, 11000 муловъ, 12000 рогатаго скота, 800,000 овецъ.

Къ сѣверу и къ востоку отъ Ассиріи, въ долинахъ и ущеліяхъ Загроса, въ Курдскихъ и Армянскихъ горахъ, издавна жили многочисленныя горскія племена, богатство которыхъ состояло, главнымъ образомъ, въ стадахъ рогатаго и мелкаго скота и въ табунахъ превосходныхъ коней. Живя на предѣлахъ Ассирійцевъ, они рано обратили на себя ихъ вниманіе, возбудивъ ихъ жадность стадами и другими произведеніями своихъ земель.

Эти племена, родоначальники историческихъ Армянъ, Курдовъ и Мидянъ, раздѣленныя въ то время на безчисленное множество

мелкихъ народностей и колѣнъ, разрозненныя между собою родовыми распрями и наслѣдственной враждой, конечно не могли съ успѣхомъ сопротивляться боевой силѣ Ассирійцевъ. Не понимая ясно своихъ общихъ интересовъ, они дѣйствовали разъединенно, давая хищнымъ сосѣдямъ возможность одолѣвать ихъ каждаго отдѣльно. Только съ IX столѣтія замѣчаемъ въ нихъ нѣкоторое стремленіе заключать между собою союзы для отраженія ассирійскихъ вторженій. Впрочемъ и эти союзы, въ виду превосходства организаціи военныхъ силъ Ассиріи, не спасали ихъ отъ весьма частыхъ пораженій. Лишь неприступнымъ горнымъ ущеліямъ и своему свободолюбію они обязаны были тѣмъ, что, несмотря на постоянные походы Ассирійцевъ въ ихъ земли въ теченіи столѣтій, они большею частью успѣли сохранить свою независимость и пережили даже существованіе самой Ассиріи. Обыкновенно послѣ перваго пораженія они бѣжали и скрывались въ недоступныхъ мѣстностяхъ своей гористой родины; оставшіеся въ открытыхъ мѣстностяхъ смирялись и изъявляли готовность платить дань. Ассирійцы, съ своей стороны, рѣзали, грабили, налагали дани и уходили. Но лишь только полки ассирійскіе покидали предѣлы страны, племена снова считали себя независимымы, забывали о дани, и на слѣдующій годъ снова навлекали на себя походъ, и это повторялось не разъ не два, а изъ году въ годъ въ теченіе столѣтій. Изъ памятниковъ ассирійскихъ узнаемъ, напримѣръ, что обширная область Наири была окончательно завоевана Ассирійцами еще въ XII вѣкѣ до Р. Х. Однако до самаго VIII вѣка рѣдкій изъ царей не предпринималъ туда неоднократныхъ походовъ, и въ надписяхъ каждый изъ нихъ говоритъ о совершенномъ разгромленіи и объ окончательномъ завоеваніи края. Чѣмъ объяснить это невѣроятное упорство съ одной стороны, и неумѣнье подчинить себѣ завоеванные народы—съ другой? Энергія и сила сопротивленія каждаго свѣжаго, находящагося еще въ племенномъ состояніи, народа бываютъ вначалѣ необыкновенно велики. Мелкія распри, родовыя несогласія, междоусобія между отдѣльными племенами поддерживаютъ въ нихъ бодрость духа и воинственность. Совершенно другое вліяніе имѣетъ на такой народъ столкновеніе съ сильнымъ, организованнымъ государствомъ, стремящимся поработить его. Цѣлые вѣка постоянныхъ войнъ, въ которыхъ истребляется цвѣтъ населенія, люди наиболѣе воинственные, содѣйствуютъ естественно нарожденію поколѣнія менѣе стойкаго, менѣе энергичнаго и болѣе склоннаго къ утомленію. Каждое новое столкновеніе съ сильнымъ сосѣдомъ нечувствительно уменьшаетъ въ народѣ массу энергіи, и въ тоже время способствуетъ дальнѣйшему ослабленію будущаго поколѣнія. Мо-

лодые, сильные люди умираютъ на войнѣ отъ ранъ или болѣзней, часто не оставляя дѣтей, предоставляя людямъ слабосильнымъ, робкимъ, пожилымъ воспроизведеніе потомства, наслѣдующаго ихъ недостатки физическіе и нравственные. Если-же къ послѣдствіямъ многочисленныхъ войнъ мы присоединимъ вольныя и невольныя выселенія изъ родины цѣлыхъ массъ здороваго населенія, то насъ не должно удивлять вырожденіе храбраго и воинственнаго нѣкогда народа въ потомство слабое и невоинственное.

Ассирійцы вступили въ непріязненныя сношенія съ этими горскими народами, предками Курдовъ и Армянъ, въ эпоху ихъ свѣжести и полноты силъ, оттого и встрѣтили упорное сопротивленіе. Но не успѣвъ поработить ихъ цѣлымъ рядомъ пораженій, они настолько изнурили ихъ, что послѣдующимъ завоевателямъ, Мидійцамъ и Персамъ, не стоило большаго труда одолѣть и покорить слабосильное и утомленное потомство храбраго и неутомимаго нѣкогда въ войнахъ народа. Говоря о слабосиліи потомковъ древнихъ жителей Армянскихъ горъ въ эпоху персидской монархіи, мы разумѣемъ не абсолютную ихъ изнуренность, а относительную, такъ какъ въ нихъ сохранилось еще достаточно энергіи, чтобъ успѣшно сопротивляться такому завоевателю какъ Дарій-Гистаспъ. Въ Бисютунской надписи Дарій говоритъ, что онъ шесть разъ выводилъ свое войско въ поле прежде чѣмъ успѣлъ подчинить ихъ, и неизвѣстно еще, побѣдилъ ли онъ ихъ чисто военными средствами, или пустивъ въ ходъ дипломатическія уловки, противъ которыхъ безсильны бываютъ дикіе горцы. Но въ ту эпоху, о которой мы говоримъ, Армяне и Курды еще не были ослаблены и потому были въ силахъ оказывать энергическое сопротивленіе завоевательнымъ стремленіямъ своихъ грозныхъ сосѣдей.

Новѣйшія открытія слѣдовъ древней ассирійской жизни своимъ богатствомъ и разнообразіемъ такъ поразили изслѣдователей, что многіе не задумались признать Ассирійцевъ народомъ въ высшей степени цивилизованнымъ и имѣвшимъ культурное вліяніе на сосѣдей. Такое мнѣніе едвали справедливо. Ассирія ничего и нигдѣ не создавала, она только разрушала и грабила. Всѣ умственныя и физическія силы населенія были обречены всецѣло служенію царю и военнымъ цѣлямъ государства. Тѣ культурныя начала, которыя мы въ ней замѣчаемъ, занесены были туда изъ Вавилона вмѣстѣ съ грамотностью и религіей. Предметы искусствъ и ремеслъ, законченности которыхъ мы удивляемся въ остаткахъ ассирійской жизни, были дѣломъ рукъ плѣнныхъ художниковъ и ремесленниковъ, приспособившихся ко вкусу и къ стилю Ассирійцевъ. Этотъ постоянный военный лагерь въ долинѣ Тигра, именуемый Ассиріей,

представляетъ много сходства съ монгольскимъ государствомъ въ XIII и XIV вѣкахъ, которое также только разрушало, не созидая ничего прочнаго. Художники и ремесленники изъ завоеванныхъ странъ уводились въ плѣнъ тысячами и должны были творить и работать для своихъ господъ. Современные путешественники яркими красками описываютъ блескъ, богатство и великолѣпіе царскихъ жилищъ. Но такъ какъ образъ жизни Монголовъ дѣлалъ излишними прочныя каменныя постройки, то и сохранилось относительно мало слѣдовъ культурной стороны ихъ недолговременнаго существованія. Впрочемъ, мечети и другія зданія построенныя Тимуромъ подтверждаютъ наше мнѣніе, но говорятъ не столько о цивилизаціи Монголовъ, сколько объ искусствѣ плѣнныхъ художниковъ. Допустивъ относительно архитектуры превосходство Ассирійцевъ, во всѣхъ остальныхъ проявленіяхъ ихъ дѣятельности мы не видимъ большой разницы между ними и Монголами: та же постоянная съ сосѣдями война съ единственною цѣлью захвата добычи, та же жажда завоеваній, и таже безчеловѣчная и ненужная жестокость къ побѣжденнымъ. При этомъ замѣчается еще одна общая обоимъ государствамъ черта — отсутствіе всякихъ попытокъ привязать къ себѣ завоеванныя страны прочными узами цѣлесообразнаго управленія и водворенія разумнаго порядка. Два-три рѣшительныхъ пораженія низводятъ такія государства съ высоты ихъ могущества непосредственно въ ничтожество. Такъ было и съ Ассирійцами. Довольно было одного рѣшительнаго удара, и Ассирія перестала существовать почти безъ агоніи, не говоря уже о долгомъ сопротивленіи и медленномъ угасаніи, явленіяхъ встрѣчающихся въ жизни всякаго живучаго государственнаго организма...

Одаренные воинственными наклонностями и замѣчательными физическими свойствами, Ассирійцы въ культурномъ отношеніи, остались вполнѣ варварами. Въ самыя цвѣтущія эпохи своего могущества они не владѣли тѣмъ что мы называемъ политическимъ тактомъ. Они не были способны удерживать свои завоеванія и связывать ихъ прочными узами съ своимъ государственнымъ тѣломъ, и потому, при чтеніи ихъ памятниковъ, кажется, что они намѣренно избѣгали быстрыхъ и непрочныхъ завоеваній.

Приведемъ еще нѣсколько соображеній, которыя значительно уяснятъ, по нашему мнѣнію, не только направленіе, но и то, что представлялъ собою занимающій насъ походъ Таклатъ Паласара II.

II.

Кто внимательно читалъ ассирійскіе историческіе памятники, тотъ навѣрно замѣтилъ ту, можно сказать, излишнюю осторожность,

которую соблюдали Ассирійцы, удаляясь отъ своихъ границъ и двигаясь вглубь непріятельской страны. Не обладая умѣніемъ удерживать своихъ завоеваній, они въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій вели войны съ ближайшими своими сосѣдями: на сѣверѣ—съ жителями Наири у верховьевъ Тигра; на востокѣ—съ Курдскими и Мидійскими племенами, жившими въ Загросскихъ горахъ и въ Западной Мидіи. Югъ и западъ, представляя открытую мѣстность, дозволяли имъ весьма часто удаляться на значительное разстояніе отъ своихъ границъ, тогда какъ въ гористыхъ областяхъ Южной Арменіи и Западнаго Адербейджана экспедиціи ихъ долгое время имѣли цѣлью грабежъ и опустошеніе мѣстностей ближайшихъ къ ихъ предѣламъ. Нѣсколько поколѣній ассирійскихъ властителей съ необыкновеннымъ упорствомъ и съ разсчитанною медленностью стремились къ осуществленію главной задачи своей завоевательной политики — къ упроченію своей власти въ передовыхъ областяхъ обширныхъ непріятельскихъ странъ на сѣверѣ и востокѣ путемъ изнуренія и истребленія мѣстнаго населенія. Обративъ вниманіе на извѣстную страну, они сначала дѣлали туда нѣсколько пробныхъ экспедицій, касаясь только ближайшихъ къ Ассиріи мѣстностей. Познакомившись съ положеніемъ и съ обстоятельствами территоріи и съ образомъ веденія войны населеніемъ, они учащали свои походы, и наконецъ предпринимали туда почти ежегодныя экспедиціи до тѣхъ поръ пока разоренная и изнуренная страна не подчинялась имъ безусловно. Тогда часть жителей обыкновенно переселялась въ Ассирію или въ другое отдаленное мѣсто, а остальная часть облагалась данью. Но лишь только Ассирійцы удалялись изъ предѣловъ края, жители забывали о пораженіяхъ, отказывали въ дани, и на слѣдующій годъ снова привлекали къ себѣ полки ассирійскіе. Вторженіе не заставляло себя ждать. Послѣ перваго пораженія горцы частью разбѣгались, частью изъявляли покорность платить дань, и снова забывали о ней. Такъ продолжалось долго, въ теченіе столѣтій.

Во время своихъ опустошительныхъ набѣговъ въ Адербейджанъ Самси-Бинъ (822—809), сколько извѣстно, первый коснулся предѣловъ собственной Мидіи, а до Таклатъ-Паласара II (745—727) едва ли кто изъ ассирійскихъ царей проникалъ въ глубину этой страны. Таклатъ-Паласаръ дѣйствительно не разъ вторгался въ Мидію, но походы его ограничивались опустошеніемъ какой нибудь ея части, болѣе другихъ доступной и не представлявшей большихъ затрудненій. О полномъ покореніи Мидіи въ его царствованіе не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ позднѣйшіе его преемники, дѣлавшіе неоднократныя вторженія въ эту страну, говорятъ объ

областяхъ мидійскихъ „никогда не виданныхъ Ассирійцами". Такъ Санхерибъ (704—680), въ концѣ втораго своего похода, говоритъ, что онъ подчинилъ себѣ „тѣ области Мидіи, имена которыхъ даже не были извѣстны царямъ, предкамъ моимъ" [3]). Точно также, сынъ его Ассаргадонъ, описывая завоеваніе мидійской области Патусъарра, говоритъ: „никто изъ царей, предковъ моихъ, не покорялъ этой области." И это говорится послѣ царствованія Саргона, неоднократно опустошавшаго Адербейджанъ и Мидію. Этихъ примѣровъ достаточно для того, чтобы убѣдится что при Таклатъ-Паласарѣ II не вся Мидія, а только нѣкоторыя части ея подверглись опустошенію со стороны Ассирійцевъ. Между тѣмъ, предпринимая отдаленный походъ къ берегамъ Инда, Таклатъ-Паласаръ долженъ бы былъ обезопасить свой тылъ полнымъ покореніемъ Мидіи. На картѣ, приложенной къ статьѣ г. Ленормана, проведена только линія показывающая направленіе похода. На этой чертѣ отмѣчено десять пунктовъ, лежащихъ между исходною точкою похода, Намри, и областью Парсуа, которая, по мнѣнію автора, тожественна съ Пароіей и составляла одиннадцатый этапъ. Не говоря уже о томъ, что Парсуа никогда не могла быть Пароіей, изъ изложенія г. Ленормана можно притти къ такому заключенію, что ассирійскій царь съ чрезвычайною быстротой двигался впередъ, завоевая только узкую полосу непріятельской земли, пробивая себѣ, такъ сказать, проходъ для достиженія отдаленной цѣли похода, береговъ Инда.... но такой образъ дѣйствій, повторяемъ, былъ не въ духѣ осторожныхъ Ассирійцевъ.

III.

Въ эпоху, о которой у насъ идетъ рѣчь, Мидія и Адербейджанъ, лежавшія за горами Хоатрасъ и Загросъ, не составляли еще крупныхъ объединенныхъ территорій. Дѣло происходило еще далеко до эпохи Дейока, который положилъ въ этихъ странахъ первыя основанія государственной жизни, выведши племена ихъ населявшія изъ состоянія обособленности и политической раздробленности. И потому насъ не должно удивлять то обстоятельство, что Ассирійцы во время своихъ походовъ встрѣчаютъ въ этихъ мѣстностяхъ множество мелкихъ независимыхъ княжествъ, дѣйствовавшихъ отдѣльно и легко покорявшихся ими. То было время племеннаго состоянія Иранскихъ народовъ, когда не существовало

---

[3]) Prisme de Taylor, C. II, 29; Ménant, f. 117.

у нихъ еще условій для группировки племенъ подъ общимъ именемъ народа и государства. Южная Арменія, къ югу отъ Мурадъчая, между верховьями Тигра и Урміей, называвшаяся Наири, заключала въ себѣ въ то время множество независимыхъ княжествъ, и въ теченіе цѣлыхъ столѣтій была мѣстомъ столкновенія Армянъ съ Ассирійцами. Въ этой относительно небольшой странѣ Ассирійцы насчитываютъ нѣсколько десятковъ княжествъ и областей, приводя часто ихъ названія, а владѣтелей величая царями (sarru). Такъ, Таклатъ-Паласаръ I, въ одномъ походѣ, приводитъ имена 23, а въ другомъ 60-ти князей и царей Наирскихъ, потерпѣвшихъ пораженіе отъ его войскъ. Точно также было въ Адербейджанѣ и въ Мидіи. Саргонъ, въ шестомъ своемъ походѣ (Mén. стр. 164), говоритъ о 28 владѣтеляхъ укрѣпленныхъ мѣстъ (князьяхъ) Мидіи, имъ покоренныхъ; въ седьмомъ походѣ—о 22 такихъ правителяхъ; въ девятомъ (ibid. 167) — о 45 владѣтеляхъ укрѣпленныхъ мидійскихъ городовъ. Въ Assyrian Discoveries Смиса (стр. 288—289) приведенъ списокъ 24 начальниковъ мидійскихъ племенъ, и т. д. Понятно поэтому, что Ассирійцы не могли говорить о Мидіи и Адербейжанѣ какъ объ одной странѣ, хотя словомъ Мадаи они не рѣдко отмѣчаютъ общій характеръ этихъ племенъ. Съ другой стороны, обыкновеніе наполнять надписи географическими именами объясняется нѣсколько хвастовствомъ Ассирійцевъ и страстью ихъ, въ побѣдныхъ бюллетеняхъ своихъ, выставлять побольше покоренныхъ и разграбленныхъ царствъ и областей. Слѣдовательно и въ данномъ случаѣ, масса собственныхъ именъ мѣстностей (35) не должна вводить насъ въ заблужденіе. Здѣсь рѣчь идетъ о небольшихъ только участкахъ земли, населенныхъ отдѣльными племенами и кланами, о городахъ, объ укрѣпленныхъ замкахъ, а не о странахъ въ томъ смыслѣ какъ мы понимаемъ это слово.

IV.

Спрашивается, съ какою цѣлью могъ быть предпринятъ и приведенъ къ концу столь отдаленный походъ, соединенный не только съ большими затрудненіями и опасностями, но и съ вѣроятнымъ рискомъ быть отрѣзаннымъ отъ своихъ владѣній? Мы уже говорили, что Ассирійцы не умѣли не только окончательно присоединять къ своимъ владѣніямъ, но и надолго подчинять себѣ завоеванныя земли, даже такія которыя лежали въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ собственной Ассиріей. Слѣдовательно, предпринимая столь отдаленную экспедицію они имѣли въ виду не расширеніе предѣловъ, а нѣчто другое. Это другое могло быть только — грабежъ и добыча, обыкновенная цѣль ассирійскихъ походовъ.

Ни одна надпись не обходится безъ того, чтобы въ ней, послѣ каждой экспедиціи, не говорилось довольно подробно о количествѣ и качествѣ набранной добычи, такъ какъ этимъ собственно опредѣлялась удача или неудача похода. Поэтому и здѣсь слѣдовало бы ожидать, что предпринявъ и довершивъ столь славный походъ, Ассирійцы забрали несмѣтное количество цѣнныхъ вещей, невиданныхъ ими дотолѣ животныхъ, дорогихъ украшеній, предметовъ роскоши и удобства. Ничего подобнаго мы однако не видимъ. Трофеями похода были: 60500 человѣкъ, ихъ дѣти, лошади, коровы, быки, безчисленное множество овецъ. Не говоря уже о томъ что коровъ и быковъ нельзя и не стоило гнать 3—4000 верстъ, все это Ассирійскіе цари могли имѣть и имѣли у себя подъ рукою, на рубежѣ своихъ владѣній, у тѣхъ же мидійскихъ племенъ, которыхъ они грабили и раньше и позже Таклатъ-Паласара II, забирая точно такую же добычу.

V.

Ассирійская монархія была держава чисто военная. Содержаніе многочисленной правильно организованной арміи превышало средства бѣдной производительностью Ассиріи. Какъ для добыванія этихъ средствъ, такъ и для предоставленія войскамъ занятія и упражненія, необходимы были постоянныя войны, которыя велись въ то время обыкновенно на счетъ непріятеля. Поэтому для каждаго царя, какъ мы уже говорили выше, было обязательно лично предводительствовать войсками и *ежегодно* дѣлать вторженія и походы въ земли сосѣдей. Въ хронологическихъ таблицахъ [4]) дошедшихъ до насъ мы видимъ, что каждый годъ царствованія ассирійскихъ царей отмѣченъ какимъ нибудь походомъ. Экспедиціи даже самыя отдаленныя, были такъ разсчитаны, что царь извѣстную часть года долженъ былъ проводить въ столицѣ, изъ которой онъ въ слѣдующій годъ выступалъ въ новый походъ. Вслѣдствіе этого самые отдаленные изъ извѣстныхъ намъ ассирійскихъ походовъ на югъ (Египетъ) не превышали, въ прямомъ направленіи, 200 геогр. миль по землямъ гладкимъ, легко проходимымъ. Въ гористыхъ-же странахъ приблизительно сто миль составляли крайній предѣлъ походовъ.

---

[4]) См. въ книгѣ Шрадера: Die Keilinschriften und das alte Testament, Giessen, 1872. стр. 322—331, прибав. II, Die Assyrischen Verwaltungslisten. У Менана, Les Annales des Rois d'Assyrie, послѣ каждаго царствованія.

Походъ къ берегамъ Инда, еслибъ таковой былъ въ дѣйствительности предпринятъ, противорѣчилъ бы всѣмъ вышеизложеннымъ выводамъ, сдѣланнымъ нами на основаніи изученія памятниковъ. Разстояніе отъ Ассиріи до береговъ Инда, по маршруту начертанному Ленорманомъ, за исключеніемъ отдѣльнаго похода изъ Астрабада въ Персидскую Сагартію, будетъ около 400 миль по математической линіи въ одинъ конецъ, и столько же въ обратный путь. Прибавивъ на походъ изъ Астрбада въ Керманъ 200 миль, получимъ 1000 геогр. миль для всего похода къ Инду и обратно [5]). Такое разстояніе было бы близко къ истинѣ, еслибъ можно было предположить, что Ассирійцы летали по воздуху. Принимая-же во вниманіе почти сплошную гористость большей части пройденныхъ странъ, мы можемъ, безъ риска ошибиться, удлиннить это разстояніе по меньшей мѣрѣ еще на 1600 верстъ, и получимъ всего около 8500 верстъ въ оба конца. Положимъ что побѣдоносное войско безъ отдыха шло къ берегамъ Инда и обратно съ быстротою 20 верстъ въ день: тогда весь походъ долженъ былъ бы длиться 420 дней или 14 мѣсяцевъ. Но такая быстрота въ столь продолжительномъ походѣ немыслима для многочисленнаго войска. Мы не принимали въ разсчетъ ни дневокъ, ни отдыха, ни осадъ, ни времени необходимаго для фуражировокъ, ни трудностей переходовъ въ извѣстное время года черезъ горы, рѣки и пустыни. Принявъ въ соображеніе всѣ эти замедляющія быстроту движенія обстоятельства, мы по самому малому счету должны будемъ удвоить число дней проведенныхъ Ассирійцами въ походѣ, положивъ на оба пути 2 года 4 мѣсяца. Александръ-Великій на завоеваніе Персіи до Инда, только въ одинъ конецъ, считая исходнымъ пунктомъ битву при Гавгамелѣ, употребилъ около трехъ лѣтъ. Допустивъ даже и столь невыразимую быстроту завоеваній, не кочевыми набѣжниками среднеазіатскихъ степей, а тяжело вооруженнымъ ассирійскимъ войскомъ, мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ допустить и 28-мѣсячное отсутствіе царя изъ предѣловъ Ассиріи.

Въ изложеніи главной Нимрудской Надписи годы походовъ не отмѣчается именами лимму, такъ что нельзя угадать, къ какому году царствованія Таклатъ-Паласара относится тотъ или другой изъ его походовъ. Вслѣдъ за описаніемъ мнимаго похода къ Инду, надпись описываетъ походъ въ Урарту (Арменію), изъ чего должно заключить, что первый походъ непосредственно предшествовалъ послѣднему.

---

[5]) По новѣйшимъ извѣстіямъ, путь отъ Моссула къ устьямъ Инда равняется 2500 англ. милямъ приблизительно. Считая на англ. милю $1^1/_2$ версты, получимъ 3750 верстъ.

Въ хронологической таблицѣ, въ которой отмѣчены лимму 17-ти послѣдовательныхъ походовъ Таклатъ-Паласара II, мы встрѣчаемъ два похода въ Урарту: на третьемъ и на одиннадцатомъ году его царствованія. Походъ въ Инду, предшествовавшій одному изъ походовъ въ Урарту, долженъ былъ кончиться поэтому на первомъ или на десятомъ году его царствованія. Но такъ какъ онъ продолжался болѣе двухъ лѣтъ, то начало его слѣдуетъ отнести или ко времени до его царствованія или къ его восьмому году. Принять первое предположеніе мы не можемъ, потому что выходитъ несообразность. Остается допустить второе, т. е. что интересующій насъ походъ начался въ 737 или 736 годахъ, т. е. на восьмомъ году его царствованія и продолжался до втораго похода его въ Урарту (Арменію) т. е. до 734 года. Между тѣмъ въ хронологической таблицѣ мы не встрѣчаемъ столь продолжительныхъ походовъ. Для ясности приведемъ изъ этой таблицы названія походовъ до 12-го года его царствованія.

744. Въ лимму Набубелуссура, правителя Арбелы, 13-го числа мѣсяца іяръ, Таклатъ Паласаръ вступилъ на престолъ. Походъ къ берегамъ рѣки.

743. Билданиль [6]), правитель Калаха — походъ въ Намри.

742. Таклатъ-Паласаръ, царь Ассиріи — (походъ) къ городу Арпадда. *Избіеніе войскъ въ Урарту* (Арменіи).

741. Набуданинъ-анни — къ городу Арпадда.

740. Салманъ белусуръ, начальникъ дворца — къ тому же городу. Осада въ теченіе трехъ лѣтъ.

739. Набуадиръ-анни, начальнихъ евнуховъ — къ городу Арпадда.

738. Синтаккилъ, министръ — въ страну Уллуба; взятіе города Бирту.

737. Бинбелкинъ, правитель государства — взятіе города Суллани.

736. Белтуръ-анни — къ берегамъ моря.

735. Адаръ Малинъ, правитель Низибиса — къ подошвѣ горы Наалъ.

734. Ассуръ Салимъ Анни — *въ Урарту* (Арменію).

Слѣдующія за тѣмъ экспедиціи имѣютъ цѣлью: Палестину, два раза Дамаскъ, и городъ Сапію.

---

[6]) Собственныя имена въ началѣ каждой строки опредѣляютъ годъ царствованія извѣстнаго царя, такъ что по этимъ именамъ легко узнать въ хронической таблицѣ на которомъ году царствованія извѣстнаго царя имѣло мѣсто то или другое событіе. Кромѣ того подъ формулой „Билданилъ, правитель Калаха", слѣдуетъ понимать: Въ лимму Билданиля, правителя Калаха, Таклатъ-Паласаръ предринялъ походъ въ Намри, и т. д.

Изъ этихъ выписокъ мы убѣждаемся, что въ царствованіе Таклатъ-Паласара не было походовъ продолжавшихся болѣе двухъ лѣтъ [7]); тѣмъ менѣе можетъ быть рѣчь о двухъ такихъ послѣдовательныхъ походахъ, какъ увѣряетъ г. Ленорманъ. Между тѣмъ по смыслу надписи весь походъ относится не къ одиннадцатому, а къ второму году его царствованія, т. е. къ 744 — 743 году, который въ хронологической таблицѣ обозначенъ походомъ въ Намри, такъ какъ дѣйствительно начался вторженіемъ въ эту область, бывшую одною изъ ближайшихъ къ Ассиріи Адербейджанскихъ областей.

VI.

Всѣми вышеизложенными соображеніями мы старались выставить внутреннюю несостоятельность предположенія ассиріологовъ о походѣ Таклатъ-Паласара II къ берегамъ Инда. Обратимся теперь къ разбору географическихъ именъ давшихъ поводъ образоваться этому предположенію.

Въ выписанномъ нами въ началѣ статьи спискѣ географическихъ именъ, читатель, вѣроятно, замѣтилъ частое повтореніе словъ *битъ* (домъ) передъ именами. Ленорманъ (l. c. 50) утверждаетъ, что это слово употреблялось въ тѣхъ случаяхъ когда названіе области было тожественно съ названіемъ ея столицы или главнаго города. Но мнѣ кажется, что Ассирійцы употребляли это слово (въ письмѣ—идеографическій знакъ) въ географическихъ именахъ когда желали замѣнить имя мѣстности именемъ ея владѣльца (или населенія?), особенно въ территоріяхъ занимавшихъ небольшое пространство. Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ ассирійскихъ памятниковъ. Въ царствованіе Салманасара Ассирійцы воевали съ Ахуни, сыномъ *Адини*, владѣтелемъ части Западной Месопотаміи, и съ Янзу, сыномъ *Хамбана*, владѣтелемъ части области Намри въ Адербейджанѣ (надпись на Обелискѣ Чорнаго Базальта, въ сборникѣ Лайярда, табл. 87—98; у Менана, стр. 98,100, строки 32—34 и 93—95). Эти владѣнія при слѣдующихъ ассирійскихъ царяхъ въ надписяхъ ихъ встрѣчаются уже подъ названіями: *Битъ-*

---

[7]) Хотя подъ 440 годомъ находится выраженіе: «осада въ теченіе трехъ лѣтъ»; но не слѣдуетъ забывать что городъ Арпадъ находился въ Сиріи, почти въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Ассиріею. Кромѣ того., слова «трехлѣтняя осада» приведены нами по Менану, тогда какъ Шредеръ (l. c. 329) переводитъ это мѣсто т. е.: «въ теченіе трехъ лѣтъ онъ завоевалъ его», т. е. въ три похода, о которыхъ дѣйствительно говорится въ послѣдующихъ годахъ.

Адини, *Битъ-Хамбанъ*. Впрочемъ, Битъ-Адинъ встрѣчается и раньше, при Ассурбанипалѣ.

Таклатъ-Паласаръ II имѣлъ въ Халдеѣ дѣло съ Набу-усапси, сыномъ *Силани*; съ Закиру, сыномъ *Сахалли*; Кинзиромъ, сыномъ Амукани; Баласу, сыномъ Даккури; Мардукъ-бал-иддиномъ, сыномъ *Якина*. Тутъ же рядомъ мы встрѣчаемъ слѣдующія княжества: Битъ-Силани, Битъ-Сахали, Битъ-Амукани, Битъ-Даккури, Битъ-Якинъ.

Только одно обстоятельство поражаетъ читателя своею странностью, можетъ быть и случайно. Ассирійцы называли мѣстности по именамъ ихъ владѣльцевъ съ прибавкою слова битъ (домъ, владѣніе), а приходили въ столкновеніе съ этими мѣстностями не при тѣхъ лицахъ, имена которыхъ они присвоили ихъ областямъ. Невольно рождается сомнѣнію, не должны ли мы въ именахъ отцовъ видѣть этническіе термины? . . . . У Армянъ также есть обыкновеніе, заимствованное по всей вѣроятности у Сирійцевъ, названія странъ: Арменія, Сюникъ, Грузія и др. замѣнять выраженіями: домъ Армянъ, домъ Торгома, домъ Сисаканъ, домъ Грузинъ (Врацъ), въ которыхъ опредѣляющія слова имѣютъ этническое значеніе. Случается что одно и тоже названіе страны встрѣчается съ словомъ *битъ* и безъ него: Барруа и Битъ-Барруа, Аранзи и битъ-Аранзи.

Мнѣ, знакомому съ ассирійскими памятниками по переводамъ болѣе или менѣе удачнымъ, неизвѣстно, къ какимъ другимъ способамъ прибѣгали Ассирійцы для замѣны географическихъ именъ чужихъ мѣстностей описательными выраженіями болѣе доступными для ассирійскаго произношенія и письма. Но мы часто встрѣчаемъ у нихъ обыкновеніе переименовывать завоеванныя города въ имена чисто ассирійскія—фактъ, весьма часто повторяющійся въ исторіи. Ср. Александрополь и Елизаветполь, вмѣсто прежнихъ Гумри и Ганджа. Вотъ нѣсколько такихъ примѣровъ: Салманасаръ (Mén. p. 100): «я переименовалъ городъ Тулъ-барсипъ въ Каръ-Салманасаръ»; Таклатъ Паласаръ (стр. 14): «Вмѣсто Тулъ-Хамри я построилъ другой городъ и назвалъ его Каръ-Ассуръ». Саргонъ (163): «я далъ городу Кисаси названіе Каръ-Адаръ; я завладѣлъ городами: Тулъ-ахи-тубъ, Кинданъ, Багаи, Анзарія (Oppert. Record. VII. 33 Телъ-Ахитубъ, Хиндау, Анзарія, Битъ-Багая), и обстроивъ ихъ вновь, я назвалъ ихъ: Каръ-Набу, Каръ-Сипъ, Каръ-бинъ, Каръ-Истаръ», и т. д. Всѣ эти обстоятельства, въ связи съ недостатками ассирійскаго письма и несовершенствами современной Ассиріологіи, дѣлаютъ отожествленія встрѣчающихся въ ассирій-

скихъ текстахъ собственныхъ именъ съ историческими—дѣломъ рискованнымъ и въ большей части случаевъ невѣрнымъ.

Торопливость, съ которою кунеологи стараются реализовать для общаго употребленія добытыя ими изъ ассирійскихъ памятниковъ факты, составляетъ слабую сторону современной Ассиріологіи. Въ такомъ стремленіи ассиріологовъ—популяризовать свою спеціальность—скорѣе можно видѣть вредъ чѣмъ пользу для науки. Непоспѣшными и скороспѣлыми отождествленіями, а медленнымъ и внимательнымъ путемъ глубокаго изученія внутренняго смысла памятниковъ, приготовляется матеріалъ годный для изслѣдованія историка. Для опредѣленія мѣстностей встрѣчающихся въ памятникахъ, прежде чѣмъ прибѣгать къ отожествленіямъ, слѣдовало бы добыть возможно бо̀льшее число твердыхъ пунктовъ и по нимъ уже постепенно опредѣлять ближайшіе пункты. Въ настоящее время мы имѣемъ уже порядочное количество твердыхъ точекъ опоры, по которымъ можно угадать направленіе походовъ. Къ числу ихъ я отношу: моря Средиземное (Великое море Запада), и Каспійское (Восточное море); верхнее и нижнее озера области Наири (Ванъ и Урмія); рѣки: Идиглатъ (Тигръ), Пуратъ (Ефратъ), Арзанія (Мурадъчай), Большой и Малый Забъ и др.; страны: Урарту (Араратъ), Хилакку (Киликія), Еламъ (Елимаида, часть Сузіаны), Ятнанъ (Кипръ); города сирійскіе и палестинскіе: Милидъ (Melitene), Амиди (Амидъ, Діарбекиръ) Сидонъ, Тиръ, Библосъ, Арадъ и др. Есть еще нѣсколько твердыхъ точекъ опоры, дающихъ внимательному изслѣдователю возможность оріентироваться въ массѣ варварскихъ именъ но ихъ все еще мало. Между тѣмъ средство увеличить число ихъ находится подъ руками. Слѣдуетъ, главнымъ образомъ, читать памятники повнимательнѣе, не терять изъ виду направленія похоходовъ, сопоставлять между собою тѣ мѣста которыя въ разныхъ надписяхъ трактуютъ объ одной и той же мѣстности, пользоваться намеками, помнить или записывать географическія имена въ прямомъ и обратномъ порядкѣ при движеніи войска въ непріятельскія земли и во время его возвращенія въ Ассирію. Если при соблюденіи этихъ условій окажется, что мѣстность съ ассирійскимъ названіемъ совпадаетъ по созвучію съ историческимъ или съ современнымъ намъ названіемъ, то подобное отожествленіе есть уже твердое пріобрѣтеніе для науки. Такимъ путемъ не трудно было добиться отожествленія нѣсколькихъ именъ, изъ которыхъ назову слѣдующія: рѣку Сагури (Records, III, 93; У Менана, 109, Сагамяри на стр. 98) съ современной рѣкой Саджуръ, впадающей въ Ефратъ съ правой стороны; рѣку Турнатъ (Mén. 78) съ рѣкою Tornadotus древнихъ, нынѣ Адхемъ, впадающею въ Тигръ съ лѣвой

стороны; горы Ialla (Assurnacirbal, C. I, L. 106) съ горами Izala древнихъ, частью горъ Masius. См. Атласъ Шпрунера, XXVII.

Иной разъ нельзя не удивляться тому, какъ мало вчитываются въ географическій смыслъ памятниковъ ученые одолѣвшіе чтеніе письменъ и языкъ ассирійскій, и переведшіе самые памятники на европейскіе языки. Такъ г. Менанъ (Annales, 77) имя Arastu, смѣшивая его съ Урарту,переводитъ черезъ l'arménien, выпуская изъ виду что названіе этой области, нѣсколькими строками ниже, опредѣляется словами: (Асурнасиръ-балъ) «я перешелъ рѣку Турнатъ (Адхемъ) и приблизился къ Амисали (въ Records, III, 56: Amali), столицѣ Аарасту". Изъ чего видно, что мѣстность Арасту, находилась къ югу отъ Адхема. Во II-мъ томѣ извѣстнаго сочиненія профессора Раулинсона, The five great Monarchies, на стр. 84, развалины города Kurkh, въ 20 миляхъ въ западу отъ Діарбекира, отожествлены съ армянскою областью Кирки, которая, какъ извѣстно, находилась на правомъ берегу верховьевъ Тигра; на стр. 112 говорится, что область между Малымъ Забомъ и Холваномъ называлась при Ассирійцахъ Хупушка, изъ чего вѣроятно образовалось Phiscus, греческое имя рѣки Діала. Между тѣмъ изъ десятка мѣстъ въ памятникахъ видно, что Хубушка лежала къ сѣверу отъ Большаго Заба. Еще нѣсколько примѣровъ за послѣдніе годы изъ Records of the Past: Родвель (III, стр. 52) отожествляетъ рѣку Лукія, впадающую въ Тигръ у его верховьевъ, съ Большимъ Забомъ; Сайесъ (стр. 95) область Кирзанъ (также Гильзанъ, Гузанъ), къ сѣверо-востоку отъ Вана — съ Гозаномъ библейскимъ въ окрестностяхъ Низибиса (на стр. 97); область Мазамуа, по его же мнѣнію, находилась въ Таврскихъ горахъ; въ Арменіи, тогда какъ все указываетъ на пространство между среднимъ теченіемъ Тигра и горами Пушти-ку. Кархемишъ, Circesium классическихъ писателей, по мнѣнію Сайеса (III 88) лежалъ при сліяніи Хабора съ Ефратомъ [8]). Съ этою мѣстностью отождествляетъ онъ Гаргамишъ Ассирійцевъ, который, по смыслу памятниковъ, находился непремѣнно между Румкале и Биреджикомъ, гдѣ былъ обыкновенный переходъ черезъ Ефратъ. А при сліяніи Хабора съ Ефратомъ былъ городъ Сирки, который можно, пожалуй, сравнить съ Цирцезіемъ, впослѣдствіи Kerkísie; См. карту Киперта. Этотъ списокъ можно бы было удлиннить гораздо болѣе; но наша цѣль состоитъ не въ открытіи ошибокъ въ изслѣдованіяхъ ученыхъ которые оказали наукѣ важныя услуги,

---

[8]) Такого же мнѣнія держится Оппертъ.

а въ томъ чтобы доказать, какъ мало вчитываются иногда весьма серьезные ученые въ географическій смыслъ памятниковъ.

Перейдемъ къ главной нашей задачѣ, т. е. къ разбору именъ даннаго списка.

Частыя вторженія ассирійскихъ царей на востокъ черезъ Загросскія горы въ Адербейджанъ и Мидію знакомятъ насъ довольно точно съ положеніемъ нѣкоторыхъ областей и подраздѣленій этихъ странъ.

Къ числу ихъ принадлежатъ области *Намри* и *Хархаръ*. Первая лежала тотчасъ за верхнимъ теченіемъ Большаго Заба, приблизительно между Ревандизомъ и Лахиджаномъ; вторая—нѣсколько южнѣе, за Малымъ Забомъ, гдѣ нынѣ находится курдскій округъ Арделанъ. Такое распредѣленіе этихъ мѣстностей, конечно, только приблизительно вѣрно. Болѣе точное ихъ опредѣленіе въ настоящее время невозможно, да и лишне для нашей цѣли. Положеніе 1. *Намри* еще раньше было опредѣлено г. Ленорманомъ довольно вѣрно: за Забомъ, въ горахъ Хоатрасъ.

Затѣмъ слѣдуетъ область 2. *Битъ-Сангибути*, о которой г. Ленорманъ говоритъ, что она болѣе не встрѣчается въ текстахъ. Это не совсѣмъ вѣрно. Въ надписи Саргона (Annals of Sargon, II, 12. въ Records of the Past, VII) мы читаемъ имя этой мѣстности при описаніи войны Ассирійцевъ съ урартійскимъ царемъ Урзой.

Часть области Намри называлась 3. *Битъ-Хамбанъ*, что̀ видно изъ строкъ 93—96 и 123—125 надписи Салманасара (Mén. 100—101). Въ надписяхъ послѣ Салманасара мы часто встрѣчаемъ эту мѣстность въ числѣ другихъ областей Адербейджана или Мидіи.

О 4. *Самурзу*, 6. *Битъ-Суалзасъ*, 8. городъ *Нику* въ странѣ *Умліасъ* [9]), 9. *Битъ-Таранзаи*, ничего не могу сказать, такъ какъ не встрѣчалъ ихъ въ другихъ надписяхъ.

5. *Битъ-Барруа*, или просто *Барруа*, находился въ Адербейджанѣ, какъ видно изъ того мѣста надписи Санхериба, гдѣ онъ говоритъ, что въ наказаніе княжества *Иллипи* за возстаніе, онъ отдѣлилъ отъ него область Битъ-Барруа и присоединилъ ее къ Ассиріи (II, 19). А что княжество Иллипи находилось въ Южномъ Адербейджанѣ или Мидіи, въ томъ нельзя сомнѣваться познакомившись съ надписями Саргона. Тоже самое говоритъ и г. Ленорманъ.

Сближеніе 7. *Битъ-Матти* съ Matiani древнихъ можетъ не возбуждать сомнѣнія. Это, вѣроятно, таже мѣстность которая въ

---

[9]) Встрѣчается рѣка Умліасъ въ Халдеѣ, въ походѣ Саргона. Mén. стр. 171.

походѣ Самси-Бина встрѣчается подъ именемъ Мату. До сихъ поръ мы разсматривали названія мѣстностей, которыя безъ всякаго сомнѣнія находились въ ближайшихъ къ Ассиріи частяхъ Мидіи.

Переходя къ 10. *Парсуа*, мы должны повторить сказанное выше что большинство ассиріологовъ отождествляло эту мѣстность сначала съ Персіею, а потомъ, по указанію Опперта, съ Парѳіей [10]) съ чѣмъ соглашался и г. Ленорманъ во время составленія своего маршрута для похода Таклатъ-Паласара. Впослѣдствіи, вчитавшишь глубже въ смыслѣ памятниковъ, онъ перенесъ ее нѣсколько западнѣе. И дѣйствительно, слѣдя внимательно за походами предшествовавшихъ и послѣдующихъ царей, ее никакъ нельзя удалить изъ Адербейджана. Вотъ что говоритъ, между прочимъ, Салманасаръ въ описаніи 24-го похода (около 835 г.) на востокъ: „Перейдя Нижній Забъ я направился въ *Хархаръ*, откуда перешелъ въ *Намри* (гдѣ царь завоевываетъ нѣсколько городовъ). Я покинулъ Намри и наложилъ дань на 27 царей области *Парсуа*. Я покинулъ *Парсуа* и направился къ долинамъ областей: Амадаи, Аразіасъ, *Хархаръ* . . . я воздвигъ свое изображеніе въ странѣ *Хархаръ*“ и пр. (Records of the Past. V, стр. 35—36, строки 110—126). Далѣе, въ 155—174 строкахъ того же Чернаго Обелиска, описывается тридцатый походъ Салманасара: „Изъ страны Манна (Ванъ) онъ (тартанъ, полководецъ его) отправился и приблизился къ области Харру, взялъ главный ея городъ Маирсуру со всѣми зависѣвшими отъ него городами . . . Къ городу Сурдира онъ подошелъ, и я получилъ дань отъ Арта-ирри, владѣтеля города. Къ области *Парсуа* я спустился и получилъ дань отъ царей области Парсуа. Въ остальной части *Парсуа*, не покланявшейся Ассуру, я забралъ города.“ Въ описаніи тридцать перваго похода говорится: „Я отправилъ своего тартана во главѣ своего войска. Онъ приблизился къ городамъ области Хупуска . . . наложивъ дань на Дату владѣтеля Хупуски, онъ пошелъ на Мусасиръ . . . оттуда я двинулся на Урарту (Арменію), 50 городовъ взялъ и въ область Кирзани я спустился. Дань отъ областей Кирзанъ, Манна, Бурини Харанъ (и пр.) я получилъ . . . Къ городамъ *Парсуа* я подступилъ, завладѣлъ городомъ *Бусту*, Салахаману и еще 23 городами. Имущество ихъ я забралъ и въ страну *Намри* я перешелъ“. Изъ этихъ выписокъ видно, что область *Парсуа* находилась въ непо-

---

[10]) Ces données concordantes m'ont fait regarder le pays de Parsua comme le Partu du texte babylonien de Behistoun. . . . la Parthyène des Grecs, identification dont je me sens plus persuadé que jamais. Lenorm. l. c. 51.

средственномъ сосѣдствѣ съ *Намри*, *Хархаръ*, *Кирзанъ*, положеніе которыхъ намъ извѣстно. Но еще яснѣе обозначится положеніе Парсуа изъ слѣдующихъ мѣстъ въ другихъ надписяхъ. Самси-Бинъ (Mén. стр. 120. II 34) говоритъ, что онъ, во время своего третьяго похода, „перейдя Забъ двинулся въ Наири (Южную Арменію) и тамъ получилъ дань отъ владѣтелей Хупуска, Сунба, Вана, Барсуа (Парсуа), Таликла, и завоевалъ области: Мизу, *Мату*, Гиратъ-бунда, Аразіасъ". Изъ этихъ областей, Намри, Ванъ, Хупуска принадлежатъ Южной Арменіи, а *Мату* (Битъ Матти?), Гирадъ-бунда, Аразіасъ, Мизу — Мидіи. Въ надписи Бинъ-Нирара (Mén. 126) говорится: „Я завоевалъ Иллипи, *Хархаръ*, *Аразіасъ*, *Мизу*, *Мадаи*, Гиратъ-бунда, Мунна, *Парсуа*, Аллабрія, *Абдадана*, *Наири*, до отдаленной страны Андія и до Восточнаго (Каспійскаго) Моря". Наконецъ, Саргонъ (Mén. 200, Inscription du Baril), перечисляя свои завоеванія говоритъ: "Могущество моей руки простиралось отъ города Хасмара до города Симаспати, въ отдаленной странѣ, *Мадаи* (Мидіи) на востокѣ, на страны *Намри*, *Иллипи*, *Битъ-Хамбанъ*, *Парсуа*, *Ванъ*, *Урарту*, Каску" и пр. Изъ этихъ мѣстъ въ надписяхъ съ достаточною ясностью вытекаетъ, что область *Парсуа* никоимъ образомъ нельзя вырвать изъ сосѣдства и смежности съ Намри, Хархаръ, Битъ-Хамбанъ, Мадаи, Иллипи и другихъ областей достовѣрно находившихся въ Адербейджанѣ и въ Западной Мидіи. Но если для читателя такъ же ясно какъ и для насъ мѣстоположеніе Парсуа, то мы, сдвинувъ эту область изъ Парѳіи въ Адербейджанъ, уже значительно поколебали всю постройку Ленормановскаго маршрута.

11. *Битъ-Затти*, 13. *Битъ-Капси*, 14. *Битъ-Санги* я не встрѣчалъ въ другихъ надписяхъ.

12. *Битъ-Абдадани* мы встрѣчали уже въ походѣ Бинъ-Нирари въ Мидію.

О 15. *Битъ-Урзикки* и 16. *Битъ-Истаръ*. Мы говорили выше, что ихъ можно читать различно: Битъ-Таззаки и Битъ-Са, и что при этомъ исчезаетъ единственное основаніе для отождествленія ихъ съ Αρσάκ (т. е. собственно Ασάακ) и съ Астрабадомъ, т. е. созвучіе.

Пропустивъ семь слѣдующихъ мѣстностей, къ части которыхъ мы еще вернемся, обратимся къ 24. *Бустусъ*, который, по маршруту г. Ленормана, долженъ былъ находиться въ Афганистанѣ, въ смежности съ древней Арахозіей, въ томъ мѣстѣ гдѣ теперь видны развалины города Биста или Боста.

Въ 31-мъ походѣ Салманасара мы уже видѣли, что *Бусту* былъ одинъ изъ городовъ области Парсуа. Еслибъ Парсуа былъ даже тождественъ съ Парѳіей, то и тогда нельзя было Бустусу быть въ

Афганистанѣ; тѣмъ менѣе можно это допустить когда мы доказали что *Парсуа* находился въ Адербейджанѣ. Кромѣ того, Бустусъ принадлежитъ къ числу тѣхъ мѣстностей которыя встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ ассирійскихъ памятниковъ, дающихъ возможность приблизительно опредѣлить его положеніе.

Саргонъ, описывая свой походъ для усмиренія Мидіи, говоритъ объ области *Пустисъ*, которую я считаю тождественною съ *Бустусъ*, какъ Барсуа и Парсуа (Annales of Sargon, II, 16; Records of the Past VII). Въ изданной покойнымъ Смисомъ книгѣ, Assyrian Discoveries 1876, приведены нѣсколько отрывковъ изъ надписей Таклатъ-Паласара. Въ одномъ изъ нихъ, именно въ четвертомъ, нѣсколько въ другихъ словахъ говорится объ этомъ походѣ, а имя мѣстности встрѣчается въ формѣ *Пустусъ*. Въ той же книгѣ Смиса, на стр. 89, приведенъ списокъ 24-хъ областей мидійскихъ и ихъ владѣтелей платившихъ дань Саргону. Въ числѣ ихъ тринадцатое мѣсто занимаетъ Арія, владѣтель *Бусту*. Изъ всего вышесказаннаго мы имѣемъ право заключить: 1) что Пустусъ, Пустисъ, Бустусъ, Бусту суть видоизмѣненія одного и того же имени, и 2) что Бустусъ находился въ Адербейджанѣ и, по всей вѣроятности, былъ городомъ или небольшимъ участкомъ болѣе обширной области Парсуа.

Но если *двадцать четвертая* мѣстность маршрута, т. е. та которая, по соображеніямъ г. Ленормана, находилась въ смежности съ Аріей, перенесена нами, на основаніи памятниковъ, въ Западную Мидію, или, вѣрнѣе, въ Адербейджанъ, то о тождествѣ 25. *Аріарми* съ Аріей не можетъ быть и рѣчи.

Слѣдовательно Аріарми нашей надписи не болѣе какъ одна изъ незначительныхъ мѣстностей Адербейджана, а не извѣстная область на востокѣ Ирана. Замѣчу кстати, что Смисъ почему-то постоянно читаетъ не Аріарми, а Арарами (Assyr. Disc. 260, 261, 271).

Изъ мѣстностей предшествовавшихъ 24. Бустусу и 25. Аріарми. обратимъ вниманіе на слѣдующія: 17. *Закрути*, или *Зикрути* и 23 Парія (или Нипарія).

Въ походахъ Саргона въ Мидію мы часто встрѣчаемъ область Зикирту или Зикарту. Эту область г. Ленорманъ отождествляетъ съ Сагартіей Мидійской, тогда какъ въ Закрути или Зикрути нашего похода онъ, вмѣстѣ съ Норрисомъ, видитъ Сагартію Персидскую, въ Караманіи. Кромѣ созвучія, мы не находимъ другаго основанія для отождествленія этихъ двухъ именъ. Персидская Сагартія не лежала на пути Таклатъ-Паласара, какъ показываетъ главная черта маршрута. Но чтобъ объяснить присутствіе Закрути въ числѣ завоеванныхъ областей, г. Ленорманъ прибѣгаетъ къ предположенію: вѣ-

роятно изъ Парѳіи была предпринята въ Сагартію особая экспедиція. Но эта экспедиція ничѣмъ не мотивирована, кромѣ желанія помѣстить куда-нибудь это неудобное въ мнимомъ маршрутѣ имя.

Дѣло объясняется, по моему мнѣнію, весьма просто. Никакого похода къ Инду, какъ я силюсь доказать, не было. Былъ обыкновенный, со временъ Салманасара, ассирійскій походъ въ Мидію, гдѣ Таклатъ-Паласcаръ, переходя изъ одной области въ другую, опустошилъ значительную часть этой страны, и, говоря, въ своей надписи о *Зикрути*, онъ имѣлъ въ виду не Персидскую Сагартію, а мидійскую мѣстность *Зикирту*, о которой такъ часто упоминаетъ Саргонъ въ своихъ надписяхъ (Records of the Past, VII. Annals of Sargon, въ третьемъ, пятомъ, осьмомъ походахъ. У Менана, въ Inscription des Fastes Саргона, мѣстность называется Зикарту и Зикирту). Между Зикруту и Зикирту нѣтъ другой разницы кромѣ орѳографической. Это одна и таже область, только подъ рѣзцомъ писцовъ разнаго времени получившая разныя транскрипціи. Настаивая на несовершенствахъ ассирійскаго письма (силлабическаго) для выраженія чужестранныхъ именъ, и на произволѣ предоставленномъ въ этомъ отношеніи писцамъ, мы не дѣлаемъ предположеній для достиженія своей цѣли. Рѣдкое иностранное имя въ разныхъ мѣстахъ памятниковъ сохраняетъ свою форму безъ измѣненія. Часто только по общему смыслу мы убѣждаемся въ томъ, что дѣло идетъ объ одной и той же мѣстности. Въ языкахъ имѣющихъ алфавитъ такія измѣненія въ формѣ именъ заставили бы насъ предполагать разныя мѣстности. Слоги: ар, ир, ур, ра, ру, ка, ку, и др. особенно часто замѣняютъ другъ друга, чѣмъ и объясняется разница между Зикарту и Зикирту, Закрути и Зикрути. Такъ какъ мы имѣемъ дѣло съ переводами текстовъ, то должны часть вины свалить и на самихъ переводчиковъ и на плохое держаніе корректуры. Транскрипціи собственныхъ именъ страдаютъ у нихъ большими недостатками (не говорю уже о сплошныхъ опечаткахъ въ почтенномъ трудѣ Менана, Annales des Rois d'Assyrie, нѣкоторыми частями котораго просто нельзя пользоваться) и отсутствіемъ однообразія. Одинъ пишетъ Кирхи, другой Гильхи; у одного Елами, тоже имя у другаго пишется Нумми. Это частью зависитъ, конечно, и отъ свойства письма. Слѣдовало бы ученымъ ассиріологамъ сговориться наконецъ хоть бы объ условномъ однообразіи въ транскрипціи собственныхъ именъ, Имя знакомой намъ области Намри англійскіе кунеологи пишутъ Зимри. Можетъ быть послѣднее и вѣрнѣе, да читатель не знаетъ какъ быть. Другой недостатокъ при передачѣ собственныхъ именъ. заключается въ томъ, что многіе ассиріологи встрѣчающіяся въ текстахъ имена замѣняютъ своими отожествленіями, не обозначая

при этомъ ассирійской формы имени. Такъ, въ переводахъ текстовъ мы часто встрѣчаемъ: Персія или Парѳія вмѣсто Парсуа, Арменія вмѣсто Урарту, Албанія вмѣсто Иллипи, Колхида вмѣсто Каску, и т. д.

Всѣ эти скороспѣлыя отожествленія нисколько не увеличиваютъ достоинства переводовъ: напротивъ.

Но чтобы кончить съ Зикрути приведемъ одно мѣсто изъ другой надписи Таклатъ-Паласара (Layard, pl. 17,18) въ которой прямо говорится, что Закрути была мѣстность мидійская: «Я наложилъ дань на страны: *Битъ-Хамбанъ*, Хазу, *Битъ-Барруа*, Битъ-Алзасъ (Битъ-Суалсазъ?), *Битъ-Матти*, на городъ *Нику* въ странѣ *Умліасъ*, Битъ-Хасилъ, *Парсуа*, Битъ-Риси и *на городъ Закрутъ, зависящій отъ Мидіи* (Ménant, Les Annales des rois d'Assyrie, 139).

Такимъ образомъ самъ Таклатъ-Паласаръ говоритъ, что Закрутъ принадлежалъ Мидіи, и вовсе не находился гдѣ-нибудь въ Персидской Сагартіи, или Караманіи.

Двадцать третья мѣстность, *Битъ-Паррія* (у Ленорм.) или Нипарія (у Смиса), по мнѣнію Ленормана, находилась въ Афганистанѣ, рядомъ съ Бустусомъ, и была тожественна съ Phra, самымъ большимъ городомъ сѣверной Драгіаны (по Исидору Харакскому), и съ Фаррой настоящаго времени. Но такъ какъ Бустусъ оказался не въ Афганистанѣ, а въ Адербейджанѣ, то нѣтъ сомнѣнія, что и Парія долженъ былъ находится гдѣ нибудь по близости. Дѣйствительно, во время похода Салманасара въ Арменію и Адербейджанъ, мы встрѣчаемъ названіе этой мѣстности въ числѣ другихъ областей Адербейджана. „Я двинулся въ страну Урарту (Арменію), 50 городовъ я опустошилъ и сжегъ огнемъ. Я спустился въ область Кирзанъ. Дань съ упу (начальника) области Кирзанъ, областей Манна (Ванъ), Бурири, Харранъ, Сасгана, Андія, т. е. быковъ, овецъ, лошадей, я получилъ. Къ городамъ области . . . я спустился. Городъ *Перрія* и городъ Ситиварія съ другими 22 городами я разграбилъ и сжегъ огнемъ, и нагналъ на нихъ страхъ. Къ городамъ области Барсуа я пошелъ, города *Бусту*, Салахаману, Кинихаману, съ 23 городами я завоевалъ . . . Въ страну Намри (Зимри) я спустился", и т. д. Изъ этой выписки видно, что царь изъ Кирзана и Вана спустился въ какую-то область, въ которой разграбилъ городъ *Перрія*; оттуда перешелъ въ область Барсуа (*Парсуа*), взялъ городъ *Бусту*, и спустился въ знакомую намъ область Намри. Непосредственная близость *Перріи* къ *Бусту* подкрѣпляетъ насъ въ предположеніи, что *Паррія* и *Бустусъ* надписи Таклатъ-Паласара II тожественны съ *Перрія* и *Бусту* надписи Салманасара, и обѣ мѣстности находились въ Адербейджанѣ (см.

Records of the Past, V, стр. 41, строки 179—187). Менанъ (стр. 104) вмѣсто Перрія читаетъ: Pi, Ria.

Шестой походъ Саргона имѣлъ цѣлью усмиреніе Адербейджана, въ которомъ области *Зикирту*, Каралла и другія возстали противъ Ассирійцевъ и заключили союзъ съ Ваномъ и съ урартійскимъ царемъ Урзой. Наказавъ жителей Вана, Саргонъ обратился противъ Караллы, Аллабура и противъ Нирисара, правителя города Сургадія. «Я присоединилъ эти города къ области Парсуа». Въ тоже время жители Хархара изъявили желаніе подчиниться Дальтѣ, князю области Иллипи. Саргонъ завладѣлъ и этимъ городомъ; а затѣмъ занялъ верхнія берега рѣкъ, образующія область Аранзи, и нижнія берега, по которымъ расположены мѣстности Бетъ-Раматуа, *Урикатту*, *Сикрисъ*. Въ теченіе этого же похода была завоевана область *Бетъ-Сакбатъ*. Седьмой походъ также былъ посвященъ усмиренію жителей Вана и разныхъ мѣстностей Адербейджана, снова заключившихъ союзъ съ Урзой, царемъ урартійскимъ. Саргону нельзя было позволить образоваться у себя подъ бокомъ такой опасной коалиціи, и потому онъ поспѣшилъ наказать союзниковъ. Первыми жертвами его сдѣлались владѣтели Вана и Хубуски, которые снова были обращены въ данниковъ ассирійскихъ. „Жители верхнихъ и нижнихъ береговъ, а именно: Бетъ-Аранзи, Бетъ-Раматуа, *Урикату*, *Сикрисъ*, а равно и жители *Хархара*, возстали и составили противъ меня заговоръ. Я изъ подчинилъ себѣ“ [11]), и т. д. Вотъ эту-то область *Урикатту*, дважды встрѣчающуюся въ походахъ Саргона въ Адербейджанъ и Мидію, и считаю я именно той мѣстностью, которая, за 130 лѣтъ до того, подъ рѣзцомъ ассирійскихъ писцовъ въ надписяхъ Таклатъ-Паласара II, приняла форму 28. *Аракутту*, и дала этимъ поводъ видѣть въ ней Арахозію. Въ теченіе 130 лѣтъ слогъ Ур могъ измѣниться въ *Ар*, какъ въ произношеніи, такъ и въ правописаніи Ассирійцевъ.

Въ этихъ двухъ походахъ упоминается оба раза рядомъ съ Урикаттой область *Сикрисъ*, подчеркнутая нами. Такъ какъ всѣ добытыя нами до сихъ поръ доказательства клонились къ сосредоточенію всѣхъ мѣстностей разсматриваемаго списка въ Адербейджанѣ и Мидіи, то мы и въ этомъ *Сикрисѣ* не задумываемся видѣть тридцадь пятую мѣстность нашего списка, *Сикраки*, которая встрѣчается у Смиса (А 260) въ формѣ *Сикра* [12]).

---

[11]) Ménant, Annales, стр. 162—164; Records of the Past, VII, p. 31—32.

[12]) Въ числѣ 24 мидійскихъ данниковъ Саргона (Assyr. Discov. 228) встрѣчается имя Фарнеса, князя области *Сикрана*, тожественной, по моему мнѣнію, съ Сикра и Сикраки.

Переходя далѣе къ 31. *Битъ-Сакбатъ*, мы опять таки съ береговъ Инда должны перенестись въ Мидію. Мы уже видѣли, что Саргонъ, въ шестомъ своемъ походѣ въ Мидію, завоевалъ нѣсколько городовъ, управленіе которыми онъ поручилъ своему сатрапу въ Парсуа. Вслѣдъ затѣмъ онъ взялъ *Битъ-Сакбатъ* и нѣсколько другихъ городовъ. Положеніе Битъ-Сакбата въ нѣкоторомъ отношеніи опредѣляется тѣмъ, что Саргонъ упоминаетъ о немъ послѣ завоеванія Караллы и Аллабура, и до перехода въ знакомый намъ Хархаръ. Кромѣ того, въ XIII-мъ походѣ своемъ Саргонъ говоритъ: „управленіе областью Еламъ я учредилъ въ городѣ *Сакбатъ*".

Положеніе-же Елама (Elymais) намъ достаточно извѣстно. Сакбатъ находился, по всей вѣроятности, не въ самомъ Еламѣ, который еще не былъ въ то время завоеванъ Ассирійцами, а въ той части Мидіи откуда легко можно было управлять отторгнутыми отъ Елама областями. Тоже самое вытекаетъ изъ другой надписи Саргона (Mén. 188), гдѣ говорится о заселеніи Елама плѣнниками изъ Кумуха: „ Я переселилъ въ Еламъ жителей Кумуха. . . . и водворилъ ихъ въ Еламѣ, въ городѣ *Сакбатъ*". Все это, конечно, было извѣстно и г. Ленорману; но забравшись въ Арахозію ему трудно было согласиться въ тождественности Битъ-Сакбата надписи Таклатъ-Паласара съ мидійскимъ Сакбатомъ.

Затѣмъ, въ порядкѣ слѣдуетъ мѣстность 32. *Силхази*, съ прибавленіемъ: «называемый Вавилонянами *Руади* (у Менана—Руа)». Такъ переводитъ это мѣсто г. Ленорманъ, поясняя, что Вавилоняне, по всей вѣроятности, познакомились съ этою мѣстностью во время своихъ плаваній съ коммерческою цѣлью къ устьямъ Инда, и назвали ее Руади, потому что въ этомъ мѣстѣ, вѣроятно, поселилась колонія Арватидовъ, т. е. жителей финикійскаго города Арада. Все это, какъ видитъ читатель, въ высшей степени натянуто. Еще неизвѣстно и то, сами-ли Вавилоняне непосредственно вели торговлю съ Индіей, или получали товары изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, черезъ Арабовъ и Финикійцевъ. Смисъ (Assyr. Discov.), имѣвшій подъ руками нѣсколько отрывковъ разныхъ надписей Таклатъ-Паласара, нѣсколько иначе переводитъ это мѣсто: „Силхази, называемой Вавилонянами *крѣпкимъ*; Силхази, *крѣпость* Вавилонская". *Руади*-же составляетъ у него отдѣльную мѣстность.

Вѣрность такого перевода подтверждается тѣмъ, что въ IV-мъ отрывкѣ Смиса, Руа (вмѣсто Руади, какъ у Менана) стоитъ впереди и отдѣленъ отъ Силхази двумя или тремя мѣстностями.

Въ одномъ мѣстѣ своей надписи Таклатъ говоритъ, что онъ присоединилъ вавилонскую крѣпость Силхази къ предѣламъ Ассиріи,

(см. ниже). Любопытно знать, какъ онъ ухитрился бы присоединить къ Ассиріи городъ находившійся у устьевъ Инда.

Очевидно, дѣло происходило не такъ. И дѣйствительно нѣтъ ничего удивительнаго, если Вавилоняне гдѣ нибудь на сѣверныхъ границахъ Халдеи (Калду, къ востоку отъ Тигра), или въ горахъ Пушти-кухъ укрѣпили мѣстечко Силхази противъ воинственныхъ и непримиримыхъ своихъ соперниковъ, Ассирійцевъ. Гораздо естественнѣе искать этотъ Силхази гдѣ нибудь въ Халдеѣ, гдѣ вліяніе Вавилонянъ было ощутительно вслѣдствіе ихъ сосѣдства, чѣмъ въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ Вавилонянъ, по всей вѣроятности, никогда не было. Если не самый Силхази, то имя рядомъ съ нимъ лежавшей мѣстности, *Руа*, мы встрѣчаемъ въ надписяхъ Саргона (Mén. 171. 187) и Сенахериба (222). И эта мѣстность находилась въ Халдеѣ, слѣдовательно и Силхази находился гдѣ нибудь по близости.

Такимъ образомъ, перебравъ бо̀льшую часть мѣстностей, встрѣчающихся въ нимрудской надписи Таклатъ-Паласара, мы отождествили ихъ съ мѣстностями, которыя, на основаніи ассирійскихъ же памятниковъ, находились въ Мидіи, частью въ Халдеѣ, съ нѣкоторыми только видоизмѣненіями въ формѣ и въ правописаніи именъ. Приведемъ рядъ разобранныхъ нами именъ, ставя въ скобкахъ наши отождествленія: 1. Намри (Намри), 2. Битъ-Сангибути (Битъ-Сангибути), 3. Битъ-Хамбанъ (Битъ-Хамбанъ), 5. Барруа или Битъ-Барруа (Барруа), 7. Битъ-Матти (Матаи, Мату?) 8. Нику въ странѣ Умліасъ (рѣка Умліасъ въ Халдеѣ). У Ленормана: Al Niqusa, Mat-Massias. 10. Парсуа (Парсуа), 12. Битъ-Абдадани (Абдадани), 17. Закрути (Зикирту, Зикарту), 23. Паррія (Перрія), 24. Бустусъ (Пустисъ, Бусту), 28. Аракутту (Урикатту), 31. Битъ-Сакбатъ (Сакбатъ), 33. Руади или Руа (Руа); 35. Сикраки или Сикра (Сикрисъ).

Въ началѣ статьи мы привели нѣсколько соображеній о невѣроятности похода Таклатъ-Паласара II къ берегамъ Инда на основаніи общаго смысла ассирійскихъ памятниковъ. Далѣе, отождествленіями мы старались доказать, что мѣстности, о которыхъ говорится въ спискѣ, встрѣчаются въ памятникахъ ассирійскихъ раньше и позже царствованія Таклатъ-Паласара, и что всѣ они указываютъ на Мидію.

Обратимся къ самой надписи, изъ которой извлеченъ упомянутый списокъ именъ. Спрашивается: откуда взялъ г. Ленорманъ, а съ нимъ вмѣстѣ Менанъ и другіе, идею о походѣ ассирійскаго царя къ Инду, когда весь отдѣлъ надписи, относящійся до нашего похода, гласитъ слѣдующее (строки 29—43): Страны: Намри-Битъ-Сангибути, Битъ-Хамбанъ, Сумурзу, Барруа, Битъ-Зуалзасъ,

Битъ-Матти, Нику въ Умліасъ, Битъ-Таранзаи, Парсуа [13]), Битъ-Затти, Битъ-Абдадани, Битъ-Кипси, Битъ-Санги, Битъ-Урзикки, Битъ Са, Закрути, Бизиникисси, Нисси, Зибуръ, Уримзанъ, Раумзанъ. Нипарія, Бустузъ, Арарами, Буруми-сари-исзури, Саксукни, Аракутту, Каръ-Зипра, Гукинана, Сакбатъ, Силхази, называемый Вавилонянами «крѣпкимъ», Руади, Битъ-Муннатускана, Сикра [14]) богатая золотомъ; *во всѣ эти области гористой Мидіи* я непріязненно вторгся, ихъ многочисленныхъ ратниковъ я умертвилъ, 60500 человѣкъ и дѣтей, лошадей, ословъ, лошаковъ, быковъ, овецъ безъ числа я забралъ. Ихъ города̀ я опустошилъ, разорилъ, сжегъ огнемъ и обратилъ въ кучу развалинъ; страны Намри (Зимри,) Битъ-Сангибути, Битъ-Хамбанъ, Сумурзу, Битъ.Барруа, Битъ-Зуалзасъ, Битъ-Матти, Никку въ Умліасъ, Битъ-Таранзаи, Парсуа, Битъ-Затти, Битъ-Абдадани, Битъ-Кипси, Битъ-Санги, Битъ Урзикикъ, Битъ-Са и Зикрути *въ гористой Мидіи, къ предѣламъ Ассиріи я присоединилъ;* города̀ ихъ я вновь построилъ, ратниковъ Ассура, владыки моего, я въ нихъ посадилъ; плѣнниковъ, взятыхъ моей рукой, я въ нихъ поселилъ, моихъ воеводъ правителями надъ ними я поставилъ, и мое царское изображеніе я воздвигъ въ Тикраки, Битъ-Са, Зибурѣ, Арарми, Буруми-Сари-Иззури и Силхази, называемомъ Вавилонянами «крѣпкимъ». Дань Мидіи, Иллипа, и отъ всѣхъ начальниковъ горъ Бикни: коней, ословъ, муловъ, быковъ и овецъ безъ числа я получилъ..... онъ услышалъ о великихъ побѣдахъ одержанныхъ Ассуромъ, моимъ владыкой, во всѣхъ этихъ областяхъ; страхъ Ассура, владыки моего, поразилъ его и въ городъ Дур-тигулти-палесиръ онъ пришелъ и поцаловалъ мои ноги; коней, ословъ, быковъ, овецъ, инструменты.... дань его я получилъ. Воеводу моего, Ассурданани, въ гористую Мидію на востокъ я послалъ, 5000 коней, людей, быковъ и овецъ безъ числа онъ привелъ».

Я цитировалъ эту выписку по переводу Смиса (Assyr. Discov. 260—261), какъ болѣе полному и въ существенныхъ своихъ частяхъ мало разнствующему отъ перевода Менана. Послѣ всего нами сказаннаго, не ясно-ли выражено въ этой выпискѣ, что походъ Таклатъ-Паласара касался одной только Мидіи, а никакъ не береговъ Инда. Такое повтореніе именъ мѣстностей говоритъ вовсе не о вторичномъ походѣ къ Инду, какъ думаетъ г. Ленорманъ, а имѣетъ въ виду только объяснить предъидущее.

---

[13]) Въ переводѣ Смиса прямо стоитъ Персія.

[14]) У Смиса, по ошибкѣ, Ликра.

Въ книгѣ Смиса приведены переводы отрывковъ тринадцати новыхъ надписей Таклатъ-Паласара, открытыхъ имъ въ развалинахъ ниневійскихъ дворцевъ. Всѣ они находятся въ крайне плохомъ положеніи, съ пропусками, такъ что нельзя извлечь изъ нихъ цѣльнаго разсказа о какой нибудь экспедиціи. Только имена мѣстностей и нѣсколько отрывочныхъ фразъ указываютъ на то, гдѣ происходило дѣйствіе того или другого похода. Отрывки II, III, IV и VIII относятся къ дѣламъ въ Мидіи.

II-й отрывокъ: «на второмъ году моего царствованія, Ассуръ, мой владыка ..... страны: Битъ-Затти, Битъ-Абдадани, Битъ-Сангибути ... Никуръ» . . . Въ хронологической таблицѣ, приведенной нами выше, этотъ походъ названъ походомъ въ Намри. Порядокъ именъ указываетъ на ошибочность расположенія мѣстностей въ маршрутѣ Ленормана, т. е. 11. 12. 2. 8.

III-й отрывокъ, къ несчастію весьма пострадавшій, заключаетъ въ себѣ имена мѣстностей вмѣстѣ съ именами ихъ владѣтелей. Переходя изъ одной области въ другую, царь перечисляетъ ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Битъ-Затти, Битъ-Абдаданъ, Никуръ, Битъ-Капси, Битъ-Санги, Битъ-Таззакки . . . Сумурза, Битъ-Хамбанъ, Абдаданъ. — Порядокъ именъ указываетъ на то же, т. е. 11, 12, 8, 13, 14, 15, 4, 3, 12.

IV-й отрывокъ явно относится къ нашему походу. Мы его частью выпишемъ . . . «Битъ-Хамбанъ, Сумурзу, Битъ-Барруа, Битъ-Зуалзасъ, Битъ-Матти, Нику въ Умліасъ, Битъ-Тарилай (тоже что Таранзаи), Парсуа [15]), Битъ-Капси, и городъ Закрути, Битъ-Истаръ, Нисса, Гизиникисси, Зибуръ, Уринна, Сапира, Пустусъ, Арарми, Дарзарениху, Руа, горы Битъ-Мунъ, Сикраки (Ликраки), Силхази, крѣпость вавилонскую, къ предѣламъ Ассиріи я присоединилъ, моихъ воеводъ надъ ними правителями я поставилъ, дань отъ всѣхъ начальниковъ мидійскихъ до горъ Бикни, я получилъ. Своего полководца Ансурдаинаси къ могущественнымъ Мидійцамъ, живущимъ у восходящаго солнца (т. е. на востокѣ), я послалъ; 5000 лошадей, людей, быковъ и овецъ безъ числа онъ привелъ» . . . . Въ этомъ отрывкѣ послѣдовательность именъ еще яснѣе показываетъ что въ данномъ спискѣ вовсе не имѣлся въ виду маршрутъ въ одинъ конецъ по направленію съ запада на востокъ: 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 13. 17. 16. 19. 18 20. 21 (?). 23. 24. 25. 33. 35. 32. Здѣсь мы встрѣчаемъ пропуски и перестановки, которые были бы невозможны принявъ марш

---

[15]) У Смиса, Персія.

рутъ Ленормана. Безразличность въ послѣдовательности именъ въ разныхъ описаніяхъ одного и тогоже похода можетъ быть допущена только подъ условіемъ группировки мѣстностей въ извѣстной территоріи, а не при расположеніи ихъ въ извѣстномъ опредѣленномъ направленіи.

VIII-й отрывокъ, больше всѣхъ пострадавшій: «на девятомъ году моего царствованія, Ассуръ, мой владыка, мнѣ покровительствовалъ, въ страны: Битъ-Кипси, Битъ-Иранги (Санги), Битъ-Тазаки, Мидію [16]), Битъ-Зуалзасъ, Битъ-Матти, Умліасъ, я пошелъ. Города Битъ-Истаръ, Кинги-Канги...и другіе города вокругъ ихъ я взялъ ...Зибуръ съ городами вокругъ него я завладѣлъ...Каръ-Зипра...Сангибути...который взяли Вавилоняне...на Силхази, называемый Вавилонянами крѣпостью». Порядокъ: 13. 14. 15. 6. 7. 8. 16. 20. 29. 2. 32. Въ хронологической таблицѣ этотъ походъ называется походомъ къ горѣ Наалъ.

Этими выписками я заканчиваю свою статью, полагая что вопросъ на столько выясненъ, что не требуетъ особыхъ выводовъ и заключеній.

Не лишнимъ считаю повторить, что, при быстрыхъ успѣхахъ Ассиріологіи, я не рѣшился бы разбирать статью, написанную за 6—7 лѣтъ, еслибъ и теперь не смотрѣли на выводы ея какъ на новые для исторіи факты, открытые въ ассирійскихъ памятникахъ. Относясь съ полнымъ уваженіемъ къ научнымъ трудамъ г. Ленормана, я не могъ въ тоже время не замѣтить ложности точки его отправленія въ объясненіи похода Таклатъ-Паласара. Быть можетъ и самъ г. Ленорманъ въ настоящее время не держится уже большинства своихъ отождествленій; но и въ такомъ случаѣ смѣю думать, что моя статья можетъ имѣть кое-какое значеніе при опредѣленіи нѣкоторыхъ мѣстностей въ географіи ассирійской эпохи.

Декабрь 1877 года.

Прилагаемая къ статьѣ карта составлена на основаніи XXVII-й карты Шпрунерова Atlas Antiquus, 1865. Существовавшія до сихъ поръ карты ассирійской эпохи, приложенныя къ сочиненіямъ Г. Раулинсона, Менана и Масперо, съ одной стороны страдали большими невѣрностями, съ другой—были неудовлетворительны вслѣд-

---

[16]) Вѣроятно въ текстѣ было Мадаи.

ствіе весьма малаго количества нанесенныхъ на нихъ именъ. Составляя свою карту большею частью (сѣверъ и востокъ) по собственному пониманію памятниковъ, я имѣлъ въ виду отчасти наглядно объяснить положенія высказанныя въ брошюрѣ, но главнымъ образомъ дать возможность и не-ассиріологамъ оріентироваться въ массѣ незнакомыхъ и непонятныхъ названій мѣстностей, встрѣчающихся въ ассирійскихъ историческихъ памятникахъ.

Никто болѣе меня не сознаетъ трудности точнаго опредѣленія этихъ мѣстностей при настоящемъ состояніи Ассиріологіи, и потому я самъ смотрю на свой трудъ какъ на превышающую мои силы попытку — распредѣлить часть мѣстностей ассирійской эпохи въ порядкѣ возможно близкомъ къ ихъ дѣйствительному положенію.

Во время самаго печатанія мнѣ попалась въ руки новая книга Шрадера — Keilinschiften und Geschichtsforschung, Giessen, 1878, съ картой.

Мнѣ пріятно было въ ней встрѣтить, что значительная часть моихъ опредѣленій довольно близко подходитъ къ опредѣленіямъ извѣстнаго ассиріолога Германіи, но къ сожалѣнію я уже не могъ воспользоваться его указаніями, а главное транскипціею именъ, болѣе вѣрною и однообразною, чѣмъ та, которую я заимствовалъ въ Анналахъ Менана или Records of the Past.

Мартъ 1879 г.

71

ЗАМѢТКА О ПУТЯХЪ НА ВОСТОКЪ

ОТЪ МЕШХЕДА ВЪ АФГАНИСТАНЪ

Ѳ. Бакулина

Относительная давность свѣдѣній собранныхъ европейскими путешественниками о путяхъ къ востоку отъ Мешхеда въ Афганистанъ, и неизвѣстность на счетъ состоянія ихъ въ настоящее время, дали мнѣ мысль собрать эти свѣдѣнія путемъ разспросовъ отъ туземцевъ или лично, недавно, посѣщавшихъ Афганистанъ или-же имѣющихъ торговыя сношенія съ тѣми изъ Афганъ которые ежегодно пріѣзжаютъ въ Мешхедъ изъ Герата и Кабула.

При собираніи свѣдѣній этимъ путемъ, представлялось обычное въ подобныхъ случаяхъ затрудненіе — точность опредѣленія разстояній, которая, въ сообщеніяхъ туземцевъ, даже относительно такихъ мѣстностей разстоянія между которыми извѣстны, весьма часто оказывается неправильною. Къ тому же самый способъ опредѣленія разстояній фарсахами не можетъ быть уже точнымъ, потому что фарсахъ (мѣра протяженіемъ въ 7 верстъ), въ различныхъ мѣстностяхъ Персіи, неодинаковъ: есть фарсахи легкіе и тяжелые; послѣдніе общи Хоросану, гдѣ на переходъ одного фарсаха обыкновеннымъ шагомъ лошади потребно иногда болѣе 2-хъ часовъ.

Казалось бы, что разстоянія между важнѣйшими городами въ предѣлахъ Персіи должны быть съ точностью извѣстны, по крайнѣй мѣрѣ, персидскому правительству; но на самомъ дѣлѣ это оказывается не такъ, и относительно одного и того же пути существуютъ противорѣчивыя опредѣленія.

При собираніи свѣдѣній отъ туземцевъ о путяхъ въ Афганистанъ, вообще малоизвѣстныхъ и трудно доступныхъ, необходимо было предполагать туже, если даже и не бо̀льшую, неточность. Вслѣдствіе этого, приводимыя цифры въ фарсахахъ всего правильнѣе будетъ считать мѣрою бо̀льшей или меньшей продолжительности перехода. При желаніи-же провѣрить эти разстоянія съ существующими картами сѣверо-восточныхъ окраинъ Персіи и Афганистана, приходится сталкиваться съ значительнымъ затрудненіемъ — отсутствіемъ точныхъ картографическихъ указаній, такъ

какъ, напримѣръ, на англійской картѣ „Map of Central and Western Asia“ изд. Edw. Stanford'a, 1873 г., различныя мѣстности въ Афганистанѣ оказываются обозначенными неточно. Видно, что они нанесены на карту безъ всякой послѣдовательности, на основаніи, сколько можно судить, отрывочныхъ свѣдѣній, и часто въ названіяхъ до такой степени искаженныхъ, что трудно узнать дѣйствительное наименованіе той или другой мѣстности.

Лучшія свѣдѣнія даетъ персидская карта, приложенная къ персидскому сочиненію подъ заглавіемъ: «*Тарихи-Векаи ве Севани-Афганистанъ* (Исторія событій и происшествій въ Афганистанѣ) *. Карта эта, по замѣчанію автора, составлена на основаніи англійской карты Arrowsmith'a и, что всего важнѣе, дополнена указаніями афганца, сердара Мамедъ Алемъ-Хана, сына сердара Рахимдиль-Хана.

Несмотря на полноту названной карты, на ней не оказывается названій нѣкоторыхъ мѣстечекъ, встрѣчающихся въ добытыхъ мною разспросныхъ свѣдѣніяхъ. Подобное обстоятельство оказывается возможнымъ по двумъ причинамъ. Первая—опустѣніе и разрушеніе нѣкоторыхъ мѣстностей прежде заселенныхъ, и возникновеніе новыхъ, съ новыми названіями. Доказательства подобнаго явленія въ Персіи встрѣчаются весьма часто. Мѣстности, прежде населенныя, оставляются жителями, вслѣдствіе оскудѣнія въ водѣ, голода и другихъ причинъ. Населеніе бросаетъ свои глиняныя жилища и идетъ искать другой осѣдлости, которая возникаетъ, съ новымъ названіемъ, въ мѣстности соотвѣтствующей требованіямъ выселившихся. Вторая причина — та, что свѣдѣнія заимствованы отъ лицъ слѣдовавшихъ съ торговыми караванами, которые, по усмотрѣнію каравановожатаго, часто уклоняются отъ большой дороги, дѣлая остановки или привалы въ мѣстностяхъ представляющихъ наиболѣе удобствъ или относительно пастьбы вьючныхъ животныхъ или относительно пріобрѣтенія запасовъ продовольствія, а главное — воды.

Другимъ пособіемъ при провѣркѣ свѣдѣній о путяхъ въ Афганистанъ служила персидская карта подъ названіемъ: «*Накшеи-темами-мемалики-махрусеи-давлети-аліэи-Иранъ*», литографированная въ Тегеранѣ, въ 1286 г. гиджры (Карта всего Персидскаго государства, 1869 г.). Относительно сѣверо-восточныхъ окраинъ Персіи и въ особенности Афганистана, она оказывается далеко не такъ полною, какъ вышеназванная карта, приложенная къ сочиненію шахзадэ Итизадус-сальтанэ Али-Кули Мирзы.

---

* Авторъ—шахзадэ Итизадус-сальтанэ Али-Кули-Мирза. Сочиненіе издано въ Тегеранѣ въ 1273 г. гиджры.

Мною было обращено особенное вниманіе на точную транскрипцію названій различныхъ мѣстностей, столь неудовлетворительную и въ заграничныхъ картографическихъ изданіяхъ. Восточныя карты оказываютъ въ этомъ случаѣ наилучшее пособіе, и остается только пожелать, чтобы различныя названія мѣстностей наносились на наши карты въ ихъ точной транскрипціи.

I.

Путь отъ Мешхеда до Герата

1. *Сенгебестъ;* переходъ 6 фарсаховъ. Въ двухъ фарсахахъ отъ Мешхеда, по дорогѣ, *Кальэ-Туругъ* съ населеніемъ въ 500 домовъ. Въ самомъ Сенгебестѣ насчитываютъ до 200 домовъ.

2. *Ферímунъ* или *Бенди-ферійманъ;* переходъ 6 фарсаховъ; жителей 800 домовъ. Въ двухъ фарсахахъ отъ Сенгебеста и четырехъ отъ Ферímуна, развалины *Гусейнъ-Абада.*

3. *Календерабъ;* переходъ 2 фарсаха; жителей 300 домовъ. По дорогѣ видны развалины деревень.

4. *Абдуль-Абадъ*, переходъ 4 фарсаха; жителей 700 домовъ. По дорогѣ двѣ крѣпостцы: *Барду* (150 домовъ) и *Кехризи-Новъ* (10 домовъ).

5. *Ленгеръ* (300 домовъ) и *Машедъ-Абадъ* (250 домовъ); переходъ 4 фарсаха; на противоположныхъ берегахъ р. *Джамъ.* Населеніе выставляетъ всадниковъ для охраны границы.

6. Мѣстечко *Турбети-Шейхи-Джамъ*; переходъ 3 фарсаха. Имѣетъ зіяретъ (мѣсто посѣщаемое богомольцами). Вдоль дороги много селеній и воздѣлываемыхъ полей.

7. *Аббасъ-Абадъ*; переходъ 5 фарсаховъ (20 домовъ). Въ двухъ фарсахахъ развалины деревни.

8. *Кехризъ* (300 домовъ); переходъ 4 фарсаха. Въ сторонѣ отъ дороги лежитъ *Калеи Мухсинъ-Абадъ.*

9. *Кусанъ*; переходъ 6 фарсаховъ (300 домовъ). Въ четырехъ фарсахахъ отъ Кехриза находится *Кафиръ-Калэ.* На этомъ же пространствѣ встрѣчаются развалины прежнихъ поселеній.

10. *Шабешъ;* переходъ 4 фарсаха. Противъ Шабеша поселеніе въ 300 домовъ.

11. *Шекибанъ;* переходъ 5 фарсаховъ. Противъ деревня *Мавизекъ*; жителей въ обѣихъ насчитываютъ до 500 домовъ. Отъ Шабеша въ Мавизекъ и Шекибанъ двѣ дороги: одна долиною по населенной мѣстности, другая у подошвы горъ.

12. *Гератъ;* переходъ 6 фарсаховъ. Дорога идетъ вдоль частыхъ селеній.

Всего отъ Мешхеда 12 переходовъ (55 фарсаховъ).

II.

Другой путь изъ Мешхеда въ Гератъ чрезъ Хафъ, долиною

1. *Шерифъ-Абадъ;* переходъ 6 фарсаховъ (50 домовъ). Дорога идетъ мимо каравансерая *Туругъ*.

2. *Ребати-Сефидъ;* переходъ 6 фарсаховъ. Мѣстность незаселенная; въ двухъ фарсахахъ каравансерай *Шахъ-Таги*.

3. *Шуръ-Хесаръ;* переходъ 4 фарсаха (10 домовъ); въ трехъ фарсахахъ *Асадъ-Абадъ* (12 домовъ).

4. *Турбети-Гейдери*, или *Турбети-Иса-Ханъ;* переходъ 5 фарсаховъ. По дорогѣ встрѣчается много селеній.

5. *Аббасъ-абадъ;* переходъ 5 фарсаховъ (70 домовъ). Въ четырехъ фарсахахъ деревня *Сангунъ* (180 домовъ).

6. *Ашкаръ;* переходъ 3 фарсаха, населеніе 200 домовъ.

7. *Мехди-абадъ;* переходъ 2 фарсаха (20 домовъ).

8. *Сульмэ;* переходъ 4 фарсаха (60 домовъ). Отсюда начинаются поселенія племени Теймури. По дорогѣ селенія: *Гасанъ-абадъ* (50 домовъ), *Насрабадъ* (150 домовъ) и *Сальмаль* (15 домовъ).

9. *Ласеръ;* переходъ 3 фарсаха (30 жителей). Дорога проходитъ по мѣстности незаселенной.

10. *Хафъ;* переходъ 1 фарсахъ (до 1000 домовъ). Резиденція Правителя.

11. *Келатъ;* переходъ 5 фарсаховъ. Вплоть до Гурьяна дорога проходитъ по мѣстности незаселенной чрезъ *Ча-рикъ* и *Шуръ-абъ*, служащіе мѣстами для остановокъ.

12. *Гурьянъ;* городокъ, численность населенія коего неизвѣстна.

13. *Бурнабадъ;* переходъ 4 фарсаха (60 домовъ). Вдоль дороги селенія.

14. *Сава;* переходъ 3 фарсаха (100 домовъ). По дорогѣ селенія до самаго Герата, на пространствѣ трехъ фарсаховъ.

Весь путь отъ Мешхеда до Герата чрезъ названныя мѣстности опредѣляется приблизительно въ 66 фарсаховъ, въ число которыхъ входятъ необозначенныя разстоянія между Ча-рикъ, Шуръ-абомъ и гор. Гурьяномъ.

III.

Изъ Герата въ Кандахаръ

1. *Ровзе-багъ;* переходъ 5 фарсаховъ. Мѣстность населенная, нѣсколько деревень. Шахскій садъ и могилы владѣтелей Афганистана.

2. *Шабетъ;* переходъ 6 фарсаховъ. По дорогѣ между Ровзе-багъ и Шабетъ каравансарай *Миръ-Давудъ.*

3. *Рудъ-гезъ;* переходъ 5 фарсаховъ.

4. *Хадже-Урія;* переходъ 5 фарсаховъ. Могила святаго того же имени.

5. *Себзаръ* и *Джемиранъ,* небольшіе города, расположенные одинъ противъ другаго, въ разстояніи 5 фарсаховъ отъ предыдущей станціи. Окрестности густо заселены кочевыми племенами.

6. *Абъ-Хурма;* переходъ 5 фарсаховъ. Отсюда до мѣстечка Вашеръ двѣ дороги:

Первая—у подошвы горъ:

Чеку; переходъ 6 фарсаховъ. Мѣстность незаселенная.

Тутъ Гырманъ; переходъ 5 фарсаховъ.

Хашрудъ; переходъ 5 фарсаховъ.

Вашеръ; переходъ 3 фарсаха.

Вторая дорога изъ Абъ-хурма:

7. Остановка на берегу рѣки *Ферахъ;* переходъ 4 фарсаха.

8. *Ферахъ* (городъ); переходъ 4 фарсаха.

9. *Хурмалыкъ;* переходъ 6 фарсаховъ; населенная деревня.

10. *Сіяхъ-абъ;* переходъ 6 фарсаховъ; родникъ.

11. *Джуби-Ибрагими,* или *Кехризи-Султани;* переходъ 6 фарсаховъ. Мѣстность населенная.

12. *Диль-арамъ;* переходъ 6 фарсаховъ. Въ окрестностяхъ, на разстояніи одного фарсаха отъ Диль-арама, много селеній.

13. *Вашеръ;* переходъ 6 фарсаховъ. Мѣстность населенная.

14. *Біябанекъ;* переходъ 6 фарсаховъ. Мѣстность населенная.

15. *Мамедъ-абадъ;* переходъ 6 фарсаховъ. Большое селеніе.

16. *Керешкъ;* переходъ 5 фарсаховъ; на рѣкѣ Гельмендѣ.

17. *Хакъ Чуганъ;* переходъ 6 фарсаховъ. Мѣстность значительно заселенная.

18. *Гуштъ-Нухудъ;* переходъ 6 фарсаховъ. Мѣстность населенная.

19. *Хоузи-медедъ;* переходъ 6 фарсаховъ. Мѣстность не населенная.

20. *Сенхери;* переходъ 4 фарсаха. Населеніе весьма значительное.

21. *Кандахаръ;* переходъ 4 фарсаха.

Отъ Герата до Кандахара двадцать одинъ переходъ въ 112 фарсаховъ.

IV.

Изъ Кандахара въ Кабулъ

1. По выѣздѣ изъ города останавливаются въ *Дехи-Ходже*, откуда слѣдующій переходъ.

2. *Калэи-Аазамъ;* переходъ въ 6 фарсаховъ.

3. *Хейли-Ахундъ;* переходъ 4 фарсаха.

4. *Шахри-Сефа;* переходъ 5 фарсаховъ.

5. *Джеледекъ;* переходъ 4 фарсаха. Мѣстность населенная.

6. *Келати-Гельджаи;* переходъ 5 фарсаховъ. Большой укрѣпленный пунктъ.

7. *Сарабъ;* переходъ 5 фарсаховъ. Мѣстность населенная.

8. *Зири-де;* переходъ 6 фарсаховъ; населенъ.

9. *Чешмеи-шади;* переходъ 6 фарсаховъ.

10. *Джафари;* переходъ 6 фарсаховъ.
11. *Мукуръ;* переходъ 6 фарсаховъ.
12. *Овбэ;* переходъ 5 фарсаховъ.
13. *Калеи-Мурдаръ;* переходъ 5 фарсаховъ.
} Все мѣстности населенныя.

14. *Карабагъ;* переходъ 5 фарсаховъ; селенія племени Хезарэ.

15. *Нани;* переходъ 6 фарсаховъ; мѣстность населенная.

16. *Газнейнъ;* переходъ 3 фарсаха. Городъ.

17. *Шишъ-Гавъ;* переходъ 6 фарсаховъ; населенная мѣстность

18. *Текіе;* переходъ 5 фарсаховъ. Окрестности заселены.

19. *Зеръ-ней;* переходъ 5 фарсаховъ.
20. *Мейданъ;* переходъ 6 фарсаховъ.
} мѣстности населенныя.

21. *Аркендъ;* переходъ 6 фарсаховъ.

22. *Калеи-Кази;* переходъ 3 фарсаха.

23. *Кабулъ;* переходъ 5 фарсаховъ.

Отъ Кандахара до Кабула двадцать три перехода въ 113 фарсаховъ.

Астерабадъ, 1876.

79

СВѢДѢНІЯ

ОБЪ ОФФИЦІАЛЬНОМЪ ПРЕПОДАВАНІИ

ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ

ВЪ

РОССІИ

Н. И. Веселовскаго

Въ Западной Европѣ изученіе восточныхъ языковъ началось со времени крестовыхъ походовъ, когда Европейцы впервые ознакомились лично съ мусульманскимъ міромъ. На первое время изучались только семитическіе языки: арабскій и еврейскій; первый—ради медицинскихъ сочиненій арабскихъ ученыхъ; второй—для потребностей богословія. Въ періодъ Реформаціи изученіе этихъ языковъ усилилось (преимущественно въ Германіи и Англіи), но цѣли изученія оставались тѣже [1]). Ни историческая литература Востока, ни его изящная словесность, не обращали еще на себя вниманія ученыхъ Западной Европы. Только завоеваніе Англичанами Индіи и открытія сдѣланныя тамъ Анкетилемъ дали, съ конца XVIII столѣтія, другое направленіе изученію восточныхъ языковъ: на нихъ стали смотрѣть какъ на необходимое пособіе въ дѣлѣ ознакомленія съ жизнью и литературою азіатскихъ народовъ; а затѣмъ, съ возникновеніемъ Сравнительной Лингвистики, начали изучать ихъ для нихъ самихъ.

Въ Россіи за изученіе восточныхъ языковъ стали приниматься лишь съ начала прошлаго столѣтія, благодаря почину и заботамъ Петра Великаго. Такое, по-видимому, позднее введеніе у насъ оффиціальнаго обученія восточнымъ языкамъ, сравнительно съ Западной Европой, покажется еще болѣе позднимъ, если принять во вниманіе наши искони существовавшія политическія и торговыя отношенія къ народамъ Востока, требовавшія людей свѣдущихъ въ нѣкоторыхъ языкахъ Азіи [2]). Но не позднимъ, а скорѣе раннимъ, пока-

---

[1]) Тогда (XV стол.) были переведены сочиненія арабскихъ медиковъ-натуралистовъ: Эр-Рази, Ибнъ-Сины (Авицены), Ибнъ-Рушда (Аверроеса), и другихъ.

[2]) И были у насъ знатоки восточныхъ языковъ. Такъ, на-примѣръ, извѣстно, что иностранные путешественники находили въ Золотой Ордѣ толмачей изъ Русскихъ (*Плано-Карпини*, въ русскомъ переводѣ Языкова, стр. 20, 214); ярлыки, данные татарскими ханами нашему духовенству, сохранились только въ переводахъ, на русскомъ языкѣ; царю Борису Ѳеодоровичу посвящено было сочиненіе на татарскомъ языкѣ (*Рычковъ*, «Оренбургская Исторія», въ

82

жется введеніе у насъ обученія восточнымъ языкамъ со времени Петра Великаго, если мѣры относительно введенія ихъ поставить въ связи съ общимъ состояніемъ образованности Россіи въ то время. Только въ началѣ XVIII столѣтія обратило правительство серьозное вниманіе на водвореніе научныхъ знаній въ Россіи, и при этомъ восточные языки не только не были забыты, но даже заняли мѣсто впереди предметовъ, по-видимому, болѣе нужныхъ и важныхъ. Произошло это, конечно, потому, что изученіе у насъ восточныхъ языковъ являлось не излишнею роскошью, а насущной потребностью: необходимо было имѣть русскихъ людей знакомыхъ съ восточными языками, какъ для сношеній пограничныхъ и заграничныхъ, такъ и для администраціи въ мѣстностяхъ населенныхъ инородцами. Вслѣдствіе этого и оффиціальное преподаваніе у насъ восточныхъ языковъ долгое время отличалось чисто-практическимъ характеромъ, а въ научномъ отношеніи проходило безъ всякаго слѣда. О требованіяхъ науки въ дѣлѣ востоковѣдѣнія первый заговорилъ у насъ иностранецъ, состоявшій на русской службѣ, Керъ. Въ 1733 г. составилъ онъ проектъ Азіатской въ Россіи Академіи, въ которомъ заявлялъ о необходимости изученія литературъ Востока, о собираніи восточныхъ древностей, и т. д. [3]). Но прошло семдесятъ лѣтъ послѣ этого замѣчательнаго проекта, прежде чѣмъ изученіе восточныхъ языковъ было поставлено на научную почву, да и то не совсѣмъ въ такой полнотѣ, о какой мечталъ Керъ.

Первый кто созналъ необходимость изученія у насъ восточныхъ языковъ былъ, какъ сказано, Петръ Великій. Знаніе языковъ этихъ находилъ онъ нужнымъ для нашихъ сношеній съ народами Азіи. Петръ Великій хотѣлъ подготовить свѣдущихъ людей въ китайскомъ языкѣ изъ Русскихъ, когда предполагалъ завести связи съ Китаемъ (1700 годъ); онъ ввелъ преподаваніе японскаго языка въ Петербургѣ (годы 1702—1705), разсчитывая завести торговыя сношенія съ Японіей. Въ 1716 г. отправлены были въ Персію, при посланникѣ Волынскомъ, пять учениковъ изъ Московской Духовной

Ежемѣсяч. сочин. 1759, II, 105); сохранилась древняя сабля съ вычеканеннымъ въ Москвѣ царскимъ титуломъ арабскими письменами (см. статью *Савельева* объ учрежд. восточн. академіи). Ясно, что были у насъ знатоки восточныхъ языковъ; но это были знатоки, такъ сказать, случайные, которые не обезпечивали насъ на будущее время, что̀ и оказалось, когда преподаваніе восточныхъ языковъ введено было въ университетахъ. Своихъ преподавателей не нашлось: за ними нужно было обратиться за границу.

[3]) *Савельевъ* «Предположеніе объ учрежденіи Восточной Академіи въ С.-Петербургѣ» (Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1855 г. ч. 89, отд. III).

Академіи для изученія языковъ турецкаго, арабскаго и персидскаго; при этомъ ученики зачислены были въ Посольскій Приказъ [4]). Имена и дальнѣйшая судьба ихъ неизвѣстны. Такая же мѣра принята была въ 1724 г., когда отправленъ былъ въ Турцію Румянцевъ. По указу Сената съ нимъ посланы четыре ученика Московской Академіи въ возрастѣ отъ 13 до 14-ти лѣтъ, для изученія турецкаго языка, съ назначеніемъ имъ на первый годъ по 200 рублей (считая въ томъ же числѣ проѣздъ и плату учителямъ), а потомъ по 100 р. въ годъ [5]). Около того же времени положено было начало преподаванію монгольскаго языка въ Иркутскѣ, и предполагалось ввести обученіе китайскому [6]).

Начало преподаванію у насъ восточныхъ языковъ, положенное Петромъ Великимъ, приняло, съ прибытіемъ въ Россію иностранцевъ-оріенталистовъ, болѣе широкіе размѣры.

Въ 1732 г. пять учениковъ Московской Академіи, умѣвшіе говорить по-латыни, поступили въ Иностранную Коллегію для изученія языковъ арабскаго, турецкаго и персидскаго, которые преподавалъ Керъ. Въ 1738 г. туда же поступили два ученика для изученія маньчжурскаго языка. Для занятій восточными языками брали главнымъ образомъ учениковъ Московской Академіи, вслѣдствіе чего академическое начальство стало этимъ тяготиться. Такъ, въ 1735 г. ректоръ Софроній жаловался въ Синодъ, что не многіе ученики доходятъ до богословскаго класса, «ибо иніи посылаемы бываютъ въ Санктпетербургъ для обученія оріентальныхъ діалектовъ и для камчадальской экспедиціи, иніи въ Астрахань для наставленія Калмыковъ и ихъ языка познанія, иніи въ Сибирскую губернію съ Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ Василіемъ Татищевымъ" и т. д. [7]).

При Академіи-же Наукъ сталъ преподаваться съ 1741 года и китайскій языкъ.

Вообще, въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ Петербургѣ проживало значительное число лицъ свѣдущихъ въ восточныхъ языкахъ. Кромѣ помянутаго уже Кера, находились: *Байеръ*, профессоръ древностей при Академіи Наукъ; докторъ *Мессершмидтъ*, *Бухартъ*, около того времени вернувшійся изъ Китая; *Бакунинъ*, секретарь посольства; секретарь *Суда*; переводчикъ *Петръ Смир-*

---

[4]) Полное Собр. Закон. Рос. Имп., т. V, № 2978; *Смирновъ*, Исторія Москов. Духов. Акад., стр. 243.

[5]) Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1853, ч. 80, отд. VII, 28-9.

[6]) См. ниже.

[7]) *Смирновъ* «Исторія Моск. Акад.», стр. 242-243.

новъ (для калмыцкаго языка); переводчикъ *Синевичъ* (для турецкаго языка); инородцы: *Мустафа Ахмедъ* и *Муртаза Тевкелевъ* знавшіе языки турецко-татарскіе; *Бикри Христофоръ*—турецкій и персидскій [8]).

Въ первое время своего существованія Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ не рѣдко пользовалась услугами оріенталистовъ-иностранцевъ (Флоріо Беневени, Керъ и др.); но затѣмъ и она стала заботиться о пріобрѣтеніи своихъ переводчиковъ. Въ 1762 г. коллегія эта представила Сенату предположеніе завести у себя учениковъ китайскаго и маньчжурскаго языковъ, выбравъ таковыхъ изъ С.-Петербургской Духовной Семинаріи, „чтобы современемъ можно было имѣть изъ нихъ исправныхъ переводчиковъ". Представленіе Коллегіи было Сенатомъ утверждено, и тогда же поступили въ оную, по собственному желанію, два ученика семинаріи: *Яковъ Коркинъ* (отправившійся въ 1767 г. въ Пекинъ съ духовной миссіей) изъ піитическаго класса, и *Яковъ Полянскій*—изъ грамматическаго. Въ 1770 г. Коллегія сдѣлала новый вызовъ, и на этотъ разъ изъявили желаніе обучаться восточнымъ языкамъ два ученика С.-Петербургской семинаріи: *Яковъ Соколовъ* (изъ піитическаго класса) и *Василій Полянскій* (изъ грамматическаго [9]).

---

[8]) См. проектъ Кера въ статьѣ Савельева: «Предположеніе объ учрежденіи Восточной Академіи въ С.-Петербургѣ» (Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1856 г., т. 89).

О Керѣ и Байерѣ см. у насъ въ отдѣлѣ «Академія Наукъ». *Мессершмидтъ* (Даніилъ-Готлибъ) родился въ Данцигѣ въ 1685 г., воспитывался въ Галлѣ; въ 1707 г. получилъ степень доктора. При Петрѣ В. отправился въ Сибирь. Изъ Сибири, имъ изслѣдованной, вывезъ Абульгазіеву «*Китаби Шеджере-и-Тюрки*». Въ 1731 г. уѣхалъ за границу; но вскорѣ вернулся въ Россію, и умеръ въ Петербургѣ въ 1735 году (Пекарскій, «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ», I, 350-362). *Бухартъ*, вѣроятно, одно изъ лицъ свиты сопровождавшей въ Китай Савву Владиславича Рагузинскаго, остался въ Пекинѣ съ русской духовной миссіей, въ Петербургъ-же прибылъ обратно съ Лангомъ, бывшимъ россійскимъ резидентомъ при китайскомъ дворѣ.

Тевкелевъ (Алексѣй Ивановичъ), изъ извѣстнаго рода Тевкелевыхъ, неизвѣстно когда принявшихъ русское подданство. Въ первый разъ выдвинулся онъ во время персидскаго похода 1722 г., когда назначенъ былъ старшимъ переводчикомъ въ секретныхъ дѣлахъ. Въ 1732 г. отличился онъ усмиреніемъ возмущенія въ Малой Киргизской Ордѣ (тогда принявшей русское подданство) и, по возвращеніи, произведенъ изъ переводчиковъ въ полковники съ армейскимъ жалованьемъ. Въ 1742 г. состоялъ онъ при персидскомъ полномочномъ послѣ, за что и пожалованъ чиномъ бригадира. Въ 1755 г. произведенъ былъ въ генералъ-маіоры (см. Временникъ И. Моск. Общ. Ист. и Древн. 1852, кн. XII).

[9]) *Чистовичъ* «Исторія С.-Петербургской Духовной Академіи», стр. 58 (ссылка на дѣла архива св. Синода 1762 г., № 245).

Въ свою очередь и духовное вѣдомство нуждалось въ людяхъ основательно изучившихъ восточные языки (преимущественно еврейскій). Такъ, въ 1765 году, оберъ-прокуроръ св. Синода, Мелиссино предложилъ Синоду Высочайшую волю, состоявшую въ томъ, чтобы изъ обучающихся въ семинаріяхъ учениковъ, которые дошли уже до реторики, „избрать десять человѣкъ для отправленія ихъ въ Англію, дабы въ университетахъ Оксфордскомъ и Кембриджскомъ, въ пользу государства, высшихъ обучатися могли наукъ и восточныхъ языковъ, не выключая богословія". И были отправлены въ Оксфордъ нѣсколько учениковъ семинаріи съ инспекторомъ Никитинымъ; съ нимъ же посланъ, назначенный по Высочайшему повелѣнію, для изученія восточныхъ языковъ, состоявшій при статсъ-секретарѣ Г. Н. Тепловѣ, чиновникъ Александръ *Буховецкій*. Относительно вернувшихся изъ-за границы мы знаемъ только, что *Иванъ Наумовъ* былъ въ 1772 году опредѣленъ въ Московскую Академію учителемъ еврейскаго и греческаго языка (скончался іеродіакономъ при Академіи Художествъ въ 1776 году); о Буховецкомъ-же не нашлось свѣдѣній [10]).

Въ тоже царствованіе Екатерины Великой, когда на восточные языки вновь было обращено особенное вниманіе, принята была новая мѣра къ обученію онымъ значительнаго числа молодыхъ людей. Обученіе это возложено было на находившихся на службѣ переводчиковъ, которымъ и были даны ученики въ положенномъ числѣ. Когда мѣра эта приведена была въ исполненіе не знаемъ; но только до штатовъ присутственныхъ мѣстъ 1763 г. Такія школы находились при Оренбургской губернской канцеляріи, у переводчика татарскаго языка на 10 человѣкъ, при Ставропольской губернской канцеляріи у переводчика калмыцкаго языка — на 50 учениковъ. Такъ какъ въ штатахъ 1763 года объ ученикахъ ничего не говорится, то Сенатъ вошелъ къ Императрицѣ съ докладомъ (отъ 29 іюля 1770), въ которомъ представлялъ, что всѣ эти ученики, какъ при прежнихъ губернаторахъ находились, такъ и теперь при нихъ содержатся; но такъ какъ подтвержденія такимъ школамъ нѣтъ, то оренбургскій губернаторъ обратился въ Сенатъ съ запросомъ: содержать-ли ихъ на будущее время. При этомъ губернаторъ указывалъ, что для тамошняго края необходимы татарскіе ученики изъ Русскихъ, а не изъ иновѣрцевъ, и что изъ преждеобучившихся нѣкоторые поступили въ переводчики, толмачи и подъячіе, и съ пользою теперь служатъ. Императрица утвердила

---

[10]) Тамъ же, стр. 62—63.

докладъ Сената, при чемъ увеличено было жалованье, какъ переводчиковъ и толмачей, такъ и учениковъ. Въ Ставропольскую школу ученики набирались изъ старшинскихъ и калмыцкихъ дѣтей, изъ которыхъ нѣкоторые поступили въ духовное званіе (въ священство), другіе — въ переводчики и толмачи [11]).

Въ 1773 году Иркутская Губернская Канцелярія обратилась въ Сенатъ съ просьбою назначить ей переводчика китайскаго и монгольскаго языковъ, а для бурятскаго и тунгусскаго (маньчжурскаго) — двухъ толмачей, на основаніи штатовъ 1763 года, чѣмъ иркутская канцелярія еще не пользовалась. Сенатъ не только нашелъ справедливымъ просьбу эту исполнить, но и призналъ необходимымъ содержать при переводчикахъ нѣсколько учениковъ для обученія тѣмъ языкамъ, съ цѣлію опредѣленія ихъ потомъ на переводческія должности. И тогда же переводчику назначено 150 руб. жалованья въ годъ, толмачамъ — по 30 руб., а ученикамъ при нихъ, въ числѣ 10 человѣкъ—по 15 р. каждому [12]).

Принесла-ли эта мѣра какую пользу, и равнымъ образомъ, какъ занимались преподаваніемъ переводчики, обращенные въ педагоговъ—свѣдѣній я не имѣю.

Затѣмъ получила ходъ еще другая система для распространенія преподаванія восточныхъ языковъ: введеніе ихъ въ такія учебныя заведенія, которыя не предназначались исключительно для нихъ, а имѣли своею задачею давать общее образованіе.

Въ 1782 г. (27 сентября) послѣдовалъ указъ объ учрежденіи народныхъ училищъ, при чемъ предписывалось въ училищахъ тѣхъ губерній которыя лежатъ къ сторонѣ татарской, персидской и бухарской ввести изученіе языка арабскаго, „какъ таковаго, отъ коего всѣ въ той сторонѣ употребляемые діалекты имѣютъ свое происхожденіе и посредствомъ котораго можно будетъ завести лучшихъ переводчиковъ во всѣхъ сихъ языкахъ, нежели до сего времени мы ихъ имѣемъ“; въ Иркутской-же губерніи и Колыванской области ввести обученіе китайскому языку [13]). Въ этомъ указѣ прежде всего бросается въ глаза недовольство нашего правительства тогдашними переводчиками и, затѣмъ, необходимость арабскаго языка при изученіи татарскаго, турецкаго и персидскаго.

Такимъ образомъ мы видимъ, что правительство, постоянно заботясь о расширеніи и упроченіи у насъ преподаванія восточныхъ языковъ, имѣло первоначально въ виду двѣ цѣли: во-первыхъ —

---

[11]) Полное Собр. Законовъ, т. XIX, № 13489.

[12]) Тамъ же, № 14000.

[13]) Тамъ же, № 15523.

пріобрѣтеніе свѣдущихъ переводчиковъ изъ Русскихъ; во-вторыхъ— распространеніе христіанскаго ученія среди инородцевъ людьми посвятившими себя миссіонерской дѣятельности и изучившими тѣ или другіе восточные языки. Наука не имѣлась еще въ виду; ея требованіямъ удовлетворено было только введеніемъ преподаванія восточныхъ языковъ въ наши университеты и другія высшія учебныя заведенія, послѣдовавшимъ уже въ текущемъ столѣтіи.

А. Учрежденія въ которыхъ преподавались восточные языки.

I. Гражданскаго Вѣдомства.

1. Академія Наукъ.

По плану Петра Великаго, задумавшаго основать въ С.-Петербургѣ Академію Наукъ, заведеніе это, какъ извѣстно, должно было имѣть двоякое назначеніе: дѣлать открытія и усовершенствованія въ наукахъ и, въ тоже время, обучать юношество. Этотъ характеръ и сохранялся за Академіей до начала текущаго столѣтія. Въ число предметовъ занятій академиковъ при возникновеніи Академіи вошли и восточные языки. Водворить и упрочить у насъ науку возложено было на ученыхъ Западной Европы, которые, за хорошіе по тогдашнему времени деньги, и приглашены были въ Петербургъ для занятія каѳедръ въ Академіи. Въ числѣ прочихъ ученыхъ, прибылъ къ намъ на каѳедру восточныхъ языковъ и оріенталистъ *Байеръ* (Готлибъ - Зигфридъ). Родился онъ въ Кенигсбергѣ въ 1694 году, слушалъ курсъ наукъ въ Берлинѣ и Лейпцигѣ; въ 1717 году получилъ степень магистра, и въ слѣдующемъ поступилъ библіотекаремъ въ Кенигсбергскую библіотеку. Здѣсь получилъ онъ приглашеніе отъ нашего правительства переселиться въ Россію. Ему предлагали занять каѳедру древностей, или восточныхъ языковъ, или исторіи, или-же, наконецъ, сдѣлаться исторіографомъ Ея Императорскаго Величества. Байеръ выбралъ древности и восточные языки, согласно чему и состоялся съ нимъ контрактъ 3 декабря 1725 г., въ силу котораго получилъ онъ 600 р. въ годъ и готовую квартиру. До прибытія въ Россію Байеръ изучалъ семитическіе языки и китайскій, а въ Россіи принялся, насколько это было ему возможно, за маньчжурскій, монгольскій и санскритскій. Умеръ въ февралѣ 1738 года [14]), оставивъ много со-

[14]) *Пекарскій* «Исторія Академіи Наукъ», I, 188, 192; Энциклоп. Лексиковъ изд. Плюшара, т. IV, 103 - 105.

чиненій, но не по восточнымъ языкамъ, а по древностямъ и русской исторіи.

Керъ (Георгій-Яковъ) приглашенъ былъ изъ Лейпцига въ Россію, въ 1731 году, для приведенія въ порядокъ накопившагося въ Академіи Наукъ большаго собранія восточныхъ монетъ, такъ какъ это былъ единственный въ то время оріенталистъ въ Европѣ, зарекомендовавшій себя трудами по восточной нумизматикѣ. Въ Петербургѣ онъ поступилъ переводчикомъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, а потомъ утвержденъ академикомъ. Этотъ Керъ и есть составитель извѣстнаго проекта объ учрежденіи въ Петербургѣ Восточной Академіи. Въ своемъ проектѣ онъ вызывается преподавать кромѣ семитическихъ языковъ еще персидскій и турецкій [15]).

Занимался-ли Байеръ преподаваніемъ восточныхъ языковъ, свѣдѣній я не нашелъ; о Керѣ-же имѣются указанія, что его ученая дѣятельность связана была съ преподавательскою. По всей вѣроятности, были ученики и у Байера, такъ какъ въ то время Академія Наукъ постоянно надзирала за преподаваніемъ и принимала въ немъ участіе.

По регламенту Академіи 1747 г. Исторія и Филологія были исключены изъ области ея занятій, но восточные языки не сдѣлались оттого для Академіи совершенно чуждыми [16]). Такъ Бакмейстеръ говоритъ, что „съ нѣкотораго времени Академія Наукъ содержитъ студента для изученія языковъ монгольскаго и тангутскаго (тибетскаго?), который и живетъ среди тѣхъ народовъ“ [17]). Да и самъ Бакмейстеръ, состоявшій при Академіи суббибліотекаремъ, какъ знавшій арабскій языкъ, получалъ порученія разбирать и приводить въ порядокъ поступавшія въ Академію восточныя рукописи [18]).

Это поступленіе рукописей и другихъ памятниковъ Востока, достигшее къ началу XIX столѣтія громадныхъ размѣровъ, постоянно приковывало участіе Академіи къ оріентализму. И не смотря на то, что эта отрасль знанія не имѣла мѣста въ Академіи, она пригласила и приняла въ свои члены замѣчательнаго лингви-

---

[15]) См. о немъ у *Bohlen'a* въ статьѣ: Ueber den wissenschaftlichen Werth und die Bedeutsamkeit der in den Ostseeländern vorkommenden arabischen Münzen, а также у *Савельева* въ его «Мухаммеданской Нумизматикѣ», стр. XII, XXX, XXXV.

[16]) Извѣстно, что миссіонеръ Антоній Гобиль (пробывшій въ Пекинѣ 36 лѣтъ) избранъ былъ нашею Академею Наукъ въ свои члены, въ 1747 г.

[17]) См. его «Опытъ о библіотекѣ и кабинетѣ рѣдкостей и исторіи натуральной Академіи Наукъ» (въ переводѣ В. Костыгова, Спб. 1779).

[18]) См. о немъ въ Энцикл. Лекс. изд. Плюшара, т. IV, стр. 142.

ста *Юлія Клапрота*, который и пробылъ въ Россіи съ 1805 по 1812 годъ. Его пребываніе въ Россіи (говоритъ Савельевъ) принесло больше пользы ему самому, чѣмъ изслѣдованію Востока [19]).

Вскорѣ послѣ того, именно въ 1817 году, разборъ восточныхъ коллекцій порученъ былъ *Френу*, въ теченіе десяти лѣтъ передъ тѣмъ прослужившему профессоромъ въ Казанскомъ Университетѣ; тогда же временно былъ онъ утвержденъ и въ званіи ординарнаго академика восточныхъ языковъ; но уже не разставался съ Академіей до самой своей смерти, послѣдовавшей въ августѣ 1851 года [20]).

По штатамъ Академіи Наукъ 1830 года, учреждена въ ней каѳедра восточной литературы и древностей, и съ того времени восточные языки получили въ Академіи право гражданства. Такъ какъ въ Академіи языки эти не преподавались, а лишь разслѣдовались, то дальнѣйшія судьбы ихъ въ Академіи и не должны бы входить въ настоящее обозрѣніе; но въ виду того вліянія которое имѣла Академія на преподаваніе у насъ восточныхъ языковъ, не излишне сообщить хотя краткія свѣдѣнія о ея дѣятеляхъ по части Востоковѣдѣнія. Дѣло въ томъ, что академиками-оріенталистами не рѣдко выработывались программы преподаванія восточныхъ языковъ въ томъ или другомъ учебномъ заведеніи, и производились экзамены лицамъ ищущимъ профессуры по отдѣлу восточной словесности (Сенковскій, Ковалевскій, Поповъ и др.); они же являлись судьями при конкурсѣ нѣсколькихъ ученыхъ на одну каѳедру (состязаніе на каѳедру армянскаго языка въ Казанскомъ Университетѣ); и плохо было тѣмъ, которые дерзали не подчиняться авторитету Академіи.

Еще до устава 1830 года принятъ былъ въ Академію *Шмидтъ* (Яковъ Ивановичъ). Родился онъ въ Амстердамѣ 14 октября 1779, а въ слѣдующемъ году былъ привезенъ въ Россію, въ нѣмецкую колонію на Волгѣ. Молодыхъ лѣтъ поступилъ онъ въ контору и, вслѣдствіе торговыхъ сношеній съ Калмыками, выучился калмыцкому языку. Въ 1811 г. поселился онъ въ Москвѣ, а послѣ нашествія Французовъ перебрался въ Петербургъ. Въ Петербургѣ получилъ мѣсто бухгалтера при Россійскомъ Библейскомъ Обществѣ, и дѣятельно занялся изученіемъ монгольскаго языка; въ 1818 году возсталъ противъ Клапротовыхъ выводовъ о письменахъ Уйгуровъ,

---

[19]) *Савельевъ* «Восточныя литературы и русскіе оріенталисты» (въ Русскомъ Вѣстникѣ, 1856 г., кн. мартовская, стр. 129 - 130).

[20]) *Савельевъ* «О жизни и ученыхъ трудахъ Френа» (въ Труд. вост. отд. Археол. Общ., ч. II).

чѣмъ обратилъ на себя вниманіе ученаго міра. Съ того времени окончательно бросилъ торговлю и посвятилъ себя ученымъ занятіямъ. Въ 1829 г. Академія избрала его своимъ адъюнктомъ по части литературы и древностей Востока. Въ іюлѣ 1834 г. сдѣланъ былъ онъ ординарнымъ академикомъ. Умеръ въ августѣ 1847 года [21]).

До 1832 г. Френъ не имѣлъ адъюнкта, въ этомъ-же году, въ помощь Френу, принятъ Академіею *Шармуа* (Францъ), профессоръ персидскаго языка въ С.-Петербургскомъ Университетѣ и учебномъ отдѣленіи восточныхъ языковъ при Азіатскомъ Департаментѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Въ Академіи Шармуа оставался не долго: 1 сентября 1835 г. онъ вышелъ въ отставку [22]).

Тогда Френъ и Шмидтъ предложили избрать на мѣсто уволившагося Шармуа адъюнктомъ по каѳедрѣ персидскаго языка одного изъ учениковъ Сильвестра де-Саси, *Флейшера*, находившагося въ то время въ Дрезденѣ. Флейшеръ заключилъ было обязательство съ Академіей Наукъ; но вслѣдствіе другаго предложенія — занять каѳедру В. Я. при Лейпцигскомъ Университетѣ вмѣсто умершаго Розенмюллера — отказался отъ поѣздки въ Россію [23]). Послѣ этого званіе адъюнкта В. Я. въ Академіи предложено было воспитаннику Дерптскаго Университета *Роберту Ленцу*, за границей изучившему санскритскій языкъ. Но и на этотъ разъ не посчастливилось Академіи: въ 1836 г. Ленцъ скончался [24]).

Въ томъ же году, по предложенію Френа, избранъ адъюнктомъ по части грузинской и армянской литературъ *Броссе* (Марій Ивановичъ); въ 1838 г. утвержденъ онъ экстраординарнымъ, а въ 1848 г. ординарнымъ академикомъ [25]), и занимаетъ туже каѳедру и въ настоящее время.

Въ 1839 г. избранъ былъ адъюнктомъ *Дорнъ* (Борисъ Андреевичъ); въ экстраординарные повышенъ онъ въ 1842 г., а съ 1852 г. состоитъ ординарнымъ академикомъ [26]).

Одно время состоялъ въ Академіи адъюнктомъ *Ярцевъ* (Януарій Осиповичъ), первый драгоманъ при Азіатскомъ Департаментѣ, и замѣчательный знатокъ татарскихъ нарѣчій [27]).

---

[21]) *Савельевъ* «Восточныя Литературы»; Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. ч. I, стр. XLV. «Некрологъ» (въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. ч. 57; III, 41 - 56).

[22]) Жур. Мин. Нар. Просвѣщ. 1835 г., ч. VII, отд. I.

[23]) Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. ч. 8, I, 537; ч. 10, стр. 57 («Отчетъ Академіи»).

[24]) См. дальше.

[25]) Журн. Мин. Нар. Просв. ч. 13, стр. 96; ч. 58, I, 128.

[26]) Журн. Мин. Нар. Просв. ч. 22, I, 160; ч. 38, I, 97; ч. 75, I, 25.

[27]) *Савельевъ* «Восточныя литературы и русскіе оріенталисты».

Въ 1842 г. адъюнктомъ въ Академію по каѳедрѣ санскритскаго языка принятъ былъ *Бётлинкъ* (Оттонъ); въ 1856 г. утвержденъ онъ ординарнымъ академикомъ [28]).

Мѣсто-же Шмидта въ Академіи занялъ воспитанникъ С.-Петербургскаго Университета *Шифнеръ* (Антонъ Антоновичъ). Сперва онъ состоялъ хранителемъ 2-го отдѣленія библіотеки Академіи, а въ 1852 г. избранъ адъюнктомъ. Шифнеръ, спеціальный знатокъ языковъ монгольскаго, тибетскаго и санскритскаго, сдѣлалъ много для изученія нарѣчій какъ сибирскихъ, такъ и кавказскихъ инородцевъ. Въ 1854 г. утвержденъ онъ въ званіи экстраординарнаго академика, а вскорѣ послѣ того и ординарнаго [29]).

24-го апрѣля 1856 года Высочайше утверждено было представленіе Министра Народнаго Просвѣщенія объ учрежденіи въ Академіи, при историко-филологическомъ отдѣленіи, третьяго ординарнаго академика по части восточной словесности [30]), и вакансія эта занята была *Вельяминовымъ-Зерновымъ* (Владиміръ Владиміровичъ), воспитанникомъ Императорскаго Александровскаго Лицея. Еще въ Лицеѣ развилась у В. В. страсть къ восточнымъ языкамъ, и началъ онъ брать уроки еврейскаго языка у Павскаго, а арабскаго и персидскаго—у профессоровъ университета и института восточныхъ языковъ. Въ 1851 году В. В. отправился на службу въ Оренбургскій Край, гдѣ занялся практическимъ изученіемъ тюркскихъ нарѣчій. Вернувшись черезъ пять лѣтъ на берега Невы, поступилъ онъ на службу въ Азіатскій Департаментъ, а 30 августа 1858 года утвержденъ адъюнктомъ Академіи Наукъ. Въ 1861 году повышенъ онъ былъ въ экстраординарные академики, но затѣмъ, разстроивъ здоровье усиленными учеными работами, долженъ былъ, въ 1877 году, выйти въ отставку.

2. Университеты.

Уже цѣлое столѣтіе преподавались у насъ въ разныхъ школахъ восточные языки; но дѣло это все какъ-то не клеилось; не клеилось оно главнымъ образомъ потому, что важнѣйшая забота состояла тогда въ томъ, чтобы дать обучающимся восточнымъ языкамъ только *практическія* въ нихъ свѣдѣнія. Оттого ученики съ

---

[28]) Журн. Мин. Нар. Просв. ч. 37, III, 55; ч. 91, I, 5.

[29]) Журн. Мин. Нар. Просв. ч. 75, I, 25; ч. 77, I, 27; ч. 84, I, 15.

[30]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1856 г., ч. 91, I, 4.

[31]) Журн. Мин. Нар. Просв. ч. 130, II, 66 - 6669.

такими знаніями не могли быть впослѣдствіи хорошими учителями. Чтобы положить у насъ прочное основаніе преподаванію восточныхъ языковъ, съ обезпеченіемъ отъ всякихъ случайностей относительно недостатка въ преподавателяхъ, требовалось ввести изученіе этихъ языковъ въ университеты, гдѣ къ нимъ были бы примѣнены требованія науки. Удовлетвореніе этой потребности послѣдовало въ началѣ настоящаго столѣтія. 5-го ноября 1804 года Высочайше утвержденъ былъ уставъ университетовъ: Московскаго (преобразовывавшагося), Казанскаго и Харьковскаго (вновь открывавшихся), по которому въ число предметовъ университетскаго преподаванія введены и восточные языки. Подъ восточными языками тогда разумѣлись языки арабскій и персидскій, которые, по примѣру Западной Европы, были соединены въ одну каѳедру. Впослѣдствіи, уставомъ 1835 года, введено въ университетахъ и преподаваніе турецкаго языка.

На первыхъ порахъ новоучрежденные университеты почувствовали недостатокъ въ профессорахъ; а для восточныхъ языковъ ихъ и совсѣмъ не имѣлось. Пришлось обратиться за таковыми въ Западную Европу; до поры до времени каѳедры восточныхъ языковъ оставались не открытыми, и только по мѣрѣ прибытія оріенталистовъ изъ-за границы начиналось преподаваніе сихъ языковъ.

Эта мѣра (вызовъ оріенталистовъ изъ Западной Европы) принесла намъ мало пользы, чтобы не сказать болѣе. Всякая наука тогда только прививается и пускаетъ корни, когда преподается на родномъ языкѣ; оттого тѣ предметы, которые преподавали иностранцы, туго проникали въ общество. Тоже самое было и съ восточными языками. Знаменитый Френъ послѣ 10-лѣтняго преподаванія этихъ языковъ въ Казанскомъ университетѣ не оставилъ по себѣ преемника изъ Русскихъ, такъ же какъ и смѣнившій его Эрдманъ. За выходомъ Дорна изъ Харьковскаго университета некому было и тамъ занять каѳедру восточныхъ языковъ. Не иностранцы привили у насъ изученіе Востока, и, если изученіе это пустило наконецъ глубокіе корни, то тѣмъ обязаны мы прежде всего Сенковскому въ Петербургѣ, и Казембеку въ Казани, которые дали цѣлый рядъ замѣчательныхъ оріенталистовъ изъ своихъ учениковъ.

Казанскій Университетъ. Раньше другихъ университетовъ, а именно въ 1807 году, каѳедра восточныхъ языковъ замѣщена была въ Казанскомъ, гдѣ она признавалась нужнѣе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ. Первые опыты преподаванія языковъ арабскаго и персидскаго не увѣнчались успѣхомъ, потому что студенты плохо знали по-латыни, а еще плоше по-нѣмецки, какъ

только и могли объясняться съ ними Френъ и Эрдманъ. Оттого, какъ сказано, и не пришлось имъ блеснуть своими учениками. Кромѣ того, не могъ заохочивать тамъ студентовъ къ изученію восточныхъ языковъ и самый характеръ ихъ преподаванія. Въ инструкціи ректору Казанскаго университета, отъ 17-го января 1820 года, относительно преподаванія университетскихъ предметовъ, говорится, что «профессоръ обязанъ показать, какъ поэзія мусульманскихъ народовъ поверхностна и отличается однимъ лишь блескомъ мыслей и смѣлостію выраженій; что краснорѣчіе несвойственно правленіямъ магометанскимъ и никогда у Арабовъ не процвѣтало. Представить это профессоръ долженъ съ цѣлію показать, что въ арабской мудрости нѣтъ ничего особеннаго; что почерпнута она отъ Грековъ и есть ни что иное, какъ философія Аристотеля, пламеннымъ воображеніемъ Арабовъ искаженная. Религіи мусульманъ и ихъ преданій профессоръ долженъ коснуться только слегка; а также о Коранѣ и отношеніи его къ судопроизводству; пуще-же всего налечь на стихотворенія, которыя нужны для того, чтобы въ исторіи ихъ показать тѣ баснословныя преданія, на коихъ она основана, и вообще ограничиться преподаваніемъ языковъ арабскаго и персидскаго въ томъ *единственно* отношеніи, въ какомъ они могутъ быть полезны Россіи по ея торговымъ и политическимъ сношеніямъ“ [32]). Понятно, что такая программа никакого отношенія„ къ наукѣ не имѣла, и преподаваніе восточныхъ языковъ въ Казанскомъ университетѣ было лишено жизни.

Обученіе татарскому языку введено было въ Казанскомъ университетѣ еще съ 1812 года, а въ 1828 г. учреждена въ немъ и каѳедра турецко-татарскаго языка. Вслѣдъ затѣмъ кругъ восточныхъ языковъ преподававшихся въ Университетѣ началъ быстро расширяться, благодаря особенной о нихъ заботливости попечителя Казанскаго учебнаго округа М. Н. Мусина-Пушкина. Одна за другой возникли каѳедры: монгольскаго языка — въ 1833 году, китайскаго — въ 1837, армянскаго — въ 1839, санскритскаго — въ 1842, и маньчжурскаго — въ 1844. Они раздѣлялись сперва на три разряда: арабско-персидскій, арабско-турецкій, монголо-санскритскій (куда входилъ первоначально и татарскій языкъ); затѣмъ прибавился китайскій разрядъ, куда отнесенъ и маньчжурскій языкъ, и, наконецъ, армянскій разрядъ.

Первые десять-пятнадцать лѣтъ желающихъ заниматься восточными языками оказывалось очень немного. При вступленіи въ

---

[32]) Журналъ Департамента Народн. Просвѣщ. 1821 г. ч. II, стр. 56 - 58.

Университетъ Эрдмана (1818 г.) обучались имъ только три студента; но и тѣ черезъ годъ перестали посѣщать его лекціи. Ихъ замѣнилъ единственный слушатель, нѣмецъ, который занимался означенными языками, какъ дополнительнымъ предметомъ при изученіи богословія. Но вскорѣ затѣмъ дѣла поправились. Обнаружившійся въ Западной Сибири недостатокъ въ ученыхъ переводчикахъ обратилъ на это обстоятельство вниманіе тамошняго генералъ-губернатора, который вслѣдствіе того и сталъ присылать въ Казанскій университетъ молодыхъ людей для изученія восточныхъ языковъ. Въ 1824 г. съ тою же цѣлію поступили въ Университетъ кандидаты Виленскаго университета; а въ 1837 году Высочайше было разрѣшено имѣть въ Казани 14 казеннокоштныхъ студентовъ исключительно для Восточной Сибири [33]). Въ 1835 г. на I-мъ отдѣленіи (арабско-персидско-татарскомъ) находилось уже 20 слушателей, на II-мъ (монголо-татарскомъ) — 8; въ 1837 году на всемъ восточномъ отдѣленіи находилось 14 студентовъ; затѣмъ въ 1842 — 23 студента, въ 1843 — 24, 1844 — 31, 1845 — 41, 1846 — 38, 1847 — 36, 1848 — 42, 1849 — 35, 1850 — 33, 1851 — 29, 1852 — 16. Кончили-же курсъ въ это десятилѣтіе всего 75 человѣкъ [34]).

Изучавшіе восточные языки освобождались отъ занятій греческимъ. По окончаніи 3-хъ лѣтняго курса студенты оставлялись при Университетѣ еще на два года для практическихъ занятій; по истеченіи этихъ дополнительныхъ годовъ ихъ вновь подвергали испытанію [35]). Этотъ двухъ годичный курсъ составлялъ при Университетѣ особое учрежденіе — *Восточный Институтъ*. Цѣлью его было дать возможность молодымъ оріенталистамъ усовершенствоваться въ своихъ познаніяхъ и пріобрѣсти въ языкахъ практическій навыкъ еще до опредѣленія къ мѣстамъ. Въ видахъ такого усовершенствованія, кончившіе курсъ по восточному отдѣленію съ 1835 года стали поручаться особенному попеченію профессоровъ подъ руководствомъ которыхъ и упражнялись они въ сочиненіяхъ читали лучшія по предмету сочиненія, и дѣлали изъ нихъ извлеченія; а для практики въ разговорахъ и чтеніи рукописей ихъ

---

[33]) *Ковалевскій* «Обозрѣніе хода и успѣховъ преподаванія азіатскихъ языковъ въ Казанскомъ университетѣ», Казань, 1842. См. также рѣчь *Попова* «О развитіи преподаванія восточн. языковъ въ русскихъ университетахъ» (Журналъ Мин. Народ. Просвѣщ. ч. 88, отд. II, 7).

[34]) *Фойгтъ* «Обозрѣніе успѣховъ преподаванія восточныхъ языковъ въ Казанскомъ университетѣ» (Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. ч. 8, стр. 562).

[35]) Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. 1834, ч. I, отд. I, стр. LII—LIII; ч. II, стр. CVIII.

помѣщали въ 1-ю Казанскую гимназію, гдѣ и занимались они съ природными Азіатцами, находясь подъ надзоромъ директора гимназіи [36]). Въ Институтѣ было 4 разряда: 1) арабско-персидскій, 2) арабско-турецкій, 3) монголо-татарскій и 4) китайско-санскритскій [37]).

Съ удаленіемъ изъ Казани Мусина-Пушкина, оріентализмъ въ тамошнемъ университетѣ сталъ мало по малу приходить въ упадокъ. Главною тому причиною былъ недостатокъ мѣстъ, на которыя-бы требовались оріенталисты. Большинство ихъ опредѣлялось по учебной части, учителями восточныхъ языковъ въ гимназіи; остальные поступали на службу въ другія вѣдомства: *Викторъ Ильинъ*, кандидатъ арабско-персидской словесности, въ 1843 г. опредѣленъ былъ переводчикомъ персидскаго языка въ Астраханское губернское правленіе; кандидатъ монгольской словесности *Дорджи Банзаровъ*—чиновникомъ по особымъ порученіямъ при генералъ-губернаторѣ Восточной Сибири; кандидатъ арабско-персидско-турецкой словесности *Махмудъ Измаиловъ*—чиновникомъ въ Тифлисское губернское правленіе; кандидатъ арабско-персидской словесности *Валеріанъ Еремеевъ* поступилъ въ Институтъ восточныхъ языковъ при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ; туда же поступилъ кандидатъ арабско-персидской словесности *Николай Мокѣевъ;* кандидатъ арабско-турецкой словесности *Степанъ Филоновъ* опредѣлился учителемъ въ Тифлисскую Мусульманскую Школу. Но большинство поступало на службу въ мѣста не имѣвшія ничего общаго съ ихъ спеціальностію. Тогда Министерство Народнаго Просвѣщенія вошло въ сношенія съ министерствами Иностранныхъ и Внутреннихъ Дѣлъ и Государственныхъ Имуществъ для размѣщенія на службу, какъ казеннокоштныхъ, такъ и своекоштныхъ студентовъ по роду ихъ занятій [38]). Эта мѣра Высочайше была утверждена 30 ноября 1851 года. Вскорѣ въ С.-Петербургѣ открытъ былъ особый факультетъ восточныхъ языковъ, и восточное отдѣленіе въ Казанскомъ университетѣ упразднено: преподаваніе прекратилось во второй половинѣ 1855 года. Но вскорѣ обнаружилось, что не всѣ восточные языки, преподававшіеся въ Казани, были излишнею роскошью; изученіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, а именно мусульманскихъ, являлось насущною потребностію въ виду значительнаго числа мусульманъ, обитающихъ въ Восточной Россіи. И вотъ, 8 апрѣля 1861 года, было

---

[36]) *Фойгтъ*, Отчеты Казан. унив. 1844, 249-250.

[37]) *Фойгтъ*, Отчеты Казан. унив. 1842-3.

[38]) *Фойгтъ*, Обозрѣніе успѣх. препод. вост. языковъ, стр. 28-33.

разрѣшено ввести въ Казанскомъ университетѣ, съ 1861-2 учебнаго года, *для желающихъ*, преподаваніе языковъ арабскаго и турецко-татарскаго, какъ наиболѣе необходимыхъ для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ. По штату положено было имѣть для этого двухъ преподавателей, съ жалованьемъ экстраординарнаго профессора. Съ осени 1863 г. сталъ опять преподаваться въ Университетѣ и персидскій языкъ. Такой порядокъ, впрочемъ, продолжался не долго: осенью 1868 г. прекратилось преподаваніе по арабско-персидской каѳедрѣ, а лѣтомъ 1872 года упразднилась и каѳедра турецко-татарскаго языка [39]). Преподаваніе восточныхъ языковъ въ Казанскомъ университетѣ прекратилось не потому, чтобы языки эти стали уже для Казанскаго округа не нужны, а потому что въ округѣ этомъ явились особыя учрежденія: учительская семинарія и первоначальныя школы для инородцевъ.

Московскій Университетъ. Немного позднѣе, чѣмъ въ Казанскомъ университетѣ, началось преподаваніе восточныхъ языковъ и въ Московскомъ, а именно съ 1811 года. Преподавались тамъ языки арабскій и персидскій [40]). Съ 1837 года преподаваніе это прекратилось, и нѣсколько лѣтъ каѳедра восточныхъ языковъ оставалась вакантною, „за неимѣніемъ преподавателей", какъ значится въ отчетахъ Университета за то время; но въ январѣ 1852 года каѳедра эта, по ходатайству попечителя Московскаго учебнаго округа, вновь была замѣщена профессоромъ *Петровымъ*, на котораго было возложено преподаваніе языковъ арабскаго, персидскаго, еврейскаго и санскритскаго. Эта каѳедра входила въ составъ историко-филологическаго факультета и существовала необязательно для желающихъ изучать восточные языки [41]). Съ 1854 г. въ Московскомъ университетѣ положено преподавать только одинъ санскритскій языкъ; но въ 1858 г. профессору санскрита, Петрову, по личной его просьбѣ, разрѣшено было заниматься съ желающими персидскимъ, арабскимъ и еврейскимъ. За выходомъ этого профессора въ отставку въ маѣ 1875, преподаваніе восточныхъ языковъ въ Московскомъ университетѣ прекратилось само собою.

Харьковскій Университетъ. Съ перерывами шло преподаваніе восточныхъ языковъ и въ Харьковскомъ университетѣ, гдѣ каѳедра ихъ замѣщена была еще при самомъ открытіи университета въ

---

[39]) Сборн. постан. по Мин. Нар. Просв. III, 616-8; Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. ч. 120, I, 20.

[40]) Профессоръ восточныхъ языковъ Болдыревъ, по своему усердію, преподавалъ и еврейскій языкъ; но онъ не былъ еще введенъ оффиціально.

[41]) Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. ч. 74, I, 21.

1805 году; но въ слѣдующемъ же году она упразднилась за выходомъ профессора восточныхъ языковъ, такъ что преподаваніе это не могло имѣть никакихъ послѣдствій, все равно, какъ бы его и вовсе не было; да и преподавалось совсѣмъ не то, что положено было уставомъ 1804 года, т. е. не арабскій съ персидскимъ, а еврейскій. Лишь въ 1830 г. удалось замѣстить каѳедру восточныхъ языковъ въ Харьковскомъ университетѣ; но опять не надолго. Преподавались языки арабскій, персидскій и турецкій. Въ 1836 году, за выходомъ профессора означенныхъ языковъ изъ Университета, преподаваніе ихъ прекратилось тамъ и, на этотъ разъ, уже окончательно, хотя каѳедра ихъ числилась въ Университетѣ до 1854 года.

Дерптскій Университетъ. Университетъ этотъ, открытый въ 1803 году [42]), предназначался, между прочимъ, быть разсадникомъ духовныхъ лицъ евангелическаго исповѣданія, какъ для прибалтійскихъ губерній, такъ и для евангелическихъ приходовъ внутри Имперіи. Съ этою цѣлію въ немъ, не въ примѣръ другимъ русскимъ университетамъ, учрежденъ богословскій факультетъ съ четырьмя каѳедрами. Первая изъ нихъ — каѳедра Экзегетическаго Богословія вмѣстѣ съ преподаваніемъ восточныхъ языковъ [43]). Такимъ образомъ профессоръ Экзегетики былъ въ тоже время и профессоромъ языковъ еврейскаго, сирійскаго и халдейскаго. Такимъ образомъ языки эти не составляли самостоятельнаго предмета, а преподавались, какъ дополненіе, при изученіи Богословія. При всемъ томъ еврейскій языкъ очутился въ Дерптскомъ университетѣ въ весьма благопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ на каѳедру Экзегетики вызывались изъ-за границы замѣчательные ученые, которые, кромѣ того, въ большинствѣ случаевъ оказывались лучшими оріенталистами, чѣмъ богословами.

Вскорѣ въ кругъ восточныхъ языковъ введенъ былъ и арабскій, какъ важный членъ въ семьѣ семитическихъ. Постоянное развитіе богословскихъ наукъ затрудняло профессора Экзегетики относительно преподаванія восточныхъ языковъ; а потому богословскій факультетъ въ 1861 г. обратился съ ходатайствомъ объ учрежденіи отдѣльной каѳедры Семитическаго Языкознанія. Тогда же

---

[42]) Университетъ въ Дерптѣ возникъ еще въ 1630 г. (открытъ въ 1632); но въ 1656 г. онъ покончилъ свое существованіе. Прежній университетъ не имѣлъ ничего общаго съ нынѣшнимъ.

[43]) Періодическія сочиненія объ успѣхахъ народн. просвѣщ. кн. Ш, стр. 296 и кн. IV; Обзоръ дѣятельности И. Дерптскаго универ. Дерптъ, 1866, стр. 141.

сталъ преподаваться, вмѣстѣ съ семитическими языками, и санскритскій [44]). По уставу 1865 г. въ богословскомъ факультетѣ стало пять каѳедръ; пятая—семитическихъ языковъ; но кромѣ семитическихъ (еврейскаго и арабскаго) въ Дерптскомъ университетѣ стали преподаваться еще языки персидскій и санскритскій [45]).

Александровскій Университетъ въ Гельсингфорсѣ. Университетъ въ Финляндіи существуетъ уже третье столѣтіе; онъ основанъ въ Або, въ 1640 г. Тогда положено было имѣть въ немъ 6 каѳедръ, въ числѣ которыхъ находилась каѳедра языковъ греческаго и еврейскаго. Въ 1827 году, когда Або выгорѣлъ почти до-тла, погибъ и Университетъ. Вновь возникъ онъ уже въ Гельсингфорсѣ. По уставу 1828 г. въ немъ полагается каѳедра восточныхъ языковъ (главн. обр. еврейскаго съ его отраслями), которые, такимъ образомъ, съ самаго возникновенія Университета въ XVII ст. преподаются въ немъ безперерывно [46]). Сверхъ-того, лица занимавшія эту каѳедру, преподавали и арійскіе языки: санскритскій и новоперсидскій.

С.-Петербургскій Университетъ. Совсѣмъ въ другихъ условіяхъ явилось преподаваніе языковъ и литературъ Азіи въ С.-Петербургскомъ Университетѣ. Скорѣе чѣмъ гдѣ либо, разсадникъ у насъ оріентализма могъ возникнуть въ С.-Петербургѣ, и мысль о такомъ разсадникѣ подана была очень давно. Академикъ Керъ, въ своемъ проектѣ объ учрежденіи училища восточныхъ языковъ въ Россіи, составленномъ въ 1733 году, не только заявляетъ о необходимости у насъ такого училища, но и указываетъ на преподавательскія силы, имѣвшіяся въ то время въ Петербургѣ. Проектъ Кера бралъ дѣло очень широко, что̀, можетъ быть, и послужило главнымъ препятствіемъ къ его осуществленію [47]). Вопросъ о спеціальномъ училищѣ для изученія восточныхъ языковъ вновь поднятъ былъ графомъ С. С. Уваровымъ въ 1810 году. Но и его „Projet d'une Académie Asiatique" не получилъ осуществленія [48]). Только въ 1816 году приняты были мѣры къ водворенію преподаванія восточныхъ языковъ въ Петербургѣ въ высшемъ общеобра-

---

[44]) Обзоръ дѣят. Дерпт. Унив. стр. 141-2, 166.

[45]) Сборн. постан. по Мин. Нар. Пр. IV; Ж. Мин. Нар. Пр. 1865, кн. декабрьская.

[46]) „Альманахъ" въ память двухсотлѣтняго юбилея И. Александровскаго Университета, изданный Я. Гротомъ. Гельсингфорсъ, 1842 г.

[47]) О проектѣ Кера см. статью Савельева „Предположенія объ учрежденіи Восточной Академіи въ С.-Петербургѣ" (въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1856, ч. 89, III).

[48]) Etudes de Philologie et de Critique par M. Ouvaroff. Paris, 1845, 2 ed.

зовательномъ заведеніи въ немъ въ то время, Педагогическомъ Институтѣ; съ преобразованіемъ Института въ Университетъ, въ 1819 году, перешло это преподаваніе и въ послѣдній. Въ Петербургскомъ Университетѣ, также какъ и въ другихъ, стали преподаваться на первый разъ языки арабскій и персидскій; но съ тою разницею, что здѣсь не были они соединены въ лицѣ одного преподавателя, а представляли двѣ отдѣльныя каѳедры. Съ 1822 г. въ число предметовъ преподаванія вошелъ и турецкій языкъ. Восточные языки входили въ составъ предметовъ филологическаго факультета, и обучались имъ только желающіе. Между тѣмъ мысль основать разсадникъ оріентализма въ С.-Петербургѣ не была оставлена. Въ 1829 г. профессоръ Сенковскій подалъ по начальству проектъ объ „устройствѣ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ особаго отдѣленія восточныхъ языковъ и словесностей", который едва не осуществился въ 1834 году. Но пока дѣло открытія „отдѣленія" затягивалось, кругъ преподававшихся въ Университетѣ восточныхъ языковъ расширялся. По уставу 1835 г. учреждены каѳедры языковъ монгольскаго и татарскаго, хотя ни та, ни другая, и не были своевременно замѣщены [49]); въ 1845 г. прибавились языки армянскій и грузинскій и начато преподаваніе (самостоятельно) татарскаго. Три послѣдніе языка не были присоединены къ разряду Восточной Словесности, потому что вводились на этотъ разъ лишь для образованія ученыхъ переводчиковъ изъ уроженцевъ Закавказья. Съ этою цѣлію положено было имѣть ихъ въ Университетѣ въ числѣ пяти. Впослѣдствіи-же число это было увеличено до 20 человѣкъ.

Наконецъ, 22 октября 1854 года, Высочайше утверждено положеніе объ образованіи при С.-Петербургскомъ университетѣ особаго Факультета Восточныхъ Языковъ съ девятью въ немъ каѳедрами: арабскаго, персидскаго, турецко-татарскаго, монголо - калмыцкаго, китайскаго, еврейскаго, армянскаго, грузинскаго и маньчжурскаго языковъ [50]), которые и раздѣлены на 5 разрядовъ: 1) арабско-персидско-турецко-татарскій, 2) монголо-калмыцко-татарскі, 3) китайско-маньчжурскій, 4) еврейско - арабскій, 5) армяно - грузино-татарскій. Къ 4-хъ лѣтнему курсу прибавленъ еще одинъ курсъ, V-й, для бо̀льшаго усовершенствованія въ языкахъ (курсъ этотъ не обязателенъ). Кромѣ студентовъ - стипендіатовъ допущены и своекоштные; при открытіи Факультета (27 августа 1855 года) на

---

[49]) Татарскій языкъ соединенъ былъ съ турецкимъ, а потому, хотя и мимоходомъ, но все-таки преподавался. „Современникъ" 1843 г. т. 30, стр. 182.

[50]) Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 84, I, 20.

него зачислилось 44 студента. Затѣмъ, 16 января 1859 года, министръ народн. просв. разрѣшилъ учредить при Факультетѣ 6-е отдѣленіе, санскритско-персидское, назначивъ въ немъ главными предметами санскритскій и персидскій языки съ ихъ литературами [51]). Уставомъ 1863 года введено преподаваніе языковъ: халдейскаго, сирійскаго и зендскаго и, въ довершеніе всего, основана каѳедра Исторіи Востока съ раздѣленіемъ ея на три отдѣла (сѣверо-восточной Азіи, арійскихъ и семитическихъ народовъ).

Изъ дальнѣйшихъ преобразованій слѣдуетъ упомянуть: о соединеніи въ 1864 г. монгольскаго разряда съ китайскимъ, при о мѣнѣ въ первомъ преподаванія татарскаго языка (стало, слѣдовательно, 5 разрядовъ); объ обязательномъ изученіи армянскаго языка студентами 3 и 4 курсовъ санскритско-персидскаго разряда; о введеніи съ 1870-71 учебнаго года преподаванія японскаго языка. и объ учрежденіи въ 1872 г. каѳедры Мусульманскаго Законовѣдѣнія, взамѣнъ вакантной доцентуры татарскихъ нарѣчій [52]). Кромѣ того, съ 23 декабря 1867, открытъ при Университетѣ спеціальный двухгодичный курсъ татарскаго и монгольскаго языковъ для лицъ изъявившихъ желаніе поступить на миссіонерское служеніе [53]).

Такимъ образомъ мысль объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ разсадника оріенталистовъ, какъ ученыхъ, такъ и нужныхъ для службы, осуществилась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Такой полноты нѣтъ не только ни въ одномъ изъ нашихъ учрежденій, имѣющихъ цѣлію изученіе литературъ Востока, но даже ни въ одномъ подобномъ учрежденіи въ Западной Европѣ. Изъ предположеній лицъ заботившихся о преуспѣяніи оріентализма въ Россіи, остаются неоткрытыми еще въ факультетѣ только каѳедра тибетскаго языка, о которой хлопоталъ Мусинъ-Пушкинъ [54]), да каѳедра Египтологіи, объ учрежденіи которой одно время думалъ графъ Уваровъ [55]).

Кромѣ восточныхъ языковъ, студенты Восточнаго Факультета обязаны слушать, вмѣстѣ съ филологами, русскую исторію и русскую словесность или, взамѣнъ того, нѣкоторые юридическіе предметы, въ виду поступленія на службу по судебной и администра-

---

[51]) Тамъ же, ч. 101, I, 53; Акт. 8 февраля 1859 г.

[52]) Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 124, II, 202-3; ч. 153, 30; Протоколы засѣданій совѣта Спб. унив. № 3, № 6, № 15, стр. 35.

[53]) Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 137, I, 82.

[54]) *Фойгтъ*, Обозрѣніе успѣховъ преподаванія восточн. языковъ въ Казан. Университетѣ.

[55]) См. о заботахъ графа Уварова объ египтологѣ *Гульяновѣ* въ „Русскомъ Архивѣ" 1873 г. кн. 4, стр. 479.

тивной частямъ въ Сибири или въ Туркестанскомъ и Амурскомъ краяхъ.

Восточное отдѣленіе въ Казанскомъ Университетѣ имѣло то преимущество предъ факультетомъ восточныхъ языковъ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, что въ отдѣленіе поступали люди уже подготовленные въ языкахъ Востока въ Казанской гимназіи, слѣдовательно сберегали время на предварительное ознакомленіе съ этими языками въ Университетѣ. Что-же касается до Института, находившагося при Казанскомъ Университетѣ для кончившихъ курсъ оріенталистовъ, то въ здѣшнемъ университетѣ его замѣняетъ особый, V-й курсъ, назначенный для практическихъ упражненій. Впрочемъ, изъ студентовъ оканчивающихъ курсъ въ Факультетѣ остаются на пятый годъ преимущественно имѣющіе въ виду профессуру.

3. Гимназіи.

Первая Казанская Гимназія. Указомъ Сената отъ 21 іюля 1758 года, предписывалось основать въ Казани гимназію для обученія дворянъ и разночинцевъ. Открытіе гимназіи совершилось 21 января 1759 года; а уже въ сентябрѣ того же года „командиръ" гимназіи, Веревкинъ, писалъ въ Московскій Университетъ: „Разсуждая, что здѣшній городъ есть главный цѣлаго царства, имѣвшаго національный діалектъ, не повелѣно-ли будетъ завести при гимназіи классъ татарскаго языка? Со временемъ могутъ на ономъ отыскиваемы быть многіе манускрипты; правдѣ подобно, что оные подадутъ нѣкоторый, можетъ быть и не малый, свѣтъ въ русской исторіи" [56]). Но мысль эта не встрѣтила тогда сочувствія. А между тѣмъ вся Восточная Россія — прежнія Золотая Орда и Казанское Царство — съ тѣхъ самыхъ поръ какъ начали вводить у насъ новые административные порядки, стала чувствовать ощутительный недостатокъ въ искусныхъ переводчикахъ татарскаго языка. И вотъ, спустя десять лѣтъ по открытіи гимназіи въ Казани, Екатерина Великая, указомъ отъ 12 мая 1769, на имя казанскаго губернатора Квашнина-Самарина, повелѣла „учредить единожды на всегда при Казанской гимназіи, для охотниковъ, классъ того (татарскаго) языка" [57]). Для обученія этому языку

---

[56]) *В. Владиміровъ* „Историческая записка о 1-й Казанской гимназіи". Казань, 1867, стр. 39.

[57]) Тамъ же, стр. 47; *Ковалевскій* „Обозрѣніе хода и успѣховъ преподаванія азіатскихъ языковъ", стр. 3.

поступили всѣ ученики изъявившіе на то желаніе. Они должны были находиться въ этомъ классѣ до тѣхъ поръ, пока приготовятся въ переводчики. Только отличное знаніе латинскаго языка освобождало учениковъ отъ этого класса, потому что таковые отправляемы были въ Московскій Университетъ. Такъ какъ число учениковъ, обучавшихся въ татарскомъ классѣ не было ограничено, то ихъ оказывалось болѣе чѣмъ нужно; такъ, въ 1785 г. такихъ учениковъ числилось 16 [58]).

Въ 1788 г. Казанская гимназія закрылась по недостатку средствъ, и была возобновлена лишь въ 1798, когда получила уставъ и штаты. По этому уставу не былъ забытъ и татарскій языкъ, введенный для приготовленія переводчиковъ; но число учениковъ ему обучавшихся ограничено было шестью - восемью воспитанниками: „дабы излишнее число не занимать безполезнымъ предметомъ, и не тратить времени, нужнаго для другихъ наукъ" [59]).

Въ 1822 г. совѣтъ Казанскаго университета нашелъ нужнымъ ввести въ гимназіи преподаваніе языковъ арабскаго и персидскаго, чтобы поднять дѣло изученія ихъ въ Университетѣ, которое начало падать вслѣдствіе занятія каѳедръ этихъ языковъ иностранцами. Затѣмъ, по мѣрѣ расширенія круга преподаванія восточныхъ языковъ въ Казанскомъ университетѣ, расширялся онъ и въ гимназіи. Вслѣдъ за монгольскимъ, введеннымъ въ 1833 году, появился языкъ китайскій, за нимъ армянскій [60]), а наконецъ и маньчжурскій [61]).

Для преподаванія восточныхъ языковъ въ Гимназіи положено было имѣть учителей, въ качествѣ которыхъ поступали очень часто профессоры Университета, и надзирателей изъ иновѣрцевъ для практическихъ занятій съ учениками: для чтенія съ ними книгъ и рукописей, для упражненій въ разговорахъ и восточной каллиграфіи. Учители языковъ арабскаго, персидскаго, монгольскаго и татарскаго считались старшими; учитель китайскаго — младшимъ.

По уставу 1836 г. восточные языки раздѣлены были на 3 разряда: 1) арабско-персидскій, 2) турецко-татарско-персидскій и 3) монголо-турецко-татарскій. Ученики изучавшіе эти языки освобождались отъ греческаго, славянскаго и нѣмецкаго языковъ, высшей математики, физики, черченія и рисованія; но французскій языкъ сдѣланъ для нихъ обязательнымъ. Преподаваніе восточныхъ язы-

---

[58]) *Владиміровъ* „Истор. Записка", стр. 46 - 50.
[59]) Тамъ же, стр. 6, 49.
[60]) *Ковалевскій* „Обозрѣніе", стр. 17.
[61]) Ж. М. Н. Пр. 1855 г. ч. 86, I, 64.

ковъ начиналось съ 4 класса. Для арабскаго назначено было 9 уроковъ (по 3 въ классѣ), для прочихъ — 12 (по 4 въ классѣ) [62]). Этимъ уставомъ имѣлось въ виду доставлять переводчиковъ въ обширномъ смыслѣ, преподавателей, приставовъ, чиновниковъ при таможняхъ.

Въ 1824 г. постановленіемъ высшаго начальства допущены въ Казанскую гимназію 4 воспитанника изъ Тобольской семинаріи для изученія сперва въ гимназіи, а потомъ и въ университетѣ, татарскаго языка. Затѣмъ изъ Омской Азіатской Школы стали посылать въ Казанскую гимназію для обученія восточнымъ языкамъ по 6 человѣкъ изъ дѣтей чиновниковъ, казаковъ и магометанъ. Кромѣ того, съ самаго начала введенія въ гимназіи восточныхъ языковъ, имъ обучались до 1857 года 12 человѣкъ кантонистовъ для приготовленія учителей, и 12 кантонистовъ военносиротскаго отдѣленія для приготовленія переводчиковъ [63]). Хорошо налаженное дѣло обратило на себя вниманіе даже инородцевъ. Главный тайша селенгинскихъ монголо-бурятскихъ родовъ просилъ разрѣшенія отправить въ Гимназію нѣсколько мальчиковъ для полученія гимназическаго образованія. Просьба тайши была удовлетворена, и 4 мальчика, подъ надзоромъ надежнаго ламы, были приняты (1836 г.) въ Гимназію на казенное содержаніе [64]).

Отличнѣйшимъ ученикамъ предоставлено было право поступать въ университетъ, при чемъ на казенное содержаніе могли поступать не только Русскіе, но и инородцы — Татаре, Буряты, и другіе — не иначе, впрочемъ, какъ съ разрѣшенія попечителя. Всѣ казеннокоштные воспитанники обязаны были прослужить 6 лѣтъ по назначенію начальства. Наравнѣ съ казеннокоштными дозволено изученіе восточныхъ языковъ въ Гимназіи и своекоштнымъ, по желанію, а также и инородцамъ. Въ 1853, по представленію попечителя каз. уч. округа, преподаванія армянскаго языка въ Гимназіи было прекращено [65]).

---

[62]) *Владиміровъ* „Ист. Зап.“; Сборн. постановл. по Мин. Нар. Пр. т. II, 801 - 804.

[63]) Тамъ же. Въ теченіе времени съ 1823 по 1852 г. кантонистовъ обучилось 102 человѣка. Тамъ же, II, 73. См. также Записки Департамента Народн. Просвѣщ. за 1824 г. стр. 11 - 12.

[64]) *Ковалевскій* „Обозрѣніе“, стр. 26. На ламу возложено было практическое упражненіе въ разговорахъ воспитанниковъ, обучавшихся монгольскому языку; а съ однимъ занимался онъ и тибетскимъ (*Владиміровъ* „Ист. Зап.“ 58). Одинъ изъ Бурятъ поступилъ въ 1842 г. въ Университетъ — это былъ Дорджи Банзаровъ (*Савельевъ* „О жизни и трудахъ Дорджи Банзарова“, въ Труд. Вост. Отд. Арх. Общ. II, 129 - 130).

[65]) Ж. М. Н. Пр. ч. 79, I, 46.

Такъ шло дѣло до конца 1857 года, когда въ декабрѣ того года преподаваніе вост. языковъ въ Гимназіи было вовсе прекращено, вслѣдствіе сосредоточенія его въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Къ этому времени состояло 17 казеннокоштныхъ воспитанниковъ-оріенталистовъ: въ VII классѣ — 6, въ VI — 4, въ V — 7. Лучшихъ изъ нихъ велѣно было отправить въ Петербургскій университетъ [66]).

Въ Гимназіи оставлено только преподаваніе татарскаго языка, для обученія которому назначено имѣть 4 воспитанниковъ изъ числа назначенныхъ Положеніемъ 2 января 1836 года [67]).

Первоначальное образованіе получили въ Казанской гимназіи: *В. Ильинъ* (переводч. въ Астрахани), *П. Турдевъ* (учит. въ Ставропольскомъ уѣздн. училищѣ), *И. Холмогоровъ* (профес. араб. яз. въ Казани), *М. Т. Навроцкій* (былъ проф. араб. яз. въ Петерб. унив.), *К. Ф. Голстунскій* (проф. монг. яз въ Пет. унив.), *Первухинъ* (учит. тат. яз. въ Астрах. гимназіи), *Саиновъ* (учит. тат. яз. въ Уфимской гимназіи [68]). Изъ инородцевъ — *Магометъ Сейфуллинъ*, *Дорджи Банзаровъ*, *Сейфулла Токумбетевъ* и др. [69]).

Астраханская Гимназія. Въ 1764 г. учреждена была въ Астрахани школа для 324 солдатскихъ дѣтей и до 200 разночинцевъ. Въ этой школѣ, кромѣ общихъ предметовъ, преподавались фортификація, навигація и четыре азіатскихъ языка (вѣроятно: арабскій, татарскій, армянскій и калмыцкій). Въ 1778, вмѣсто этой школы, основано народное училище, на которое мѣстное купечество постановило отпускать ежегодно по 3000 рублей. Въ этомъ училищѣ преподавались, между прочимъ, языки: армянскій, татарскій, турецкій, арабскій, персидскій (?) и калмыцкій. По преобразованіи народнаго училища въ 1806 г. въ гимназію, навигація и *нѣкоторые* азіатскіе языки не вошли въ составъ преподававшихся въ ней предметовъ [70]). Удержался, кажется, одинъ татарскій.

Вскорѣ же послѣ того обнаружился недостатокъ въ переводчикахъ персидскаго языка, которые, для торговыхъ сношеній съ Персіей, требовались въ большомъ числѣ. Въ іюлѣ 1811 г. попечитель казанскаго уч. округа доносилъ министру народнаго про-

---

[66]) *Владиміровъ* „Ист. Зап.“ 72-73. Въ Петербургъ отправлены были: Ананьинъ, Михайловъ и Казаровъ (тамъ же).

[67]) Ж. М. Н. Пр. ч. 86, I, 15.

[68]) Тамъ же, стр. 62.

[69]) Тамъ же, стр. 64.

[70]) Ж. Мин. Нар. Просв. 1859 г. ч. 102, VII, 208. „Москвитянинъ“. 1854 г. ч. I, отд. VII, 134.

свѣщенія, что, вслѣдствіе представленія астраханскаго директора училищъ, разрѣшено имъ учрежденіе при Астраханской гимназіи класса персидскаго языка для образованія переводчиковъ, которыхъ *пограничныя мѣста ищутъ съ великою заботою* [71]). Такимъ образомъ персидскій языкъ введенъ былъ въ Астраханской гимназіи ради коммерческихъ цѣлей.

Въ 1837 году, вслѣдствіе представленія попечителя Казан. уч. округа, разрѣшено освободить учениковъ Астраханской гимназіи (по примѣру 1-й казанской) обучающихся восточнымъ языкамъ, отъ языковъ славянскаго и нѣмецкаго, высшихъ частей математики и физики, черченія и рисованія [72]).

Въ 1838 г. разрѣшено преподаваніе въ Гимназіи армянскаго языка для желающихъ [73]), а вскорѣ послѣ того введено и преподаваніе арабскаго языка [74]).

Какъ велось преподаваніе восточныхъ языковъ въ Астраханской гимназіи можно видѣть изъ отчета попечителя Казанскаго учебнаго округа, Стендера, который, во время ревизованія въ 1863 г. подвѣдомственныхъ ему училищъ, обратилъ особенное вниманіе на состояніе классовъ восточныхъ языковъ въ означенной гимназіи. Попечитель нашелъ, что успѣхи учениковъ почти ничтожны. Причины тому, какъ приводитъ въ своемъ отчетѣ Стендеръ, заключаются, главнымъ образомъ, въ томъ, что учащіеся этимъ языкамъ раздѣлены на два отдѣленія: высшее и низшее; въ каждомъ отдѣленіи находятся ученики разныхъ классовъ, вслѣдствіе чего ихъ пришлось раздѣлить по умственному развитію на три группы; а такъ какъ всѣхъ уроковъ восточныхъ языковъ полагается 3 часа въ недѣлю, то на каждую группу придется менѣе одного урока въ недѣлю. Время занятія этими языками назначено до общихъ классовъ, оттого число желающихъ заниматься ими уменьшалось. Неуспѣшность-же въ восточныхъ языкахъ не мѣшаетъ ученикамъ переходить въ высшіе классы. Кромѣ того, отъ постоянныхъ неуспѣховъ учениковъ въ дѣлѣ изученія восточныхъ языковъ и само общество привыкло смотрѣть на нихъ какъ на вещь безполезную; а потому заниматься ими рѣшались только тѣ ученики, которые чувствовали себя неспособными заниматься математикой, или же-

---

[71]) Періодич. сочиненія, ч. XXXI, стр. 210 - 211.

[72]) Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 17.

[73]) Тамъ же, ч. 22, I, 46. Съ 1804 г. въ Астрахани существуетъ для Армянъ армянское Агабабовское училище (см. Сбор. постановленій Мин. Нар. Пр. I, 340).

[74]) Отчетъ казан. унив. за 1842 - 3 годъ.

лавшіе избавиться отъ нѣмецкаго языка (сверхъ того избавлены они были отъ физики и славянскаго языка). Да и окладъ жалованья учителю восточныхъ языковъ — 281 р. 20 к. — не давалъ возможности пріобрѣтать хорошихъ учителей. Вслѣдствіе всего этого, попечитель заявлялъ, что въ такомъ видѣ преподаваніе восточныхъ языковъ безполезно, и предлагалъ слѣдующія мѣры къ достиженію благопріятныхъ результатовъ: 1) уничтожить раздѣленіе на два отдѣла; 2) занятіе восточными языками назначить въ то время, когда преподаются тѣ предметы отъ которыхъ ученики освобождены; 3) за неуспѣшность въ языкахъ оставлять на другой годъ въ томъ же классѣ; 4) преподаваніе начинать съ III класса и имѣть не менѣе 3 уроковъ въ недѣлю; 5) жалованье и права преподавателя В. Я. сравнять съ тѣми какія имѣютъ старшіе учителя гимназіи, что̀ дало бы возможность найти хорошихъ учителей; прежнихъ-же оставить для практическихъ занятій [75]).

Тобольская Гимназія. Тобольское главное народное училище, въ которомъ преподавался татарскій языкъ, преобразовано было 12 марта 1810 г. въ Тобольскую гимназію, при чемъ въ число преподававшихся предметовъ вошелъ и означенный языкъ [76]).

Продолжалось ли это преподаваніе послѣ того постоянно, я не знаю. Когда-же въ 1851 г. Тобольская гимназія преобразовалась, по дополнительнымъ правиламъ къ уставу учебныхъ заведеній 21 марта 1849, въ ней разрѣшено ввести преподаваніе татарскаго языка для желающихъ, вмѣсто греческаго [77]).

Томская Гимназія. Въ то же время, именно въ 1851 году, произведено было преобразованіе и Томской гимназіи, въ которой также введено преподаваніе татарскаго языка для желающихъ, и также вмѣсто греческаго [78]).

Оренбургская Гимназія. Съ 1853 г. преподаваніе татарскаго языка введено въ этой гимназіи обязательно для всѣхъ учениковъ [79]); но преподаваніе это не отличалось особенною успѣшностью, какъ видно изъ отчета по управленію казанскимъ уч. округомъ за 1862 г. Въ отчетѣ говорится, что преподаваніе означеннаго языка не даетъ благопріятныхъ результатовъ, и объясняется это, во-первыхъ, тѣмъ что языкъ этотъ сдѣланъ обязательнымъ для всѣхъ учениковъ, во-

---

[75]) Отчетъ попечителя казанскаго учебнаго округа Д. Ст. Сов. Стендера за 1863 годъ, стр. 30-35; Ж. М. Н. Пр. ч. 118, II, 262-3.

[76]) Періодич. сочиненія, ч. XXVII, стр. 358-9.

[77]) Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 70, I, 121.

[78]) Тамъ же.

[79]) Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 82, I, 56.

вторыхъ — тѣмъ, что занятія имъ не освобождаютъ ни отъ одного изъ предметовъ общаго курса [80]).

Новочеркасская Гимназія. Первое учебное заведеніе на Дону возникло въ Черкасскѣ, въ 1790 году, подъ именемъ главнаго народнаго училища. Въ 1805 г. переведено оно было въ новооснованный городъ Новочеркаскъ, а въ іюлѣ того же года преобразовано въ гимназію по уставу 1804 года [81]). Въ сентябрѣ 1850 утверждено основаніе при Новочеркасской гимназіи *Отдѣленія* восточныхъ языковъ для образованія военныхъ переводчиковъ въ Отдѣльный Кавказскій Корпусъ. Для этой цѣли положено преподавать въ „отдѣленіи" языки арабскій, татарскій и аварскій, а если признано будетъ возможнымъ, то одинъ изъ употребительнѣйшихъ черкесскихъ (абхазскій). Курсъ ученія первоначальный и окончательный; въ каждомъ по два года. Изученіе языковъ теоретическое и практическое. Учителей 5 человѣкъ: 2 для арабскаго (старшій и младшій), 2 для татарскаго, и 1 (старшій) для аварскаго. Въ отдѣленіе, по „положенію", назначаются ученики двухъ высшихъ классовъ Новочеркасской гимназіи наиболѣе способные къ изученію восточныхъ языковъ. Число воспитанниковъ восточнаго отдѣленія ограничено тридцатью: отъ донскаго казачьяго войска — 20, и отъ черноморскаго — 10. Ученики назначаются въ отдѣленіе директоромъ Гимназіи (онъ и завѣдуетъ отдѣленіемъ подъ главнымъ наблюденіемъ наказнаго атамана Войска Донскаго) съ утвержденія наказнаго атамана. Въ число воспитанниковъ отдѣленія могутъ поступать исключительно дѣти штабъ и оберъ-офицеровъ Донскаго и Черноморскаго казачьихъ войскъ. На первый разъ, по недостатку учениковъ могущихъ поступить въ Отдѣленіе изъ высшихъ классовъ, дозволено было обучать восточнымъ языкамъ учениковъ съ IV класса гимназіи. По окончаніи и выдержаніи испытанія, воспитанники опредѣляются военными переводчиками въ Отдѣльный Кавказскій Корпусъ, гдѣ обязаны прослужить 6 лѣтъ. Воспитанники, удостоенные званія военнаго переводчика, поступаютъ на службу на правахъ предоставленныхъ студентамъ университета [82]). Открыто Отдѣленіе было въ 1853 году [83]).

Въ 1856 г. ученики означеннаго отдѣленія, въ видахъ доставленія имъ болѣе времени для изученія восточныхъ языковъ, освобождены были еще отъ слѣдующихъ предметовъ: практическаго

---

[80]) Тамъ же, ч. 118, II, 262 - 3.

[81]) Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 118, VI, 115 - 131.

[82]) Ж. Мин. Нар. Пр. 1850, ч. 68, I, 58 - 64;

[83]) Тамъ же, ч. 118, VI, 131.

счетоводства, сельскаго хозяйства и высшихъ частей математики [84]).

Одно время преподавался въ Отдѣленіи языкъ черкесскій (въ 50-хъ годахъ [85]).

Новочеркасская гимназія есть единственная, въ которой, не въ примѣръ прочимъ, удержались восточные языки до настоящаго времени. Восточное отдѣленіе ея продолжаетъ дѣйствовать и доставляетъ требуемыхъ для службы переводчиковъ [86]).

По пріобрѣтеніи нами Кавказа и Закавказья, приняты были правительствомъ мѣры къ развитію просвѣщенія среди мѣстнаго населенія. При этомъ мѣстные языки не могли быть забыты. Они введены были въ число преподававшихся предметовъ не только въ тамошнихъ гимназіяхъ, но и въ уѣздныхъ и въ нисшихъ училищахъ. Преподавались они, какъ для мѣстнаго населенія, такъ и для русскихъ воспитанниковъ, дѣтей русскихъ чиновниковъ въ краѣ. Предполагалось, что лица, получившія образованіе въ гимназіяхъ, привьютъ туземному населенію русскую цивилизацію. Можетъ-быть цѣли правительства и оправдались бы, еслибъ дѣло преподаванія восточныхъ языковъ въ учебныхъ заведеніяхъ Кавказскаго Округа было налажено какъ слѣдуетъ.

Какъ въ гимназіяхъ, такъ и въ училищахъ, восточные языки вводились ради мѣстныхъ потребностей, почему не во всѣхъ заведеніяхъ были одни и тѣже. Мѣстный языкъ былъ обязателенъ для всѣхъ воспитанниковъ безъ исключенія. Въ Положеніи о кавказскихъ воспитанникахъ 1848 г. говорится, что всѣ вообще кавказскіе воспитанники, какъ изъ уроженцевъ Кавказскаго и Закавказскаго края, такъ и изъ русскихъ дворянъ и чиновниковъ, находящіеся въ петербургскихъ и московскихъ учебныхъ заведеніяхъ, независимо отъ слушанія общихъ предметовъ, въ тѣхъ заведеніяхъ положенныхъ, должны обучаться наиболѣе употребительнымъ въ

---

[84]) Тамъ же, ч. 90, I, 4; Сборн. Постановл. III, 47 - 8.

[85]) *Я. М. Невѣровъ* „Къ вопросу объ образованіи инородцевъ" (Ж. М. Нар. Пр. ч. 146).

[86]) Въ Отдѣленіи особенно успѣшно преподавался арабскій языкъ. Я зналъ одного воспитанника вост. отдѣленія Новочеркасской гимназіи, О — ва, который потомъ состоялъ одно время приставомъ при Шамилѣ. Съ Шамилемъ онъ говорилъ не иначе, какъ по-арабски. Между прочимъ практиковалась такая мѣра: каждый воспитанникъ, во время своего пребыванія въ Отдѣленіи, обязанъ былъ составить арабскій словарь. Но если воспитанники успѣшно изучали восточные языки, за то общее образованіе получали самое поверхностное.

краѣ языкамъ; а именно: жители Закавказскаго Края и приготовляющіеся на службу въ этомъ краю — грузинскому и татарскому; жители Кавказскаго Края и готовящіеся тамъ на службу — татарскому и впослѣдствіи черкесскому. Сверхъ того, всѣ Армяне должны обучаться армянскому языку [87]).

Такой порядокъ вещей продолжался, около тридцати лѣтъ, до послѣдняго устава гимназій, когда классицизмъ вытѣснилъ оріентализмъ.

Тифлисская Гимназія. По Положенію о Закавказскихъ Училищахъ 1829 года, въ основанной въ Тифлисѣ гимназіи (для доставленія средствъ къ воспитанію дѣтей грузинскихъ дворянъ и служащихъ въ краю чиновниковъ) введено было преподаваніе языковъ татарскаго и грузинскаго; а вслѣдъ затѣмъ, по просьбѣ армянскаго дворянства, Высочайше разрѣшено, въ октябрѣ 1831, ввести въ число преподававшихся предметовъ и языкъ армянскій. При этомъ училищному начальству вмѣнялось въ обязанность поощрять дѣтей русскихъ чиновниковъ къ основательному изученію мѣстныхъ языковъ, преимущественно татарскаго. Для бо̀льшаго къ тому учениковъ поощренія положено было тѣмъ изъ нихъ, которые окажутъ лучшіе успѣхи въ татарскомъ языкѣ, выдавать серебряныя медали и оказывать преимущество передъ другими учениками при опредѣленіи на службу [88]). Въ 1837, по ходатайству мѣстнаго начальства, министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ открыть при Тифлисской гимназіи преподаваніе персидскаго языка на счетъ процентовъ съ капитала въ 5000 р. сер., пожертвованныхъ на предметъ колл. ассес. Грекомъ въ 1836 году [89]). Этотъ языкъ, какъ не мѣстный, преподавался только желающимъ.

По уставу 1853 года, грузинскій и татарскій языки были обязательны для всѣхъ учениковъ первыхъ двухъ классовъ; въ высшихъ-же — только одинъ изъ нихъ, по выбору учащихся [90]).

Кутаисская Гимназія. Въ Кутаисской гимназіи, какъ и въ Тифлисской, введено было преподаваніе языковъ грузинскаго и турецкаго. По Положенію 1853 года грузинскій языкъ сдѣланъ обязательнымъ для всѣхъ учениковъ, турецкій-же — только для казеннокоштныхъ воспитанниковъ [91]).

---

[87]) Ж. М. Нар. Пр. 1849 г. ч. 63, I, 37.

[88]) Собраніе постановленій по Мин. Нар. Пр. II, 19-20, 285, 362-3; Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1835 г. „отчетъ" министра, стр. CLXXXVII.

[89]) Ж. М. Нар. Просв. ч. 14, стр. LXXXIV; ч. 18, стр. XCII—IV.

[90]) Ж. М. Нар. Пр. 1853 г. ч. 80, I, 38-9.

[91]) Тамъ же.

Ставропольская Гимназія (Кавказская областная). Получила свое начало 1 іюля 1837, когда высшее ставропольское училище преобразовано было въ гимназію. При этомъ въ ней введено преподаваніе языковъ татарскаго и армянскаго (послѣдній обязательно только для Армянъ). Съ 1845 преподаваніе въ ней татарскаго языка было, вслѣдствіе представленія мин. нар. просв. усилено принятіемъ втораго учителя татарскаго языка, вмѣсто втораго учителя латинскаго языка. Въ концѣ 40-хъ годовъ (1848) введено въ ней преподаваніе черкесскаго языка, а по уставу 1853 г. языкъ этотъ сдѣланъ обязательнымъ для казеннокоштныхъ воспитанниковъ, равно-какъ и для воспитанниковъ содержимыхъ на счетъ суммъ Кавказскаго Линейнаго Казачьяго Войска. О важности, которой приписывали у насъ черкесскому языку, можетъ свидѣтельствовать то обстоятельство, что учитель этого языка (также какъ и татарскаго) причисленъ былъ къ числу старшихъ. Преподаваніе его продолжалось 9 лѣтъ [92]).

Екатеринодарская Гимназія. Въ ней преподавался одинъ черкесскій языкъ, обязательный для всѣхъ учениковъ. Преподавался онъ (съ конца 40-хъ годовъ) въ теченіе 9 лѣтъ, и 9-ти лѣтній опытъ показалъ, что преподаваніе его было напрасною затратою труда, времени и денегъ; почему и было оно прекращено [93]).

3. Низшія учебныя заведенія.

а. въ Новороссіи.

Преподаваніе восточныхъ языковъ въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ началось съ Новороссійскаго Края. По мысли графа С. О. Потоцкаго, въ *Акмечетскомъ Училищѣ*, вмѣстѣ съ языками французскимъ, итальянскимъ и греческимъ, введено было въ маѣ 1809 года преподаваніе турецкаго языка. Потомъ, когда директоръ училищъ, Заставскій, сдѣлалъ представленіе о необходимости принять мѣры къ доставленію Татарамъ образованныхъ учителей, отдѣленіе, основанное Потоцкимъ, былъ уничтожено, и, вмѣсто него, возникло въ Симферополѣ [94]) особое заведеніе, открытое въ

---

[92]) Ж. М. Нар. Пр. ч. 18, стр. LVII - III; ч. 45, I, 85; ч. 80, I, 38; ч. 69, I, 3. ч. 146 (статья *Я. М. Невѣрова* „Къ вопросу объ образованіи инородцевъ"; Сборн. постан. по Мин. Нар. Пр. 2-bis, 478.

[93]) *Я. М. Невѣровъ* „Къ вопросу объ образов. инородцевъ".

[94]) Переименованномъ такъ изъ татарскаго Акъ-Мечеть.

февралѣ 1827 года. Число учениковъ въ немъ назначено 20. Они должны были посѣщать первые четыре класса гимназіи [95]).

По ходатайству графа Ланжерона, въ 1816 году было основано въ новозаведенномъ Ногайскомъ Городкѣ училище съ двумя классами, въ первомъ изъ коихъ преподавался русскій языкъ и ариѳметика, а во второмъ — письменный татарскій языкъ. Чтобы привлечь бо̀льшее число учениковъ изъ Татаръ, преподаваніе этого языка возложено было на муллъ. Вліяніе муллъ приносило училищу большой вредъ, что̀ и обратило на себя вниманіе графа Воронцова, который далъ заведенію этому другое направленіе: въ новомъ видѣ своемъ было оно открыто въ 1826 году, когда имѣло 35 мальчиковъ, изъ числа которыхъ 25 были татарчата [96]).

Въ *Симферопольскомъ уѣздномъ училищѣ* открыто было, въ іюнѣ 1810, татарское отдѣленіе, въ которомъ положено преподавать языки турецко-татарскій и арабскій. Тогда же въ это отдѣленіе поступило 23 ученика, въ томъ числѣ 10 христіанскаго вѣроисповѣданія [97]).

Въ *Ѳеодосійскомъ уѣздномъ училищѣ* (основанномъ въ 1812 г.) учрежденъ былъ въ іюнѣ 1814 классъ татарскаго языка [98]); а въ апрѣлѣ 1857 классъ этотъ закрытъ (вмѣстѣ съ греческимъ) и, согласно желанію мѣстныхъ жителей, вмѣсто того введено преподаваніе французскаго и итальянскаго языковъ [99]).

Въ *Перекопскомъ уѣздномъ училищѣ* съ 1835 г. сталъ преподаваться татарскій языкъ. Этотъ дополнительный курсъ, вслѣдствіе представленія попечителя одесскаго уч. округа, былъ упраздненъ въ апрѣлѣ 1850, по неимѣнію желающихъ обучаться [100]).

Изъ приходскихъ училищъ, введено было преподаваніе: въ *Григоріопольскомъ* и *Маріупольскомъ* — армянскаго языка (при попечи-

---

[95]) *Михневичъ* „Историческій взглядъ на учебныя заведенія Новороссійскаго Края и Бессарабіи" (въ Новороссійскомъ календарѣ на 1844 годъ).

[96]) Новороссійскій календарь на 1844 г. стр. 325 - 326.

[97]) Періодическія сочиненія о успѣхахъ народнаго просвѣщенія, № XXVIII, стр. 548 - 9. Въ Симферопольской гимназіи еще раньше, въ 1809 году, положено было имѣть учителя турецко-татарскаго языка (тамъ же, № XXVI, стр. 245 - 6). Отсюда впослѣдствіи образовалось особое отдѣленіе при гимназіи для татарскихъ мальчиковъ.

[98]) Сперва обращалось вниманіе исключительно на турецкій языкъ, который являлся необходимымъ для торговыхъ сношеній съ Константинополемъ. *Михневичъ* „Историч. взглядъ на учебн. завед. Новороссійскаго края".

[99]) „Одесскій календарь" на 1842 г. Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 94, I, 38; ч. 113, I.

[100]) „Новороссійскій календарь на 1839 г. стр. 316 - 317; Ж. М. Нар. Пр. ч. 67, 1, 37.

телѣ Одесскаго уч. округа Княжевичѣ [101]); въ *Бахчисарайскомъ*— татарскаго языка (съ 1837); въ *Карасубазарскомъ* — татарскаго (тогда же), а потомъ и армянскаго [102]); въ *Нахичеванскомъ* — армянскаго [103]).

б. Подъ Кавказомъ и въ Закавказьѣ.

По Положенію о Кавказскихъ Училищахъ 1829 года, въ уѣздныхъ училищахъ положено преподавать мѣстные языки: грузинскій армянскій, татарскій и лезгинскій или осетинскій, а именно: въ Тифлисѣ — грузинскій, армянскій, татарскій; въ Казахской дистанціи — татарскій; въ Душетѣ, Гори, Кутаисѣ, Телавѣ и Сигнахѣ— грузинскій и армянскій; въ Елисаветполѣ, Шушѣ, Нухѣ, Шамахѣ Кубѣ, Баку, Дербентѣ, Эривани, Нахичевани, Ахалцыхѣ и Ленкорани — армянскій и татарскій. Въ Мингреліи-же, такъ какъ нѣтъ письменности на мингрельскомъ языкѣ, преподавать опредѣлено грузинскій, издавна туда введенный.

Съ 1836 года разрѣшено преподаваніе армянскаго языка въ уѣздныхъ училищахъ Кизлярскомъ и Моздоцкомъ; а въ Кутаисѣ армянскій, съ 1840 года, замѣненъ татарскимъ [104]).

По Положенію 1853 г. мѣстные языки обязательны для всѣхъ учениковъ: въ уѣздахъ Тифлисской губерніи — грузинскій, а въ прочихъ уѣздахъ Закавказскаго края и Ставропольской губерніи — татарскій. Армянскому-же обучаются одни Армяне [105]).

Кромѣ того, по тому же уставу 1853 года, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, гдѣ не основаны еще гимназіи, допущено преобразованіе уѣздныхъ училищъ въ высшія 4-хъ классныя училища съ татарскимъ языкомъ для всѣхъ учениковъ, и съ армянскимъ — для Армянъ [106]).

Въ первоначальномъ училищѣ въ Редутъ-Калэ основанъ былъ спеціальный курсъ, въ которомъ, сверхъ мѣстнаго языка, грузинскаго, преподавались еще турецкій, ново-греческій и веденіе купеческихъ книгъ [107]).

---

[101]) „Новороссійскій календарь" на 1844 г. стр. 323.

[102]) Тамъ же, стр. 325; Ж. Мин. Нар. Пр. 1837 г. ч. 14; „Отчетъ" Ришельевскаго Лицея за 1843 - 44 уч. годъ.

[103]) Сборн. постан. по Мин. Нар. Пр. 2-bis, 909 - 912.

[104]) Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 14: отчетъ Министра; ч. 26, I, 135 - 6, и Сборн. постановл. по Мин. Нар. Пр. 2-bis, 14 - 15.

[105]) Собраніе постан. по Мин. Нар. Пр. II, 18; Ж. Мин. Нар. Пр. 1835 г. ч. 6, стр. CXCIII; 1853 г. ч. 80; I, 39, 54 - 55.

[106]) Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 80, I, стр. 50.

[107]) Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 80, стр. 60.

Изъ Сибирскихъ уѣздныхъ училищъ, преподавался татарскій языкъ лишь въ Омскомъ, но и тамъ преподаваніе его, съ 1861 года, отмѣнено [108]).

ОТДѢЛЬНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

Лазаревскій Институтъ Восточныхъ Языковъ въ Москвѣ.

Въ царствованіе Екатерины Великой переселилось изъ Персіи въ Россію армянское семейство Лазаревыхъ. Обладая обширными капиталами, Лазаревы вскорѣ же заявили себя полезною дѣятельностію въ своемъ новомъ отечествѣ, и Екатерина, такъ умѣвшая цѣнить полезныхъ гражданъ, не замедлила осыпать Лазаревыхъ милостями. Достигнувъ высокихъ степеней на государственной службѣ, не забыли они своихъ единоплеменниковъ, и, въ заботахъ объ умственномъ развитіи Армянъ, рѣшили основать для нихъ особое учебное заведеніе въ Россіи. Съ этою цѣлію Иванъ Лазаревъ пожертвовалъ капиталъ въ 200,000 р. ас.; а его родственники увеличили сумму эту на столько что заведеніе могло уже быть открыто. Въ маѣ 1814 г. освящено было зданіе „Московскаго Армянскаго Учебнаго Заведенія Лазаревыхъ", а съ мая слѣдующаго года стали поступать туда и воспитанники.

Въ 1818 г. это учебное заведеніе имѣло всего три класса съ самымъ элементарнымъ преподаваніемъ. Изъ восточныхъ языковъ введенъ былъ только армянскій. Заведеніе разсчитано было на 30 воспитанниковъ, кромѣ приходящихъ учениковъ. Вскорѣ стало оно наполняться учениками не только изъ Армянъ, но изъ Русскихъ и другихъ націй; даже изъ отдаленныхъ мѣстъ Азіи являлись желающіе получить европейское образованіе въ этомъ училищѣ: пріѣзжали учиться сюда изъ Испагани, изъ Калькутты.

До 1825 г. учебное заведеніе Лазаревыхъ было не болѣе какъ пансіонъ, и только въ этомъ году получило оно уставъ и нѣкоторыя привилегіи. Курсъ ученія назначенъ былъ 4-хъ годичный; число предметовъ увеличено; введенъ персидскій языкъ. Въ 1828 г. училище это наименовано „Армянскимъ, Лазаревыхъ, Институтомъ Восточныхъ Языковъ". Въ 1835 г. Институтъ былъ причисленъ къ учебнымъ заведеніямъ II-го разряда, и тогда же опредѣлилась цѣль его: онъ долженъ былъ, во-первыхъ, доставлять опытныхъ переводчиковъ восточныхъ языковъ, изучившихъ ихъ теоретически и практически; во-вторыхъ — приготовлять учителей для всѣхъ прочихъ

---

[108]) Тамъ же, ч. 113, I.

воспитательныхъ заведеній Армянскаго Народа, и образованныхъ священнослужителей для христіанъ григоріанскаго вѣроисповѣданія. Курсъ ученія установленъ 5-лѣтній. Воспитанники, находившіеся въ Институтѣ на иждивеніи Лазаревыхъ, обязаны были прослужить при этомъ заведеніи не менѣе 6-ти лѣтъ въ качествѣ старшихъ или младшихъ учителей, но въ томъ однако случаѣ, если они съ успѣхомъ окончатъ университетскій курсъ. Въ 1843 году, по волѣ Государя, назначены были въ Институтъ 5 учениковъ изъ Закавказскихъ уроженцевъ для приготовленія себя на службу въ тамошнемъ краѣ. По новому уставу 1848 г. Институтъ получилъ права лицеевъ. Курсъ ученія въ немъ назначенъ 6-лѣтній (соотвѣт. тогдашнему гимназическому), и, сверхъ того, двухъ-годичный, спеціально для занимающихся восточными языками. Кругъ восточныхъ языковъ расширенъ введеніемъ четырехъ новыхъ, такъ что всѣхъ стало 6: армянскій, арабскій, персидскій, турецкій, татарскій и грузинскій. Изъ нихъ обязательнымъ сдѣланъ только одинъ, по собственному выбору — персидскій или турецкій (съ дополнительнымъ арабскимъ); но всѣ Армяне должны были обучаться армянскому языку, Грузины — грузинскому, Татаре — татарскому.

Спеціальные классы мало привлекали желающихъ поступать туда; большинство (9/10) кончавшихъ курсъ въ гимназическихъ классахъ Института стремились въ университеты. Убѣдившись въ этомъ, попечитель института, Х. А. Лазаревъ, вошелъ съ ходатайствомъ о принятіи Института въ общую систему общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, съ подчиненіемъ его, послѣ смерти Лазарева, вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія. Ходатайство это было уважено, и Лазареву разрѣшено вводить въ Институтъ полный курсъ классическихъ гимназій съ двумя древними языками для подготовленія къ постепенному преобразованію.

По Высочайше утвержденному 16 іюня 1871 г. положенію Кавказскаго Комитета, отдѣленіе Лазаревскаго Института, носящее названіе спеціальныхъ классовъ, поставлено почти на одинаковую степень съ факультетомъ В. Я. въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, не столько, впрочемъ, по объему предметовъ преподаванія, сколько по правамъ преподавателей и учащихся. Курсъ ученія назначенъ, вмѣсто 2-хъ годичнаго, 3-хъ годичный. Зато въ гимназіи при Институтѣ восточные языки изъ курса исключены. Каѳедры введены слѣдующія: армянской словесности, арабской словесности, персидской словесности, турецко-татарскаго языка, грузинскаго языка, исторіи Востока, русской словесности, практики персидскаго и турецкаго языковъ, и восточной каллиграфіи. Преподавательскій штатъ состоитъ изъ 6 профессоровъ, 1 доцента и 2 преподавате-

лей. Для студентовъ спеціальныхъ классовъ обязательно изученіе всѣхъ предметовъ курса спеціальныхъ классовъ, за исключеніемъ лишь армянской словесности, обязательной зато для Грузинъ и кавказскихъ стипендіатовъ. Въ такомъ видѣ Институтъ и началъ свою дѣятельность съ 1 сентября 1871 года.

На армянскую словесность положено 3 часа въ недѣлю на каждый курсъ; на арабскую — 4; на персидскую — 4; турецко-татарскую — 4; на грузинскій языкъ — 2. Практика турецкаго и персидскаго языковъ должна производиться ежедневно [109]).

Учебное Отдѣленіе Восточныхъ Языковъ при Азіатскомъ Департаментѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Мы уже видѣли, какъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ много разъ принимало разныя мѣры къ обезпеченію себя переводчиками восточныхъ языковъ [110]); но при этомъ всегда находилось оно въ зависимости отъ учебныхъ заведеній другихъ вѣдомствъ, гдѣ содержало на свой счетъ учениковъ. На этотъ предметъ, именно для обученія студентовъ языкамъ китайскому, маньчжурскому, персидскому, турецкому и татарскому, ассигнована была въ 1798 г. сумма въ 3000 р. ежегодно [111]). Вѣроятно, зависимость эта представляла для министерства нѣкоторое неудобство, такъ какъ графъ Нессельроде задумалъ основать при Азіатскомъ Департаментѣ спеціальное учебное заведеніе, съ правами университетовъ, для приготовленія дипломатическихъ чиновниковъ и переводчиковъ для службы на Востокѣ при русскихъ миссіяхъ. Въ 1823 году, по его мысли [112]), и было основано при означенномъ департаментѣ учебное заведеніе

---

[109]) О Лазаревскомъ Институтѣ см. «Историческій очеркъ Лазар. Инст. вост. яз.“ изд. 2-е 1863 г.; „Собраніе актовъ касат. Исторіи Армянскаго Народа“, т. I; Ж. М. Нар. Пр. ч. 147, 19; ч. 156 (1871 г.); ч. 165 (1873 г.) 112 - 113. Уставъ его см. тамъ же, стр. 161 - 208.

[110]) Такъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, именно въ 1823, утверждено было положеніе Комитета по азіатскимъ дѣламъ объ отпускѣ ежегодно изъ суммъ Азіатскаго Департамента 7000 рублей; изъ нихъ 5000 р. въ распоряженіе Тобольскаго и Томскаго генералъ-губернатора на улучшеніе азіатскаго училища въ Омскѣ, и 2000 р. въ распоряженіе Главнаго Пристава Калмыцкаго Народа (въ Астрахани) на улучшеніе калмыцкаго училища при приставѣ (Полное Собр. Законовъ, № 29313).

[111]) Полное Собр. Законовъ, № 18599.

[112]) Можно думать что, скорѣе, по мысли профессора Шармуа, состоявшаго гувернеромъ при сынѣ графа, и бывшаго вынужденнымъ въ то время оставить службу при С.-Петербургскомъ Университетѣ. *Прим. ред.*

восточныхъ языковъ, въ которомъ положено обучать языкамъ: арабскому, персидскому и турецкому [113]). Курсъ ученія назначенъ 3-хъ годичный или 4-хъ годичный (смотря по успѣхамъ учащихся); число студентовъ — 6 человѣкъ, съ неопредѣленнымъ комплектомъ сверхштатныхъ слушателей. На содержаніе студентовъ назначено 6000 рублей при готовой квартирѣ; а на содержаніе всего заведенія — 20,000 рублей. Преподаваніе восточныхъ языковъ имѣло здѣсь и продололжаетъ имѣть преимущественно практическій характеръ [114]). Въ 1830-хъ годахъ читалась временно (академикомъ Дорномъ) Исторія Мусульманскаго Востока, а съ 1872 года введенъ постоянный курсъ Мусульманскаго Законовѣдѣнія.

Восточный Институтъ при Ришельевскомъ Лицеѣ въ Одессѣ.

Новороссійскій Край, по присоединеніи его къ Россіи, представлялъ самое смѣшанное населеніе: тамъ, кромѣ Русскихъ, жили Греки, Евреи, Молдаване, Армяне, Татаре, переселенцы изъ Западной Европы. Не было тамъ какого либо общаго всѣмъ языка; всѣ пользовались одинаковымъ правомъ гражданства. Такое разнообразіе языковъ ставило нашу администрацію на первое время въ большое затрудненіе, такъ что она по необходимости должна была принимать мѣры къ обезпеченію себя людьми изучившими мѣстные языки. И вотъ, послѣ того какъ „край окрѣпъ, обстроился и былъ накормленъ", приступлено было къ водворенію въ немъ просвѣщенія, при чемъ на преподаваніе языковъ, въ томъ числѣ и восточныхъ, обращено главное вниманіе.

Разныя мѣры предпринимались разными администраторами Новороссійскаго Края къ упроченію тамъ преподаванія восточныхъ языковъ (преимущественно турецко-татарскаго). Болѣе другихъ заботился о томъ графъ М. С. Воронцовъ. Вслѣдствіе ходатайства его, покойный Государь Императоръ, во время своего пребыванія въ Одессѣ въ 1828 году, Высочайше соизволилъ на открытіе въ этомъ городѣ „Восточнаго Института" для шести молодыхъ людей. До 1837 г. Институтъ состоялъ при Лицейской гимназіи [115]); въ этомъ

---

[113]) Въ статьѣ Клапрота объ учебномъ отдѣленіи (помѣщенной въ Journal Asiatique 1828, II, 306 - 307) говорится, что кромѣ этихъ языковъ положено преподавать еще и монгольскій; но онъ до сихъ поръ тамъ не преподавался. Въ уставѣ-же о монгольскомъ языкѣ не упоминается.

[114]) Полное собраніе законовъ, № 29487; Журн. Мин. Нар. Пр. 1837 года ч. 14).

[115]) Гимназія эта образована была въ 1831 году изъ низшихъ классовъ Ришельевскаго Лицея.

же году, для болѣе успѣшнаго хода дѣла, причисленъ къ Ришельевскому Лицею [116]), который получилъ тогда же устройство равнявшее его съ университетами [117]).

Въ Восточномъ Институтѣ преподавались языки: арабскій, персидскій и турецкій. Преподавалъ ихъ въ Лицеѣ одинъ профессоръ, въ Гимназіи — два учителя, старшій и младшій. Въ Гимназіи обученіе В. Я. начиналось съ 4-го класса; въ Лицеѣ оно продолжалось въ теченіи всего 3-хъ годичнаго курса. Вмѣстѣ съ изученіемъ восточныхъ языковъ лицейскіе студенты Института должны были слушать какъ всѣ общіе, такъ и юридическіе предметы преподававшіеся въ Лицеѣ, за исключеніемъ лишь римской словесности и древностей. Такое обремененіе студентовъ Института разнообразными предметами въ ущербъ ихъ спеціальности обратило на себя вниманіе совѣта Лицея только въ 1846 году, когда и постановилъ онъ освободить этихъ студентовъ отъ слѣдующихъ предметовъ: энциклопедіи правовѣдѣнія, исторіи философіи, законовъ государственнаго благоустройства, благочинія и финансовъ, римскаго права и судебной медицины. Взамѣнъ того значительно усилено было преподаваніе восточныхъ языковъ, т. е. увеличены для нихъ часы ежедневныхъ занятій [118]).

Главная цѣль при учрежденіи Института В. Я. въ Одессѣ заключалась въ томъ, чтобы доставлять краю ученыхъ переводчиковъ (учители для школъ добывались другимъ путемъ [119]). Но если въ переводчикахъ В. Я. являлась настоятельная надобность при возникновеніи Одессы (основана въ 1794 г.) и заселеніи Новороссійскаго Края русскими поселенцами, то въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія потребность эта значительно ослабѣла. Студенты кончившіе курсъ въ Институтѣ не находили штатныхъ мѣстъ по своей спеціальности, и принуждены были пристраиваться кто куда могъ, даже въ квартальные надзиратели [120]). Ясно становилось

---

[116]) Ришельевскій Лицей возникъ въ 1817 году изъ сліянія двухъ учебныхъ заведеній существовавшихъ въ Одессѣ: Благороднаго Института и Коммерческой Гимназіи.

[117]) *Скальковскій* „Участіе Одессы на поприщѣ наукъ“ („Сынъ Отечества“ 1842, VI); „Историческая записка о состояніи и дѣйствіяхъ Ришельев. Лицея за 1837-8 г.“; „Сорокалѣтіе Лицея“. Одесса, 1857.

[118]) „Сорокалѣтіе Лицея“; Новороссійскій календарь на 1852, стр. 361.

[119]) Изъ таковыхъ, служившихъ въ Новороссійскомъ Краѣ, упомянемъ: Франца Домбровскаго (переводчика при таврическомъ губернаторѣ) выпуска 1844 года; Андрея Курковскаго, выпуска 1845 г. (переводч. при таврическомъ губернаторѣ), и Авраама Акимова (служившаго переводчикомъ при таганрогскомъ градоначальникѣ) выпуска 1847 года.

[120]) *В. В. Григорьевъ* „Имп. С.-Петерб. Университетъ“, стр. 44, примѣчаніе 257.

что Институтъ В. Я. въ Одессѣ не соотвѣтствовалъ своей цѣли, почему, Высочайшимъ указомъ 29 октября 1854, и былъ онъ упраздненъ, а суммы, на него отпускавшіяся, и библіотека его были переданы въ С.-Петербургскій Университетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ прекращено было преподаваніе В. Я. и въ Лицейской Гимназіи [121]).

Кяхтинская Школа Китайскаго Языка.

По ходатайству нашего кяхтинскаго купечества разрѣшено было въ 1832 г. основать въ Кяхтѣ школу для распространенія у насъ знанія китайскаго разговорнаго языка. Коммерціи совѣтникъ Игумновъ пожертвовалъ для этой школы домъ, а мѣстное купечество приняло на себя всѣ расходы по ея содержанію. Школа названа была „Китайскимъ Училищемъ". Открытіе училища послѣдовало въ маѣ 1835, въ присутствіи о. Іакинѳа Бичурина, нарочно для того посланнаго изъ Петербурга. Этому обстоятельству обязаны мы первою и единственною до сихъ поръ на русскомъ языкѣ китайскою грамматикою, написанною о. Іакинѳомъ для означеннаго училища. Училище это находилось сперва въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ по департаменту внѣшней торговли, а потомъ — Министерства Народнаго Просвѣщенія. Кромѣ китайскаго языка (главнымъ образомъ разговорнаго) ученикамъ преподавались русскій языкъ и ариѳметика, впослѣдствіи-же, какъ кажется, введенъ былъ и маньчжурскій языкъ. Какъ велось преподаваніе въ этомъ училищѣ можемъ судить отчасти по описанію экзамена, произведеннаго тамъ 17 декабря 1850, въ присутствіи маймачинскаго дзаргучея, съ подвѣдомственными ему китайскими чиновниками, и кяхтинскихъ купцовъ. Кончавшіе курсъ въ Школѣ, кромѣ написанія разныхъ фразъ іероглифами, упражнялись между собою въ примѣрныхъ разговорахъ по-китайски. Дзаргучей самъ предлагалъ разные вопросы на китайскомъ языкѣ, и заставлялъ читать написанные имъ іероглифы. Ученики отвѣчали свободно и для Китайцевъ понятно [122]).

Вообще, изъ этого училища по временамъ выходили молодые люди съ хорошими познаніями въ разговорномъ китайскомъ языкѣ чисто пекинскаго и даже сянсинскаго нарѣчій; да и сами Китайцы нерѣдко отзывались съ похвалой объ ученикахъ Китайскаго Училища. При всемъ томъ, Училище просуществовало недолго. Въ 1861 г.

---

[121]) „Отчетъ" Лицея за 1854-55 г.; Ж. Мин. Нар. Пр. 1856 ч. 90, стр. 82.

[122]) Ж. Мин. Нар. Пр. 1851, ч. 69, отд. VII, 78-80.

оно было временно закрыто, въ виду того, что изученіе китайскаго и маньчжурскаго языковъ сосредоточено было въ Пекинѣ, а затѣмъ въ мартѣ 1867 послѣдовало распоряженіе и объ окончательномъ его закрытіи [123]).

II. Духовнаго Вѣдомства.

I. Академіи.

Основательное изученіе Богословія требуетъ отъ лицъ, посвятившихъ себя этому предмету, знакомства съ еврейскимъ языкомъ. Потребность эта чувствуется, разумѣется, сильнѣе чѣмъ гдѣ-либо въ духовныхъ академіяхъ, и удовлетворять ей духовное начальство старалось при первой къ тому возможности.

Кіевская Духовная Академія — первая у насъ по времени, ибо возникла изъ духовнаго училища, основаннаго въ 1588 году. Это училище четыре года спустя послѣ присоединенія Кіева къ Россіи (1654), было преобразовано въ Академію. Каѳедра еврейскаго языка явилась въ ней нѣсколько ранѣе 1738 г.; но, за недостаткомъ искусныхъ наставниковъ, языкъ этотъ почти не преподавался и былъ воспитанникамъ совершенно неизвѣстенъ. Съ 1738-же года, единственно благодаря заботливости преосвященнаго Рафаила Заборовскаго, явились каѳедры трехъ языковъ. еврейскаго нѣмецкаго и греческаго [124]). До самаго послѣдняго времени еврейскій языкъ въ Кіевской Академіи находился въ очень плохомъ состояніи. Въ разсужденіи, подданномъ Академіею митрополиту Арсенію въ 1763 говорится, что съ самаго начала на еврейскомъ классѣ бывало человѣкъ 20 и мало больше, хотя посѣщать этотъ классъ позволено было всѣмъ ученикамъ трехъ высшихъ классовъ по произволу. Причиною тому выставлялась, съ одной стороны, трудность языка, а съ другой — то обстоятельство, что языкъ этотъ мало полезенъ бѣднымъ ученикамъ, потому что съ знаніемъ его „никого не приглашаютъ господа къ себѣ на кондиціи, тогда какъ знающихъ французскій и нѣмецкій языки непрестанно приглашаютъ“. Даже послѣ указа Св. Синода 1798 года, которымъ повелѣвалось обучаться еврейскому языку всѣмъ ученикамъ въ выс-

---

[123]) Ж. Мин. Нар. Пр. 1835, ч. 6, стр. 567; 1851, ч. 69, отд. VII; Сборникъ постановл. по Мин. Нар. Пр. т. IV, 448 — 449.

[124]) „Исторія Кіевской Академіи“, соч. іеромон. *Макарія Булгакова*. Спб. 1843, стр. 124.

шихъ классахъ [125]), таковыхъ оказывалось немного: 13 въ 1803, 30 — въ 1811, 11 — въ 1814 годахъ. Относительно жалованья преподавателямъ еврейскаго языка за то время, знаемъ что въ 1773 г. преосвященный Гавріилъ удѣлилъ изъ отпускавшейся въ Академію суммы, по 500 р. въ годъ, магистру еврейскаго и греческаго языка 37 р.; въ 1789 г. за преподаваніе еврейскаго положено жалованья 50 р. [126]).

Въ текущемъ столѣтіи дѣло преподаванія еврейскаго языка въ Академіи пошло успѣшнѣе, благодаря такимъ знатокамъ этого языка, какъ А. Максимовичъ и Сп. Гуляевъ, переводившимъ, по порученію Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, книгу Левитъ, и Ст. Соловьевъ, составившій халдейскую грамматику; но особенно подавалъ большія надежды воспитанникъ Академіи Ѳ. Шимкевичъ, обратившій на себя вниманіе митрополита Евгенія еще студенческими трудами [127]).

Московская Духовная Академія. Вскорѣ послѣ основанія академіи въ Кіевѣ возникла, въ 1682, и въ Москвѣ Славяно-Греко-Латинская Академія. Изученіе въ ней еврейскаго языка началось съ половины прошлаго столѣтія, когда языкъ этотъ сталъ преподавать учитель греческаго, и въ Академіи образовался особый классъ подъ именемъ *еврео-греческой школы.* Въ Московской академіи на еврейскій языкъ обращалось особенное вниманіе. Такъ, митрополитъ Платонъ (назначенный въ ноябрѣ 1775 года директоромъ и протекторомъ Академіи) требовалъ отъ учителя, чтобы ученики еврейскаго языка „не токмо надлежащій успѣхъ имѣли, но чтобъ изъ нихъ и учительское мѣсто могли доступать“ [128]). И число обучавшихся еврейскому языку въ Академіи постоянно увеличивалось: въ 1785 г. ихъ было 19; въ 1790 — 26; въ 1792 — 23; въ 1794 — 21; въ 1798 — 99; въ 1801 — 185; въ 1804 — 194; въ 1805 — 236; въ 1807 — 327 [129]). На публичныхъ актахъ Академіи произносились учениками разговоры на всѣхъ языкахъ,

---

[125]) Въ указѣ Синода говорилось: „языкамъ еврейскому, а наипаче греческому, яко нужнымъ для уразумѣнія Св. Писанія, обучаться всѣмъ студентамъ академіи“ (Полное Собр. Законовъ Рос. Имперіи, т. XXV, № 18726).

[126]) „Исторія Кіев. Академіи“, стр. 116, 119, 156-7; *В. Аскоченскій* „Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею“. Кіевъ, 1856, II, 246, 428, 434, 473-4.

[127]) „Кіевская духов. Академія въ послѣднее 50-лѣтіе“ („Кіевлянинъ“ 1869 г. № 123, стр. 486).

[128]) *С. Смирновъ* „Исторія Московской Славяно-греко-латинской Академіи“. Москва, 1855. Стр. 114, 310.

[129]) Тамъ же, стр. 341.

не исключая и еврейскаго. Извѣстно также нѣсколько книгъ стихотвореній работы наставниковъ и учениковъ, писанныхъ на разныхъ языкахъ, въ томъ числѣ и на еврейскомъ, по случаю тезоименитства протектора Академіи, митрополита Платона [130]).

Духовныя Академіи С.-Петербургская и Казанская. До конца прошлаго столѣтія Кіевская и Московская духовныя академіи были единственными въ Россіи учрежденіями, въ которыхъ лица, посвятившія себя духовному званію, могли получать высшее образованіе.

Въ 1797 году 18 декабря, послѣдовалъ Высочайшій указъ объ открытіи, по образцу Кіевской и Московской, еще двухъ духовныхъ академій: въ С.-Петербургѣ, при Александроневскомъ Монастырѣ, и въ Казани, вмѣсто находившихся тамъ и тутъ семинарій. По уставу, тогда же обнародованному для всѣхъ академій, введено въ VI и VII классахъ преподаваніе еврейскаго языка; но преподаваніе этого языка въ обѣихъ, вновь основанныхъ, академіяхъ на первое время шло далеко неудовлетворительно. Особенно неуспѣшно шло дѣло преподаванія его въ Казанской академіи, и тѣмъ болѣе неуспѣшность эта тамъ выдавалась, что другіе языки находились въ очень удовлетворительномъ состояніи [131]).

По академическому уставу 1809 года изученіе еврейскаго языка предоставлено было выбору студентовъ, что̀ и продолжалось до 1841 года, а съ этого времени оно сдѣлано обязательнымъ для всѣхъ въ высшемъ отдѣленіи [132]). По означенному уставу раньше другихъ была преобразована С.-Петербургская академія (открыта 17 февраля 1809) затѣмъ Московская (открыта въ 1814) и Кіевская (въ 1819). Казанская-же академія просуществовала на прежнемъ основаніи до 1818, когда была закрыта и обращена въ семинарію впредь до будущихъ преобразованій. Эти преобразованія послѣдовали только въ 1842 г. (открыта 8 ноября).

По послѣднему преобразованію духовныхъ академій согласно уставу 1869 года, еврейскій языкъ, вмѣстѣ съ библейскою археологіей, отнесенъ къ предметамъ богословскаго отдѣленія.

До сихъ поръ мы говорили только о еврейскомъ языкѣ въ духовныхъ академіяхъ; но въ одной изъ академій, именно въ

---

[130]) Тамъ же. Вообще митроп. Платонъ усилилъ преподаваніе языковъ греческаго, латинскаго и еврейскаго (см. „Прибавленія къ твореніямъ Св. Отцевъ“ 1854, кн. I).

[131]) *А. Благовѣщенскій* „Исторія Старой Казанской Духовной Академіи“, Казань, 1876.

[132]) *Чистовичъ* „Исторія С.-Петербургской Духовной Академіи“, Спб. 1857. Стр. 305.

казанской, преподавались и другіе восточные языки, введенные тамъ въ виду мѣстной потребности — для проповѣди Слова Божія инородцамъ населяющимъ Восточную Россію. При открытіи Казанской Академіи преосвященный Амвросій Подобѣдовъ думалъ уже о введеніи, со-временемъ, въ число предметовъ преподаванія въ ней, татарскаго языка, равно какъ чувашскаго и черемисскаго [133]). Мысль его относительно перваго изъ нихъ и была осуществлена въ 1800 г. преосвященнымъ Серапіономъ, когда были закрыты „новокрещенскія школы". Классъ татарскаго языка не былъ обязателенъ для всѣхъ, а посѣщали его, по собственному желанію, въ послѣобѣденное время, студенты и ученики всѣхъ классовъ. Число обучавшихся этому языку простиралось отъ 20 до 100 человѣкъ. Нѣкоторыхъ, впрочемъ, заставляло изучать этотъ языкъ начальство разныхъ епархій. Такъ, на-примѣръ, вятское семинарское правленіе въ 1815 году, вслѣдствіе предположенія открыть въ своей семинаріи татарскій классъ, обязало студента богословія вятской епархіи, Гавріила Сперанскаго, обучаться татарскому языку, для опредѣленія его учителемъ этого языка въ Вятской Семинаріи [134]). Съ возрожденіемъ Академіи въ 1842 г. рѣшено было расширить въ ней кругъ восточныхъ языковъ. Св. Синодъ, въ указѣ отъ 25 мая 1842, между прочимъ постановлялъ: „ввести сверхъ предметовъ, назначенныхъ уставомъ, языки инородцевъ; а какіе именно, это должно обсудить правленіе Академіи, и затѣмъ представить о томъ подробное соображеніе". Но дѣло это, можетъ быть, затянулось бы на долго, если бы не подвинулъ его профессоръ казанск. универс. Казембекъ подавъ въ 1844 г. записку, въ которой высказалъ мысль о необходимости отдѣленія крещеныхъ Татаръ отъ ихъ собратіи мусульманъ, о необходимости переселенія ихъ въ новыя мѣста, и совершенія между ними богуслуженія на ихъ родномъ языкѣ [135]). Въ свою очередь, правленіе Академіи выяснило, что въ Казанской

---

[133]) *А. Можаровскій* „Старая Казанская Академія" (въ чтеніяхъ И. Москов. Общ. Исторіи и Древностей, 1877, кн. II); *Благовѣщенскій* „Исторія Старой Казан. Дух. Академіи", стр. 116 - 117.

[134]) *Можаровскій* „Старая Каз. Академія". Въ другомъ мѣстѣ (въ статьѣ: „Изъ исторіи духов. просвѣщ. въ Казанскомъ краѣ", помѣщенной въ „Православномъ Обозрѣніи" за 1868 г. ч. 27) г. Можаровскій говоритъ, что кромѣ татарскаго языка, который проходился во всѣхъ классахъ, *преподавались* въ то время еще языки чувашскій и черемисскій, которымъ обучали въ первыхъ четырехъ классахъ. Но едва ли два послѣдніе языка преподавались въ Казанской Академіи въ первый періодъ ея существованія.

[135]) Журн. засѣд. совѣта казан. дух. акад. за 1871 г., стр. 56.; Записка же Казембека помѣщена въ „Запискахъ Миссіонерскаго Общества", вып. III, Спб. 1867, стр. 91.

Епархіи говорятъ на языкахъ: 1) татарскомъ, 2) якутскомъ (?), 3) монголо-бурятскомъ, 4) тунгузскомъ, 5) калмыцкомъ, 6) чувашскомъ и черемисскомъ, 7) мордовскомъ, 8) вотскомъ и 9) остяцкомъ. Изъ нихъ, Правленіе признавало нужнымъ ввести: во-первыхъ — татарскій съ турецкимъ и арабскимъ, безъ котораго невозможно изученіе перваго; во-вторыхъ — монгольскій и калмыцкій. Сообразно съ этимъ и были образованы два разряда: монголо-калмыцкій, и турецко-татарскій, открытые въ январѣ 1845 года [136]).

Съ 18$^{54}/_{55}$ учебнаго года эти отдѣлы получили другой видъ и отчасти новое назначеніе. Вмѣсто прежнихъ каѳедръ языковъ открыты „миссіонерскія отдѣленія" для дѣйствія по отношенію къ 1) Татарамъ, 2) Монгольскому Племени, 3) Чувашамъ и Черемисамъ. Въ этихъ отдѣленіяхъ, кромѣ языковъ, оставшихся въ прежней силѣ, преподавалась сущность ученій означенныхъ инородцевъ, съ цѣлію болѣе успѣшной борьбы съ этими ученіями.

Въ третьемъ отдѣленіи миссіонеровъ, противъ Чувашъ и Черемисъ, въ 1856 г. кончило курсъ 5 человѣкъ, а вновь поступило 2. Обучалось всего 7 человѣкъ. Оказалось что этого числа пока и достаточно, а потому съ 18$^{56}/_{57}$ учебн. года отдѣленіе это было закрыто впредь до усмотрѣнія, но болѣе не возобновлялось [137]).

Въ 1856 г. особыми распоряженіями высшаго начальства разрѣшено имѣть практикантовъ для преподаваемыхъ языковъ. Съ 18$^{58}/_{59}$ уч. года академическое начальство сдѣлало изученіе ислама и буддизма обязательнымъ для всѣхъ студентовъ младшаго отдѣленія. Это оказалось, однако, неудобнымъ, и прежній порядокъ (существовавшій до 1858 г.) былъ возстановленъ въ 1865, когда миссіонерскіе предметы раздѣлены на три отдѣла: 1) противъ раскола, 2) противъ ислама, и 3) противъ буддизма, съ зачисленіемъ на нихъ студентовъ нисшаго и высшаго курсовъ, по собственному ихъ желанію [138]). Съ этого времени на двухъ послѣднихъ разрядахъ состояло студентовъ:

---

[136]) *Гвоздевъ* „Двадцатипятилѣтіе Казан. Духовн. Академіи" (въ Православномъ Собесѣдникѣ" за 1868 г. кн. ноябр. и декабр.).

Еще раньше, въ 1844 г., Министръ Народнаго Просвѣщенія, по ходатайству Казанской Дух. Академіи, разрѣшилъ допустить студентовъ ея къ слушанію въ Университетѣ лекцій языковъ: татарскаго, монгольскаго и калмыцкаго, при чемъ профессоры Казембекъ и Поповъ приняли на себя безвозмездное ихъ къ тому приготовленіе (Ж. Мин. Нар. Просв. ч. 46, I, стр. 33).

[137]) Для преподаванія его временно былъ приглашенъ протоіерей казанскаго каѳедр. собора *В. П. Вишневскій* (25-лѣтіе Казан. Дух. Академіи).

[138]) „Двадцатипятилѣтіе Казан. Дух. Академіи".

	на монголо-калмыцкомъ.	на арабско-татарскомъ.
Въ 1866 году. . . .	9	4
» 1867 » . . .	22	8
» 1868 » . . .	8	19
» 1869 » . . .	6	19
» 1870 » . . .	3	3

По новому уставу и штату 1869 года, миссіонерскія отдѣленія оставлены въ Казанской Академіи по-прежнему. При этомъ на мусульманское отдѣленіе записалось 2 студента, на буддійское — 3. Впослѣдствіи число студентовъ перваго отдѣленія увеличилось: въ 1872 году было 4 студ. на I курсѣ, и 4 на II-мъ; въ 1875 числилось на I курсѣ 4 студ., на II — 1, на III — 5. Во второмъ отдѣленіи въ 1872 году состояло 5 человѣкъ. Это послѣднее отдѣленіе со второй половины 18 71/72 учебн. года закрылось, за неимѣніемъ профессора и студентовъ. Вслѣдствіе этого казанскій архіепископъ Антоній предложилъ Академіи вовсе упразднить буддійское отдѣленіе, на что совѣтъ Академіи не согласился, въ виду того, что со-временемъ каѳедра эта можетъ замѣститься, а равнымъ образомъ окажутся и студенты желающіе изучать миссіонерскіе предметы противъ буддизма [139]).

Въ 1876 г. на миссіонерское отдѣленіе противъ Мухаммеданъ записалось 6 человѣкъ. Но теперь отдѣленіе это не имѣетъ профессора, перешедшаго въ другое вѣдомство. Между тѣмъ преподаваніе на этомъ отдѣленіи пошло было очень успѣшно, такъ что стали появляться въ печати даже статьи студентовъ этого отдѣленія по ихъ спеціальности [140]).

II. Семинаріи.

Особенное вниманіе на образованіе у насъ духовенства обратилъ Петръ Великій. Указомъ 28 февраля 1714, повелѣлъ онъ учредить при всѣхъ архіерейскихъ домахъ и въ знатныхъ монастыряхъ „цыфирныя школы". Вскорѣ послѣ этого указа стали воз-

---

[139]) Протоколы засѣданій совѣта Казанской Духовной Академіи за 1870 г. стр. 68; за 1872, стр. 240 - 243.

[140]) Въ „Миссіонерскомъ Противомусульманскомъ Сборникѣ" помѣщены статьи студентовъ: *М. Раева* „Признаки истинности православнаго Христіанства и лживости Мухаммеданства"; *Н Машанова* „Мухаммеданскій бракъ въ сравненіи съ христіанскимъ бракомъ"; *Н. Разумова* „Историческое значеніе Мухаммеда". Кромѣ оригинальныхъ статей, доставляли студенты и переводныя.

никать и Семинаріи собственно[141]). До устава духовныхъ училищъ 1797 г. преподаваніе въ семинаріяхъ не имѣло никакой правильной организаціи, а шло какъ хотѣлось мѣстному архіерею. Въ 1797 г. предметы преподаванія въ духовныхъ училищахъ были обозначены въ первый разъ. При этомъ изъ восточныхъ языковъ упомянутъ одинъ еврейскій, о другихъ-же восточныхъ, ни въ этомъ уставѣ, ни въ другихъ, не было упомянуто. Какъ по уставу дух. училищъ 1808 года, такъ и 1867 года, еврейскій языкъ долженъ преподаваться *желающимъ* вмѣсто новыхъ языковъ. Усиленно языкъ этотъ преподавался въ двухъ семинаріяхъ — въ Подольской и Минской. Для болѣе успѣшнаго обращенія Евреевъ въ Христіанство Св. Синодъ, въ 1860 году, постановилъ сдѣлать евр. яз. обязательнымъ для всѣхъ учениковъ высшаго отдѣленія этихъ семинарій. Между тѣмъ необходимо было, въ виду мѣстныхъ потребностей, ввести въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ и другіе языки, съ цѣлію подготовить священниковъ для проповѣди Слова Божія среди инородцевъ, и для борьбы съ ихъ вѣроученіями. И вводились эти языки въ семинаріяхъ не общимъ уставомъ того или другаго времени, а въ разные года, какъ исключеніе изъ общаго правила, по мѣрѣ сознанія необходимости ввести обученіе воспитанниковъ тому или

---

[141]) Семинаріи открывались: въ 1722 году въ Бѣлгородѣ (въ 1726 переведена въ Харьковъ); въ 1726 Славяно - Греко - Латинская семинарія въ С.-Петербургѣ; въ 1731 въ Воронежѣ; въ 1733 въ Казани (изъ школы основ. въ 1723 г.) и тогда же въ Псковѣ (изъ школы основ. въ 1728 г.); въ 1735 въ Вяткѣ; въ 1738 въ Нижнемъ Новгородѣ, въ Рязани, въ Тобольскѣ, въ Переяславлѣ, въ Великомъ-Устюгѣ (въ 1786 г. соединена съ Вологодскою); въ 1739 Крутицкая семинарія (сперва въ Вязьмѣ, а съ 1751 г. въ Москов. Покровскомъ монастырѣ; въ 1786 г. упразднена), въ Твери, въ Ростовѣ, въ Смоленскѣ; въ 1740 въ Новгородѣ (въ 1788 г соединена съ Александро-Невскою), въ Суздалѣ (въ 1799 г. соединена съ Владимірскою), въ Коломнѣ (въ 1797 г. переведена въ Тулу); въ 1742 Троицко-сергіевская; въ 1747 въ Ярославлѣ; въ 1750 во Владимірѣ на Клязьмѣ; въ 1753 въ Переяславлѣ - Залѣсскомъ; въ 1758 въ Могилевѣ; въ 1771 въ Архангельскѣ; въ 1777 въ Астрахани; въ 1778 въ Вологдѣ и въ Сѣвскѣ; въ 1779 въ Полтавѣ, въ Иркутскѣ (изъ Славяно - латинской школы основанной въ 1728 г.) въ Тамбовѣ, въ Петрозаводскѣ; въ 1780 въ Бѣлорусской епархіи; въ 1793 въ Минскѣ; въ 1797 въ Подольскѣ; въ 1799 въ Житомирѣ; въ 1800 въ Перми, въ Пензѣ, въ Оренбургѣ, и Армейская въ С.-Петербургѣ; въ 1814 въ Кишиневѣ; въ 1838 въ Одессѣ; въ 1830 въ Саратовѣ; въ 1840 въ Симбирскѣ; въ 1841 въ Харьковѣ (изъ Харьковскаго Коллегіума); въ 1844 Новоархангельская; въ 1846 Кавказская (въ Ставрополѣ); въ 1858 Самарская; въ 1857 Томская. Семинаріи открывались и въ послѣднее время, какъ напр. Новая Донская Семинарія въ Новочеркаскѣ въ 1868 г.

126

другому языку. Въ однѣхъ семинаріяхъ восточные языки были обязательны для всѣхъ учениковъ, въ другихъ ими занимались по выбору, въ замѣнъ нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, отъ которыхъ освобождались.

Казанская Семинарія. Когда началось преподаваніе восточныхъ языковъ въ Казанской Семинаріи, въ обнародованныхъ о ней извѣстіяхъ не говорится [142]). Быть можетъ до преобразованія ея въ Академію они и вовсе въ ней не преподавались, такъ-какъ въ Казанской епархіи существовали особыя школы, учрежденныя для обращенія инородцевъ въ Христіанство. Это были такъ называемыя „Новокрещенскія Школы" для новокрещенныхъ инородцевъ, основанныя въ 1735 г. по ходатайству архіепископа Иларіона Рогалевскаго [143]). Предполагалось, что воспитанники, вышедшіе изъ такихъ школъ, явятся просвятителями своихъ единоплеменниковъ истинами Православной Вѣры. Почти столѣтній опытъ доказалъ, что такія надежды были напрасны, и, взамѣнъ ихъ, положено въ 1820 г. ввести въ Казанской Семинаріи преподаваніе инородческихъ языковъ: татарскаго, чувашскаго и черемисскаго. Языки эти изучали не только ученики Казанской Семинаріи, но и присылавшіеся туда для этой цѣли изъ другихъ епархій. Инородческія же школы послѣ того не возобновлялись [144]). Затѣмъ въ 1852, по представленію начальства Казанскаго Учебнаго Округа, введено въ Семинаріи преподаваніе арабскаго, а число учебныхъ часовъ татарскаго языка увеличено. Обучающіеся ему раздѣлены были на два отдѣленія; для каждаго по 2 урока въ недѣлю и одинъ общій урокъ для обоихъ отдѣленій, съ цѣлію практическихъ упражненій. Въ 1870 г. преподаванія татарскаго языка въ Семинаріи было усилено (часы для занятій имъ назначены внѣ класснаго времени), и тогда же, по предложенію казанскаго архіепископа, мѣстная консисторія постановила опредѣлять въ приходы съ татарскимъ населеніемъ только такихъ священниковъ которые достаточно изучили татарскій языкъ, для чего и былъ опредѣленъ особый экзаменаторъ [145]).

---

[142]) Можетъ быть вслѣдствіе утраты документовъ, такъ какъ Казанская Семинарія горѣла три раза.

[143]) Въ 1735 г. открыто ихъ было 4 (*А. Можаровскаго* „Казанская семинарія" въ Казан. Губ. вѣдом. 1868 г. № 61).

[144]) *Е. А. Маловъ* „О Новокрещенскихъ школахъ въ XVIII вѣкѣ" (Православ. Обозрѣніе 1868 г. ч. 26, стр. 374).

[145]) Отчеты оберъ-прокурора св. Синода за 1852 и 1866 гг. Извѣстія по Казанской епархіи за 1870, № 24, стр. 7, 39-40; № 16, стр. 501.

По вѣдомостямъ семинарій видно сколько семинаристовъ обучалось восточнымъ языкамъ въ Казанской Семинаріи, а именно:

Арабскому: въ 1866 г. — 24 человѣка.

Татарскому: въ 1850 г. — 55; въ 1851 г. — 30; въ 1852 г. — 60; въ 1853 — 63; въ 1855 г. — 65; въ 1856 г. — 59; въ 1859 г. — 49; въ 1860 г. — 48; въ 1866 г. — 24; въ 1867 г. — 93; въ 1868 г. — 221; въ 1869 г. — 212; въ 1870 г. — 189; въ 1871 г. — 137; въ 1874 г. — 5.

Чувашскому: въ 1860 г. — 27; въ 1866 г. — 54; въ 1867 г. — 42; въ 1868 г. — 64; въ 1869 г. — 58; въ 1870 г. — 91; въ 1871 г. — 25.

Черемисскому: въ 1859 г. — 27; въ 1860 г. — 26; въ 1866 г. — 24; въ 1867 г. — 25; въ 1868 и 1869 гг. — по 24; въ 1870 г. — 41; въ 1871 г. — 44 [146]).

Нижегородская Семинарія. Преподаваніе восточныхъ языковъ въ Нижегородской Семинаріи началось со времени епископа Дамаскина (опредѣленъ въ Нижегородскую Епархію въ 1783 году). По его распоряженію — говоритъ арх. Макарій въ „Исторіи Нижегородской Семинаріи" — въ ней введено преподаваніе языковъ татарскаго, мордовскаго и чувашскаго (которыми и самъ Дамаскинъ занимался) для обращенія мѣстныхъ иновѣрцевъ въ Христіанство [147]). Въ другомъ своемъ сочиненіи, въ „Исторіи Нижегородской Іерархіи", арх. Макарій говоритъ, что, вслѣдствіе предпринятаго Екатериною Великою, въ 1785 году, изданія словаря иностранныхъ словъ, составленъ былъ въ Нижнемъ Новгородѣ, подъ надзоромъ тамошняго епископа Дамаскина, словарь словъ татарскихъ, мордовскихъ, чувашскимъ и черемисскихъ. Это обстоятельство повліяло на *усовершенствованіе* въ Нижегородской Семинаріи преподаванія языковъ татарскаго, мордовскаго и черемисскаго. Для образованія учителей этихъ языковъ, Дамаскинъ посылалъ нѣкоторыхъ студентовъ въ Казань [148]).

Въ послѣднее время въ Нижегородской Семинаріи преподается только одинъ татарскій языкъ. Въ 1855 году ему обучалось 35 ч.; въ 1856 — 30; въ 1859 — 26; въ 1860 — 21; въ 1866 — 31;

---

[146]) Отчеты оберъ-прокурора св. Синода.

[147]) Исторія этой семинаріи помѣщена въ Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1849 годъ. Отдѣльный оттискъ: «Исторія Нижегородской Семинаріи, составлена профессоромъ оной іеромонахомъ Макаріемъ». Нижній Новгородъ, 1849 г.

[148]) *Макарій* «Исторія Нижегородской Іерархіи» (съ 1672 по 1850). Спб. 1857, стр. 171-5.

въ 1868 — 26; въ 1869 — 26; въ 1870 — 33; въ 1871 — 48; въ 1872 — 40; въ 1873 — 37; въ 1874 — 39 [149]).

Иркутская Семинарія. Въ Иркутской Семинаріи (основанной въ 1779 году) образованъ въ 1822 году, по ходатайству епископа Михаила, классъ монгольскаго языка. Въ этотъ классъ принимали и бурятскихъ мальчиковъ. Въ 1849 г. разрѣшено обучать въ Семинаріи разговорному бурятскому языку [150]). Монгольскій языкъ (разговорный и книжный) семинаристы изучали по выбору, вмѣсто французскаго и нѣмецкаго [151]).

Въ 1851 г. монголо-бурятскому языку въ Иркутской Семинаріи обучалось 43 ч.; въ 1852 — 43; въ 1853 — 40; въ 1855 — 49; въ 1856 — 49; въ 1859 — 52; въ 1860 — 46; въ 1866 — 19; въ 1867 — 17; въ 1869 — 25; въ 1870 — 26; въ 1871 — 36; въ 1872 — 33; въ 1873 — 42; въ 1874 — 46; въ 1876 — 44 [152]).

Астраханская Семинарія. Въ 1730 г. основана была въ Астрахани славяно-латинская школа для образованія лицъ духовнаго и свѣтскаго сословій; въ 1777 г. обращена она была въ семинарію. Потребность въ людяхъ знающихъ калмыцкій языкъ чувствовалась въ Астраханской Епархіи еще въ прошломъ столѣтіи. Въ 30-хъ годахъ того столѣтія переводчику *Кондакову* поручено было, кромѣ перевода на калмыцкій языкъ Символа Вѣры и Новаго Завѣта, сказывать при архимандритѣ, въ воскресные и праздничные дни, Калмыкамъ „показанія" на калмыцкомъ языкѣ, „отъ чего бы они могли прійти въ лучшее познаніе православной Христіанской Вѣры" [153]). Какъ предметъ семинарскаго преподаванія, калмыцкій языкъ введенъ былъ въ Астраханской Семинаріи только по докладу исправляющаго должность синодальнаго оберъ-прокурора Нечаева (24 дек. 1832 г.) съ цѣлію преподаванія Калмыкамъ Слова Божія; для болѣе успѣшнаго хода дѣла полагалъ онъ полезнымъ воспитывать въ калмыцкомъ классѣ и нѣсколько человѣкъ молодыхъ Калмыковъ изъ новообращенныхъ семей. Это представленіе было утверждено, и въ 1833 г. открытъ при Астраханской Семинаріи классъ калмыцкаго языка [154]).

---

[149]) Отчеты оберъ-прокурора св. Синода.

[150]) Газета „Амуръ", 1862, № 19. Отчетъ оберъ-прокурора св. Синода за 1849 г. стр. 56.

[151]) Епарх. Ирк. Вѣд. 1864, № 34.

[152]) Отчеты оберъ-прокурора св. Синода.

[153]) Полное собр. законовъ, т. X, № 7335.

[154]) *К. Костенковъ* „О распространеніи Христіанства у Калмыковъ" (Ж. Мин. Нар. Пр. 1869, ч. 144, стр. 145-6). Въ отчетѣ оберъ-прокурора св. Синода за 1839 г. говорится, что только въ этомъ году открытъ былъ при Астрах. Семин. классъ калмыцкаго языка.

Изученіе калмыцкаго языка не было обязательнымъ для всѣхъ семинаристовъ: имъ занимались только желающіе. На преподаваніе этого языка въ Семинаріи обращалось очень мало вниманія; ученики выучивались только читать и писать, самого-же языка вовсе не знали, такъ какъ не посылались въ степь для окончательнаго изученія его на мѣстѣ. Дѣйствительную пользу дѣлу просвѣщенія Калмыковъ Христіанскимъ Ученіемъ принесли только священники изъ природныхъ Калмыковъ, каковы: Алексѣевъ, Башкинъ, Здравомысловъ [155]).

Затѣмъ началось въ Астраханской Семинаріи преподаваніе и татарскаго языка. Калмыцкому языку въ 1850 году обучалось 13 ч. въ 1851 — 13; въ 1852 — 17; въ 1853 — 15; въ 1855 — 13; въ 1856 — 10; въ 1859 — 9; въ 1860 — 9; въ 1866 — 11; въ 1867 — 10; въ 1869 — 9; въ 1870 — 6; въ 1873 — 6; въ 1874 — 6. Татарскому: въ 1866 — 8; въ 1867 — 8; въ 1876 — 5. [156]).

Саратовская Семинарія. Одновременнно съ Астраханской утверждено было (также по представленію оберъ-прокурора Нечаева) учрежденіе класса калмыцкаго языка и въ Саратовской семинаріи. Самое-же открытіе этого класса состоялось только въ 1848 г. [157]).

Впослѣдствіи, въ 1856, въ этой семинаріи введено преподаваніе татарскаго языка, который преподается и въ настоящее время (калмыцкій не преподается).

Въ 1850 г. татарскому языку обучалось 40 воспитавниковъ; въ 1851 — 29; въ 1856 — 38; въ 1859 — 53; въ 1860 — 47; въ 1866 — 23; въ 1868 — 30; въ 1869 — 28; въ 1870 — 25; въ 1871 — 5. [158]).

Тобольская Семинарія. Открыта была въ 1744 году митрополитомъ Антоніемъ Нарожницкимъ, преподаваніе-же татарскаго языка введено въ ней лишь съ 1783 года [159]). Затѣмъ языкъ этотъ былъ исключенъ изъ числа предметовъ обученія, и вновь открыта тамъ каѳедра татарскаго языка лишь съ 1846 года [160]).

Въ 1850 году обучалось ему 7 человѣкъ; въ 1851 — 6; въ 1852 — 8; въ 1853 — 23; въ 1855 — 20; въ 1856 — 15; въ 1859 —

---

[155]) *Костенковъ* «О распространеніи Христіанства у Калмыковъ».

[156]) Отчеты оберъ-прокурора св. Синода.

[157]) *К. Костенковъ* «О распростр. Христіанства у Калмыковъ»; Отчеты оберъ-прокурора за 1846 и 1848 годы.

[158]) Отчеты оберъ-прокурора св. Синода.

[159]) Ж. Мин. Нар. Пр. 1854 г. ч. 81, V, 55.

[160]) Отчетъ оберъ-прокурора св. Синода за 1846 г. стр. 66.

22; въ 1860 — 12; въ 1866 — 29; въ 1867 — 14; въ 1868 — 24; въ 1869 — 18; въ 1870 — 11; въ 1871 — 17 [161]).

Вятская Семинарія. Одновременносъ Тобольской, въ 1846 году, открыта каѳедра татарскаго языка и въ Вятской семинаріи. Въ той и другой каѳедры этого языка замѣщены были лучшими воспитанниками Казанской Академіи. Въ настоящее время, вмѣсто татарскаго, тамъ преподается, съ 1855 года, черемисскій языкъ. Въ 1859 г. ему обучалось 17 ч.; въ 1870 — 11; въ 1871 — 28; въ 1872 — 12; въ 1873 — 19; въ 1874 — 16; въ 1876 — 49 воспитанниковъ.

Уфимская Семинарія. Въ этой семинаріи преподаются языки татарскій и чувашскій. Первому изъ нихъ обучались: въ 1859 г. — 10; въ 1860 — 7; въ 1866 — 8; въ 1867 — 16; въ 1868 — 22 въ 1870 — 27; въ 1872 — 17 человѣкъ. Второму: въ 1860 — 8; въ 1866 — 5; въ 1867 — 11; въ 1868 — 7; въ 1870 — 69; въ 1872 — 9 человѣкъ [162]).

Оренбургская Семинарія. Въ ней преподавались языкы татарскій и чувашскій. Въ 1850 г. татарскому обучалось 7 учениковъ; въ 1851 — 13; въ 1852 — 12; въ 1853 — 17; въ 1855 — 8; въ 1856 — 21. Чувашскому въ 1850 — 19; въ 1851 — 17; въ 1852 — 18; въ 1853 — 14; въ 1855 — 15; въ 1856 — 27 учениковъ [163]).

Симбирская Семинарія. Преподаются въ ней языки татарскій (распоряженіе о его открытіи послѣдовало въ 1846, преподаваніе же началось съ 1848 года) и чувашскій. Первому обучались: въ 1851 году — 21 человѣкъ; въ 1852 — 21; въ 1853 — 26; въ 1855 — 32; въ 1856 — 28; въ 1859 — 16; въ 1860 — 54; въ 1866 — 44; въ 1867 — 32; въ 1868 — 36. Второму: въ 1856 г. — 53; въ 1860 — 58; въ 1866 — 47; въ 1867 — 36; въ 1868 — 41 человѣкъ [164]). Преподавателями опредѣлены были воспитанники Казанской Академіи.

Тамбовская Семинарія. Въ ней преподавался татарскій языкъ, которому въ 1850 г. обучалось 24 ученика; въ 1851 — 16; въ 1852 — 16; въ 1853 — 49; въ 1855 — 20; въ 1856 — 19; въ 1859 — 30; въ 1860 — 31 [165]).

Самарская Семинарія. Постановленіе о введеніи въ ней преподаванія татарскаго языка утверждено въ декабрѣ 1867 года; но

---

[161]) Отчеты оберъ-прокурора св. Синода.
[162]) Тамъ же.
[163]) Тамъ же.
[164]) Тамъ же.
[165]) Тамъ же.

преподаваніе его началось еще раньше. Въ 1859 г. ему обучалось 33 человѣка; въ 1860 — 29; въ 1866 — 15; въ 1867 — 62; въ 1869 — 34; въ 1870 — 26; въ 1871 — 27; въ 1876 — 32. [166]).

Томская Семинарія. Въ ней преподается татарскій языкъ. Въ 1859 г. его изучали 11; въ 1866 — 16; въ 1867 — 46; въ 1868 — 35; въ 1869 — 20; въ 1870 — 18; въ 1871 — 22; въ 1872 — 19 въ 1873 — 26; въ 1874 — 29 воспитанниковъ [167]).

Пермская Семинарія. Въ ней также преподавался татарскій языкъ. Въ 1869 г. ему обучалось 17; въ 1871 — 5; въ 1876 — 10 человѣкъ [168]).

Якутская Семинарія. Въ ней введенъ въ число предметовъ преподаванія мѣстный языкъ якутскій, которому въ 1850 г. обучалось 29 ч.; въ 1851 — 41; въ 1852 — 66; въ 1853 — 29; въ 1855 — 16; въ 1856 — 16; въ 1859 — 28; въ 1860 — 35; въ 1868 — 18 человѣкъ [169]).

Херсонская Семинарія. Въ ней преподавался татарскій языкъ крымскаго нарѣчія, которому обучались въ 1852 году 13 слушателей; въ 1855 — 16; въ 1856 — 6; въ 1859 — 6; въ 1860 — 6; въ 1868 — 18. [170]).

Донская Семинарія. Въ этой семинаріи преподавался калмыцкій языкъ, которому обучалось: въ 1869 году — 25; въ 1870 — 21; въ 1876 — 14 человѣкъ [171]).

Кавказскія семинаріи.

Тифлисская. Въ ней преподавались языки: грузинскій, татарскій и осетинскій. Грузинскій языкъ введенъ былъ въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія; для него не было отдѣльной каѳедры, какъ для двухъ другихъ языковъ, а преподаваніе его навязывалось какому-нибудь учителю семинаріи изъ туземцевъ, по одному уроку въ недѣлю, и при томъ безплатно, почему преподаваніе его шло очень плохо. По свидѣтельству г. Кикодзе, семинаристы Тифлисской Семинаріи — а главная ихъ масса была Грузины — находясь

---

[166]) Извѣстія по Казанской Епархіи за 1870 г. № 24; Отчеты оберъ-прокурора св. Синода.

[167]) Отчеты оберъ-прокурора св. Синода.

[168]) Тамъ же.

[169]) Тамъ же.

[170]) Тамъ же.

[171]) Тамъ же.

въ ней по-грузински забывали, а по-русски не выучивались [172]). По введеніи устава духовныхъ училищъ 1868 года, въ Тифлисской Семинаріи оставлено обученіе языкамъ татарскому и осетинскому, но только для желающихъ [173]). Въ 1871 году, вслѣдствіе ходатайства преосвященнаго экзарха Грузіи, св. Синодъ разрѣшилъ назначить упражненія въ чтеніи грузинскихъ богослужебныхъ книгъ въ четырехъ старшихъ классахъ семинаріи, по одному уроку въ недѣлю; грамматическое-же изученіе грузинскаго языка начать съ приготовительнаго класса. Что касается языковъ татарскаго и осетинскаго, то классы ихъ разрѣшены были въ послѣобѣденное время, если Общество Распространенія Православнаго Христіанства на Кавказѣ ассигнуетъ на жалованье преподавателямъ суммы изъ собственныхъ средствъ [174]).

Татарскому языку обучалось въ Тифлисской Семинаріи въ 1851 году — 44 человѣка; въ 1852 — 38; въ 1855 — 38; въ 1856 — 38; въ 1859 — 40; въ 1860 — 56; въ 1866 — 76; въ 1867 — 51; въ 1868 — 72; въ 1869 — 52; въ 1870 — 65; въ 1871 — 85. Осетинскому: въ 1852 — 61; въ 1855 — 58; въ 1856 — 61; въ 1859 — 67; въ 1860 — 67; въ 1866 — 85; въ 1867 — 50; въ 1868 — 82; въ 1869 — 85; въ 1870 — 97; въ 1871 — 85. Грузинскому: въ 1866 — 143; въ 1867 — 40; въ 1868 — 149 воспитанниковъ [175]).

Кавказская (Ставропольская). Открыта въ 1846 году, и тогда же введено въ ней преподаваніе языковъ калмыцкаго и татарскаго, и предположено ввести осетинскій языкъ. Это послѣднее предположеніе и было осуществлено въ 1847 году [176]). Всѣ означенные языки преподавались вмѣсто еврейскаго, французскаго и нѣмецкаго.

Въ 1860-хъ годахъ преосвященный кавказскій, для распространенія православной вѣры между инородцами, посылалъ на свой счетъ, въ каникулярное время, нѣсколько воспитанниковъ Семинаріи въ Большедербетовскій калмыцкій улусъ для практики въ калмыцкомъ языкѣ; два воспитанника посланы были для упражненій въ татарскомъ языкѣ, и два же — въ осетинскомъ и черкесскихъ нарѣчіяхъ [177]).

---

[172]) Православное Обозрѣніе за 1862, ч. VIII: „Письмо изъ Тифлиса" *М. Кикодзе.*

[173]) Отчетъ оберъ-прок. св. Синода за 1872 г. стр. 100.

[174]) Отчетъ оберъ-прок. св. Синода за 1873 г. стр. 125 - 7.

[175]) Отчеты оберъ-прок. св. Синода.

[176]) Отчеты оберъ-прок. за 1846 и 1847 годы.

[177]) Отчетъ оберъ-прок. св. Синода за 1868 г.

Татарскому языку обучались въ Ставропольской Семинаріи въ 1850 году — 55; въ 1851 — 69; въ 1852 — 27; въ 1853 — 47; въ 1855 — 40; въ 1856 — 38; въ 1859 — 39; въ 1860 — 33; въ 1866 — 37; въ 1867 — 51; въ 1868 — 31; въ 1869 — 26; въ 1870 — 27; въ 1871 — 27; въ 1872 — 8; въ 1873 — 5; въ 1874 — 2; въ 1876 — 5 воспитанниковъ. Калмыцкому: въ 1850 году — 74; въ 1851 — 80; въ 1852 — 50; въ 1853 — 50; въ 1855 — 50; въ 1856 — 45; въ 1859 — 47; въ 1860 — 46; въ 1866 — 45; въ 1867 — 50; въ 1868 — 26; въ 1869 — 25; въ 1870 — 6; въ 1871 — 27; въ 1872 — 6; въ 1873 — 4; въ 1874 — 5. Осетинскому: въ 1852 году — 65; въ 1853 — 51; въ 1855 — 45; въ 1856 — 43; въ 1859 — 54; въ 1860 — 50; въ 1866 — 44; въ 1867 — 40; въ 1868 — 31; въ 1869 — 30; въ 1870 — 27; въ 1871 — 25; въ 1872 — 6; въ 1873 — 11; въ 1874 — 5 воспитанниковъ [178]).

Изъ отчета оберъ-прокурора св. Синода, графа Д. А. Толстаго, по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1876 годъ видно, что въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ, ради миссіонерскихъ цѣлей, продолжалось преподаваніе восточныхъ языковъ, а именно въ семинаріяхъ: Астраханской, Вятской, Донской, Иркутской, Пермской и Самарской.

III. Духовныя Училища.

Во многихъ духовныхъ училищахъ, также какъ и въ семинаріяхъ, въ виду мѣстныхъ потребностей, вводилось обученіе мѣстнымъ языкамъ, взамѣнъ еврейскаго, который по уставу долженъ былъ преподаваться и въ духовныхъ училищахъ. Въ этихъ училищахъ положено имѣть три класса (высшій, средній и низшій) съ двухъгодичнымъ курсомъ въ каждомъ.

Восточные языки преподавались въ слѣдующихъ училищахъ:

Въ *Нижегородскомъ* — татарскій. Впослѣдствіи классъ этотъ былъ переведенъ въ училище основанное въ Арзамасѣ [179]).

Въ *Пензенскомъ* — татарскій.

Въ *Далматовскомъ* — татарскій.

Въ *Казанскомъ* — татарскій, чувашскій, черемисскій.

Въ *Чебоксарскомъ* — чувашскій и черемисскій.

Въ *Чистопольскомъ* — татарскій.

Въ *Оренбургскомъ* — татарскій.

Въ *Пермскомъ* — татарскій.

---

[178]) Отчеты оберъ-прок. св. Синода.

[179]) Отчетъ оберъ-прокур. св. Синода за 1838 г.

Въ *Екатеринбургскомъ* — татарскій.

Въ *Тобольскомъ* — татарскій.

Въ *Иркутскомъ* — монгольскій. Онъ преподавался въ этомъ училищѣ еще въ 1830-хъ годахъ, когда оно было свѣтскимъ; съ преобразованіемъ-же его въ духовное, означенный языкъ сталъ, съ 1860 года, преподаваться во всѣхъ трехъ классахъ [180]).

Въ *Нерчинскомъ* — монгольскій, введенный тамъ по ходатайству епископа Иринея, для болѣе даровитыхъ мальчиковъ; смѣнившій-же Иринея, архіепископъ Милетій, сдѣлалъ его обязательнымъ для всѣхъ учениковъ [181]).

Въ *Якутскомъ* — якутскій.

Въ *Благовѣщенскомъ* — маньчжурскій.

Въ *Астраханскомъ* — татарскій и калмыцкій. Послѣдній введенъ въ 1839 году [182]).

Въ *Ставропольскомъ* — татарскій и калмыцкій.

Въ *Владикавказскомъ* — осетинскій.

Въ *Тифлисскомъ* — татарскій, черкесскій, осетинскій, грузинскій.

Въ *Кутаисскомъ* — татарскій, черкесскій, осетинскій, грузинскій.

Въ *Телавскомъ* — татарскій, черкесскій, осетинскій, грузинскій.

Въ *Горійскомъ* уѣздномъ—грузинскій.

Въ *Горійскомъ* приходскомъ—осетинскій.

Бъ *Мингрельскомъ* — грузинскій.

По уставу духовныхъ училищъ 1869 года восточные языки были исключены изъ числа учебныхъ предметовъ. Только въ училищахъ Грузинскаго Экзархата допущено преподаваніе грузинскаго языка, какъ вспомогательнаго средства для изученія русскаго. Но затѣмъ разрѣшено открыть тамъ классъ татарскаго и осетинскаго языковъ въ тѣхъ училищахъ гдѣ Общество Распространенія Православнаго Христіанства на Кавказѣ найдетъ это нужнымъ для миссіонерскихъ цѣлей, и приметъ на свой счетъ содержаніе учителей [183]).

По послѣднему отчету о духовныхъ училищахъ за 1876 годъ, оказывается, что только въ одномъ училищѣ, Астраханскомъ, преподается калмыцкій языкъ, которому обучаются 7 учениковъ [184]).

---

[180]) Иркутскія епархіальныя вѣдомости за 1863 г. № 6.

[181]) Газета „Амуръ" 1862 г. № 19.

[182]) Отчетъ оберъ-прокур. св. Синода за 1839 г.

[183]) Отчетъ оберъ-прокурора св. Синода за 1872-1873 уч. годъ.

[184]) Отчетъ оберъ-прокурора св. Синода за 1876 г. Таблица № 17.

В. Военнаго Вѣдомства.

I. Военная Академія.

Въ 1853 году, побуждаясь тогдашними политическими обстоятельствами Европы, профессоръ А. К. Казембекъ вызвался читать безвозмездно лекціи турецкаго языка для офицеровъ Генеральнаго Штаба и Военной Академіи. Въ слѣдующемъ году онъ кончилъ свой курсъ, состоявшій изъ 63 лекцій, и, въ дополненіе къ нему, напечаталъ грамматику турецкаго языка [185]). Затѣмъ, это временное преподаваніе не возобновлялось болѣе въ Академіи.

II. Азіатская Школа въ Омскѣ.

Учреждена была въ 1789 году, для приготовленія переводчиковъ по пограничному управленію Сибирской Линіи. Введено въ ней было преподаваніе трехъ, наиболѣе необходимыхъ, языковъ: татарскаго, монгольскаго и маньчжурскаго. Для перваго изъ нихъ положенъ комплектъ въ 20 учениковъ при одномъ учителѣ; для монгольскаго, вмѣстѣ съ маньчжурскимъ — 5 учениковъ при двухъ учителяхъ (для каждаго языка отдѣльно). Въ число учениковъ принимались сперва только казачьи дѣти Сибирскаго Линейнаго Войска, а затѣмъ допущены были и дѣти чиновниковъ изъ магометанъ, служившихъ въ пограничномъ штатѣ. На содержаніе Школы отпускалось 531 р. 35 к. въ годъ; въ 1821 году сумма эта была увеличена до 5000 р., а вскорѣ послѣ того и еще возросла (одна часть отпускалась изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, другая — изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія).

Въ 1821 году разрѣшено было изъ числа 25 учениковъ Школы посылать 6 человѣкъ, для лучшаго изученія восточныхъ языковъ, въ Казанскую Гимназію, съ платою за нихъ по 600 рублей въ годъ, пока не поступятъ въ тамошній университетъ, который долженъ былъ содержать ихъ на свой счетъ [186]). Вслѣдъ затѣмъ постепенно стали вводиться въ Азіатскую Школу: Законъ Божій, русскій языкъ, географія, исторія и первыя основанія математики.

По Высочайшему повелѣнію 20 декабря 1836 года, Омская Азіат-

---

[185]) Актъ въ С.-Петербург. Университетѣ 8 февраля 1854, стр. 29 - 30; актъ 8 февраля 1855 г.

[186]) Это распоряженіе относилось только къ ученикамъ татарскаго класса, такъ какъ другихъ языковъ въ Казанской Гимназіи въ то время еще не преподавалось.

ская Школа была уничтожена, и воспитанники ея, въ числѣ 20 человѣкъ, переведены въ Омское же Училище Сибирскаго Линейнаго Казачьяго Войска, куда по этому случаю прибавлены три учителя для обученія учениковъ восточнымъ языкамъ (также переведенные изъ прежней школы), при чемъ комплектъ учениковъ увеличенъ до 30; а такъ какъ имѣлось въ виду выпускать изъ нихъ на службу въ Сибирскій Корпусъ Топографовъ, то введены были, вмѣстѣ съ тѣмъ, и другія необходимыя для того науки. Книги и вещи упраздненной школы перешли въ Училище, а двухъ находившихся въ Казанскомъ Университетѣ воспитанниковъ Школы положено содержать тамъ казеннокоштными студентами до окончанія курса. Училище поступило въ вѣдѣніе Военнаго Министерства [187]).

Въ 1859 году, въ Омскомъ Училищѣ (въ которомъ, сверхъ прежняго комплекта 30 человѣкъ казачьихъ дѣтей для приготовленія на службу въ Сибири переводчиковъ монгольскаго и татарскаго языковъ, положено имѣть еще 20 казачьихъ малолѣтковъ для приготовленія учителей въ степныя школы Сибирскаго Линейнаго Казачьяго Войска) состояло 33 воспитанника, изъ которыхъ 7 выпущено на службу переводчиками, а 5 исключены по неспособности къ наукамъ; вновь прибыло 12. Къ 1861 г. состояло 34 (прибыло 8, на службу опредѣлено 5, исключено 2). Въ 1863 г. комплектъ учениковъ положенъ въ 40 человѣкъ. Въ этомъ году учениковъ числилось 38, въ слѣдующемъ — 36; въ 1865 вышло въ переводчики 6 человѣкъ [188]).

Въ 1866 г. возникъ вопросъ: признается-ли полезнымъ сохранить при Омскомъ Училищѣ особое отдѣленіе для приготовленія переводчиковъ татарскаго и монгольскаго языковъ? По обсужденіи этого вопроса Военнымъ Министерствомъ, рѣшено было преподаваніе означенныхъ языковъ продолжать; а такъ какъ вскорѣ послѣ того Омское Училище было преобразовано въ военную прогимназію, то въ число преподававшихся въ ней предметовъ введены были и оба помянутые языка [189]).

III. Неплюевское Военное Училище.

Оренбургскій Край, для сношеній съ народами Средней Азіи и для управленія инородцами въ немъ обитающими, долженъ, былъ,

---

[187]) Ж. М. Н. Просвѣщ. за 1836 годъ, ч. 12 стрн. 607 - 8; Сборникъ постановленій по Мин. Нар. Пр. II, 950—951.

[188]) Отчеты военнаго министра за 1859, 60, 61, 62, 63 и 65 года.

[189]) Отчетъ военного министра за 1866 годъ.

съ самаго пріобрѣтенія его, нуждаться въ людяхъ изучившихъ мусульманскіе языки. Такъ, Кириловъ, основатель и первый начальникъ Оренбурга, просилъ прислать ему нѣсколько офицеровъ изъ кадетскаго корпуса для изученія восточныхъ языковъ [190]). Была ли эта просьба исполнена, неизвѣстно. Принимались послѣ того и другія мѣры для пріобрѣтенія переводчиковъ (особыя школы при состоявшихъ на службѣ переводчикахъ).

Упрочилось-же преподаваніе восточныхъ языковъ въ Оренбургѣ съ основанія тамъ въ 1824 году военнаго училища, названнаго *Неплюевскимъ*, въ честь правившаго Оренбургомъ въ прошломъ столѣтіи губернатора Неплюева, сдѣлавшаго значительный вкладъ на устройство въ Оренбургѣ училища. Заведеніе это учреждалось для дѣтей офицеровъ служащихъ въ иррегулярныхъ войскахъ Отдѣльнаго Оренбургскаго Корпуса, для дѣтей Азіатцевъ, не состоящихъ въ прочномъ подданствѣ, а также для всѣхъ свободнаго состоянія дѣтей. Полный комплектъ опредѣленъ въ 40 воспитанниковъ; курсъ ученія назначенъ шестилѣтній; классовъ три: высшій, средній и нисшій. Главное назначеніе воспитанниковъ — въ переводчики и толмачи. Въ число общихъ и военныхъ предметовъ введены были восточные языки: арабскій, татарскій и персидскій. Въ нисшемъ классѣ положено преподавать грамматику арабскаго, татарскаго и персидскаго языковъ; въ среднемъ — синтаксисъ ихъ, и сочиненія по правиламъ грамматики; въ высшемъ — чтеніе авторовъ на арабскомъ татарскомъ и персидскомъ языкахъ [191]).

На первое время Неплюевское Училище, какъ и многія другія учебныя заведенія относительно восточныхъ языковъ, вело свое дѣло очень энергично, благодаря хорошему выбору наставниковъ; но потомъ пошло хуже и хуже. При всемъ томъ, оно до послѣдняго времени постоянно снабжало, какъ мѣстный край, такъ впослѣдствіи и Туркестанскій, переводчиками и толмачами, хотя и плохо подготовленными къ своей спеціальности. Съ преобразованіемъ Неплюевскаго Военнаго Училища въ Оренбургскую Военную Гимназію, восточные языки держались тамъ еще нѣкоторое время, пока преподаваніе ихъ не было окончательно, въ послѣдніе годы, упразднено.

---

[190]) *Левшинъ* „Описаніе Киргизъ-кайсацкихъ Ордъ и Степей", ч. II, 112, примѣчаніе.

[191]) Полное собраніе указовъ, № 29770; Книга указовъ Правит. Сената 1824 г. подъ № 60; „Азіатскій Вѣстникъ" 1825 г.; Собраніе постановленій по Мин. Нар. Пр. I, 1113—1116.

IV. Военныя гимназіи и прогимназіи.

Преобразованіе бывшихъ кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи началось съ 1863 года. Изъ корпусовъ этихъ, Оренбургскій (Неплюевскій) и Сибирскій положено обратить въ гимназіи въ 1866 году, при чемъ Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ Заведеній выработанъ былъ проектъ особаго положенія о приготовленіи переводчиковъ восточныхъ языковъ при Оренбургской и Омской военныхъ прогимназіяхъ. Проектъ этотъ былъ Высочайше утвержденъ въ апрѣлѣ 1869 года [192]).

Въ *Сибирской Гимназіи* изъ восточныхъ языковъ преподавали только одинъ татарскій, и то лишь до 1875 года.

При *Оренбургской Прогимназіи* учреждено было особое отдѣленіе на 40 воспитанниковъ, которые обучались персидскому и татарскому языкамъ, для службы въ должности переводчиковъ восточныхъ языковъ въ Оренбургскомъ и Туркестанскомъ военныхъ округахъ. Вскорѣ послѣ того возникло предположеніе объ учрежденіи въ Оренбургѣ особаго спеціальнаго заведенія для изученія восточныхъ языковъ лицами получившими уже общее образованіе и предназначающими себя къ служебной дѣятельности въ Оренбургскомъ и Туркестанскомъ округахъ. Вслѣдствіе этого, въ августѣ 1875, состоялось Высочайше утвержденное положеніе Военнаго Совѣта о прекращеніи преподаванія въ Оренбургской (Неплюевской) и Сибирской военныхъ гимназіяхъ татарскаго языка (и персидскаго), вмѣсто котораго сдѣлано въ этихъ заведеніяхъ обязательнымъ для всѣхъ воспитанниковъ изученіе языковъ французскаго и нѣмецкаго [193]).

Въ *Омской Прогимназіи*, возникшей изъ Омскаго Казачьяго Училища въ 1869 году, также учреждено было отдѣленіе на 30 воспитанниковъ для приготовленія переводчиковъ В. Я. на службу въ Западно-Сибирскомъ Военномъ Округѣ. Но въ 1871 оно было упразднено, такъ какъ, со введеніемъ въ дѣйствіе новаго положенія объ управленіи Киргизскими Степями, упразднились тѣ должности которыя предстояло замѣщать воспитанниками окончившими курсъ въ означенномъ отдѣленіи [194]).

---

[192]) Отчеты военнаго министра за 1866 и 68 гг.

[193]) Отчеты военнаго министра за 1869, 1874 и 1875 гг.

[194]) Отчетъ военнаго министра за 1869 г.

Б. Языки Востока по отношенію къ лицамъ преподававшимъ ихъ и изучавшимъ.

I. Японскій Языкъ.

Раньше другихъ языковъ Востока посчастливались у насъ японскому. Покореніе Камчатки обѣщало Россіи важныя торговыя сношенія съ Японіей и обратило вниманіе Петра Великаго на это государство. Ничего не дѣлая какъ-нибудь, великій императоръ и въ этомъ случаѣ имѣлъ въ виду положить прочныя основанія торговлѣ съ Японіей и облегчить, какъ торговымъ людямъ, такъ и ученымъ, сношенія съ нею, подготовивъ *своихъ*, свѣдующихъ въ японскомъ языкѣ, людей.

Случай къ осуществленію этой мысли представился скоро. Въ самомъ началѣ XVIII столѣтія выброшенъ былъ бурею на берегъ Камчатки японецъ *Денбей*, который и препровожденъ въ Анадырскій острогъ. Узнавъ о томъ, Императоръ, указомъ отъ 16 апрѣля 1702, повелѣлъ отослать его изъ Сибирскаго Приказа въ Приказъ Артиллеріи „для ученія русскаго языка и грамоты, а какъ онъ Денбей русскому языку и грамоты изучится, и ему Денбею учить своему японскому языку и грамотѣ робятъ человѣкъ четырехъ или пяти“ [195]). Черезъ три съ половиной года, указомъ отъ 16 октября 1705, на имя генералъ-фельдцейхмейстера царевича Александра Арчиловича и генералъ-маіора Брюса, Императоръ дѣлалъ запросъ: выучился ли Денбей русскому языку и грамотѣ въ Приказѣ Артиллеріи, и своему языку и грамотѣ робятъ сколько человѣкъ выучилъ, и нынѣ учитъ-ли? [196])

Результатомъ этого запроса явилась, въ томъ же 1705 году, особая *Школа для изученія японскаго языка*, открытая въ Петербургѣ. Надзоръ за этой школой порученъ былъ Сенату: такое серьезное значеніе приписывалось дѣлу при первомъ къ нему приступѣ. Какой комплектъ учениковъ положенъ былъ въ ней, и сколько ихъ въ ней обучалось, неизвѣстно. Но, принимая во вниманіе, что переводчиковъ японскаго языка могло потребоваться небольшое число, и что Петръ Великій разсчитывалъ обучить этому

---

[195]) См. статью *П. Иванова* „Распоряженіе Петра Великаго объ обученіи въ Россіи японскому языку“ (въ „Вѣстникѣ“ Имп. Рус. Геогр. Общ. 1856 г. т. 7); и статью *А. Сгибнева* „Объ обученіи въ Россіи японскому языку“ (въ Морскомъ Сборникѣ 1868 г. декабр. кн.). Свѣдѣнія, сообщаемыя въ этой послѣдней статьѣ, извлечены изъ дѣлъ иркутскаго и якутскаго архивовъ.

[196]) *П. Ивановъ*, l. c.

языку человѣкъ четырехъ или пять, можемъ заключить, что и Школа разсчитана была не на бо̀льшее число учениковъ; а въ дѣйствительности обучалось ихъ, какъ увидимъ, и того меньше. Не извѣстно также откуда взяты были первые ученики, и только впослѣдствіи уже узнаёмъ, что это были солдатскія дѣти. Этимъ обстоятельствомъ приходится объяснять и то положеніе какимъ пользовались ученики японской школы: они до самой смерти своей оставались учениками, и всю жизнь должны были учиться японскому языку. Требовались переводчики этого языка — ихъ брали изъ учениковъ японской школы; прекращалась въ нихъ надобность— ихъ возвращали въ школу, гдѣ они опять числились учениками.

Первымъ учителемъ былъ японецъ *Денбей*. Но вслѣдствіе-ли того, что одного учителя оказывалось недостаточно, или вслѣдствіе заботливости относительно японца-учителя на будущее время, только Сенатъ неоднократно просилъ Сибирскій Приказъ выслать въ Петербургъ еще одного японца для подготовленія въ учителя. Якутская Канцелярія приняла мѣры къ исполненію этого предписанія Сената, и сообщила камчатскимъ ясашнымъ сборщикамъ, чтобы они, въ случаѣ новаго крушенія у береговъ японской бусы, доставили въ Якутскъ японца *для подлиннаго вѣдома*. Сборщики въ свою очередь, повѣстили по острожкамъ, чтобы занесенныхъ бурею Японцевъ доставлять въ Верхнекамчатскій острогъ [197]).

И вотъ въ 1711 г. отправленъ былъ въ Петербургъ японецъ *Санима*, спасшійся съ разбившейся, въ апрѣлѣ 1710, бусы у Халигарской Губы. Санима и былъ назначенъ помощникомъ Денбею [198]).

Денбея и Саниму смѣнили японцы *Шульцъ* и *Поморцевъ*. Въ архивныхъ дѣлахъ находятся о нихъ слѣдующія подробности. Въ іюлѣ 1729 года къ Камчатской-Лопаткѣ прибило бусу, на которой находилось 17 человѣкъ Японцевъ. Казачій пятидесятникъ Штинниковъ соблазнился товаромъ этихъ Японцевъ и, подговоривъ нѣсколько человѣкъ Камчадаловъ, напалъ на бусу, убилъ 15 человѣкъ изъ ея экипажа, а оставшихся въ живыхъ двоихъ Японцевъ (старика да мальчика 11-ти лѣтъ) взялъ въ „холопство". Такой поступокъ пятидесятника скоро сталъ извѣстенъ тамошнему начальству, и камчатскій ясашный сборщикъ Новгородовъ заковалъ Штинникова въ кандалы и посадилъ въ острогъ, а Японцевъ отправилъ (1731 г.) въ Якутскъ, откуда они съ курьеромъ пре-

---

[197]) Объ обученіи въ Россіи яп. яз. стр. 55.

[198]) Тамъ же, и „Морскія путешествія" (См. Сочиненія и переводы къ пользѣ и увеселенію служащіе. 1758 г. т. I, стр. 304-5).

провождены были въ Петербургъ. Здѣсь ихъ обучили русскому языку и началамъ христіанской религіи, послѣ чего окрестили: одного подъ именемъ Кузьмы, а другаго — Демьяна (прежде назывались *Соза* и *Гонза*); при этомъ первый получилъ фамилію Шульцъ, второй—Поморцевъ. Затѣмъ въ 1735 году, по указу Сената, назначили ихъ учителями въ Японскую Школу, гдѣ и обучали они учениковъ, которые уже говорили и писали по-японски не худо [199]).

Шульцъ умеръ въ 1736 году, и учителемъ въ школѣ состоялъ въ 1739 году одинъ Поморцевъ, а учениковъ у него было двое [200]). Въ томъ же году число послѣднихъ увеличено тремя новыми. Узнаёмъ объ этомъ изъ сенатскаго указа отъ 18 іюля 1739 года гдѣ сообщается слѣдующее: „По указу Ея Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ, по челобитнымъ обрѣтающагося въ Академіи Наукъ для обученія, японца Демьяна Поморцева [201]) и учениковъ его солдатскихъ дѣтей Петра Шенаныкина и Андрея Фенева, приказалъ: оному японцу Поморцеву жалованья давать въ годъ по сту рублевъ, и объявить ему чтобъ онъ опредѣленныхъ къ нему въ ученики для японскаго языка обучалъ, такожъ и самъ въ Академіи обучался со всякимъ прилежаніемъ, за что впредь и наипаче Ея Императорскаго Величества милостію награжденъ будетъ, а объявленнымъ ученикамъ Шенаныкину и Феневу жалованья впредь производить солдатске противъ армейскихъ; и для того ихъ изъ солдатскихъ школъ выключить, да къ ономужъ японцу изъ той же школы дать еще для обученія трехъ человѣкъ, которымъ жалованья на первый случай давать, какое имъ до нынѣ въ той школѣ производилось [202]).

Въ первый разъ свои переводчики употреблены были въ дѣло

---

[199]) Объ обученіи въ Россіи яп. яз. стр. 56; „Сочиненія и переводы къ пользѣ и увеселенію служащіе", годъ 1758, майская книга, стр. 415.

[200]) У *Словцова* въ „Историческомъ обозрѣніи Сибири" говорится, что японскій языкъ при Академіи началъ преподаваться съ половины 1736 г. (кн. 1, стр. 369). По смерти Шульца и Поморцова, ученики продолжали заниматься японскимъ языкомъ можетъ быть подъ руководствомъ *Андрея Богданова*, сына японца спасшагося отъ бури въ 1710 году. Богдановъ, какъ извѣстно, занимался при Академіи японскимъ языкомъ и впослѣдствіи состоялъ при ней библіотекарскимъ помощникомъ, въ какомъ званіи и умеръ въ 1768 г. См. о немъ: у *Словцова*—въ „Обозрѣніи Сибири"; у *Новикова* — въ „Опытѣ историч. Словаря".

[201]) Г. Ивановъ считаетъ этого Поморцева за одно лице съ Денбеемъ, но изъ статей г. Сгибнева и Миллера (Морскія Путешествія) видно, что Поморцевъ ничего общаго съ Денбеемъ не имѣетъ.

[202]) См. статью г. Иванова въ Вѣстникѣ геогр. общ. 1856 г. См. такж. Полное Собр. Зак. № 8041.

во время экспедиціи подъ начальствомъ капитана Шпанберга. Въ 1740 г. Шенаныкинъ и Феневъ были, по сенатскому указу, отправлены въ Охотскъ для участія въ Японской Экспедиціи. Въ 1742 г. они, въ качествѣ переводчиковъ, плавали съ капитаномъ Шпанбергомъ, на пакетботѣ „Св. Іоаннъ", къ берегамъ Японіи, а по окончаніи экспедиціи препровождены обратно въ Петербургъ [203]). Оба они оказали экспедиціи большую услугу своими свѣдѣніями въ японскомъ языкѣ, и доказали на дѣлѣ пользу учрежденной школы. Еще болѣе, поэтому, стало правительство заботиться объ увеличеніи числа переводчиковъ японскаго языка. Вслѣдъ затѣмъ раздобылась школа и учителями.

Въ 1745 г. Камчадалы доставили ясашнымъ сборщикамъ 10 человѣкъ Японцевъ. Сборщики окрестили ихъ, и девятерыхъ отослали въ Якутскъ (десятый заболѣлъ и, въ слѣдующемъ 1746, умеръ въ Большерѣцкѣ). Якутская воеводская канцелярія распорядилась оставить четырехъ Японцевъ въ Якутскѣ на казенномъ содержаніи [204]), а пятерыхъ: *Мельникова*, *Рѣшетникова*, *Свиньина*, *Панова* и *Черныхъ* препроводила, по распоряженію Сената, въ Петербургъ, гдѣ они и были опредѣлены въ школу японскаго языка находившуюся тогда при Сенатской Конторѣ [205]).

Но послѣ того Японская Школа просуществовала въ Петербургѣ не долго. Въ 1753 г. снаряжена была ученая экспедиція въ Сибирь для осмотра земель и острововъ на омывающихъ ее моряхъ. Тогда Сенатъ нашелъ болѣе удобнымъ перевести означенную школу въ Иркутскъ, поручивъ главный надзоръ надъ нею тогдашнему сибирскому губернатору Мятлеву.

Японская школа въ Иркутскѣ. Школа переселилась въ Иркутскъ въ слѣдующемъ составѣ: учителей находилось при ней трое: *Свиньинъ*, *Пановъ* и *Черныхъ* (Поморцевъ, Мельниковъ и Рѣшетниковъ умерли; двое послѣднихъ въ 1753 году), учениковъ было двое — все тѣже *Шенаныкинъ* и *Феневъ*.

Учителя и ученики прибыли въ Иркутскъ 26 мая 1754 г. Здѣсь, въ іюлѣ этого года, открылась Навигацкая Школа, и Японцы были помѣщены вмѣстѣ съ ея учениками. Жалованье учителямъ Японцамъ сенатъ назначилъ 150 руб. въ годъ [206]).

---

[203]) Вѣстникъ И. Рус. Геогр. Общ. 1853 г. кн. IV; Ж. Мин. Нар. Пр. 1853 г. ч. 80, VII, 28.

[420]) Имъ поручено было обучать учениковъ японскому языку въ Якутскѣ, гдѣ явилась, такимъ образомъ, *вторая* у насъ школа японскаго языка. См. дальше.

[205]) Объ обученіи въ Россіи япон. языку. стр. 57.

[206]) Тамъ же.

Съ переводомъ петербурской японской школы въ Иркутскъ, въ Сибири очутились двѣ школы японскаго языка, ибо четыре Японца, оставленные въ Якутскѣ въ 1746 году, обучали тамъ японскому языку одного ученика, казака *Ляпунова*. Когда Сенатъ, указомъ отъ 28 декабря 1753, на имя Иркутской Канцеляріи, постановилъ наградить наиболѣе способныхъ Японцевъ рангами коллежскихъ переводчиковъ—что̀ по табели 1722 года соотвѣтствовало чину поручика — а прочихъ распредѣлить, смотря по способностямъ и указанію Мятлева, Иркутская Канцелярія вытребовала въ Иркутскъ четырехъ находившихся въ Якутскѣ японцевъ, *Панова*, *Татаринова*, *Афанасьева* и *Трапезникова*, вмѣстѣ съ ученикомъ ихъ Ляпуновымъ. Мятлевъ-же, узнавъ о томъ, предписалъ иркутскому губернатору не вызывать Японцевъ изъ Якутска, опасаясь, что они потребуютъ себѣ такое же „большое" жалованье, какое получаютъ ихъ товарищи. Но Японцы выѣхали изъ Якутска прежде чѣмъ получалось тамъ предписаніе Мятлева, почему могли быть остановлены на пути лишь въ Илимскѣ, гдѣ и оставались до 1761 года. Въ 1757 г. высланы были къ нимъ изъ Якутска четыре казачьихъ мальчика: *Карповъ*, *Антипинъ*, *Ростовскій* и *Лундонскій* [207]).

На первое время иркутская Школа Японскаго Языка начала принимать довольно широкіе размѣры. Штурманъ Татариновъ, начальникъ Навигацкой Школы, завѣдывавшій въ тоже время и Японскою, просилъ у сибирскаго губернатора разрѣшенія перевести изъ навигацкой въ японскую школу 6 учениковъ, что̀ и было ему разрѣшено въ августѣ 1759 года. Въ слѣдующемъ, 1760, онъ, съ разрѣшенія губернатора, перевелъ въ нее еще двухъ учениковъ, а въ 1761, по его же ходатайству, присоединена къ ней и школа находившаяся въ Илимскѣ, такъ что въ Японской Школѣ явилось 7 японцевъ-учителей и 15 учениковъ [208]).

Вскорѣ, впрочемъ, и учителя, и ученики начали выбывать изъ Школы за смертію. Въ 1761 г. умеръ Шенаныкинъ, хорошо говорившій по-японски, въ 1764 — Карповъ, въ 1765 — Феневъ [209]); въ 1771 смерть похитила Ляпунова. О другихъ первоначальныхъ ученикахъ школы свѣдѣній не имѣемъ. Въ замѣнъ умершихъ Школа Японскаго Языка пополнялась учениками Навигацкой Школы. Въ августѣ 1764 г. изъ таковыхъ переведены были: *Кожевинъ*, *Суха-*

---

[207]) Тамъ же, стр. 57.

[208]) Тамъ же, стр. 58.

[209]) Въ выноскѣ у г. Сгибнева сказано, что Феневъ умеръ въ 1754 г. Предполагаю въ этомъ случаѣ типографскую опечатку.

новъ, *Будуруевъ* и *Котковъ* (который въ томъ же году умеръ); а въ 1765 — еще трое. Несмотря на то, число учениковъ въ Японской Школѣ стало уменьшаться. Къ 1767 г. ихъ оставалось всего 8 человѣкъ. Извѣстны намъ и нѣкоторыя за это время порученія, дававшіяся ученикамъ. Въ 1761 г. Лундонскій отправленъ былъ въ Большерѣцкъ, *для морскихъ вояжей*. По болѣзни онъ выѣхалъ въ Якутскъ только въ 1764-мъ, а вмѣсто него посланъ былъ туда казакъ *Ляпуновъ*, и вслѣдъ за нимъ ученикъ *Антипинъ*. Первый посылался для того чтобы безъ практики не забылъ японскій языкъ [210]). Въ 1771 г. Ляпуновъ, умеръ; тогда, по ходатайству начальника Камчатки, былъ туда посланъ переводчикъ унтеръ-офицерскаго чина *Очерединъ*, знавшій, кромѣ японскаго языка, и навигацкія науки. Въ 1772 г. четырехъ учениковъ произвели въ капралы японскаго языка [211]).

Но если выбывавшіе ученики замѣщались по мѣрѣ возможности, то выбывавшіе учителя не замѣщались никѣмъ. Умеръ *Свиньинъ* въ 1763, умеръ *Татариновъ* въ 1765; а новыхъ въ виду не имѣлось. Къ 1767 г. учителей все еще оставалось 5 человѣкъ но въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія ихъ не было уже ни одного. Содержаніе учителей въ Иркутскѣ, съ основанія тамъ Школы по 1 сентября 1767, обошлось въ 15,372 р. 17 к. [212]).

Разъ, что преподаваніе въ Школѣ зависѣло отъ чужеземныхъ учителей и при томъ случайныхъ, оно естественно должно было падать, когда учителей этихъ взять было не откуда. И вотъ, въ Школѣ оказывается только 3 ученика, при чемъ учительскія обязанности возложены были на старшаго изъ нихъ, *Туголукова*. Заботиться о Школѣ перестали, тѣмъ менѣе слѣдовало ожидать, что сами ученики будутъ заботиться о своихъ познаніяхъ въ японскомъ языкѣ. Получая самое ничтожное жалованье, ученики скоро стали искать другихъ средствъ къ существованію. Но въ 1786 г. снова обращено было вниманіе на Школу Японскаго Языка. Въ этомъ году послѣдовало Высочайшее повелѣніе отправить кругосвѣтную экспедицію подъ начальствомъ Муловскаго, при чемъ имѣлось въ виду между прочимъ завести торговыя сношенія съ Японіей. Какъ только Японская Школа обратила на себя вниманіе правительства, нашлись для нея и учителя.

---

[210]) Вѣроятно это тотъ самый Антипинъ, про котораго Словцовъ говоритъ, что въ 1775-77 гг. плавалъ къ японскимъ берегамъ якутскій дворянинъ Антипинъ, знавшій нѣсколько японскій языкъ (Истор. обозр. Сибири, ч. II).

[211]) Объ обуч. въ Россіи япон. яз. стр. 58.

[212]) Тамъ же.

145

Въ августѣ 1783 разбилась на одномъ изъ Алеутскихъ островъ, Амчитѣ, японская буса, съ которой спаслись начальникъ ея, *Кодой*, и 15 человѣкъ команды. Семеро изъ нихъ умерли на острову, остальные-же, въ 1783 году, доставлены были промышленниками въ Камчатку, откуда, по старой памяти, препровождены въ Иркутскъ. Здѣсь помѣстили ихъ, на казенномъ содержаніи, учителями Японской Школы. Но новые учителя недолго усидѣли при школѣ. *Кодой*, по собственному желанію, отправился съ Лаксманомъ въ Петербургъ, а остальные, *Синцо*, *Конга* и *Исокига*, прибыли туда же съ транспортомъ ревеня, слѣдовавшимъ изъ Кяхты. Вскорѣ послѣ того семеро изъ Японцевъ были въ 1792 году, по Высочайшему повелѣнію, препровождены обратно въ Японію [213]). Двое остальныхъ: *Созій* (*Ѳедоръ Ситниковъ*) и *Шинзо (Николай Колотыгинъ)*, какъ принявшіе христіанскую вѣру, были оставлены въ Иркутскѣ и назначены учителями японскаго языка, „который при установленіи торговыхъ сношеній съ Японіей весьма нуженъ“ [214]).

Казалось, Японская Школа должна была снова возродиться, тѣмъ болѣе что указомъ Государыни предписывалось опредѣлить въ школу пять-шесть человѣкъ семинаристовъ, а самую школу помѣстить при Иркутскомъ Народномъ Училищѣ. Но ожиданія не оправдались въ дѣйствительности. Во первыхъ: ученики шли въ школу не охотно. Иркутскій губернаторъ успѣлъ опредѣлить въ нее только трехъ семинаристовъ — *Амвросова*, *Миронова* и *Абросимова;* трое остальныхъ были назначены туда только въ 1796 году по особ му указу Сената [215]). Это были семинаристы *Кокоулинъ Порняковъ* и *Косыгинъ*. Во-вторыхъ — учителя-японцы, какъ оказалось впослѣдствіи, были люди малограмотные и принести большой пользы ученикамъ не могли.

---

[213]) Отправленіе ихъ возложено было на поручика Лаксмана, сына извѣстнаго профессора Лаксмана. Переводчикомъ при Лаксманѣ находился, упомянутый уже у насъ, Туголуковъ. Приведемъ изъ этого путешестсія интересный случай относящійся къ настоящему изложенію. Когда Лаксманъ, прибывъ въ Матсмай, принятъ былъ японскими, уполномоченными для того, чиновниками и вручилъ имъ свою грамоту, то чиновники объявили Лаксману, что японскій переводъ этой грамоты для нихъ непонятенъ. Тутъ можно видѣть, пожалуй, уловку японскихъ чиновниковъ, которые, по законамъ своей имперіи, должны были избѣгать всякихъ сношеній съ Европейцами; но мы скорѣе готовы приписать ихъ отвѣтъ дѣйствительно малому знакомству съ японскимъ языкомъ нашихъ домашнихъ переводчиковъ, тѣмъ болѣе что нашему переводчику помогали потомъ Японцы.

[214]) Объ обученіи въ Россіи японск. языку. стр. 59.

[215]) Періодич. сочиненія о успѣхахъ народнаго просвѣщенія, ч. XXVII, стр. 421.

146

По окончаніи Японской Экспедиціи, Сенатъ, указомъ отъ 10 августа 1795, предписывалъ производить жалованье обоимъ учителямъ со дня опредѣленія ихъ въ эту должность, наравнѣ съ другими учителями Народнаго Училища, а семинаристамъ назначить содержаніе „пристойное на пропитаніе". Тогда иркутское начальство опредѣлило имъ по 150 руб. въ годъ [216]).

Преподаваніе въ это время лежало исключительно на *Колотыгинѣ*, такъ какъ *Ситниковъ*, вскорѣ по опредѣленіи его учителемъ, умеръ, и хотя былъ замѣщенъ въ качествѣ помощника учителя крещенымъ же японцемъ *Киселевымъ*, но Школа оттого выиграла немного. Дѣло въ томъ, что Киселевъ жалованья не получалъ, а потому обученіемъ почти не занимался: ѣздилъ по торговымъ дѣламъ въ Москву, и жилъ долго въ Охотскѣ по дѣламъ посольства Рязанова [217]).

Перемѣны въ составѣ учениковъ Школы въ это время заключалась въ томъ, что ученикъ *Амвросовъ* снова былъ переведенъ въ семинарію, а открывшаяся вакансія замѣщена сыномъ учителя *Колотыгина* [218]).

Не спасло Школу отъ паденія и присоединеніе ея въ 1805 году къ Иркутской гимназіи [219]). О плачевномъ состояніи Школы въ то время генералъ-губернаторъ Селифонтовъ писалъ Министру Коммерціи, что ученики, достигнувъ совершеннолѣтія, не получаютъ никакого назначенія, и, вслѣдствіе ограниченнаго содержанія, терпятъ нужду, тѣмъ болѣе что многіе изъ нихъ обременены семействами. Поэтому генералъ-губернаторъ просилъ разрѣшенія опредѣлить этихъ учениковъ къ другимъ должностямъ, по ихъ выбору. Графъ Румянцевъ отвѣчалъ Селифонтову, что Школу необходимо оставить въ прежнемъ составѣ, на просьбу-же о прибавкѣ жалованья отвѣта не послѣдовало. Очень естественно, что ученики стали

---

[216]) Объ обученіи въ Россіи японскому языку, стр. 59.

[217]) Киселевъ прикомандированъ былъ къ Рязанову, отправленному поеланникомъ въ Японію. Но передъ выходомъ изъ Петропавловской гавани, Рязановъ отправилъ его въ Иркутскъ, донося генералъ-губернатору Селифонтову, что Киселева обращаетъ онъ въ Иркутскъ, гдѣ тотъ будетъ полезенъ для Японской Школы. Дѣйствительная-же причина отправленія Киселева обратно заключалась въ томъ, что Киселевъ на родинѣ могъ бы подвергнуться казни за отступничество отъ своей вѣры. См. письмо Рязанова къ графу Румянцеву, отъ 18 августа 1804 года („Рязановъ и Крузенштернъ" въ журн. „Древняя и Новая Россія" 1877 г. № 4, стр. 390).

[218]) Объ обуч. въ Россіи японскому языку. стр. 59.

[219]) Періодическія сочиненія объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія, ч. XXVII, стр. 423.

обращаться къ частнымъ занятіямъ, а о японскомъ языкѣ вовсе не думали [220]).

Наконецъ начальство увидѣло что̀ за наставники были учителя̀ изъ Японцевъ. Иркутскій губернаторъ Трескинъ доносилъ, въ 1809 году, что какъ учитель японскаго языка Колотыгинъ такъ и помощникъ его Киселевъ, не имѣютъ ни какого понятія о своемъ родномъ языкѣ (т. е. не знаютъ его грамматически), а потому никакой пользы принести ученикамъ не могутъ; что ученики не только не въ состояніи переводить японскія книги, но не знаютъ даже и литеръ японскихъ. Въ тоже время Трескинъ предлагалъ вытребовать изъ Охотска двухъ японцевъ, вывезенныхъ изъ Японіи лейтенантомъ Хвостовымъ въ 1807 году. Но воспользоваться этими японцами не пришлось, такъ какъ по волѣ Государя Императора были они отправлены на родину [221]).

Въ ноябрѣ 1810 г. учитель *Колотыгинъ* умеръ въ чинѣ тит. совѣтника (жалованья получалъ 240 руб. [222]), и преподаваніе японскаго языка при Иркутской Гимназіи „въ классѣ японскаго языка" — такъ стала называться Школа по присоединеніи ея къ гимназіи — перешло всецѣло къ одному *Киселеву*. Киселевъ, получившій за Японскую Экспедицію чинъ коллежскаго регистратора и пенсіонъ по 400 р. въ годъ [223]), за обученіе японскому языку жалованья не получалъ; теперь онъ сталъ хлопотать о жалованьѣ. Цѣлыхъ пять лѣтъ не удавалось ему добиться удовлетворенія своей просьбы; наконецъ въ 1815 году Трескинъ вошелъ о немъ съ представленіемъ, и въ іюнѣ того же года Казанскій Университетъ утвердилъ его въ званіи учителя, положивъ жалованья 240 р. въ годъ и квартирныхъ 70 р. Но противъ такой безполезной траты денегъ возсталъ директоръ иркутской гимназіи, Словцовъ. Онъ доносилъ Трескину, что Киселевъ, какъ и его предшественникъ Колотыгинъ, происходитъ изъ простаго народа и не знаетъ грамматически своего языка, а потому для Школы безполезенъ. Въ доказательство своего заключенія онъ приводилъ двухъ учениковъ, *Миронова* и *Кокоулина*, которые обучались въ Школѣ 19 лѣтъ и успѣли состарѣться, не выучившись японскому языку. Трескинъ и самъ, еще раньше, высказывалъ тоже самое, и даже находилъ нужнымъ закрыть Школу, о чемъ и вошелъ теперь съ представленіемъ къ

---

[220]) Объ обученіи въ россіи японск. языку. стр. 60.

[221]) Тамъ же.

[222]) Періодич. сочиненія о успѣхахъ народнаго просвѣщенія, ч. XXXII, стр. 232 - 233.

[223]) См. Сборникъ постановленій Министр. Народн. Просвѣщенія, т. I, стр. 804 - 806.

генералъ-губернатору Пестелю. Но Пестель отвѣтилъ, что при извѣстныхъ видахъ нашего правительства относительно связей съ Японіею, лучше имѣть людей хотя съ посредственными знаніями въ японскомъ языкѣ, чѣмъ не имѣть ихъ вовсе [224]). Между тѣмъ учениковъ, желавшихъ поступить въ Школу, болѣе не оказывалось, и число ихъ стало постепенно убывать. Въ 1810 году находилось ихъ только двое [225]): помянутые уже выше Мироновъ и Кокоулинъ; къ 1816 г. въ школѣ оставался одинъ Мироновъ. Вслѣдствіе возникшей по этому поводу переписки, Комитетъ Министровъ постановилъ (въ іюнѣ 1816 г.) Японскую Школу въ Иркутскѣ упразднить, а ученику Миронову дозволить избрать другой родъ жизни [226]).

Японская школа возникшая въ Петербургѣ и переведенная потомъ въ Иркутскъ просуществовала такимъ образомъ 109 лѣтъ.

Въ виду сообщеннаго о малограмотности и, по всей вѣроятности, даже безграмотности большинства ея учителей, и горькой участи ея воспитанниковъ, распространяться о причинахъ неудовлетворительности ея результатовъ было бы излишне. Интересенъ вопросъ: какія имѣлись въ Школѣ пособія для изученія японскаго языка? По этому предмету обнародованныхъ свѣдѣній не имѣется, но, вѣроятно, въ японскихъ книгахъ недостатка не было, а умѣли ли ими пользоваться — это другой вопросъ. Сами учителя японцы не обогатили нашей литературы никакими трудами: имъ это было не подъ силу, да и средствъ къ печатанію такихъ трудовъ, ни въ Петербургѣ [227]), тѣмъ болѣе въ Иркутскѣ, не имѣлось. Такимъ образомъ для науки существованіе Школы Японскаго Языка прошло безъ всякаго слѣда. Первый давшій намъ свѣдѣнія о японскомъ языкѣ былъ адмиралъ Головнинъ, который въ своихъ «Запискахъ о приключеніяхъ въ плѣну у Японцевъ», изданныхъ въ Петербургѣ въ 1816 году, сообщилъ краткій словарь этого языка.

Вновь возродилось преподаваніе японскаго языка, черезъ пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ по закрытіи Иркутской Японской Школы, уже въ Петербургскомъ Университетѣ. Вслѣдствіе заявленнаго директоромъ Азіатскаго Департамента желанія, чтобы японскій языкъ

---

[224]) *Сгибневъ* l. c. стр. 61. Употреблялись-ли ученики Школы въ экспедиціяхъ этого времени, не знаю; но извѣстно, что Головнинъ, описывавшій Курильскіе острова въ 1811 году, имѣлъ, для сношеній съ Японцами, переводчикомъ какого-то курильца *Алексѣя*, не ученика Японской Школы.

[225]) См. Сборникъ постановл. по Мин. Народн. Просвѣщ. т. 1, стр. 804.

[226]) Тамъ же, I, 805 - 6.

[227]) Извѣстно, напримѣръ, что японская грамматика Богданова осталась въ рукописи (Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, изданіе И. Снегирева. I, 121 - 2).

преподавался студентамъ китайскаго разряда въ Факультетѣ Восточныхъ Языковъ, хотя бы и не обязательно, а также и потому, что на преподаваніе его вызвался (на первый разъ безвозмездно) находившійся въ Департаментѣ на службѣ японецъ *Яматовъ*, Факультетъ тотчасъ же принялъ мѣры ко введенію въ Университетѣ японскаго языка съ 1870-71 учебнаго года, пока частнымъ образомъ. Въ сентябрѣ 1870 г. Яматовъ былъ утвержденъ сверхштатнымъ преподавателемъ японскаго языка съ жалованьемъ по 400 р. въ годъ [228]). Преподавалъ онъ до конца 1873-74 учебнаго года, когда, уѣзжая въ Японію, оставилъ Университетъ. Тогда принятъ былъ преподавателемъ другой, нынѣшній дипломатическій представитель Японіи при Русскомъ Правительствѣ, японецъ *Нисси Токузеро* [229]). За отъѣздомъ послѣдняго изъ Россіи, преподаваніе японскаго языка, за неимѣніемъ преемника ему, прекратилось. Объ этомъ нельзя не пожалѣть, такъ-какъ одинъ изъ обучавшихся этому языку въ Факультетѣ *(Костылевъ)* получилъ уже мѣсто въ Японіи. Во всякомъ случаѣ, японскій языкъ гораздо нужнѣе намъ теперь чѣмъ было это въ прошломъ столѣтіи [230]).

II. Китайскій Языкъ.

Первый изъ восточныхъ языковъ, обратившихъ на себя вниманіе Петра Великаго, былъ китайскій. Указомъ отъ 18 іюня 1700, для занятія каѳедры въ Сибирской Митрополіи (въ то время праздной) Императоръ повелѣвалъ „назначить пастыря не только добраго и благаго непорочнаго житія, но и ученаго, который бы при томъ, въ помощь себѣ, взялъ въ Сибирь нѣсколько образованныхъ, способныхъ изучить языки китайскій и сибирскихъ инородцевъ". На этотъ постъ и былъ назначенъ Филоѳей Лещинскій. Такая заботливость Петра Великаго о пріобрѣтеніи знатоковъ китайскаго языка имѣла глубокій смыслъ вслѣдствіе распостраненнаго тогда нашими купцами, ѣздившими въ Китай, слуха, будто китайскій императоръ Канси расположенъ къ принятію Христіанства. Это желаніе Петра было приведено въ исполненіе только въ 1714 году, когда отправилась въ Китай первая духовная миссія подъ начальствомъ архи-

---

[228]) Протоколы засѣд. Совѣта Спб. Универ. № 2, стр. 89; № 3, стр. 30; № 5, стр. 69.

[229]) Протоколы №№ 10 и 11.

[230]) Единственное имѣющееся у насъ на отечественномъ языкѣ пособіе для изученія японскаго языка есть «Русско-японскій Словарь», составленный покойнымъ Гошкевичемъ (Спб. 1857).

мандрита Иларіона Лежайскаго: къ нему прикомандировано было 7 человѣкъ студентовъ и причетниковъ. Миссія эта прибыла въ Китай въ 1716, а въ 1719 году вернулась обратно въ Россію.

Студенты, посланные для изученія китайскаго языка на мѣстѣ, ѣхали въ Китай, по всей вѣроятности, не обнаруживая своей цѣли, потому что въѣздъ студентамъ въ Китай не былъ еще разрѣшенъ. Это разрѣшеніе послѣдовало только въ 1728 году, по договору заключенному съ императоромъ Юнъ-Чженомъ графомъ Саввою Рагузинскимъ, 14 іюня 1728 года. Пятою статьею договора положено „для Русскихъ въ Пекинѣ выстроить домъ, въ которомъ будутъ жить трое священниковъ и шесть учениковъ для узнанія китайскаго языка". Такъ какъ правительство наше непремѣнно хотѣло получить разрѣшеніе на въѣздъ въ Китай студентовъ для изученія китайскаго языка, и надѣялось достигнуть желаемаго, то съ графомъ Рагузинскимъ и были отправлены въ Китай изъ Московской Духовной Академіи ученики: *Лука Воейковъ*, *Федоръ Третьяковъ* и *Иванъ Пухартъ* [231]). Къ нимъ въ Иркутскѣ, изъ Монгольской Школы, прибавлены три ученика: *Герасимъ Шульгинъ*, *Иларіонъ Россохинъ* и *Михаилъ Пономаревъ*. Всѣ они и причислились къ духовной миссіи, состоявшей подъ начальствомъ архимандрита Антонія Платковскаго [232]).

Эта вторая миссія прибыла въ Китай въ 1729 г. Начальникъ ея прожилъ въ Китаѣ недолго: въ 1732 году онъ просилъ смѣнить его. На смѣну ему прибылъ, въ 1736, архимандритъ Иларіонъ Трусовъ, и съ нимъ отправленъ ученикъ *Алексѣй Владыкинъ*, на мѣсто Россохина, который въ 1740 году прибылъ въ Россію и занималъ, затѣмъ, должность учителя китайскаго и маньчжурскаго языковъ при С.-Петербургской Духовной Академіи [233]). Въ Пекинѣ отъ такъ изучилъ китайскій языкъ, что китайскій Трибуналъ Внѣшнихъ Сношеній поручалъ ему переводить на китайскій языкъ русскія бумаги, и учить Китайцевъ русской грамотѣ. Остались его переводы съ китайскаго, до сихъ поръ неизданные. За свои успѣхи Россохинъ получилъ, по примѣру геодезистовъ, чинъ прапорщика. О судьбѣ другихъ учениковъ этой миссіи не знаемъ ничего, кромѣ

---

[231]) *Иванъ Пухартъ*—въ Россійской Іерархіи, II, 466, въ Сибир. Вѣстн. 1822, ч. 18, 146—7; *Иванъ Пуларт*ъ — въ Иркут. Епарх. Вѣдом. 1876, № 20; *Иванъ Шестопаловъ* — у *Смирнова* въ Исторіи Москов. Духовн. Акад. стр. 231. Не про него ли говоритъ Керъ въ своемъ „проектѣ"?

[232]) Иркут. Епарх. Вѣд. 1866, № 45, приб. стр. 502; 1876 г. № 8, приб. Казанскія Губерн. Вѣдом. 1849 г.; *Смирновъ*, Ист. М. Духовн. акад. стр. 231.

[233]) Ирк. Епарх. Вѣд. 1876, № 20 стр. 260 прибавленій.

того что *Михаилъ Пономаревъ* умеръ въ Пекинѣ въ 1738 году „пробывъ ученикомъ 26 лѣтъ", какъ значится на могильномъ памятникѣ его [234]). Ученики Миссіи числились въ вѣдомствѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, и получали жалованья по 200 руб. въ годъ, да на проѣздъ по 50 рублей, а лучшему — 100 рублей. Съ 1803 года жалованье четыремъ ученикамъ положено по 250 р., а съ 1805 — по 400 рублей въ годъ [235]).

Къ Иларіону Трусову прикомандированы были, по указу св. Синода, въ 1732 году, ученики Московской Духовной Академіи *Петръ Іевлевъ* и *Петръ Каменскій*. Послѣдній изъ нихъ отправленъ обратно въ Россію въ 1744 г. Между тѣмъ Иларіонъ Трусовъ умеръ въ Пекинѣ въ 1741 году, и на мѣсто его назначенъ Гервасій Линцевскій. Въ особенное вниманіе новой миссіи поставлялось, какъ самому архимандриту, такъ и іеромонахамъ, „всемѣрно тщатися къ обученію себе тамошняго китайскаго діалекта". При этой миссіи находились ученики *Леонтьевъ* и *Цехновскій* (о другихъ мнѣ неизвѣстно), которые и вернулись въ Россію вмѣстѣ съ миссіей въ 1755 г. На смѣну этой миссіи назначена въ 1753 г. новая, подъ начальствомъ архимандрита Амвросія Юматова, съ которымъ отправлено нѣсколько студентовъ изъ Казанской Семинаріи и трое изъ Московской Духовной Академіи: *Стефанъ Зиминъ*, *Илья Ивановъ* и *Алексѣй Даниловъ* — въ качествѣ причетниковъ. Они открыли школу для Китайцевъ, въ которой учили русскому языку, а сами учились китайскому. Изъ нихъ только Зиминъ вернулся въ Россію въ 1772 году, остальные двое умерли въ Пекинѣ [236]). О казанскихъ студентахъ свѣдѣній мнѣ не попалось.

Въ 1767 году, на смѣну Юматова назначенъ архимандритъ Николай Цвѣтъ. Съ нимъ отправленъ ученикъ *Яковъ Коркинъ*, да изъ Тобольской Семинаріи прибавили: *Агафонова*, *Порышева* и *Бакшеева*. Про нихъ Словцовъ замѣчаетъ, что, по возвращеніи миссіи въ 1780 году „они при должностяхъ, для которыхъ готовились, не замѣтили себя публичными переводами изъ восточной любознательности" [237]). Упрекъ этотъ не относится, впрочемъ, къ Агафонову (Алексѣй Семеновичъ), который, по возвращеніи изъ Китая, былъ въ 1780 г. опредѣленъ въ Кяхту переводчикомъ Коллегіи Иностранныхъ

---

[234]) Описаніе этого памятника, сильно пострадавшаго отъ времени, а потому не совсѣмъ вѣрно прочитаннаго, см. въ „Письмѣ изъ Пекина" помѣщ. въ Иркут. Епарх. Вѣдом. 1863 г. № 9.

[235]) Россійская іерархія, II, 468 - 470.

[236]) *Смирновъ* „Исторія Москов. Дух. Академіи", 231 - 232; Иркут. епархіальныя вѣдом. 1869, стр. 314 прибавленій; Россійская іерархія, II, 477.

[237]) *Словцовъ* „Историч. Обозр. Сибири", I, 369.

Дѣлъ для языковъ китайскаго и маньчжурскаго: онъ извѣстенъ нѣсколькими напечатанными переводами съ этихъ языковъ. Умеръ въ Кяхтѣ въ 1794 году [238]). Въ 1780 г. отправилась новая миссія, на смѣну прежней, подъ начальствомъ архимандрита Іоакима Шишковскаго. При немъ, для изученія китайскаго и маньчжурскаго языковъ, находились студенты Московской Духовной Академіи: *Егоръ Солертовскій*, *Антонъ Владыкинъ*, *Алексѣй Поповъ* и *Иванъ Филиновъ* [239]). Изъ нихъ, Владыкинъ (Антонъ Григорьевичъ) родомъ калмыкъ, крещеный въ Астрахани и поступившій 14 лѣтъ, въ 1775 году, въ Троицкую Семинарію, отличился наибольшими успѣхами въ китайскомъ языкѣ. По возвращеніи въ 1794 г. въ Россію, онъ былъ опредѣленъ переводчикомъ китайскаго и маньчжурскаго языковъ въ Москвѣ при Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ; въ 1805 году, отправился въ Китай въ свитѣ графа Головкина (посольство это не достигло мѣста назначенія). Умеръ Владыкинъ въ С.-Петербургѣ, по Языкову — въ 1811 году, по Снегиреву — въ 1819. Труды его остались въ рукописяхъ [240]).

Въ 1794 году, на мѣсто умершаго Шишковскаго, отправленъ въ Пекинъ Софроній Грибовскій со свитою монаховъ и студентовъ въ числѣ которыхъ находились *Липовцевъ* (Степанъ Васильевичъ), впослѣдствіи переводчикъ китайскаго и маньчжурскаго языковъ въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, издавшій нѣсколько переводовъ съ китайскаго и маньчжурскаго а равно и первый у насъ учебникъ послѣдняго (литограф. Спб. 1839), и *Каменскій* (Павелъ Ивановичъ). Послѣдній, родомъ изъ Нижегородской губерніи, кончивъ семинарскій курсъ, поступилъ въ 1791 г. въ Московскій Университетъ, находясь гдѣ изъявилъ желаніе участвовать въ Пекинской миссіи. Въ Россію вернулся онъ въ 1808 году, и былъ опредѣленъ въ Коллегію Иностр. Дѣлъ переводчикомъ китайскаго и маньчжурскаго языковъ [241]).

Въ 1808 году Софроній вернулся въ Россію съ тремя учениками. На смѣну этой миссіи снаряжена была новая, подъ начальствомъ архим. Аполлоса; но онъ остался въ Иркутскѣ, а вмѣсто

---

[238]) Энциклоп. Лексик. изд. Плюшара, I, 150; *Снегиревъ* „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей", I, 2-3.

[239]) Россійская іерархія, II, 484; Иркут. епархіал. вѣдом. 1876 (интересная статья: „Очеркъ изъ древняго быта Пекинской духовной миссіи" гдѣ описывается неурядица и чуть не анархія, которою отличалась эта миссія.

[240]) *Смирновъ* „Исторія Троицко-Лаврской Семинаріи, М. 1867, 522-3. Энциклоп. Лексик. XI, 93; *Снегиревъ* „Словарь", стр. 202.

[241]) См. некрологъ П. Каменскаго въ Нижегор. губ. вѣдомостяхъ 1845 г. а также въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1845 г. ч. 46, отд. VII, 46-48.

153

него назначили архимандрита *Іакинѳа Бичурина*. О. Іакинѳъ (въ міру Никита Яковлевичь), сынъ дьячка, родился въ селѣ Бичуринѣ, Казанской губерніи; въ 1785 г. поступилъ въ казанскую семинарію, въ которой и окончилъ курсъ въ 1799 году, послѣ чего былъ опредѣленъ учителемъ грамматики въ той же семинаріи. Въ 1800 г. постригся въ монахи, а въ 1802-мъ занялъ мѣсто архимандрита въ Иркутскомъ Вознесенскомъ Монастырѣ. Назначенный начальникомъ миссіи въ Китай, онъ, еще на пути черезъ Монголію, началъ учиться по-монгольски, а по пріѣздѣ въ Китай на другой же день засѣлъ за китайскій языкъ. О. Іакинѳъ, какъ всѣми признается, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ нашихъ синологовъ, по обилію-же трудовъ своихъ занимаетъ едва ли не первое мѣсто между ними. Съ о. Іакинѳомъ отправлены въ Китай ученики: *Михаилъ Сипаковъ, Левъ Зимайловъ, Евграфъ Громовъ, Маркеллъ Лавровскій.* Миссія эта испытала большія лишенія во время нашихъ войнъ съ Французами, когда правительство забыло о ней, и о. Іакинѳъ съ братіею остались безъ всякихъ средствъ къ существованію, такъ что начали продавать и закладывать церковныя вещи: за это о Іакинѳъ и пострадалъ по возвращеніи въ Россію. Миссія эта вернулась изъ Китая въ 1821 году. Въ 1826, о. Іакинѳъ былъ причисленъ къ Азіатскому Департаменту; скончался 11 мая 1853 г. на 76 году жизни [242]).

Въ 1819 г. на смѣну Іакинѳовской, новая миссія снаряжена была подъ начальствомъ знакомаго уже Пекину Павла Ивановича Каменскаго, который для этого принялъ монашество (и названъ Петромъ) и вслѣдъ затѣмъ возведенъ въ санъ архимандрита. Въ Пекинѣ онъ устроилъ дѣла миссіи. При немъ послѣдовалъ указъ (30 декабря 1829) о считаніи студентовъ миссіи въ дѣйствительной службѣ, и тогда же изъ числа ихъ *Антонъ Легсиковъ* и *Епифанъ Сычевскій* произведены въ коллежскіе регистраторы. Въ 1832 г. Каменскій возвратился въ отечество и отпросился на покой въ Городецкій Федоровскій Монастырь. Писалъ много, но почти ничего не печаталъ [243]).

Смѣнившая эту миссія находилась подъ начальствомъ арх. Веніамина Морачевича, при которомъ въ числѣ свиты находились іеромонахъ *Аввакумъ Честной* [244]) и іеродіаконъ *Поликарпъ Туга-*

---

[242]) „Росс. Іерархія", II, 484; *Н. Щукинъ* „Іакинѳъ Бичуринъ" (Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. 1857 г. ч. 95, отд. V); „Автобіографія" въ „Ученыхъ Запискахъ" Академіи Наукъ.

[243]) „Некрологъ" П. Каменскаго; Полн. Собр. Закон. Рос. Имп. № 3393.

[244]) Извѣстный ученостію и дѣтскою чистотою души, о. Аввакумъ, по возвращеніи въ Россію въ 1841, причисленъ былъ къ Азіатскому Департаменту,

риновъ. Въ 1839 г. этотъ-послѣдній назначенъ былъ, въ свою очередь, начальникомъ новой миссіи, при которой находились: іеромонахъ *Гурій Карповъ*, іеродіаконъ *Палладій Каѳаровъ*, студенты *І. Гошкевичъ* и *В. Горскій*. Изъ студентовъ этихъ, первый, по возвращеніи въ Россію, опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій при Азіатскомъ Департаментѣ, а второй умеръ въ Китаѣ.

Въ 1848 г. отправлена миссія подъ начальствомъ архимандрита Палладія Каѳарова, уроженца Казанской губерніи и воспитанника тамошней духовной семинаріи, а затѣмъ Александро-Невской Духовной Академіи, бывшаго уже въ Пекинѣ, какъ мы видѣли, съ 1839 по 1846 годъ. При немъ находились свѣтскіе члены: *Н. Успенскій* и *М. Храповицкій*, которымъ оо. Іакинѳъ и Аввакумъ еще въ Петербургѣ сообщили первоначальныя свѣдѣнія въ китайскомъ и маньчжурскомъ языкахъ. Къ миссіи этой прикомандировался агрономъ *К. А. Скачковъ*. Съ преобразованіемъ миссіи въ 1856 году въ составъ ея вошли: начальникъ архимандритъ *Гурій*, іеромонахи *Александръ Кульчицкій*, *Исаія Поликинъ*, *Антоній Люцерновъ*, магистръ физико-матем. наукъ *Д. А. Пещуровъ*, магистръ *Поповъ*, кандидатъ *К. И. Павлиновъ*, и кандидатъ *Н. И. Мраморовъ* [245]).

Въ 1865 г. отправилась въ Пекинъ духовная миссія всего изъ трехъ лицъ: начальника, архимандрита *Палладія Каѳарова*, въ третій уже разъ отправлявшагося въ Китай, и іеромонаховъ *Геронтія* и *Сергія*. Но миссія эта получила новый характеръ: она (съ 1864 г.) обращена въ чисто *духовную* и отдѣлена отъ дипломатической, тогда какъ раньше этого наша миссія въ Китаѣ являлась прежде всего политическимъ агентствомъ: оттого всѣмъ членамъ ея, начиная съ архимандрита, настоятельно предписывалось изученіе языковъ китайскаго и маньчжурскаго [246]). О Палладій, едва-ли не ученѣйшій изо всѣхъ европейскихъ китаистовъ, когда-либо существовавшихъ, скончался, на возвратномъ пути въ отечество, въ Марсели, весною 1879 года.

Помимо пріобрѣтенія знатоковъ китайскаго языка посредствомъ

ѣздилъ въ Японію съ адмираломъ Путятинымъ, скончался 10 марта 1866 г. въ Александро-Невской Лаврѣ въ С.-Петербургѣ.

[245]) *Чистовичъ*, Исторія С.-Петерб. духовной Академіи, 382-384; Казанскія губернскія вѣдомости 1849 г. (Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. 1849, ч. 61, VII, 70); Иркутскія губернскія вѣдомости 1858.

[246]) Иркутскія епархіальныя вѣдомости 1865 г. № 13. У насъ до сихъ поръ нѣтъ подробнаго обозрѣнія дѣятельности нашихъ духовныхъ миссій въ Китаѣ, тогда какъ за границей такой трудъ появился. Это — Historical Sketch of the ecclesiastical, political and commercial relations of Russia with China. Drawn chiefly from original sources. By Dudgeon, M. D. Peking, 1872.

духовныхъ миссій въ Пекинѣ, принимались мѣры и къ заведенію школъ для преподаванія этого языка въ самой Россіи. Такъ указомъ св. Синода 1724 года предписывалось открыть при Вознесенскомъ Монастырѣ на первый разъ школу монгольскаго языка, а вслѣдъ затѣмъ и китайскаго Но школа китайскаго языка не была учреждена въ Иркутскѣ, ни въ то время, ни вслѣдъ за монгольской [247]).

Основана же была школа китайскаго языка, вмѣстѣ съ маньчжурскимъ, въ С.-Петербургѣ, при Академіи Наукъ. Въ мартѣ 1741 г. присланъ былъ изъ коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ Академію Наукъ прапорщикъ *Иларіонъ Россохинъ*, который и былъ принятъ Академіею для переводовъ и обученія языкамъ китайскому и маньчжурскому. Тогда же Россохинъ вошелъ въ Академію съ представленіемъ объ опредѣленіи къ нему такихъ учениковъ „которые бы умѣли россійской грамотѣ", и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ придать въ помощь ему копіиста *Пухарта* да находившагося тогда въ Москвѣ при Иностранной Конторѣ обрусѣвшаго китайца *Федора Петрова*. Въ докладѣ, поданномъ по этому поводу въ Кабинетъ, Академія проситъ представленіе Россохина утвердить и „къ немалой впредь пользѣ всей Россійской Имперіи" вызвать китайца изъ Москвы, „чтобы онъ подъ руководствомъ Россохина обучалъ бы учениковъ китайскому и маньчжурскому языкамъ, безпрестанно говорилъ бы съ ними на этихъ языкахъ, силу и произношеніе голосомъ рѣчей имъ показывалъ, трудныя слова и литеры толковалъ, а при томъ деликатность этихъ двухъ языковъ показывалъ; со временемъ-же упражнялъ бы учениковъ въ переводахъ на русскій языкъ". Аттестуя Петрова, Академія прибавляетъ, что „на досугѣ и самъ (онъ) полезныя книги съ маньчжурскаго и китайскаго языковъ на русскій діалектъ къ немалой прибыли переводить можетъ". Кабинетъ положилъ просьбу Академіи исполнить, только вмѣсто просимыхъ ею учениковъ семинаріи или гимназіи, которые знали-бы языки латинскій и нѣмецкій, опредѣлены были изъ гарнизонной С.-Петербургской школы 4 ученика „кои уже россійской грамотѣ и писать обучились и къ наукамъ понятны" [248]). Долго-ли просуществовалъ при Академіи классъ китайскаго и маньчжурскаго языка, мнѣ неизвѣстно.

---

[247]) Въ „Россійской іерархіи" говорится, что по указу св. Синода (1724 г.) при Вознесенскомъ Монастырѣ учреждены три школы: русская, китайская и мунгальская, изъ коихъ двѣ послѣднія существовали и послѣ смерти Иннокентія II епископа иркутскаго. (ч. VII, стр. 961 и 97). Но это не вѣрно.

[248]) Полное Собр. Закон. Россійской Имперіи, № 8418.

Неизвѣстно также, были ли приняты какія мѣры къ преподаванію китайскаго языка въ народныхъ училищахъ Колыванской области и Иркутской губерніи, какъ заботилась о томъ Екатерина Великая (указъ 27 сентября 1782 года).

Съ возрожденіемъ въ Иркутскѣ монгольской школы въ 1790 году, открыта была и школа китайскаго и маньчжурскаго языковъ, ученье въ которой началось 13 октября того же года. Учениковъ въ школу эту поступило 27 человѣкъ. По прошествіи четырехъ лѣтъ ученіе въ этой школѣ прекратилось „по трудности и неудобности" [249]).

Казанскій Университетъ. Какъ предметъ университетскаго преподаванія, китайскій языкъ введенъ былъ впервые въ Казани. Вскорѣ послѣ университетскаго устава 1835 года, попечитель Мусинъ-Пушкинъ сталъ хлопотать объ учрежденіи въ Казанскомъ Университетѣ каѳедры китайскаго языка, которая и была высочайше утверждена 11 мая 1837 года. Выхлопотавъ это утвержденіе, Мусинъ-Пушкинъ нашелъ кѣмъ и замѣстить новую каѳедру. Выборъ его палъ на архимандрита московскаго Златоустовскаго Монастыря *Даніила Сивиллова*, десять лѣтъ состоявшаго членомъ пекинской духовной миссіи (съ 1820 по 1830 годъ). Архимандритъ Даніилъ зачисленъ былъ прямо ординарнымъ профессоромъ. Первый годъ объяснялъ онъ своимъ слушателямъ ключи, правила письма, упражнялъ въ разговорахъ; затѣмъ излагалъ этимологію и синтаксисъ китайскаго языка по руководству Абель-Ремюза и о. Іакинѳа, послѣ чего толковалъ своимъ слушателямъ Лунь-юй, Шу-цзинь, Сы-шу, Джунъ-юнъ, энциклопедію И-сіо-сань-гуанъ; упражнялъ студентовъ въ переводахъ съ русскаго языка на китайскій, читалъ китайскія древности по книгѣ Лунъ-вэнъ-бянь-инь, и китайскую исторію по Чжанъ-го-лао и Потье. Лекцій онъ имѣлъ по 4 часа въ недѣлю. Въ 1844 г. архимандритъ Даніилъ оставилъ Казань, назначенный настоятелемъ Посольскаго Монастыря (въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ Иркутской губерніи) и миссіонеромъ для проповѣди Слова Божія между инородцами [250]). Тогда преподавателя-архимандрита замѣнилъ преподаватель штабъ-лекарь —

Войцеховскій (Осипъ Павловичъ), уроженецъ Кіевской губер-

---

[249]) *Ив. Миллеръ* „Краткое историческое обозрѣніе учебныхъ заведеній въ Иркутской губерніи" (Періодич. сочиненія о успѣхахъ народн. просвѣщ. № XXVII, стр. 421); Газета „Амуръ" 1862, № 19; *Семивскій* „Восточная Сибирь", стр. 16.

[250]) *Ковалевскій* „Обозрѣніе хода и успѣховъ преподав. азіатскихъ языковъ" стр. 17-81.

157

ніи, села Цебермановки, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Получивъ первоначальное образованіе въ Кіевской Духовной Академіи, поступилъ онъ въ Медико-Хирургическую Академію, въ которой и окончилъ курсъ въ 1819 году. Въ то время снаряжалась въ Пекинъ духовная миссія, въ составъ которой, едвали не въ первый разъ, долженъ былъ войти врачъ, и Войцеховскій изъявилъ желаніе сопровождать миссію. Въ Китаѣ онъ усердно занялся языками китайскимъ и маньчжурскимъ. По возвращеніи въ отечество, Войцеховскій былъ въ 1832 г. оставленъ въ вѣдомствѣ Азіатскаго Департамента, а въ апрѣлѣ 1844-го опредѣленъ въ Казанскій Университетъ исправляющимъ должн. ординарн. профессора китайской и маньчжурской словесности. Преподаваніе свое начиналъ онъ изложеніемъ теоріи кит. языка по Абель-Ремюза и своимъ запискамъ; занимался со студентами переводами съ китайскаго на русскій статей преимущественно изъ философскихъ сочиненій Лунь-юй и Менъ-дзы, книгъ Цинь-вынь-ци-мынъ, Сань-хе-юй-лу, Да-се и Джунъюнъ; упражнялъ ихъ въ переводахъ съ русскаго на китайскій и читалъ исторію и литературу Китая. Лекцій имѣлъ по 4 часа въ недѣлю. Но и Войцеховскій оставался въ Университетѣ не долго: въ ноябрѣ 1850 г. онъ умеръ [251]). Тогда каѳедру китайск. языка въ Университетѣ занялъ —

Васильевъ (Василій Павловичъ), воспитанникъ Казанскаго Университета, въ который поступилъ онъ въ 1834 г. сперва на филологическій факультетъ, а потомъ перешелъ на монголо-татарскій разрядъ восточнаго отдѣленія. Здѣсь своими дарованіями и успѣхами обратилъ онъ на себя особенное вниманіе попечителя, такъ что, по окончаніи курса въ 1837 году, былъ оставленъ при Университетѣ для приготовленія къ занятію предполагавшейся тогда каѳедры тибетскаго языка. Въ 1840 г. Мусинъ-Пушкинъ выхлопоталъ ему разрѣшеніе отправиться въ Пекинъ съ духовной миссіей, какъ для усовершенствованія въ тибетскомъ языкѣ, такъ и для пріобрѣтенія учебныхъ пособій по этому предмету. Десять лѣтъ провелъ В. П. въ Китаѣ, а когда вернулся въ Казань, Мусина-Пушкина уже тамъ не было; некому было и хлопотать о введеніи новой каѳедры. А между тѣмъ каѳедра китайскаго языка сдѣлалась вакантною за смертію Войцеховскаго и ее предложили В. П., который въ январѣ 1851 года и былъ утвержденъ исправляющимъ должность экстраординарнаго, а въ сентябрѣ 1854 — ординар-

---

[251]) *В. Сбоевъ* „Осипъ Павловичъ Войцеховскій“ (некрологъ) — въ Казанскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ на 1851 г. № 3; Ж. Мин. Нар. Пр. 1851 ч. 69, VII, стр. 81 - 84.

наго профессора. Преподаваніе кит. языка В. П. начиналъ съ объясненія системы китайскихъ іероглифовъ, проходилъ грамматику по о. Іакинѳу и Абель-Ремюза, затѣмъ упражнялъ студентовъ въ переводахъ избранныхъ мѣстъ изъ Четверокнижія, Сы-шу и другихъ историческихъ книгъ, и читалъ политическую и литературную исторію Китая, всего по 4 лекціи въ недѣлю [252]).

Рядомъ съ преподаваніемъ книжнаго китайскаго языка въ Казанскомъ Университетѣ шло и преподаваніе разговорнаго. Въ началѣ 1839 г. послѣдовало разрѣшеніе принимать, въ помощь профессорамъ, адъюнктовъ. Вскорѣ послѣ того и принятъ былъ въ Университетъ, для упражненія студентовъ въ разговорномъ китайскомъ языкѣ, надзиратель первой казанской гимназіи *Сосницкій* (Алексѣй), который провелъ въ Пекинѣ 10 лѣтъ и прослушалъ полный университетскій курсъ. Въ 1843 Сосницкій умеръ. Его замѣнилъ, но не ранѣе какъ въ 1853, надзиратель же 1-й казанской гимназіи *Абдулькаримовъ* (Измаилъ) [253]), изъ китайскихъ магометанъ, бывшій ташкентскій подданный, принявшій потомъ русское подданство.

Петербургскій Университетъ. Первымъ преподавателемъ китайскаго языка въ этомъ университетѣ явился В. П. *Васильевъ*, съ учрежденіемъ факультета В. Я. въ Петербургскомъ Университѣ перешедшій сюда изъ Казани, и преподающій языкъ этотъ въ настоящее время. Въ 1-мъ курсѣ объясняетъ онъ китайскую грамматику и занимаетъ студентовъ переводами изъ китайской христоматіи, имъ же изданной, по 2 лекціи въ недѣлю; въ слѣдующихъ курсахъ продолжаются переводы изъ той же хрестоматіи, разбирается Ши-цзинъ, и студенты упражняются въ переводахъ съ русскаго на китайскій — по 2 лекціи; вмѣстѣ съ тѣмъ для студентовъ всѣхъ курсовъ читается политическая исторія Китая или исторія китайской литературы, по 1 лекціи въ недѣлю [254]).

Для ознакомленія студентовъ съ разговорнымъ китайскимъ языкомъ переведенъ былъ въ Петербургскій Университетъ, въ 1855 году, изъ Казанскаго, *Абдулькаримовъ*. Въ октябрѣ 1865

---

[252]) *Фойгтъ*, Обозрѣніе хода и успѣховъ препод. азіат. языковъ; Ж. Мин. Нар. Просв. ч. 84, 19.

[253]) *Ковалевскій*, Обозрѣніе хода и успѣховъ препод. азіат. языковъ, стр. 25; *Фойгтъ* „Отчеты" 250-1.

[254]) Протоколы Совѣта С.-Петерб. Университета. В. П. Васильеву обязаны мы изданіемъ въ С.-Петербургѣ, въ 1867 году—перваго Китайско-русскаго словаря подъ заглавіемъ: «Графическая система китайскихъ іероглифовъ», а въ 1868 — первой же у насъ «Китайской Хрестоматіи» (оба труда литографированы).

159

онъ умеръ, и на опроставшуюся ваканцію, въ помощь Васильеву, приглашенъ былъ Университетомъ, въ 1866, китаистъ-агрономъ *Скачковъ* (Константинъ Андреяновичъ). Воспитанникъ Ришельевскаго Лицея въ Одессѣ, К. А. въ 1848 году отправился въ Пекинъ въ качествѣ члена духовной миссіи для занятій метеорологическими и магнитными наблюденіями, и для изученія сельскаго хозяйства въ Китаѣ. Тамъ овладѣлъ онъ, какъ книжнымъ, такъ и разговорнымъ кит. языкомъ. Въ Университетѣ Скачковъ преподавалъ недолго: петербургскій климатъ вредно отозвался на его здоровьѣ, и онъ, получивъ въ 1867 г. мѣсто консула въ Тянь-цзинь, оставилъ Петербургъ. Тогда Скачкова замѣнилъ *Пещуровъ* (Дмитрій Алексѣевичъ), воспитанникъ Петербургскаго Университета, въ которомъ окончилъ онъ курсъ въ 1853 г. по разряду математическихъ наукъ. Получивъ степень магистра астрономіи, Пещуровъ въ 1857 г. отправился въ Пекинъ для завѣдыванія тамошнею магнитною и метеорологическою обсерваторіею, основанною Скачковымъ. Въ 1862 опредѣленъ онъ былъ драгоманомъ нашей дипломатической миссіи въ Пекинѣ; а въ 1866, по возвращеніи въ Петербургъ, поступилъ переводчикомъ китайскаго языка въ Азіатскій Департаментъ. Въ Университетѣ сталъ онъ преподавать китайскій языкъ съ осени 1867, и продолжаетъ донынѣ, въ I-мъ курсѣ объясняя іероглифы, пріучая студентовъ пріискивать ихъ значеніе по ключевому словарю, и занимая ихъ переводами изъ Цзя-бао-Цюнь-цзи, по 2 лекціи; во II-мъ проходитъ грамматику, упражняетъ слушателей въ разговорахъ и переводахъ изъ Хао-цю-Чжуанъ, по 2 лекціи; въ III и IV-мъ курсахъ знакомитъ студентовъ съ оффиціальнымъ и историческимъ слогомъ по сборнику Wade'а Шенъ-ву-цзи и Шенъ-юй-гуанъ-сюнь—по 2 лекціи въ недѣлю [255]).

Казанская гимназія. Когда китайскій языкъ введенъ былъ въ Казанскомъ Университетѣ (1837), ученику 1-й казанской гимназіи *Зоммеру* было разрѣшено слушать этотъ языкъ въ Университетѣ. Въ слѣдующемъ-же, 1838, положено было, въ видѣ опыта, начать преподаваніе китайскаго языка и въ означенной гимназіи, на что вызвался архимандритъ Даніилъ безвозмездно. Въ 1841 г. состоялся первый выпускъ учениковъ изъ Гимназіи въ Университетъ, подготовившихся къ основательному изученію китайскаго языка. Ихъ было трое, и въ томъ числѣ Зоммеръ (Николай Ивановичъ), предназначавшійся, по окончаніи университетскаго курса,

---

[255]) *В. В. Григорьевъ*, Имп. С.-Петерб. Университетъ, стр. 387-389; Ж. М. Нар. Пр. ч. 124, II, 192; Протоколы засѣданій Совѣта С.-Петерб Университета.

къ занятію каѳедры китайской словесности въ Имп. Академіи Наукъ. По инструкціи составленной проф. Ковалевскимъ, Зоммеръ долженъ былъ совершить поѣздку сперва въ Парижъ, а потомъ въ Китай. Въ 1847 Зоммеръ приступилъ къ экзамену на степень магистра, но умеръ отъ холеры [256]).

Въ 1841 мѣсто архимандрита Даніила занялъ въ Гимназіи дѣйствительный студентъ *Рушко* (Сергѣй). Когда прибылъ въ Казань Войцеховскій, ему поручено было осмотрѣть во всей подробности классы китайскаго языка учителя Рушко. Познанія учениковъ оказались слабыми. Въ томъ же году Рушко уволился изъ учебнаго вѣдомства по болѣзни, а на его мѣсто опредѣленъ старшимъ учителемъ китайскаго языка кандидатъ *Ладухинъ* (Иванъ Алексѣевичъ), воспитанникъ казанской гимназіи и казанскаго университета, въ которомъ окончилъ курсъ въ 1845 году. При немъ гимназисты занимались изученіемъ китайской грамматики и переводами изъ сочиненій Конфуція. По закрытіи восточнаго отдѣленія въ Гимназіи, Ладухинъ перешелъ въ Петербургскій Университетъ помощникомъ библіотекаря [257]).

Практически занимались съ учениками китайскимъ языкомъ: сперва — надзиратель *Алексѣй Сосницкій*, а съ 1853 года — природный китаецъ *Абдулькаримовъ* [258]).

III. Маньчжурскій языкъ.

Въ знатокахъ маньчжурскаго языка у насъ не было недостатка со времени духовныхъ миссій въ Пекинъ. Члены миссіи, изучая китайскій языкъ, изучали въ то же время и маньчжурскій. Въ большинствѣ случаевъ онъ преподавался вмѣстѣ съ китайскимъ; разъ только, кажется, опередилъ онъ китайскій, именно въ 1738 два ученика изъ Московской Духовной Академіи поступили къ профессору Керу для изученія этого языка [259]). Китайскаго тогда у насъ еще не преподавалось. Конечно не Керъ обучалъ этихъ учениковъ, такъ какъ онъ не зналъ по-маньчжурски; вѣроятно ученики находились только подъ его надзоромъ. Затѣмъ въ 1741,

---

[256]) Замѣчательно, что магистерская диссертація Зоммера отсылалась въ Берлинъ къ Шотту на его разсмотрѣніе. *Владиміровъ* „Казанская Гимназія", 42-44, 60-61.

[257]) *Владиміровъ* „Казанская Гимназія", стр. 60-61.

[258]) *Фойгтъ* „Отчеты", 250-1; Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 82, I, 55.

[259]) *Смирновъ* „Исторія Московской Духовной Академіи", стр. 242.

когда при Академіи Наукъ открыта была школа китайскаго языка, маньчжурскій преподавался съ нимъ вмѣстѣ.

Казанскій Университетъ. Послѣдняя каѳедра восточныхъ языковъ, введенная въ Казанскомъ Университетѣ, была каѳедра маньчжурскаго языка. Преподаваніе этого языка началось со вступленія въ Университетъ въ 1844 г. *О. П. Войцеховскаго,* который и сталъ преподавать его студентамъ, изучавшимъ китайскій языкъ. Послѣ объясненія грамматики маньчжурскаго языка, Войцеховскій переводилъ со своими слушателями Цинъ-выпь-ци-мынь, Иланъ-хацинь-и-камцимо-араха-битхэ, Джунъ-юнъ, Амба-тацинь, Ань-и-дулимба-битхэ, съ филологическими, философическими и археологическими замѣчаніями. Въ тоже время излагалъ онъ политическую и литературную исторію Маньчжуровъ [260]).

По смерти Войцеховскаго (въ 1850 г.) преподаваніе маньчжурскаго языка принялъ на себя, съ 1851, *В. П. Васильевъ.* Онъ сталъ объяснять грамматику этого языка по Габеленцу, переводилъ избранныя мѣста изъ книгъ Леулэнь-гизурень и Сы-шу; упражнялъ студентовъ въ переводахъ съ китайскаго языка на маньчжурскій, и читалъ политическую исторію и исторію литературы Маньчжуровъ — по 4 часа въ недѣлю [261]).

С.-Петербургскій Университетъ. Въ Петербургскомъ Университетѣ каѳедра маньчжурскаго языка въ первое время не имѣла штатнаго преподавателя. Ее занялъ *В. П. Васильевъ* [262]).

Въ 1857 г. явился случай пріобрѣсти достойнаго преподавателя по этой каѳедрѣ. Помощникъ библіотекаря въ Университетѣ *И. А. Ладухинъ* (преподававшій китайскій языкъ въ Казанской Гимназіи), по случаю отправленія въ Пекинъ новой духовной миссіи, изъявилъ желаніе сопровождать ее въ Китай, и оставаться съ ней все время ея тамъ пребыванія съ цѣлію дальнѣйшаго изученія китайскаго и маньчжурскаго языковъ, которые въ теченіе 15 лѣтъ составляли уже предметъ его исключительныхъ занятій. Это его предложеніе было одобрено Факультетомъ Восточныхъ Языковъ, и Министерство Народнаго Просвѣщенія дало Ладухину средства отправиться въ Китай. Но эта командировка кончилась печально: Ладухинъ утонулъ на Амурѣ [263]).

---

[260]) *Фойгтъ* „Обозрѣніе хода и успѣховъ препод. азіат. языковъ".

[261]) Тамъ же.

[262]) Слѣдомъ преподаванія маньчжурскаго языка професоромъ Васильевымъ остается составленная имъ „Маньчжурская Христоматія". Спб. 1863).

[263]) Актъ Имп. С.-Петерб. Университета за 1858, стр. 13 - 14; *Владиміровъ* „Казанская гимназія", стр. 61, примѣч.

162

Только въ октябрѣ 1868 года удалось каѳедру маньчжурскаго языка замѣстить особымъ преподавателемъ, *Захаровымъ* (Иванъ Ильичь), пробывшимъ 10 лѣтъ въ Пекинѣ при нашей духовной миссіи (съ 1840 по 1850), а потомъ занимавшимъ постъ нашего консула въ Кульджѣ. И. И. въ 1-мъ курсѣ проходитъ маньчжурскую грамматику и упражняетъ студентовъ въ переводахъ съ маньчжурскаго языка на русскій статей изъ хрестоматіи Васильева, по 1 лекціи въ недѣлю; во II-мъ курсѣ, кромѣ переводовъ изъ той же хрестоматіи, пріучаетъ слушателей переводить съ русскаго на маньчжурскій — по 2 лекціи: въ III и IV-мъ курсахъ занимаетъ переводами изъ сочиненій: Си-сянъ-цзи, Мукдень-фу-и-битхэ, Тунъ-Дзянь-ганъ-му, и дипломатическихъ бумагъ — по 2 лекціи [264]).

IV. Монгольскій языкъ съ его нарѣчіями, калмыцкимъ и бурятскимъ.

Въ Сибири у насъ издавна возникла потребность въ знатокахъ монгольскаго языка, какъ для управленія Монголами въ нашихъ предѣлахъ обитающими, такъ и ради сношеній съ сосѣдними, въ китайскихъ предѣлахъ. И въ знатокахъ этого языка мы рѣдко когда нуждались. Но первыя у насъ попытки къ обученію молодыхъ людей монгольскому языку имѣли въ виду не цѣли администраціи, а проповѣдь Слова Божія. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ митрополиту Филоѳею Лещинскому. Въ первые же годы своей пастырской дѣятельности въ Сибири [265]) онъ нашелъ необходимымъ, для болѣе успѣшнаго обращенія въ Христіанство Бурятъ, познакомиться съ ученіемъ Буддистовъ. Съ этою цѣлію отправилъ онъ въ Халху къ Джебцунъ-хутухтѣ, въ 1707 году, миссію, въ составъ которой вошли: проповѣдникъ *Иларіонъ Лежайскій*, иродіаконъ *Филиппъ Хавовъ*, одинъ боярскій сынъ и школьные ученики— *Павелъ Андреевъ* и *Семенъ Николаевъ*. Ученики должны были изучить монгольскій языкъ на-мѣстѣ. Миссія достигла до куреня халхасскаго хутухты, и исполнила возложенное на нее порученіе. Ученики-же, хотя и были приняты, но встрѣтивъ невниманіе къ себѣ, и различныя препятствія въ своихъ занятіяхъ, вскорѣ вернулись въ Тобольскъ [266]).

---

[264]) *В. В. Григорьевъ* „Имп. С.-Петерб. Университетъ", стр. 389, 390; Протоколы засѣданій Совѣта И. С. Петерб. Университета. — Памятью о преподаваніи Захарова останутся навсегда его „Полный Маньчжурско-Русскій Словарь", Спб. 1875, и его „Грамматика Маньчжурскаго Языка", Спб. 1879.

[265]) Филоѳей Лещинскій дважды управлялъ Сибирскою епархіей: съ 1702 по 1709 годъ, и съ 1719 по 1721. Скончался на покоѣ въ 1727 году.

[266]) *Словцовъ* „Историческое Обозрѣніе Сибири" кн. I (Москва, 1838), стр. 358-359; Иркутскія Епархіальныя Вѣдомости за 1875 г. № 52, стр. 698.

Монгольская Школа при Вознесенскомъ Монастырѣ въ Иркутскѣ.

Дѣло, задуманное Филоѳеемъ Лещинскимъ, осуществлено было его любимцемъ, архимандритомъ *Антоніемъ Платковскимъ* (оказавшимся впослѣдствіи интриганомъ и грабителемъ ввѣренной ему обители). Назначенный въ 1724 году настоятелемъ Иркутскаго Вознесенскаго Монастыря, Антоній, вѣроятно дѣйствовавшій на этотъ разъ подъ вліяніемъ идей Филоѳея, сдѣлалъ представленіе въ Синодъ о необходимости учрежденія при томъ монастырѣ школы монгольскаго языка „для распространенія православной вѣры въ Сибири и для сношенія съ сосѣдями". Когда, въ слѣдующемъ году, представленіе это было одобрено, Антоній построилъ за монастыремъ домъ для школы и приступилъ къ набору учениковъ, при чемъ пришлось употребить крутыя мѣры, такъ какъ въ то время ученья боялись не менѣе рекрутскаго набора. Учениковъ въ Школѣ положено было имѣть 25 человѣкъ, содержаніе которыхъ возложено на три монастыря: десятерыхъ долженъ былъ содержать Селенгинскій Троицкій, восьмерыхъ — Киренскій Троицкій, и семерыхъ — Посольскій на Байкалѣ. На каждаго ученика требовалось ежемѣсячно деньгами по 10 алтынъ, провизіей — муки ржаной по 2 пуда, крупъ по 5 фунтовъ, соли по 2 фунта. Это обязательство монастыри выполняли плохо, всячески стараясь уклоняться отъ него, что̀, конечно, отзывалось на ученикахъ. Обучать въ Школѣ положено дѣтей священно-и церковнослужительскихъ, но Антоній Платковскій не стѣснялся такимъ предписаніемъ Синода, и забиралъ въ Школу даже крестьянскихъ мальчиковъ (Петръ Пневъ взятый въ Школу въ 1725 году, и вытребованный оттуда отцемъ въ 1727); были въ Школѣ и два монгольскіе мальчика, Титовы. Не всѣ ученики Школы обучались монгольскому языку. Такъ, въ 1727 году учились ему только пятеро, а остальные восемь сидѣли за русской грамотой. Въ томъ же году собрано было въ Школу 22 человѣка для обученія русскому языку, и 8 — монгольскому. Изъ послѣднихъ, трое читали монгольскія книги и учились говорить, трое учили книги (?), а читать еще не могли, и одинъ обучался азбукѣ [267]).

Въ 1727 Антоній Платковскій получилъ назначеніе въ Китай начальникомъ духовной миссіи, и съ нимъ поѣхали туда, какъ ви-

---

[267]) Иркутскія Епарх. Вѣдомости 1863 г. №№ 17, 28, 38, и 1875 г.; Газета „Амуръ" 1862, № 19; *Пекарскій* „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ", Спб. 1862, I, 121.

дѣли мы выше, трое изъ учениковъ Школы. За отъѣздомъ архимандрита Антонія, Школа поступила въ вѣдѣніе епископа Иннокентія I, который много способствовалъ улучшенію ея, заботясь о пріобрѣтеніи монгольскихъ книгъ. Кромѣ того, онъ расширилъ Школу отдѣленіемъ для обученія дѣтей всѣхъ сословій славяно-русской грамотѣ. Съ того времени Монгольская Школа стала называться *Русско-Монгольскою Школою*. Въ 1730 г. въ монгольскомъ отдѣленіи ея находилось 25 человѣкъ, въ русскомъ — 10. За все время управленія Школою Иннокентія I, неспособностію отличился только одинъ ученикъ [268]).

Учителями въ Школѣ были: бурятскій лама изъ Балаганска *Лапсанъ* (впослѣдствіи принявшій Православіе, и по крещеніи нареченный *Лаврентіемъ Ивановичемъ Неруновымъ*), да въ товарищи ему приданный *Николай Щолкуновъ*, подряженные Платковскимъ въ 1727 году за 100 рублей въ годъ. Къ этому жалованью епископъ Иннокентій прибавилъ еще 50 рублей [269]). Такъ какъ учителя эти не знали по-русски, то явилась необходимость имѣть при урокахъ переводчика. Для этой цѣли вытребованъ былъ изъ Селенгинска нѣкто *Иванъ Пустынниковъ*. Онъ, еще въ 1725 году, взятъ былъ Антоніемъ Платковскимъ изъ Братскаго Острога въ Монгольскую Школу для обученія, и вскорѣ затѣмъ отправленъ былъ въ Селенгинскъ къ тамошнему тайшѣ Лупсану, для бо̀льшаго усовершенствованія въ монгольскомъ языкѣ. Этого-то Пустынникова Иннокентій въ 1727 г. вызвалъ въ Иркутскъ для помощи учителямъ Лапсану и Щолкунову, съ назначеніемъ жалованья по 10 р. въ годъ при готовой отъ Монастыря пищѣ [270]).

При преемникѣ Иннокентія Кульчицкаго, скончавшагося въ 1731, Иннокентіи Неруновичѣ, Школа продолжала расширяться. При немъ число учениковъ доходило до 70, и для всѣхъ монгольскій языкъ сдѣланъ обязательнымъ. Иннокентій II строго требовалъ отъ духовныхъ доставленія въ Школу дѣтей, достигшихъ извѣстнаго возраста. Нелегко было и дѣтей удерживать въ Школѣ: они разбѣгались изъ нея толпами, и для поимки ихъ снаряжались, на счетъ родителей, особые нарочные [271]).

Такъ заботилось о Русско-Монгольской Школѣ духовное начальство. Совсѣмъ иначе вели себя свѣтскія власти. Онѣ не только не

---

[268]) Иркут. Епарх. Вѣдомости 1863 г. № 27; 1864 г. № 34.

[269]) Кажется, что первое время преподавалъ монгольскій языкъ и самъ Антоній Платковскій; такъ, по крайней мѣрѣ, упоминается о немъ въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ.

[270]) Иркут. Епарх. Вѣдом. 1866, прибавленія; 1863, № 38.

[271]) Газета „Амуръ“ 1862, № 19; Ирк. Епар. Вѣд. 1866, прибав. стр. 121.

оказывали никакого сочувствія этому только-что зарождавшемуся дѣлу, но старались вредить ему сколько возможно. Вицегубернаторъ Бибиковъ не позволялъ выстроить новаго помѣщенія для Школы, когда было очевидно, что мѣсто занимаемое ею неудобно. На зло преосвященному, въ 1737 привлеченъ былъ къ слѣдствію учитель лама Лапсанъ и отнятъ отъ Школы. Иннокентій доносилъ въ Синодъ, что хотя Лапсанъ и плохой учитель, потому что русскаго языка не знаетъ, но все-же замѣнить его некѣмъ. На это донесеніе полученъ былъ изъ Синода указъ отъ 27 февраля 1739 съ требованіемъ, чтобы Провинціальная Канцелярія изыскала достойнаго учителя и чтобы Монгольская Школа „необходимая для края“ [272]) была возобновлена. Но это требованіе не было приведено въ исполненіе, и Монгольская Школа закрылась послѣ 15-ти лѣтняго существованія. Осталась одна русская [273]).

Калмыцкій языкъ (собственно нарѣчіе монгольскаго) требовался у насъ прежде всего для миссіонерскихъ цѣлей. Первымъ, какъ кажется, знатокомъ этого языка былъ у насъ *Никодимъ Линкевичъ*, родомъ полякъ, который въ 1715 году постригся въ монахи въ Кіевопечерскій Монастырь. Въ Кіевъ тогда отправляли для поселенія крещенныхъ Калмыковъ. Отъ нихъ Линкевичъ и научился калмыцкому языку. Въ 1725 опредѣленъ онъ былъ миссіонеромъ къ новопросвѣщенному калмыцкому владѣтелю, Петру Петровичу Тайшину. Въ помощь къ Линкевичу присланы были изъ Московской Славяно-латинской Школы ученики *Андрей Чубовскій*, *Яковъ Бестужевъ* и *Иванъ Ляховъ*, для изученія калмыцкаго языка и письма, чтобы „впредь изъ нихъ могли быть священники и діаконы“. Изъ нихъ, Чубовскій впослѣдствіи явился преемникомъ Линкевича въ дѣлѣ просвѣщенія Калмыковъ [274]). Въ 1740, вслѣдствіе представленія полковника Змѣева, коменданта Ставрополя, подъ руководствомъ протопопа Чубовскаго основана была школа для обуче-

---

[272]) Предполагалось, между прочимъ, что Монгольская Школа можетъ служить къ скрѣпленію связей между Россіею и Китаемъ.

[273]) Иркут. епарх. вѣдом. 1870 г. № 49; 1864, № 34. О школѣ этой см. также: „Исторію Россійской іерархіи“, собран. іеромонахомъ *Амвросіемъ*, т. I (М. 1807) стр. 428 - 9; т. II (М. 1810) стр. 464; т. V, стр. 608; т. VII, 961 - 971 (въ этомъ сочиненіи указанія о Школѣ разнорѣчивы); *Семивскаго* „Новѣйшія любопытныя и достовѣрныя повѣствованія о Восточной Сибири“ (Спб. 1817) стр. 30,66; *Макарія Булгакова* „Исторію Кіевской Академіи“, стр. 183 - 4; и *Словцова* „Историч. Обзоръ Сибири“, II, 29 - 30.

[274]) См. статью *Шестакова* въ Ж. Мин. Нар. за 1869 г. ч. 145; *Смирнова* «Исторія Моск. Духовной Академіи», I, 243.

166

нія Калмыковъ русской грамотѣ, а учителями въ эту школу опредѣлены были Бестужевъ и Ляховъ [275]). Къ тому же времени относится порученіе переводчику *Кондакову* сказывать Калмыкамъ, въ воскресные и праздничные дни, поученія на калмыцкомъ языкѣ, «отъ чего бы они могли прійдти въ лучшее познаніе православной христіанской вѣры» [276]).

Калмыцкій языкъ большею частію преподавался вмѣстѣ съ монгольскимъ; но иногда вводился онъ и самостоятельно въ особыхъ школахъ. Такъ, въ мартѣ 1741 года, князь Урусовъ увѣдомлялъ Татищева, что заботы его о татарско-калмыцкой школѣ, основанной въ Самарѣ, не остались безплодными; а Рычковъ къ тому же лицу писалъ, что школа эта «время отъ времени къ лучшему состоянію приходитъ» [277]). Въ 1788 основано было въ Астрахани народное училище, и въ числѣ другихъ восточныхъ языковъ преподавался тамъ и калмыцкій [278]).

Классъ монгольскаго языка при Иркутскомъ Народномъ Училищѣ. Снова началось преподаваніе монгольскаго языка въ Сибири лишь въ 1790 году, но уже съ другою цѣлію — съ цѣлію образованія переводчиковъ. Классъ этотъ былъ открытъ при Главномъ Народномъ Училищѣ въ Иркутскѣ. На первый разъ учениковъ въ немъ оказалось 32 человѣка. Ученіе продолжалось только четыре года: въ 1794 классъ этотъ былъ закрытъ, за неимѣніемъ свѣдущихъ преподавателей [279]).

И такъ, всѣ попытки упрочить у насъ преподаваніе монгольскаго языка обрывались на самомъ же началѣ, за неимѣніемъ учителей. Но отсюда отнюдь не слѣдуетъ заключать, чтобы не было у насъ знатоковъ монгольскаго языка. Такіе знатоки были и въ Петербургѣ, и въ Сибири. Керъ, какъ мы видѣли, указываетъ на монголистовъ въ Петербургѣ въ его время. Это были: академикъ *Байеръ*, *Бухартъ*, *Бакунинъ* и *Петръ Смирновъ*, переводчикъ калмыцкаго языка. Въ Сибири ихъ было, конечно, больше; но они намъ неизвѣстны, потому что не заявили о себѣ литературными трудами. Только Палласъ сохранилъ намъ имя одного замѣчательнаго монголиста, которому знаменитый натуралистъ обязанъ былъ всѣми своими историческими извѣстіями о Монголахъ; это — *Ѣрихъ*

---

[275]) Полное Собраніе Законовъ Росс. Имперіи, т. X, № 8394.

[276]) Тамъ же, № 7335.

[277]) *Пекарскій*, Жизнь и литературная переписка Рычкова. Спб. 1867. стр. 11—12.

[278]) «Москвитянинъ» 1854, ч. I, отд. VII, 134.

[279]) Періодич. сочин. о успѣх. народ. пр. XXVII, 421; *Семивскій* «Новѣйшія повѣствованія», стр. 66; Газета «Амуръ», 1862, № 19.

(Iohann Iährich [280]). Въ настоящемъ столѣтіи славился какъ отличный знатокъ монгольскаго языка *А. В. Игумновъ*, сынъ переводчика монгольскаго и маньчжурскаго языковъ; *Ванчиковъ*—учитель монгольскаго языка въ Кяхтѣ; архіепископъ *Нилъ* (скончался въ іюнѣ 1874), управлявшій 15 лѣтъ Иркутскою Епархіею (съ 1838 по 1853) и на мѣстѣ изучившій монгольскій языкъ; архимандритъ *Епифаній*, бывшій начальникъ иркутской миссіи, (скончался въ ноябрѣ 1869 года); и другіе.

Классъ монгольскаго языка въ Петербургѣ. Поводомъ къ основанію этого класса послужило донесеніе сенатора Энгеля, осматривавшаго управленіе Калмыцкимъ Народомъ въ Астраханской губерніи, о крайнемъ недостаткѣ тамъ въ толмачахъ и переводчикахъ калмыцкаго языка. Тогда (въ 1828) положено открыть классъ калмыцкаго языка на 10 воспитанниковъ при школѣ медицинскаго вѣдомства, предназначенной приготовлять аптекарскихъ мальчиковъ и лекарскихъ учениковъ [281]). Воспитанники для класса калмыцкаго языка набирались изъ ближайшихъ приказовъ общественнаго призрѣнія. Каждый воспитанникъ обязанъ былъ обучаться въ Школѣ до тѣхъ поръ, пока достаточно подготовится, но не долѣе однако четырехъ лѣтъ. Ученики, принятые на службу толмачами, обязывались прослужить не менѣе 6 лѣтъ. Преподавателемъ калмыцкаго языка въ этомъ классѣ былъ академикъ *Шмидтъ*, который преподавалъ тамъ въ теченіе осьми лѣтъ. Затѣмъ классъ этотъ, какъ кажется, закрылся [282]).

Школа въ Троицкосавскѣ. Въ 1831 учреждена была Русско-Монгольская школа въ Троицкосавскѣ, о которой мнѣ извѣстно только то, что она сильно нуждалась въ учебныхъ пособіяхъ, а потому министръ народнаго просвѣщенія приказалъ въ 1835 г. напечатать для нея, въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, нѣкоторыя монгольскія книги, находившіяся въ Азіатскомъ Музеѣ Академіи Наукъ [283]).

Затѣмъ, по желанію торговаго сословія г. Нерчинска, введено было въ 1838 году, въ тамошнемъ уѣздномъ училищѣ, въ видѣ дополнительнаго курса, преподаваніе монгольскаго языка съ назна-

---

[280]) См. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. I, s. VI.

[281]) Школа эта помѣщалась на Аптекарскомъ Острову; основана была въ 1821 г. на 50 воспитанниковъ.

[282]) Полное Собр. Закон. Росс. Имперіи, № 2353; Ж. Мин. Нар. Просв. за 1837, ч. XIII, отд. I, стр. XIII.

[283] Ж. Мин. Народн. Просвѣщ. 1836 г. ч. 10, стр. XCVII и слѣд.

ченіемъ жалованья учителю этого предмета на счетъ городскаго общества [284]).

Изученіе монгольскаго языка съ его нарѣчіями упрочено было у насъ попечителемъ казанскаго учебнаго округа М. Н. Мусинымъ-Пушкинымъ, который ввелъ преподаваніе его въ Казанскомъ Университетѣ. По его представленію, министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ учредить каѳедру монгольскаго языка при восточномъ отдѣленіи въ Университетѣ. Но ни у насъ, ни за границей, не было ученаго монголиста, который съ честію могъ бы занять эту каѳедру; тогда, по ходатайству попечителя, отправлены были два воспитанника Университета, изучившіе уже языки арабскій, персидскій и татарскій — кандидатъ *Ковалевскій* и дѣйствительный студентъ *Поповъ* — въ Восточную Сибирь, гдѣ имѣлись у насъ практическіе знатоки монгольскаго языка, и кочуютъ бурятскіе роды. Въ 1828 оба избранника прибыли въ Иркутскъ и здѣсь приступили къ изученію монгольскаго языка подъ руководствомъ служившаго тамъ переводчикомъ, статскаго совѣтника Игумнова, а затѣмъ усовершенствовались въ немъ среди монгольскихъ племенъ. При этомъ Ковалевскій, вмѣстѣ съ духовной миссіей, проѣхалъ и въ Пекинъ. По возвращеніи въ Россію въ 1833 году, Ковалевскій опредѣленъ былъ адъюнктомъ монгольскаго языка въ Казанскій Университетъ, а Поповъ — учителемъ того же языка въ Казанскую Гимназію [285]).

Казанскій Университетъ. Первые два года монгольскій языкъ преподавалъ въ Университетѣ одинъ *Ковалевскій* (Осипъ Михайловичь), уроженецъ города Гродно, въ гродненской же гимназіи получившій и первоначальное воспитаніе, а затѣмъ 17-ти лѣтъ, въ 1817 году, поступившій въ Виленскій Университетъ; здѣсь пробылъ онъ 6 лѣтъ, послѣ чего переведенъ въ Казанскій для изученія восточныхъ языковъ. Занявъ каѳедру монгольскаго языка, Ковалевскій, послѣ грамматическихъ объясненій, приступалъ къ переводамъ статей изъ собственной хрестоматіи [286]), упражнялъ своихъ слушателей въ переводахъ съ русскаго на монгольскій, и читалъ имъ исторію Монголовъ съ обозрѣніемъ монгольской литера-

---

[284]) Ж. Мин. Нар. Пр. 1838, ч. 22, I, 85.

[285]) *Ковалевскій* «Обозрѣніе хода и преподаванія азіатскихъ языковъ», стр. 14—16.

[286]) Превосходный трудъ этотъ, въ двухъ большихъ томахъ, вышелъ въ Казани въ 1836—37 годахъ; ему предшествовала «Краткая грамматика монгольскаго книжнаго языка» (ibid. 1835); а за нимъ послѣдовало монументальное произведеніе — «Монголо-русско-французскій словарь», въ трехъ томахъ in 4° (ibid. 1844—1849).

туры. Первое время онъ читалъ во всѣхъ курсахъ, а потомъ только въ старшихъ. Въ 1835 г. Ковалевскій былъ повышенъ въ экстраординарные, а потомъ и въ ординарные профессора. По закрытіи Восточнаго Отдѣленія въ 1855, Ковалевскій оставался ректоромъ Университета до 1860, когда былъ уволенъ отъ этой должности и причисленъ къ Министерству Нар. Пр. а затѣмъ назначенъ безсмѣннымъ деканомъ историко-филологическаго факультета въ Варшавскій Университетъ, гдѣ и читалъ лекціи по всеобщей исторіи до самой смерти, послѣдовавшей въ октябрѣ 1878 года [287]).

Въ 1835 помощникомъ Ковалевскому принятъ былъ въ Университетъ, въ званіи адъюнкта, помянутый выше *Поповъ* (Александръ Васильевичъ). Родился онъ въ 1808 г. въ г. Царицынѣ, и учился сперва въ Астраханской Гимназіи, гдѣ занялся языками персидскимъ и татарскимъ. Для усовершенствованія въ нихъ перешелъ онъ въ Казанскую Гимназію, въ которой и окончилъ курсъ въ 1825. Затѣмъ поступилъ въ Университетъ, гдѣ, въ 1828, и получилъ степень дѣйствительнаго студента по разряду восточной словесности. Званія ординарнаго профессора достигъ въ 1846. Занятія свои со студентами начиналъ онъ преподаваніемъ правилъ чтенія и письма, затѣмъ проходилъ съ ними грамматику, толковалъ книгу Алтанъ-Кэрэлъ, повѣсть о Гесеръ-ханѣ, и другія сочиненія, указывалъ отличія монгольскаго языка отъ калмыцкаго, сообщалъ біографіи Шакьямуни и Хонгшимъ-Бодисатвы. Въ сентябрѣ 1853 уволился въ отставку и перешелъ на службу въ Петербургъ по Министерству Государственныхъ Имуществъ [288]).

Петербургскій Университетъ. Хотя въ Петербургскомъ Университетѣ преподаваніе монгольскаго языка введено было еще уставомъ 1835 года, но каѳедра эта открылась только въ 1855 году, съ переводомъ ея изъ Казани.

Первымъ преподавателемъ монгольскаго языка въ Петербургскомъ Университетѣ явился *А. В. Поповъ*, вернувшійся къ прежней своей преподавательской дѣятельности. Преподавая собственно монгольскій языкъ, Поповъ вмѣстѣ съ тѣмъ читалъ и исторію Монголовъ. Въ 1860 онъ назначенъ былъ главнымъ инспекторомъ учи-

---

[287]) *Фойтъ* «Обозрѣніе хода препод. азіатск. языковъ»; *его-же* «Отчеты»; Ж. М. Н. Пр. ч. 106, I, 9.

[288]) *Фойтъ* «Отчеты» 1827 - 1844, стр. 48 - 50; Ж. М. Нар. Пр. ч. 80, I, 22; *В. В. Григорьевъ* «Имп. С.-Петерб. Университетъ», стр. 276.—Поповымъ напечатаны въ Казани: въ 1836—«Монгольская христоматія для начинающихъ»; въ 1847 — «Грамматика калмыцкаго языка».

лищъ Западной Сибири, почему и оставилъ Университетъ. Умеръ въ 1865, въ отставкѣ [289]).

Въ томъ же 1855 году принятъ былъ для калмыцкаго языка, въ званіи исправляющаго должность адъюнкта, *Голстунскій* (Константинъ Ѳедоровичъ). Воспитанникъ 1-й казанской гимназіи, изъ которой поступилъ онъ въ казанскій же университетъ по разряду восточной словесности, К. Ф. кончилъ курсъ въ 1853 году со степенью кандидата и золотою медалью, и поступилъ въ Гимназію старшимъ учителемъ монгольскаго языка, а затѣмъ перешолъ въ Петербургскій Университетъ. Отсюда былъ онъ командированъ въ 1856 въ кочевья Астраханской и Ставропольской губерній для усовершенствованія себя въ калмыцкомъ языкѣ. За выходомъ изъ Университета Попова, на К. Ф. возложено было преподаваніе и монгольскаго языка; тогда же былъ онъ утвержденъ въ званіи исправляющаго должность экстраординарнаго профессора. Въ I-мъ курсѣ К. Ф. проходитъ сравнительную грамматику монгольскаго и калмыцкаго языковъ и упражняетъ въ переводахъ изъ хрестоматіи Попова — по 2 лекціи въ недѣлю; во II-мъ занимаетъ переводами изъ хрестоматіи Ковалевскаго статей относящихся къ исторіи Монголовъ и Буддизму, по 2 лекціи; въ III-мъ переводитъ сказаніе о Гесеръ-ханѣ, по 1 лекціи; въ IV-мъ переводятся Сананъ-Сэценъ и поэма «Джангаръ» или другія сочиненія [290]).

Для практическихъ-же занятій со студентами монгольскимъ языкомъ принятъ былъ въ Университетъ природный монголъ изъ Селенгинска, лама *Гомбоевъ* (Галсанъ), бывшій предъ тѣмъ преподавателемъ монгольскаго языка въ 1-й казанской гимназіи. Въ 1862 Гомбоевъ умеръ; тогда въ Университетъ поступилъ, на правахъ вольнонаемнаго преподавателя, калмыцкій зайсанъ *Кутузовъ* (Дорджи-Джапъ), который и началъ преподавать калмыцкій языкъ съ октября 1863 г. Въ апрѣлѣ 1866 г. былъ онъ, по прошенію, уволенъ отъ этой должности. Вмѣсто Кутузова поступилъ въ Университетъ, въ маѣ 1866, *Бадмаевъ* (Александръ Александровичъ), бывшій старшій лама Ачинской степной думы. Когда, въ сентябрѣ 1873, Бадмаевъ умеръ, факультетъ предложилъ на опроставшееся мѣсто протоіерея Иркутской Епархіи, природнаго бурята

---

[289]) «Имп. С.-Петерб. Университетъ», стр. 275—276; Ж. М. Нар. Просв. ч. 86, I, 180; *Владиміровъ*, Исторія казанской гимназіи, стр. 42.

[290]) *В. В. Григорьевъ* «Имп. С.-Петербургскій Унив.», 276—277; «Актъ» 1858 г. стр. 22—24; Ж. М. Нар. Пр. ч. 106, I, 60-61. Въ 1860, въ Петербургѣ, напечатанъ Голстунскимъ небольшой «Русско-калмыцкій Словарь».

миссіонера *Дорджеева* (Николая Нилова), который и поступилъ въ качествѣ временнаго преподавателя; въ 1876 зачисленъ онъ штатнымъ лекторомъ [291]).

Казанская Гимназія. Въ одно время съ Казанскимъ Университетомъ началось преподаваніе монгольскаго языка и въ Казанской Гимназіи, а именно съ 1833 года, когда преподаваніе этого языка возложено было на *А. В. Попова.* Въ 1842 опредѣленъ былъ въ помощь ему кандидатъ монгольской словесности *Цилли* (Эдуардъ), а въ 1855 — *К. Ф. Голстунскій.*

Для практическихъ упражненій учениковъ въ монгольскомъ языкѣ вызванъ былъ изъ Забайкалья бурятскій лама *Галсанъ Никитуевъ*; въ 1842 г. замѣнилъ его лама *Галсанъ Гомбоевъ* [292]).

Преподаваніе монгольскаго языка начиналось съ 4-го класса, въ которомъ, послѣ чтенія и письма, проходилась первая часть грамматики и предлагались переводы легкихъ статей изъ хрестоматій Попова и Ковалевскаго; въ 5-мъ — синтаксисъ и по-прежнему переводы; въ 6-мъ—переводы съ русскаго на монгольскій, и объяснялись нѣкоторые догматы Буддизма и буддійская терминологія; въ 7-мъ—переводы изъ хрестоматіи Ковалевскаго съ историческими и географическими объясненіями; затѣмъ переводились съ русскаго языка на монгольскій частныя письма, дѣловыя бумаги, контракты и заемныя письма [293]).

Казанская Духовная Академія. Преподаваніе монгольскаго языка, вмѣстѣ съ калмыцкимъ, началось въ Казанской Академіи съ января 1845 года. Первымъ преподавателемъ его былъ *А. В. Поповъ*, вызвавшійся на преподаваніе безвозмездно. Съ $18^{46}/_{47}$ учебнаго года каѳедру эту занялъ ученикъ его —

Бобровниковъ (Алексѣй Александровичъ) воспитанникъ Академіи, магистръ выпуска 1846 года; родился онъ въ Иркутскѣ въ 1821 или 1822; отецъ его, протоіерей, владѣлъ въ совершенствѣ бурятскимъ нарѣчіемъ. Въ Академію опредѣленъ былъ онъ баккалавромъ въ октябрѣ 1846. Съ сентября 1854 и по іюнь 1855 преподавалъ миссіонерскіе предметы противъ Буддизма, а затѣмъ перешелъ въ вѣдомство Оренбургской Пограничной Коммиссіи попечителемъ

---

[291]) Имп. С.-Петерб. Унив. 276, 386 - 387; Ж. М. Нар. Пр. ч. 123, II, 413; Протоколы засѣданій Совѣта №№ 12 и 14.

[292]) *Фойгтъ* «Отчеты», 253; *Владиміровъ* «Исторія казанской гимназіи», гр. 61.

[293]) «Исторія казанской гимназіи», стр. 62 - 63.

172

оренбургскихъ прилинейныхъ Киргизовъ [294]). Умеръ въ нищетѣ, въ Оренбургѣ, въ мартѣ 1865 года [295]).

Каѳедра миссіонерскихъ предметовъ противъ Буддизма замѣщена была не ранѣе какъ въ ноябрѣ 1858 года экстраорд. профессоромъ священникомъ *Зефировымъ* (Михаилъ Михаиловичъ), воспитанникомъ Казанской Академіи, въ которой окончилъ онъ курсъ въ 1850 году со степенью магистра. Въ октябрѣ 1862 былъ онъ уволенъ отъ духовно-училищной службы, по прошенію. Преемникомъ Зефирову явился—

Миротворцевъ (Василій Васильевичъ), воспитанникъ С.-Петербургской Духовной Академіи, опредѣленный въ Казанскую преподавателемъ монгольскаго и калмыцкаго языковъ въ октябрѣ 1863. Со второй половины 18$^{71}/_{72}$ учебнаго года Миротворцевъ перешелъ на каѳедру Русской гражданской Исторіи, и миссіонерское противъ Буддизма отдѣленіе закрылось, за неимѣніемъ профессора, но упразднено не было [296]).

Иркутская Семинарія. Когда въ 1822 открытъ былъ классъ монгольскаго языка въ Иркутской Семинаріи, то на должность учителя его приглашенъ былъ *Игумновъ* (Александръ Васильевичъ) о которомъ было уже не разъ упомянуто какъ о замѣчательномъ знатокѣ монгольскаго языка. Потомъ одно время преподавалъ протоіерей Александръ *Бобровниковъ*, который тоже въ совершенствѣ зналъ не только разговорный, но и книжный языкъ. Затѣмъ видимъ учителемъ того же предмета Василія *Добромыслова*, воспитанника той же семинаріи, выпуска 1832 года. За переходомъ его на службу въ Иркутскую казенную палату, съ 1839 преподаваніе монгольскаго языка поручено было священнику *Орлову* (Александръ Матвѣевичъ),

---

[294]) *Гвоздевъ* «25-лѣтіе Казан. Духовн. Академіи». Для практическихъ занятій съ воспитанниками Академіи по языкамъ монгольскому и калмыцкому помѣщенъ былъ въ самомъ зданіи ея помянутый сейчасъ лама Галсанъ Гомбоевъ (съ 1850), который и оставался тамъ до переѣзда своего въ Петербургъ, въ 1855 году. См. Извлеченіе изъ отчета Оберъ-Прокурора Св. Синода за 1850 годъ.

[295]) См. «Воспоминанія объ А. А. Бобровниковѣ» Н. И. Ильминскаго, въ «Ученыхъ Запискахъ» Казан. Универс. за 1865 годъ. Превосходный трудъ Бобровникова «Грамматика монголо-калмыцкаго языка» (Казань, 1849), будь онъ изданъ не на русскомъ языкѣ, доставилъ бы автору европейскую извѣстность какъ первокласнаго лингвиста, а его реставрація надписи Мангутской Пещеры (въ Сибири) — образецъ археологической проницательности (*прим. ред.*).

[296]) *Гвоздевъ* «25-лѣтіе Казанской Духовной Академіи»; Журн. Засѣд. Сов. Каз. Дух. Академіи за 1870 г. стр. 7; за 1872 г. стр. 289 и 243.

воспитаннику Иркутской Семинаріи, въ которой окончилъ онъ курсъ въ 1838 году. Орловъ преподаетъ и по настоящее время [297]).

Для упражненія учениковъ въ разговорномъ монгольскомъ языкѣ, въ помощь Орлову принятъ былъ въ концѣ 1840-хъ годовъ *Н. Н. Дорджеевъ*, а съ 1857 года — *Шергинъ* (Лаврентій Дмитріевичъ), окончившій курсъ въ Иркутской Семинаріи въ 1828 году. Въ 1865 Шергинъ перешелъ учителемъ въ Иркутское духовное училище [298]).

Въ *Иркутскомъ духовномъ училищѣ* преподавали монгольскій языкъ до 1839 года А. А. *Орловъ*, а послѣ него А. М. *Орловъ*. Въ 1860 поступилъ туда учителемъ этого предмета природный бурятъ *Болдановъ* (Николай Семеновичъ), воспитанникъ Иркутской Семинаріи, состоявшій до этого назначенія учителемъ Балаганскаго приходскаго училища. Съ 1865 преподавалъ Шергинъ [299]).

Нерчинское духовное училище. Преподавалъ тамъ съ 1854 года монгольскій языкъ, вмѣстѣ съ другими предметами, *Благовѣщенскій* (Иванъ Георгіевичъ), родомъ изъ Тамбовской губерніи, окончившій курсъ въ Иркутской Семинаріи въ 1836 году. Съ 1861 преемникомъ его былъ студентъ *Писаревъ* (Евграфъ Яковлевичъ), родомъ изъ Забайкальской области, обучавшійся въ Иркутской Семинаріи, а монгольскій языкъ изучавшій при С.-Петербургской Духовной Академіи [300]).

Въ послѣднее время въ Сибири вновь потребовались, для миссіонерскихъ цѣлей, люди знающіе монгольскій языкъ. Начальство Иркутской Епархіи отправило, въ началѣ 1860-хъ годовъ, въ С.-Петербургскую Духовную Академію семь воспитанниковъ изъ Иркутской Семинаріи для изученія монгольскаго языка въ Петербургѣ у избраннаго монголиста. Шесть изъ нихъ кончили положенный курсъ, хотя ни одинъ не зналъ разговорнаго языка, и въ 1862 году поступили въ распоряженіе епархіальнаго начальства [301]).

---

[297]) Этому Орлову (А. М.) а не упоминаемому ниже А. А. Орлову, принадлежитъ, должно полагать, «Грамматика монголо-бурятскаго разговорнаго языка, составленная А. Орловымъ», Казань, 1878.

[298]) Газета «Амуръ» 1862, № 19; Иркут. епарх. вѣдом. за 1864, № 39, за 1871 г. № 49, прибавленія; за 1872 г. № 4 приб. *Ильминскій*, Воспоминанія объ А. А. Бобровниковѣ.

[299]) Иркут. епарх. вѣдом. 1863 г. № 5; 1866, стр. 186. — Шергинъ напечаталъ въ Казани, въ 1841, монгольскую хрестоматію особаго рода, изъ переводныхъ съ русскаго статей, съ присовокупленіемъ монголо-русскаго словаря.

[300]) Тамъ же.

[301]) *Забѣлинъ* «О распространеніи Христіанства между Бурятами» (Жур. Мин. Нар. Просв. 1870, ч. 147); «Православ. Обозрѣніе» 1868, ч. 26, стр. 172.

Независимо отъ означенной мѣры, началось преподаваніе монгольскаго языка и при Посольскомъ Монастырѣ (на берегу озера Байкала). Въ 1867 обучалось здѣсь этому предмету 19 человѣкъ: 9 — въ первомъ отдѣленіи (старшемъ) при двухъ учителяхъ; 10 — во второмъ, при одномъ учителѣ. Сначала монгольскій языкъ, вмѣстѣ съ другими предметами, преподавалъ миссіонерскій послушникъ *Дмитрій Сизымъ*, бывшій воспитанникъ Посольскаго Монастыря; съ іюня-же 1867 — новокрещенный *Романъ Цирепиловъ*, бывшій учитель Онинскаго русско-монгольскаго училища [302]).

Изъ преподавателей монгольскаго языка въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, заявившихъ себя литературными трудами, слѣдуетъ упомянуть: учителя калмыцкаго языка въ Астраханской Семинаріи Николая *Никонова* [303]); учителя Астраханскаго же уѣзднаго училища священника Петра *Романова* (умеръ въ 1850 году [304]); священника *Алексѣева*, природнаго калмыка, учителя калмыцкаго языка въ Кавказской Семинаріи, и *Крылова* (Александра) учителя того же языка въ Донской Семинаріи [305]).

V. Тюркскіе языки и нарѣчія.

Изъ этихъ языковъ и нарѣчій служили предметомъ преподаванія у насъ: *Татарскій*, какъ принято называть совокупность тюркскихъ нарѣчій, болѣе или менѣе близкихъ между собою, которыми говорятъ Татаре населяющіе западную и южную окраины Сибири, Приволжье, Подкавказье и Крымскій Полуостровъ; *Турецкій*, подъ которымъ разумѣется собственно *Османскій*, языкъ Турокъ Румеліи и Анатоліи; *Адербайджанскій* — тюркское нарѣчіе мусульманъ-суннитовъ въ Закавазьѣ; и *Джагатайскій* — языкъ тюркскихъ колѣнъ нынѣшняго Узбекистана.

По относительной многочисленности татарскаго населенія въ Поволжьѣ и на окраинахъ Россіи, на изученіе языка *татарскаго*

---

[302]) «Правосл. Обозрѣніе» 1868 г. ч. 26, 214 - 215; Иркут. Епархіал. Вѣдомости 1868 г. стр. 351 - 352.

[303]) Вообще нужно замѣтить, что калмыцкій языкъ преподавался въ Астраханской Семинаріи очень успѣшно, такъ что многіе изъ семинаристовъ еще во время ученія начинали переводить священныя книги на калмыцкій языкъ.

[304]) См. статью г. *Шестакова* въ Ж. М. Нар. Пр. за 1869 г. ч. 145.

[305]) Отчетъ оберъ-прокурора Св. Синода за 1868 годъ; Журналъ Казан. Духовн. Академіи за 1871 г.

въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ обращалось особое вниманіе нашего Правительства. Мы видѣли что обученіе ему вводилось всюду, гдѣ являлся какой-либо къ тому поводъ — въ училища гражданскія, духовныя, военныя, училища высшаго, средняго и низшаго разряда. И, несмотря на такія заботы, мы постоянно нуждались въ хорошихъ переводчикахъ татарскаго языка, а серьезные знатоки тюркскихъ нарѣчій явились у насъ, можно сказать, лишь въ послѣднее время, и притомъ совершенно независимо отъ оффиціальнаго преподаванія этого предмета.

Наиболѣе процвѣтало преподаваніе татарскаго языка — въ Казани, какъ центрѣ русской татарщины. Здѣсь, со введеніемъ этого преподаванія въ *Казанской Гимназіи*, первымъ учителемъ татарскаго языка опредѣленъ былъ *Сагитъ Хальфинъ*, состоявшій до того въ Коммиссіи о сочиненіи проекта Новаго Уложенія депутатомъ отъ Старой и Новой татарскихъ слободъ въ Казани, и толмачемъ при Адмиралтейской Конторѣ. Съ назначеніемъ своимъ въ учителя Хальфинъ получилъ званіе „переводчика съ чиномъ" и жалованье „противъ губернскаго переводчика" (150 р.); вмѣстѣ съ тѣмъ самъ онъ и дѣти его исключены изъ податнаго сословія. Занятія свои въ Гимназіи Сагитъ началъ съ октября 1769 года. Съ тѣхъ поръ преподаваніе татарскаго языка въ 1-й Казанской Гимназіи сдѣлалось какъ-бы наслѣдственнымъ въ его семействѣ въ теченіе цѣлыхъ 60-ти лѣтъ. Въ 1773 году, по болѣзни Сагита [306]), замѣщенъ былъ онъ сыномъ своимъ, *Исхакомъ Хальфинымъ*, переводчикомъ на татарскій языкъ „Устава Управы Благочинія" (1792). По смерти Исхака преемникомъ ему явился сынъ его *Ибрагимъ Хальфинъ*, вступившій на эту должность въ іюнѣ 1800, и отправлявшій ее до самой смерти, послѣдовавшей въ 1828 году [307]).

Преподаваніе Хальфиныхъ, по всей вѣроятности, отличалось чисто практическимъ характеромъ. Н. И. Ильминскій полагаетъ, что Хальфины обучали книжному татарскому языку, языку искусственно составленному татарскими муллами, и очень мало имѣющему общаго съ народнымъ языкомъ казанскихъ Татаръ [308]). По-

---

[306]) Г. Артемьевъ утверждаетъ, что Сагитъ былъ учителемъ до 1785, и отказался отъ преподаванія по старости лѣтъ (Ж. Мин. Нар. Пр. 1874, ч. 174, II, 24). Весьма вѣроятно, такъ-какъ въ 1778 году отпечатана въ Москвѣ «Азбука Татарскаго Языка» составленная Сагитомъ — первое, по времени, на русскомъ языкѣ пособіе для изученія татарскаго.

[307]) *Ковалевскій*, Обозрѣніе хода и успѣх. препод. вост. яз.; стр. 3 - 4.

[308]) *Ильминскій* «Вступительное чтеніе въ курсъ турецко - татарскаго языка» (Записки Казан. Унив. 1861, III, 15). Да иного и быть не могло, судя по поведенію Ибрагима Хальфина при изданіи имъ текста Абульгазіевой

слѣ Ибрагима Хальфина преподаваніе татарскаго языка въ Гимназіи возложено было временно на священника *Онисифорова* (Алексѣй). Затѣмъ въ 1836 году обязанности учителя татарскаго языка принялъ на себя *А. К. Казембекъ*, со времени котораго въ Гимназіи сталъ преподаваться собственно турецкій языкъ съ указаніемъ отклоненій отъ него казанскаго и другихъ тюркскихъ нарѣчій. Въ 1842 А. К. Казембекъ оставилъ Гимназію, уступивъ мѣсто брату своему, *Абдуссетаръ Казембеку*, который и преподавалъ до 1848 года. Замѣнилъ послѣдняго *Михайловъ*, кандидатъ Казанскаго Университета, выпуска 1846 года. Въ тоже время практикой съ учениками въ турецкомъ языкѣ занимался хаджи *Османъ Кутлушъ-Оглу*, изъ Константинополя. Съ 1854, когда въ Казанской Гимназіи уцѣлѣлъ изъ восточныхъ языковъ только одинъ татарскій, преподаваніе его возложено было на *Махмудова*, упражнявшаго до этого времени студентовъ Казанскаго Университета въ восточной каллиграфіи [309]). Махмудовъ и былъ послѣднимъ преподавателемъ татарскаго языка въ Казанской Гимназіи [310]).

Въ *Университетѣ Казанскомъ* преподаваніе татарскаго языка введено съ 1812 года, и первымъ преподавателемъ его, въ званіи лектора, явился помянутый выше преподаватель того же предмета въ Казанской Гимназіи *Ибрагимъ Хальфинъ*. Лекторствовалъ онъ по 1828 годъ, занимаясь переводами съ татарскаго на русскій и обратно по 3 раза въ недѣлю [311]). Въ 1828 году на каѳедру татарскаго языка, которая съ этого времени стала называться каѳедрою турецко-татарскаго языка, опредѣленъ былъ мирза *Казембекъ* (Александръ Касимовичъ), сынъ одного изъ бековъ дербентскихъ (род. 22 іюля 1802), получившій отличное мусульманское образованіе и ознакомившійся съ европейскою ученостію у англійскихъ миссіонеровъ въ Астрахани, которыми и обращенъ былъ въ Христіанство. Лѣтомъ 1825 былъ онъ опредѣленъ учителемъ въ Омское Азіатское Училище, въ которомъ и состоялъ до осени слѣдующаго года, когда его перевели лекторомъ въ Казанскій Университетъ на

«Исторіи Монголовъ и Тюрковъ» (см. Біографію Френа, написан. Савельевымъ, стр. 28). И. Хальфину обязаны мы, впрочемъ, изданіемъ первой у насъ хрестоматіи для татарскаго языка, отпечатанной въ 1822 году, въ Казани, подъ заглавіемъ: «Жизнь Чингисъ-хана и Аксакъ-Тимура». Имъ же напечатана была въ 1809 году, въ Казани же, и «Татарская Грамматика».

[309]) *Ковалевскій* «Обозрѣніе», стр. 25; *Владиміровъ* «Историч. Записка о первой Казанской Гимназіи» (Казань, 1867) стр. 58 - 59.

[310]) Въ литературѣ учебной Махмудовъ заявилъ о своемъ существованіи «Практическимъ руководствомъ къ изученію татарскаго языка». Казань, 1857.

[311]) *Ковалевскій* «Обозрѣніе».

каѳедру арабскаго языка, послѣ чего занялъ онъ тамъ и каѳедру турецко-татарскаго. Въ 1830 А. К. зачисленъ былъ адъюнктомъ, въ 1836 повышенъ въ экстраординарные профессора. О преподаваніи его извѣстно, что грамматику турецко-татарскаго языка читалъ онъ по собственному труду объ этомъ предметѣ [312]), а тексты объяснялъ изъ Кабусъ-Намэ, изъ Абульгази, изъ „Исторіи Семи Планетъ" [313]), изъ сочиненій Рагибъ-паши, Ресми-эфенди и др. Кромѣ того, упражнялъ онъ своихъ слушателей въ чтеніи константинопольскихъ и александрійскихъ газетъ, и въ переводахъ съ русскаго на турецкій; читалъ исторію Татаръ, исторію турецкой литературы, исторію просвѣщенія на Востокѣ. Сперва имѣлъ онъ по 1-му часу въ недѣлю, потомъ по 6-ти [314]). Въ 1845 году на каѳедру турецко-татарскаго языка опредѣленъ былъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора магистръ *Березинъ* (Илья Николаевичь), воспитанникъ Казанскаго Университета, только что вернувшійся изъ ученаго путешествія по Востоку. И. Н. переводилъ въ высшихъ курсахъ избранныя мѣста изъ Тути-Намэ, Усси-Зеферъ, „Сказокъ Сорока Визирей", путешествія сейида Вахидъ-Эфендія, дивана Баки, османскіе государственные акты, изданные имъ ярлыки; упражнялъ студентовъ въ переводахъ съ русскаго и французскаго языковъ на турецкій, и съ книжнаго турецкаго на разговорный; кромѣ того, читалъ исторію тюркскихъ племенъ и исторію турецкой литературы: всего по 8 часовъ въ недѣлю [315]). При Казембекѣ и Березинѣ въ Университетѣ находился, съ 1840 года, для практическихъ занятій со студентами и для обученія турецкому языку въ низшихъ курсахъ, еще особый преподаватель, мирза *Абдуссетаръ Казембекъ*, состоявшій старшимъ учителемъ 1-й Казанской Гимназіи; онъ преподавалъ правила чтенія и письма, объяснялъ грамматику турецкаго языка по сочиненію профессора Казембека; переводилъ Кабусъ-Намэ, исторію Абульгази, Наимы и Гезарфенна, Тути-Намэ, стихотворенія Фузули; упражнялъ слушателей въ разговорахъ; всего отъ 4 до 6 часовъ въ недѣлю. Въ 1855 остался за штатомъ [316]). Въ 1844, для упражненія студентовъ

---

[312]) Первое изданіе этого труда вышло въ Казани въ 1839, второе въ 1846 году; послѣднее — подъ заглавіемъ: «Общая грамматика турецко-татарскаго языка».

[313]) Имъ же, въ 1832 году, въ Казани, изданной.

[314]) См. Біографію Казембека, написан. И. Н. Березинымъ (Протоколы засѣданій Совѣта С.-Петерб. Университета, № 4); *Фойтъ* «Отчеты».

[315]) Біографич. подробности см. у *Dugat* въ Histoire des Orientalistes. *Фойтъ* «Обозрѣніе», стр. 12.

[316]) *Фойтъ* «Обозрѣніе», 8, 12 - 13; «Отчетъ» Казан. Универ. за 1854—55 годъ.

178

въ каллиграфіи (предметѣ на Мусульманскомъ Востокѣ чрезвычайно важномъ) принятъ былъ учитель *Мухаммедъ-Али Махмудовъ*, который и занимался порученнымъ ему дѣломъ по 4 часа въ недѣлю [317]).

По закрытіи въ Казанскомъ Университетѣ отдѣленія восточныхъ языковъ въ 1854 году, преподаваніе татарскаго языка было въ немъ продолжено, и каѳедра этого предмета поручена Махмудову. Въ 1861 каѳедра эта была расширена присоединеніемъ къ татарскому языку турецкаго, и замѣщена *Ильминскимъ* (Николай Ивановичъ), состоявшимъ до этого баккалавромъ татарскаго языка въ Казанской Духовной Академіи, а потомъ служившимъ при областномъ правленіи Оренбургскими Киргизами. Н. И. поступилъ въ Университетъ преподавателемъ на правахъ ординарнаго профессора. Въ іюлѣ 1872 назначенъ былъ онъ директоромъ Учительской Семинаріи, открытой въ Казани [318]), вмѣстѣ съ чѣмъ преподаваніе турецко-татарскаго языка въ Казанскомъ Университетѣ прекратилось, и до сихъ поръ не возобновлялось.

Болѣе чѣмъ въ другомъ какомъ учебномъ заведеніи, чувствовалась необходимость обученія молодыхъ людей татарскому языку въ *Казанской Духовной Академіи*. Въ дѣлѣ администраціи легко можно обойтись при помощи мало-мальски толковыхъ переводчиковъ, хотя бы изъ инородцевъ; но проповѣдывать такимъ путемъ Слово Божіе мусульманамъ — дѣло немыслимое. Необходимо, чтобы лица способныя на проповѣдь могли объяснять свое ученіе на мѣстномъ языкѣ. Эта потребность сознана была въ Казанскомъ Краю давно; а потому, какъ только открылась въ Казани Духовная Академія, приняты были мѣры ко введенію въ ней преподаванія татарскаго языка. Первымъ преподавателемъ его былъ *Троянскій* (Александръ), священникъ, изъ воспитанниковъ Казанской Академіи выпуска 1799 года, усвоившій татарскій языкъ какъ родной. Преподавать его началъ онъ съ 1808 года, и несъ эту обязанность до закрытія Академіи въ 1818 году (когда опредѣленъ былъ профессоромъ татарскаго языка въ Казанскую Семинарію). Уроковъ татарскаго языка въ классахъ богословскомъ, философскомъ, риторическимъ и піитическомъ, до октября 1817, было по 6-ти; а съ этого времени по 4. Студенты проходили грамматику татарскаго

---

[317]) *Фойгтъ* «Обозрѣніе».

[318]) Ж. Мин. Нар. Просв. за 1861 годъ. ч. оффиц. стр. 244; Извѣстія Казан. Универс. за 1872 г. стр. 253, 288. — Н. И. Ильминскому обязаны мы первымъ у насъ и превосходнымъ пособіемъ къ изученію киргизскаго нарѣчія, отпечатаннымъ въ Казани въ 1861 г.; изданіемъ джагатайскаго текста «Записокъ Бабера» (ibid. 1857) и замѣчательнымъ «Вступательнымъ чтеніемъ въ курсъ турецко-татарскаго языка» (ibid. 1861).

языка сперва по запискамъ наставника, а съ 1810 года по его печатной грамматикѣ [319]); переводили съ татарскаго на русскій Евангеліе, и разговоры и нравоученія, приложенные къ означенной грамматикѣ; а съ русскаго на татарскій—краткую священную исторію и изъ ежемѣсячнаго изданія подъ названіемъ «Добрый халифъ или островъ испытанія»; кромѣ того учили на память татарскіе разговоры о разныхъ предметахъ [320]). Въ ноябрѣ 1817 Троянскому принятъ былъ Академіею помощникъ, студентъ философіи *Онисифоровъ* (Алексѣй [321]). Съ возобновленіемъ Академіи и открытіемъ въ ней турецко-татарско-арабскаго разряда, преподавать турецко-татарскій языкъ вызвался безвозмездно профессоръ *А. К. Казембекъ*, который и приготовилъ себѣ достойнаго преемника въ лицѣ *Н. И. Ильминскаго*. Воспитанникъ Академіи выпуска 1846 года, Ильминскій былъ опредѣленъ на означенную каѳедру въ октябрѣ 1846 года, и преподавалъ до конца 1858, когда, какъ сказано, перешелъ на службу младшимъ переводчикомъ въ Оренбургскую Пограничную Коммиссію. Мѣсто его въ Академіи занялъ *Саблуковъ* (Гордій Семеновичъ), бывшій учителемъ татарскаго языка въ Саратовской Семинаріи, откуда въ 1849 году былъ онъ перемѣщенъ въ Казанскую Академію баккалавромъ по классу греческаго языка, при чемъ возложено на него и преподаваніе татарскаго языка въ Казанской Семинаріи. Саблуковъ преподавалъ въ Академіи до конца 1862, когда уволился въ отставку [322]). Тогда снова вернулся въ Академію *Н. И. Ильминскій*, въ іюлѣ 1863 опредѣленный въ отдѣленіе миссіонерскихъ предметовъ противъ Ислама преподавателемъ языковъ татарскаго и арабскаго [323]). Вмѣстѣ съ нимъ, въ тоже время, перемѣщенъ былъ изъ учителей Казанской Семинаріи, баккалавромъ, *Маловъ* (Евѳимій Александровичъ), воспитанникъ Казанской Академіи, магистръ выпуска 1862 года [324]). Съ сентября 1863 преподаваніе татарскаго языка въ Академіи усилилось введеніемъ особаго класса практическаго изученія этого языка.

---

[319]) Второе изданіе этой грамматики вышло, въ Казани же, въ 1824 году. Троянскому же принадлежитъ часть составленія перваго у насъ «Татарско-русскаго Словаря» (Казань, 1833).

[320]) *Благовѣщенскій* «Исторія Старой Каз. Дух. Акад.» Казань, 1876, стр. 115-116; *А. Можаровскій* «Старая Казан. Академія».

[321]) *А. Можаровскій* «Старая Казан. Дух. Академія».

[322]) *Гвоздевъ* «25-лѣтіе Казанской Дух. Академіи» («Правосл. Собесѣдникъ» 1868 г. кн. декабрьская). О трудахъ Г. С. Саблукова см. записку *Е. А. Малова* въ приложеніяхъ къ «Правосл. Собесѣднику» 1873 г. стр. 324-5); Извѣстія казанскаго университета за 1872 г. стр. 288.

[323]) 25-лѣтіе Казанской Духовной Академіи.

[324]) Тамъ же.

На должность практиканта разговорнаго татарскаго языка назначенъ былъ священникъ *Тимоѳеевъ* (Василій Тимоѳеевичъ), по происхожденію старокрещенный татаринъ изъ государственныхъ крестьянъ Казанской губерніи [325]). Со введеніемъ новаго академическаго устава 1869 года, Миссіонерское Отдѣленіе противъ Ислама лишилось всѣхъ своихъ преподавателей. Ильминскій отказался отъ преподаванія въ Академіи, Маловъ перешелъ на каѳедру еврейскаго языка съ библейской археологіей, а Тимоѳеевъ остался за штатомъ [326]). Въ 1870 году, на вакантную каѳедру противомусульманскихъ предметовъ опредѣлили воспитанника Казанской Академіи *Н. Т. Остроумова*. Остроумовъ оставался при Академіи въ званіи доцента до 1877 года, когда перешелъ на службу въ Туркестанскій Край инспекторомъ народныхъ училищъ [327]). Тогда единственнымъ преподавателемъ татарскаго языка остался практикантъ, священникъ В. Т. Тимоѳеевъ, успѣвшій передъ тѣмъ снова поступить въ Академію.

Турецкій языкъ (*османскій*) хотя, какъ видѣли мы, и преподавался въ Казани, но изученіе его никогда тамъ не преуспѣвало. Лучше шло дѣло въ Петербургѣ. Но прежде чѣмъ въ этомъ - послѣднемъ, преподаваніе турецкаго языка введено было въ Новороссіи, а именно: въ 1809 году — въ Акмечетскомъ (Симферопольскомъ) и въ 1812 — въ Ѳеодосійскомъ училищѣ, а затѣмъ въ 1828— въ Институтѣ Восточныхъ Языковъ въ Одессѣ [328]).

Въ *Петербургѣ* преподаваніе османскаго языка началось въ *Университетѣ* со вступленіемъ туда на службу, въ званіи ординарнаго профессора, Осипа Ивановича *Сенковскаго*, т. е. съ 1822 года, хотя въ число предметовъ университетскаго преподаванія языкъ этотъ введенъ лишь уставомъ 1835 года. До этого времени Сенковскій читалъ османскій языкъ такъ - сказать приватно, только студентамъ III (тогда послѣдняго) курса, по 2 раза въ не-

---

[325]) Журн. засѣданій совѣта казанской Дух. Академіи за 1870 г. стр. 95, и за 1871 г. стр. 115; Журн. М. Н. Пр. ч. 134. См. также статьи самого Тимоѳеева: «Мое воспитаніе» (въ «Правосл. Обозр.» 1864 г. іюн. кн.) и его «Дневники» (тамъ же, 1865—66 гг.).

[326]) Журн. засѣд. сов. каз. Дух. Академіи за 1870 г. стр. 7—8.

[327]) Протоколы совѣта казанск. Духовн. Академіи за 1877 г. стр. 172—3. Остроумовъ далъ намъ «Первый опытъ словаря народно-татарскаго языка Казанской губерніи» (Казань, 1876).

[328]) Но еще далеко ранѣе имѣли мы уже два перевода турецкой грамматики (Гольдермана) сдѣланныхъ съ французскаго и изданныхъ, одинъ — въ Петербургѣ, въ 1776, другой — въ Москвѣ, въ 1777 году. Петербургскій переводчикъ неизвѣстенъ, московскимъ былъ студентъ Габлицль. *Прим. ред.*

дѣлю. Тѣмъ не менѣе слушатели его успѣвали въ этомъ языкѣ болѣе чѣмъ, впослѣдствіи, у другихъ преподавателей, въ теченіе всего 4-лѣтняго курса. Причиною тому были необыкновенныя способности профессора и умѣнье его заинтересовать слушателей изложеніемъ предмета. Грамматическія правила излагалъ онъ весьма кратко, обращая преимущественно вниманіе на сингармонизмъ, играющій первенствующую роль въ образованіи этимологическихъ формъ османскаго языка. Учебникомъ при этомъ служила, съ 1828 года, изданная имъ тогда «Карманная книжка для русскихъ воиновъ въ турецкихъ походахъ», свидѣтельствующая о необыкновенномъ усвоеніи Сенковскимъ идіотизмовъ и вообще духа османской рѣчи. Первымъ текстомъ, который давался затѣмъ въ руки студентамъ для перевода съ турецкаго былъ «Джиганъ-Нюма» или «Тарихи-Сейяхъ»; слѣдовали отрывки изъ историковъ Наимы и Вассифа; съ особымъ наслажденіемъ останавливался профессоръ на объясненіи слушателямъ знаменитаго памфлета „Хуласэ-и-Иътибаръ" Ресми-Ахмедъ-Эфенди, и затѣмъ, оставляя въ покоѣ стихотворцевъ, переходилъ прямо къ переводамъ съ русскаго на турецкій, пріучая слушателей передавать не слова, не фразы, а смыслъ подлинника выраженіями сообразными съ міросозерцаніемъ Османовъ и духомъ ихъ языка [329]).

Съ 1839 года каѳедру турецкаго языка занялъ экстраординарный профессоръ *А. О. Мухлинскій*, читавшій до этого арабскій языкъ въ здѣшнемъ же университетѣ. Изложивъ правила османской этимологіи, начиналъ онъ переводить „Тарихи-Босна"; затѣмъ переходилъ къ синтаксису языка, и переводилъ „Тарихи-Сейяхъ", „Усси-Зеферъ", „Тарихи Вассифъ-Эфенди" и поэму „Гюль-у-Бульбуль"; кромѣ того упражнялъ въ переводахъ съ персидскаго на османскій. До 1843 года Мухлинскій преподавалъ во всѣхъ четырехъ курсахъ; съ этого-же времени читалъ только въ старшихъ. Въ 1843-44 г. прочелъ онъ „обозрѣніе османской литературы", а въ слѣдующемъ учебномъ году — „исторію турецкаго языка и татарскихъ нарѣчій". Съ 1842 года принятъ былъ въ Университетъ, въ помощь Мухлинскому, *Петрашевскій*, воспитанникъ сперва Виленскаго, а потомъ Петербургскаго университета и Института Восточныхъ Языковъ при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. По окончаніи курса въ послѣднемъ заведеніи, нѣсколько лѣтъ состоялъ онъ на службѣ при нашихъ консульствахъ на Востокѣ [330]).

---

[329]) Сообщено В. В. Григорьевымъ. См. біографію Сенковскаго написанную Савельевымъ, въ I т. «Полнаго Собранія сочиненій Сенковскаго».

[330]) *В. В. Григорьевъ*, l. c. стр. 262; *Плетневъ* «Двадцатипятилѣтіе С.-Петербургскаго Университета».

Въ 1845 году, и Мухлинскій, и Петрашевскій уволились изъ Университета. Преподаваніе-же османскаго языка временно возложено было на мирзу *Джафара Топчибашева*, который и занималъ эту каѳедру до марта 1846, когда замѣстили ее воспитанникомъ Казанскаго Университета, только что вернувшимся изъ ученаго путешествія по Мусульманскому Востоку, магистромъ *Диттелемъ* (Вильямъ Францовичъ). Но преподавалъ Диттель не долго: въ 1848 году онъ умеръ отъ холеры; а каѳедру османскаго языка вторично занялъ мирза *Джафаръ*. Между тѣмъ обстоятельства позволили Мухлинскому снова поступить въ Университетъ и занять, съ іюля 1849, свою прежнюю каѳедру, по которой онъ въ 1853 г. и былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ [331]). Въ первыхъ двухъ курсахъ преподавалъ онъ грамматику османскаго языка, отъ этимологіи переходя къ переводу легкихъ фразъ; а послѣ синтаксиса упражнялъ въ переводахъ „Гумаюнъ-Намэ", „Тарихи-Вассифъ-Эфенди", „Мунтахабати-Эвлія-Челеби", газеты „Джеридэи-Хавадисъ", и въ переводахъ съ персидскаго на османскій. Кромѣ того, постоянно читалъ „исторію османской литературы". Съ 1858, пособіемъ при преподованіи служилъ ему собственный его трудъ: „Османская христоматія для университетскаго преподаванія" (Спб. 1858). Въ мартѣ 1866 года Мухлинскій оставилъ Университетъ по собственному желанію. Скончался въ Варшавѣ въ октябрѣ 1877, въ глубокой старости [332]). Въ мартѣ слѣдующаго 1867 года вступилъ въ Университетъ преподавателемъ османскаго языка *Максимовъ* (Викторъ Александровичъ), воспитанникъ того же университета; окончивъ курсъ со степенью кандидата въ 1859 году, былъ онъ отправленъ отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія на три года въ Турцію для приготовленія къ профессурѣ. Вернувшись въ Петербургъ, Максимовъ удостоенъ былъ степени магистра турецко-татарской словесности, и вслѣдъ затѣмъ принятъ въ Университъ приватъ-доцентомъ; но въ августѣ того же года, получивъ отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ назначеніе въ Константинополь, оставилъ учебную службу.

Послѣ Сенковскаго и Мухлинскаго, османскій языкъ преслѣдовалъ въ Университетѣ какой-то злой рокъ. Чтобы хотя временно удовлетворить потребности въ преподавателѣ на каѳедру этого язы-

---

[331]) *В. В. Григорьевъ* «И. С.-Петерб. Унив.» стр. 262; Ж. М. Нар. Пр. ч. 47, I, 19.

[332]) *В. В. Григорьевъ*, l. c. стр. 263, и 88 приложеній; Ж. М. Н. Пр. ч. 80, I, 122.

[333]) *В. В. Григорьевъ* «И. С.-Петерб. Унив.» стр. 258.

ка, приглашенъ былъ, на правахъ вольнонаемнаго преподавателя, *Абдуллаховъ* (Мухаммедъ-Эминъ), кавказскій уроженецъ, состоявшій муллою при собственномъ Его Величества мусульманскомъ конвоѣ [334]). Затѣмъ, въ 1869 году, преподаваніе османскаго языка поручено было преподавателю адербайджанскаго, *Л. З. Будагову*, но и тотъ вышелъ изъ Университета въ 1870, послѣ чего, временно, до 1873, каѳедру османскаго языка занималъ *И. Н. Березинъ*. Наконецъ, въ мартѣ 1873 каѳедру этого языка удалось замѣстить лицомъ спеціально къ ней готовившимся — магистромъ *Смирновымъ* (Василій Дмитріевичь), воспитанникомъ Университета [335]).

Преподаваніе *Адербайджанскаго* нарѣчія получило право гражданства въ Петербургскомъ Университетѣ съ 1845 года, когда стали поступать туда воспитанники Закавказскаго Края. Для преподаванія этого нарѣчія приглашенъ былъ, въ званіи лектора, армянинъ, чиновникъ Азіатскаго Департамента, *Будаговъ* (Лазарь Захаровичь), получившій первоначальное образованіе въ Астраханской Гимназіи, а университетское сперва въ Москвѣ, потомъ въ Казани, гдѣ и кончилъ курсъ со степенью кандидата въ 1840 году. Въ первыхъ двухъ курсахъ Будаговъ преподавалъ адербайджанское нарѣчіе по собственному труду („Практическое руководство тутецко-татарскаго адербайджанскаго нарѣчія", Москва, 1857), въ которомъ Робертсонову методу примѣнилъ онъ къ изученію восточныхъ языковъ. Въ остальныхъ двухъ курсахъ знакомилъ онъ своихъ слушателей съ повѣствовательнымъ слогомъ и слогомъ дѣловыхъ бумагъ по христоматіи изданной Везировымъ (Спб. 1861), съ произведеніями стихотворными и съ образчиками частной корреспонденціи [336]). Съ измѣненіемъ правилъ о закавказскихъ воспитанникахъ прекратилось въ Университетѣ и преподаваніе адербайджанскаго нарѣчія.

Джагатайскій языкъ, вмѣстѣ съ татарскимъ казанскаго нарѣчія, сталъ читать въ Университетѣ, съ образованіемъ факультета восточныхъ языковъ въ 1855 году, переведенный тогда же изъ Казани, на новооснованную каѳедру турецко-татарской словесности, магистръ *И. Н. Березинъ*; въ 1864 году получилъ онъ степень

---

[334]) *В. В. Григорьевъ* «И. С.-Петерб. универ.» стр. 385.

[335]) См. Протоколы засѣданій Совѣта С.-Петерб. Университета.

[336]) *В. В. Григорьевъ* «И. С.-Петерб. университетъ», стр. 264; Ж. М. Нар. Просв. ч. 124, II, 207 - 208; ч. 125, II, 254. Протоколы засѣд. Совѣта С.-Петерб. Унив. Добрую память оставилъ о себѣ Будаговъ своимъ «Сравнительнымъ словаремъ турецко-татарскихъ нарѣчій» (Спб. 1868-71), какъ первымъ по этому предмету опытомъ.

доктора и утвержденъ былъ ординарнымъ профессоромъ по означенной каѳедрѣ. Кромѣ преподаванія помянутыхъ нарѣчій, пособіемъ при чемъ служитъ имъ же изданная „Турецкая Христоматія" (Казань 1857), печатаніе джагатайскаго отдѣла которой еще не окончено, онъ постоянно читаетъ очеркъ литературы этихъ нарѣчій и этнографическое обозрѣніе тюркскихъ племенъ [337]).

Что касается до практическаго преподаванія татарскаго языка въ Петербургскомъ Университетѣ, то для этого принятъ былъ мулла *Хусейнъ Фейзхановъ*, родомъ татаринъ изъ Симбирской губерніи, подготовленный къ ученымъ работамъ частными занятіями при Академіи Наукъ. Въ 1863 г. былъ онъ утвержденъ лекторомъ, въ сентябрѣ 1866 умеръ [338]). Покойный Фейзхановъ, относясь совѣстливо къ дѣлу, умѣлъ заставить студентовъ заниматься своимъ предметомъ, чего нельзя сказать вообще о лекторахъ изъ Азіатцевъ. Замѣнилъ его преподаватель османскаго языка эфенди *Османовъ*, который и былъ въ апрѣлѣ 1869 утвержденъ лекторомъ татарскаго языка [339]).

Уставомъ 1835 года введено было преподаваніе турецкаго языка и въ *Харьковскомъ Университетѣ*. Возложено оно было на тамошняго профессора восточныхъ языковъ *Б. А. Дорна*, который и имѣлъ по этому предмету по 2 часа въ недѣлю; но въ томъ же году, за выходомъ Дорна изъ Университета, преподаваніе турецкаго языка тамъ прекратилось [340]).

Въ *Московскомъ Университетѣ*, ни турецкій, ни татарскій языкъ не преподавались.

Въ *Одесскомъ* Институтѣ Восточныхъ Языковъ первымъ преподавателемъ турецкаго языка былъ Георгій *Разисъ* (Rasis), который въ короткое время образовалъ достаточно свѣдующихъ переводчиковъ [341]); но, за отъѣздомъ его въ Турцію, преподаваніе

---

[337]) *В. В. Григорьевъ*, И. С.-Петерб. Унив., стр. 266 - 267; Ж. М. Нар. Пр. ч. 84, I, стр. 19.

[338]) *В. В. Григорьевъ*, И. С.-Петерб. Унив., 267; Ж. Мин. Нар. Просв. ч. 124, II, 192.

[339]) Протоколы засѣд. Совѣта, № 1.

[340]) Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. за 1835 и 1836 годы, ч. оффиц.

[341]) Какъ, напримѣръ, *А. А. Борзенко*, который для усовершенствованія въ турецкомъ языкѣ отправленъ былъ графомъ Воронцовымъ на казенный счетъ въ Константинополь на три года, а по возвращеніи оттуда опредѣленъ въ канцелярію генералъ-губернатора переводчикомъ (*Скальковскій*, «Участіе Одессы на поприщѣ наукъ» въ «Сынѣ Отечества», 1842 г. VI, 46 - 47).

турецкаго языка въ Институтѣ прекратилось [342]). По обновленіи Института въ 1837 году, на каѳедру восточныхъ языковъ, въ концѣ 1838 года, опредѣленъ былъ исправляющимъ должность профессора *Григорьевъ* (Василій Васильевичь), кандидатъ С.-Петербургскаго Университета, ученикъ Сенковскаго. Обучалъ онъ, какъ османскому, такъ арабскому и персидскому. Въ декабрѣ 1842, по полученіи степени магистра историческихъ наукъ (за диссертацію „О достовѣрности ярлыковъ, данныхъ ханами Золотой Орды русскому духовенству", М. 1842 [343]), былъ онъ утвержденъ въ званіи профессора. Въ 1844 году Григорьевъ перешелъ на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. На опроставшуюся такимъ образомъ каѳедру опредѣлили, въ февралѣ 1845, исправляющимъ должность профессора, *Кузьмина* (Василій Несторовичь), также изъ воспитанниковъ С.-Петербургскаго Университета, гдѣ онъ окончилъ курсъ въ 1823 году по отдѣленію восточной словесности съ званіемъ старшаго учителя. Съ 1824 по 1837, Кузьминъ состоялъ при Главнокомандующемъ Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ [344]); съ 1839 по 1845, находился на службѣ въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія. Въ Институтѣ состоялъ онъ преподавателемъ до самой смерти, послѣдовавшей въ 1852 году. Преемникомъ его былъ кандидатъ Казанскаго Университета *И. Н. Холмогоровъ*, также опредѣленный исправляющимъ должность профессора. Имъ и закончился рядъ преподавателей восточныхъ языковъ въ Одессѣ, такъ какъ въ 1856 году преподаваніе этихъ языковъ было здѣсь, съ образованіемъ особаго для того факультета въ Петербургѣ, закрыто [346]).

Въ гимназическихъ классахъ Института Восточныхъ Языковъ въ Одессѣ обучали старшіе и младшіе учителя. Изъ старшихъ студентъ Казанскаго Университета *Шутовъ* (Иванъ Ивановичь) опредѣленъ былъ на должность въ 1840, и оставался на ней до

---

[342]) Отчетъ Ришельевскаго Лицея за 1845-46 годъ. Разису принадлежитъ Vocabulaire francais-turc, отпечатанный въ 1828 г. въ Петербургѣ — работа для своего времени весьма почтенная.

[343]) Объ этой диссертаціи берлинскій академикъ Шоттъ, рецензировавшій ее въ Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik, отозвался что «это одна изъ превосходнѣйшихъ научныхъ монографій, какія когда-либо выходили изъ-подъ пера русскаго ученаго».

[344]) «Сорокалѣтіе Ришельевскаго Лицея», Одесса, 1857.

[345]) Отчеты Ришельевскаго Лицея за 1844-45 и 1851-52 года; «Сорокалѣтіе лицея»; *В. В. Григорьева*, И. С.-Петерб. Универ., стр. LXVIII.

[346]) Отчеты Лицея за 1852-53, 1853-54, 1854-55, 1855-56 годы; «Сорокалѣтіе Лицея»; Ж. М. Нар. Пр. ч. 88, I, 113; ч. 98, VII, 118.

[347]) Отчеты Ришельевскаго Лицея; *Фойгтъ*, Отчеты, стр. 252.

1856, когда, какъ и Холмогоровъ, оставленъ былъ за штатомъ. Младшими учителями, и вмѣстѣ съ тѣмъ надзирателями Института Восточныхъ Языковъ, были: *Грамматиковъ* (Меркурій Дмитріевичъ), опредѣленный въ 1839 году, но скоро вышедшій изъ гимназіи; потомъ, съ 1842, *Комперъ* (Петръ Осиповичъ), остававшійся до 1845 года, и наконецъ *Аліевъ* (Алексѣй Афанасьевичъ), при которомъ послѣдовало закрытіе Института въ 1856 году [348]).

Въ Учебномъ Отдѣленіи Восточныхъ Языковъ при Азіатскомъ Департаментѣ преподаваніе турецкаго языка возложено было, съ самаго открытія этого заведенія, на профессора *Ф. Ф. Шармуа*, который и преподавалъ его до самаго отъѣзда своего во Францію въ 1835 году. Преемникомъ его по этому предмету былъ баронъ *Демезонъ* (Петръ Ивановичъ), продолжавшій преподаваніе и послѣ 1843 года, когда былъ онъ сдѣланъ директоромъ Отдѣленія (послѣ Аделунга). Въ 1872 году Демезонъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ изъ Россіи. Для практическаго-же ознакомленія воспитанниковъ Отдѣленія съ турецкимъ языкомъ принятъ былъ туда, также съ самаго основанія заведенія, состоявшій на службѣ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ константинопольскій грекъ *Чорбаджи-оглу*. Въ 1844 году смѣнилъ его въ званіи репетитора турецкаго языка константинопольскій армянинъ *Оханнесъ Амиди*, который и состоялъ въ Отдѣленіи до 1849 года. Въ теченіе 1852 - 1856 годовъ должность репетитора турецкаго языка занималъ турокъ изъ Константинополя *Вехби-эфенди*. Въ 1857 году на эту должность опредѣленъ былъ также константинопольскій турокъ *Акифъ-эфенди*; оставилъ онъ Отдѣленіе въ 1859 году. Въ 1862 году вакансія репетитора замѣщена была константинопольскимъ туркомъ *Османомъ Нури* (въ св. крещеніи Александръ); въ 1877 году онъ умеръ. Въ настоящее время турецкій языкъ въ Отдѣленіи преподаетъ *Фардисъ*, константинопольскій грекъ, бывшій членъ турецкой академіи, принятый въ Отдѣленіе въ 1878 году.

О преподавателяхъ турецкаго языка въ *Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ Языковъ*, извѣстно мнѣ лишь то, что въ 1830-хъ годахъ преподавалъ его тамъ армянинъ *Аракелъ Шахумовъ* [349]), а въ настоящее время преподаетъ его тамъ экстраординарный профессоръ *М. Л. Лазаревъ*, составитель „Турецко-татарско-русскаго

---

[348]) Отчеты Ришельевскаго Лицея за 1853-56 годы; *Михневичъ*, «Историческій взглядъ на учебныя заведенія Новороссійскаго края и Бессарабіи (въ Новороссійскомъ календарѣ на 1844 г.); Новороссійскій календарь на 1852 годъ, стр. 361-2.

[349]) Собраніе указовъ относительно Армянъ, стр. 108.

словаря нарѣчій османскаго, крымскаго и кавказскаго (Москва, 1864) и „Сравнительной Христоматіи турецкаго языка, нарѣчій Османлы и Адербиджана (sic)". Москва, 1866.

Изъ другихъ преподавателей турецко-татарскаго языка о которыхъ имѣются какія-либо свѣдѣнія, можемъ упомянуть о слѣдующихъ:

Въ Неплюевскомъ Военномъ Училищѣ первымъ, извѣстнымъ намъ, преподавателемъ предмета былъ *Демезонъ* (Петръ Ивановичь), кандидатъ Казанскаго Университета. Въ 1831 году былъ онъ опредѣленъ на должность преподавателя татарскаго языка въ Училищѣ и въ тоже время переводчика въ Оренбургскую Пограничную Комиссію [350]). О рѣдкихъ познаніяхъ Демезона въ татарщинѣ можно заключить по тому, что въ 1835 году посѣтилъ онъ Бухарію подъ видомъ татарскаго муллы, и не былъ признанъ за европейца. Впослѣдствіи, какъ видѣли мы сейчасъ, состоялъ онъ директоромъ Института Восточныхъ Языковъ при Министерствѣ Иноетранныхъ Дѣлъ. Умеръ въ Парижѣ въ 1873 году. На смѣну Демезона въ 1837 году опредѣленъ былъ въ Училище кандидатъ Казанскаго Университета *Кукляшевъ* (Салихъ-джанъ [351]). Позже преподавалъ тамъ *Ивановъ* (Мартиніанъ), составитель хорошой христоматіи и грамматики татарскаго языка, отпечатанныхъ въ 1842 году въ Казани, и почти въ полномъ количествѣ сдѣлавшихся жертвою пожара [352]).

Въ Тифлиской гимназіи обучали татарскому языку: *Юсуфъ Шахназаровъ* [353]); *Л. З. Будаговъ* (въ 1840-1844) [354]); *Макаровъ*, напечатавшій христоматію мѣстнаго татарскаго нарѣчія [355]). Въ 1842 г. младшимъ учителемъ опредѣленъ былъ туда дѣйствительный студентъ Казанскаго Университета *Григорьевъ* (Иванъ) [356]); а въ 1858 — дербентскій житель Мирза *Джибраилъ Исрафиловъ*.

Въ Екатеринодарской гимназіи, въ концѣ 1840-хъ годовъ преподавалъ кандидатъ Московскаго Университета, армянинъ *Хорасановъ*, составившій грамматику татарскаго языка [357]).

---

[350]) *Плетневъ* «Двадцатипятилѣтіе С.-Петерб. Университета»; *Фойгтъ* «Отчеты», стр. 252.

[351]) *Фойгтъ* «Отчеты», стр. 252.—Кукляшевъ напечаталъ въ 1859 г. въ Казани, небольшую «Татарскую Христоматію».

[352]) Отечеств. Записки 1842 г., т. XXV (см. разборъ означенной христоматіи).

[353]) Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 17, стр. XCVII.

[354]) Протоколы засѣд. Сов. И. С.-Петерб. Унив.

[355]) *Савельевъ* «Восточныя литературы и русскіе оріенталисты» (Русскій Вѣстникъ 1856 г. мартъ, стр. 133).

[356]) *Фойгтъ* «Отчеты».

[357]) Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 65, III, 25.

Въ Новочеркасской гимназіи, въ 1851 году старшимъ учителемъ турецкаго языка опредѣленъ былъ кандидатъ Казанскаго Университета *Адамовъ* (Іосифъ). Младшимъ учителемъ татарскаго языка въ 1860-хъ годахъ видимъ тамъ *Абулъ-Гасанъ Везирова* [358]).

Въ Астраханской гимназіи, съ 1843 года учительствовалъ воспитанникъ Казанскаго Университета *Ильинъ* (Викторъ [35]).

Въ гимназіи и семинаріи Саратова, въ концѣ 1830-хъ и въ 1840 годахъ, учителемъ татарскаго языка былъ *Г. С. Саблуковъ*, извѣстный нѣсколькими прекрасными трудами, но не по части языкознанія.

Въ Тобольской гимназіи первымъ учителемъ татарскаго языка, съ 1810 года, былъ *Сейфуллинъ*, который раньше преподавалъ въ главномъ Народномъ Тобольскомъ Училищѣ до преобразованія его въ гимназію [361]); раньше-же его въ этомъ училищѣ преподавалъ священникъ *Гигановъ* (Іосифъ) [362]), замѣчательный какъ первый у насъ и въ Европѣ авторъ „Татарской Грамматики" (Спб. 1801) и „Русско-Татарскаго Словаря" (Спб. 1804), которому предшествовалъ „Сборникъ коренныхъ татарскихъ словъ" (Спб. 1801), имъ же составленный. Подъ его же надзоромъ составленъ былъ бухарцемъ Ніятъ-Баки Атнометовымъ „Букварь татарскаго и арабскаго письма", отпечатанный въ Петербургѣ въ 1802 году.

Въ Казанской духовной семинаріи, по обращеніи въ оную Казанской Академіи въ 1818 году, татарскій языкъ сталъ преподавать бывшій профессоръ академіи *А. Троянскій*. Затѣмъ, съ весны 1849 — переведенный изъ Саратовской Семинаріи *Г. С. Саблуковъ*; въ 1858 былъ онъ переведенъ въ Казанскую Академію [363]). Въ послѣднее время преподавателемъ татарскаго языка въ Семинаріи былъ *Я. И. Фортунатовъ* [364]). Черемисскому языку обучалъ тамъ въ тоже время студентъ *Земляницкій* (Флавіанъ Петровичъ), а *Чувашскому*—священникъ *Целеринскій* (Александръ Федоровичъ [365]).

Въ Казанскомъ духовномъ училищѣ татарскій языкъ преподавался *Абдулъ-Кайюмъ Насыровымъ* [366]), напечатавшимъ въ Казани,

---

[358]) *Фойгтъ* «Обозрѣніе»; Ж. М. Нар. Пр. ч. 113, I, 14.

[359]) *Фойгтъ* «Отчеты», стр. 253.

[360]) Актъ въ Тифлисской Гимназіи 1859 г. стр. 37.

[361]) Періодич. сочиненія объ успѣхахъ народн. просвѣщ. ч. XXVII, стр. 358 - 9.

[362]) См. Энциклопедич. лексиконъ изд. Плюшара, т. XIV, стр. 202.

[363]) *Гвоздевъ* «Двадцатипятилѣтіе Казанской Духовной Академіи».

[364]) Памятн. кн. Казан. губ. на 1867 годъ.

[365]) Тамъ же.

[366]) Ж. М. Нар. Пр. ч. 17, XCVII.

189

въ 1860 году „Краткую татарскую грамматику", а въ 1878 — коротенькій „Татарско-русскій Словарь".

Въ Горійскомъ уѣздномъ училищѣ, въ 1830-хъ годахъ учительствовалъ *Сараджевъ*, составившій христоматію татарскаго языка [367]).

[Въ представленномъ обозрѣніи исчислены всѣ извѣстныя пособія къ изученію тюркскихъ языковъ, изданныя лицами обучавшими имъ оффиціально. Для полноты литературы предмета въ Россіи, представляется нелишнимъ указать и на тѣ нѣсколько трудовъ этого рода, которые напечатаны у насъ лицами, означенныхъ языковъ не преподававшими. Вотъ они:

Dictionnaire francais-arabe-persan et turc, enrichi d'exemples en langue turque avec des variantes et de beaucoup de mots d'arts et de sciences. Par le prince *Alexandre Handjeri*. Moscou, 1840—1841, три тома in 4° — трудъ монументальный по отношенію къ османскому языку.

Татарско-русскіе разговоры, съ присовокупленіемъ пословицъ, басенъ, образцовъ для склоненій и спряженій татарскихъ словъ. Составлены *Абдъ-эль-Рахманомъ Челеби Крымъ-Ховаджею*. Казань, 1850, 4°.

Ueber die Sprache der Iakuten. Grammatic, Text und Wörterbuch. Von *Otto Böhtlingk*. St. Petersburg. 1851 4° — трудъ по лингвистикѣ классическій.

Новые разговоры на турецкомъ и русскомъ языкахъ, составлены *Зармайромъ Мсеріанцъ*. Москва, 1857.

Начальное ученіе турецкаго языка, составленное *Зармайромъ Мсеріанцъ*. Москва, 1856.

Словарь Джагатайско-турецкій. Издалъ *В. В. Вельяминовъ-Зерновъ*. Спб. 1868 — изданіе, по отчетливости съ какою оно сдѣлано, образцовое, и въ области оріентализма едва-ли имѣющее равное себѣ.

Грамматика Алтайскаго языка. Составлена членами алтайской миссіи (съ русско-алтайскимъ и алтайско-русскимъ словаремъ). Казань, 1869.

Русско-татарскій букварь для чтенія въ первоначальныхъ народныхъ школахъ (Таврической губерніи). Составилъ *А. Боданинскій*. Одесса, 1873.

Грамматика и хрестоматія турецкая, персидская, киргизская и узбекская Составилъ *М. Терентьевъ*. Спб. 1875—1877.

Турецкій собесѣдникъ. Изданіе Военно-ученаго Комитета Главнаго Штаба. Спб. 1876.

---

[367]) Памятн. кн. Казан. губ. на 1867 г.

Спутникъ русскаго человѣка въ Средней Азіи, заключающій въ себѣ словарь языковъ: 1) тюркскаго (джагатайскаго или узбекскаго) съ особенностями нарѣчій: кашгарскаго, хивинскаго и туркменскаго; 2) киргизскаго; 3) татарскаго (казанскаго и оренбургскаго); 4) сартскаго (городскаго-узбецкаго) и 5) таджикскаго (бухарскаго). Съ грамматическимъ очеркомъ. Составилъ *А. Старчевскій*. Спб. 1878.

Можетъ быть списокъ этотъ не полонъ, но важнѣйшее, по крайней мѣрѣ, едва-ли забыто. [*Прим. ред.*]

VI. Еврейскій языкъ.

О преподаваніи у насъ еврейскаго языка рѣчь зашла еще въ самомъ началѣ прошлаго столѣтія, и вотъ по какому случаю. Во время войны Петра I съ Карломъ XII, попалъ къ намъ въ плѣнъ, въ 1702 году, главный лифляндскій пасторъ Ернестъ *Гликъ* (или *Глюкъ*), занимавшійся на родинѣ своей, въ Саксоніи, между прочимъ и восточными языками. Петръ, желая воспользоваться способностями такого плѣнника, знавшаго къ тому же и по-русски, поручилъ ему завести въ Москвѣ „первоначальную гимназію для разночинцевъ", начальникомъ которой опредѣлилъ самого Глика съ жалованьемъ въ 3000 рублей. Къ концу 1703 года Гликъ приготовилъ все къ открытію гимназіи и представилъ программу предметовъ, которые должны были преподаваться въ ней. Въ числѣ этихъ предметовъ упомянуты — на случай „когда угодные ученики будутъ" — языки еврейскій, сирійскій и халдейскій „въ пользу всѣмъ охотникамъ ѳеологскихъ сладостей". Учителемъ-же этихъ языковъ вмѣстѣ съ греческимъ, въ программѣ названъ *Христіанъ-Бернардъ Гликъ*, родственникъ Ернеста [368]). Преподавался-ли, дѣйствительно, еврейскій языкъ въ означенной гимназіи, неизвѣстно, какъ мало извѣстна и судьба самого этого заведенія по смерти Ернеста Глика (1705). Знаемъ только, что послѣ Глика завѣдываніе гимназіей перешло къ магистру философіи Іенскаго Университета Іоганну *Паузе*, и что при немъ также предполагалось преподавать еврейскій языкъ [369]).

---

[368]) Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, составл. митрополитомъ *Евгеніемъ Болохвитиновымъ*. Изданіе Снегирева, т. I, 275—286; изданіе „Москвитянина" I, 126—128; *Пекарскій* «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ». Спб. 1862; т. I, стр. 131. Самая программа Глика напечатана въ журналѣ „Другъ Просвѣщенія" 1806 года, въ 1-й части.

[369]) *Пекарскій* „Исторія Академіи Наукъ", т. I, стр. XIX.

Спустя пятьдесятъ съ небольшимъ лѣтъ послѣ того, еще разъ являлась у насъ возможность учиться еврейскому языку у иностранца: въ 1756 году, для занятія должности ректора университетской гимназіи въ Москвѣ, вызванъ былъ изъ-за границы докторъ философіи *Шаденъ* (Іоганнъ-Матіасъ), воспитанникъ Тюбингенскаго Университета, въ которомъ изучалъ онъ еврейскій языкъ у Шнуррера. Прибывъ въ Москву, Шаденъ составилъ для Гимназіи каталогъ лекцій, въ которомъ, между прочимъ, заявлялъ, что „есть ли найдутся, которые восточнымъ языкамъ еврейскому и халдейскому учиться, и оныхъ древности разсмотрѣть пожелаютъ, то онъ (Шаденъ) имъ не только въ филологію руководство тѣхъ восточныхъ языковъ, но и особенное наставленіе въ языкахъ еврейскомъ и халдейскомъ преподастъ“ [370]).

Въ 1765 году принята была Екатериною Великою мѣра, которая могла упрочить у насъ преподаваніе еврейскаго языка, и поставить его на подобающую высоту: именно императрица предполагала основать въ Москвѣ „Богословскій Факультетъ“, преподавателями котораго долженствовали быть русскіе профессора, но подготовившіеся къ своей дѣятельности за границей. Для этого Екатерина велѣла выбрать изъ семинарій десять способныхъ учениковъ, и отправить ихъ въ Англію, гдѣ они должны были изучать восточные языки (т. е. еврейскій съ его отраслями — сирійскимъ и халдейскимъ [371]). Въ дѣйствительности были отправлены три партіи учениковъ: первая, состоявшая изъ инспектора Никитина, канцеляриста Буховецкаго, студентовъ — Левшинова, Быкова, Суворова и Матвѣевскаго, отправилась въ концѣ 1765 года въ университеты оксфордскій и кембриджскій; вторая, въ которой находились студенты *Наумовъ*, *Багрянскій*, *Антонскій* и *Клевецкій*, отправилась въ Лейденъ, спустя годъ послѣ первой; третья, состоявшая изъ пяти лицъ — инспектора *Семенова* и студентовъ *Смирнова*, *Розанова*, Андреевскаго и *Новикова*, отправилась въ Геттингенъ. Изъ первой партіи еврейскій языкъ изучали *Быковъ* и *Суворовъ*; во второй всѣ слушали лекціи еврейскаго языка у профессора Шультенса; въ третьей — всѣ, за исключеніемъ Андреевскаго, изучали еврейскій языкъ у профессора Михаэлиса. Когда первые студенты возвратились на родину, имъ произведенъ былъ экзаменъ, на которомъ они блестящимъ образомъ доказали, что

---

[370]) Словарь русскихъ писателей митроп. Евгенія (изд. „Москвитянина“ II, 245—247); Біографич. словарь профессоровъ и препод. И. Московскаго Университета.

[371]) См. выше, стр. 103.

провели время за границей не даромъ. Тогда образована была особая коммиссія для составленія проекта богословскаго факультета. Въ 1773 году проектъ былъ выработанъ, но осуществленія его не послѣдовало. Тѣ студенты, которые вернулись (одинъ умеръ за границей, а о нѣкоторыхъ никакихъ свѣдѣній не имѣемъ) были размѣщены профессорами въ Московскую Духовную Академію или въ духовныя семинаріи [372]). Такимъ образомъ предпріятіе, обѣщавшее очень много, кончилось почти ничѣмъ.

Преподаваніе еврейскаго языка въ семинаріяхъ вводилось у насъ постепенно, по мѣрѣ возможности замѣщать должности учителей этого языка людьми свѣдущими въ немъ, и велось на первое время плохо, что можно сказать и о духовныхъ академіяхъ.

Что касается до свѣтскихъ учебныхъ заведеній, то изъ нихъ въ Дерптскомъ Университетѣ еврейскій языкъ вводился, главнымъ образомъ, также для религіозныхъ цѣлей.

Въ Евангелической церкви знаніе еврейскаго языка всегда почиталось существенною частію ученаго образованія богослововъ. Слѣдовательно введеніе каѳедры этого языка въ Дерптскомъ Университетѣ вызвано было одною изъ самымъ насущныхъ мѣстныхъ потребностей, къ которымъ всегда было чутко наше правительство. Но чтобы не тратить въ Университетѣ времени на первоначальное ознакомленіе съ еврейскимъ языкомъ, положено было, въ августѣ 1807, обучать еврейскому языку въ гимназіяхъ, по 2 часа въ недѣлю, тѣхъ изъ воспитанниковъ которые намѣрены были, по окончаніи гимназическаго курса, поступить въ Университетъ на богословское отдѣленіе [373]). Новымъ уставомъ учебныхъ заведеній подвѣдомственныхъ Дерптскому Университету, Высочайше утвержденнымъ 4 іюня 1820 года, вторично предписывалось обучать еврейскому языку, въ высшемъ классѣ гимназій, тѣхъ учениковъ, которые посвящаютъ себя изученію Богословія. Но мѣра эта не принесла ожидаемыхъ результатовъ, т. е. не сберегла времени университетскаго преподаванія, тратившагося на первоначальное ознакомленіе съ языкомъ. Потому, какъ доносилъ министру попечитель Дерптскаго Округа, что въ Университетъ нерѣдко поступаютъ прямо изъ дому, вслѣдствіе чего профессору Экзегетики и Восточной Словесности приходится занимать слушателей самыми первоначальными толкованіями. Вслѣдствіе этого, совѣтъ Университета, для избѣжанія напрасной траты времени, просилъ Министра на-

---

[372]) См. статью X-ую „Проекта Богословскаго Факультета при Екатеринѣ II“ (въ Вѣстникѣ Европы за ноябрь 1873 года).

[373]) Період. Сочиненія о успѣхахъ народ. просв. № XIX, стр. 224 - 225.

значить для незнающихъ еврейскаго языка лишнихъ полтора года, чтобы, съ одной стороны, побудить поступающихъ на богословское отдѣленіе подготовляться въ еврейскомъ языкѣ заранѣе, а съ другой — не выпускать богослововъ слабыхъ въ этомъ языкѣ. Мѣра эта была Министромъ утверждена въ маѣ 1821 года [374]).

Вотъ свѣдѣнія которыя могли мы собрать относительно лицъ обучавшихъ еврейскому языку въ нашихъ духовныхъ учебныхъ учрежденіяхъ:

Въ Кіевской Духовной Академіи первымъ извѣстнымъ преподавателемъ еврейскаго языка былъ *Тодорскій* (въ монашествѣ Симонъ), воспитанникъ той же академіи, болѣе десяти лѣтъ слушавшій лекціи въ иностранныхъ университетахъ на средства Рафаила Заборовскаго; главнымъ образомъ познаніями своими обязанъ былъ онъ іенскому профессору Михаэлису. Въ 1742 году избранъ онъ былъ законоучителемъ православной вѣры къ наслѣднику престола, Петру Феодоровичу. Умеръ въ 1754. Преемникомъ ему по каѳедрѣ еврейскаго языка явился лучшій изъ его учениковъ, іеромонахъ *Лящевскій* (Варлаамъ). Преподавалъ онъ въ 1743 - 1746 годахъ. Въ 1747, Лящевскій, какъ отличный знатокъ греческаго языка, вызванъ былъ Св. Синодомъ въ С.-Петербургъ для пересмотра поправокъ славянской библіи, приготовлявшейся тогда къ изданію. Въ 1751 - 52 еврейскій языкъ преподавалъ *Павинскій* (Іакинѳъ); затѣмъ — священникъ *Крижановскій* (Константинъ). Въ 1758 г. его смѣнилъ священникъ *Павловичъ* (Константинъ); а этого въ 1761 смѣнилъ іеромонахъ *Петолинскій* (Рувимъ), преподававшій до 1765 года. Послѣ того преподавали тотъ же предметъ: студентъ богословія *Злотковскій* (Антонъ), и, въ концѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія — учитель латинской грамматики низшаго класса, *Котловскій* (Адамъ). Въ послѣдніе годы митрополита Самуила (1783 - 1796) и при преемникѣ его митрополитѣ Іерофеѣ, учителемъ еврейскаго языка въ Академіи былъ *Иванишевъ* (Дмитрій). Затѣмъ—священникъ *Шехновскій* (Григорій), студентъ богословія *Гогоцкій* (Сильвестръ), и студентъ же богословія *Игнатовичъ* (Іоакимъ); послѣдній—съ 1808 по 1817 годъ (недавно праздновался 70 - лѣтній юбилей его служебной дѣятельности). Всѣ эти преподаватели излагали правила еврейскаго языка по грамматикѣ Михаэлиса, переведенной съ нѣмецкаго языка на латинскій въ самой академіи; а для переводовъ употреблялась книга Бытія и другія, и руководство Христофора Целлярія „Разговоры домашніе и школь-

---

374) Записки Департамента Народн. Просвѣщ. годъ 1822, ч. IV, стр. 158 - 160.

ные". Уроковъ еврейскаго языка полагалось по 3 часа въ недѣлю [375]).

По преобразованіи Академіи согласно уставу 1808 года, еврейскій языкъ преподавали въ ней:

Баккалавръ *Максимовичъ* (Александръ Андреевичъ), магистръ и воспитанникъ С.-Петербургской Духовной Академіи; между прочимъ онъ переводилъ со своими слушателями нѣкоторыя замѣчательныя мѣста изъ Талмуда при помощи лексиконовъ Штоккія, Буксторфа и Зелинга. Въ короткое время своего преподаванія — съ сентября 1817 по іюль 1821 — онъ образовалъ нѣсколько хорошихъ гебраистовъ. Преемникомъ его былъ воспитанникъ С.-Петербургской Духовной Академіи, магистръ *Гуляевъ* (Спиридонъ). Съ сентября 1823 преподавать сталъ магистръ *Грузинъ* (Иванъ Дмитріевичъ), воспитанникъ Кіевской Академіи. Послѣ него съ ноября 1827 года — магистръ *Соловьевъ* (Степанъ Ѳедоровичъ), тоже изъ воспитанниковъ Кіевской Академіи. Въ августѣ 1836 каѳедру еврейскаго языка занялъ профессоръ Кіевской Духовной Семинаріи, воспитанникъ Кіевской Академіи, выпуска 1831 года, магистръ *Максимовичъ* (Иванъ Петровичъ), а по смерти его, въ 1861 году — *Гуляевъ* (Михаилъ Спиридоновичъ), преподававшій до іюля 1866. Наконецъ, въ ноябрѣ 1867 каѳедру еврейскаго языка и библейской археологіи занялъ магистръ Кіевской Академіи *Олесницкій* (Акимъ Алексѣевичъ), который продолжаетъ преподавать и понынѣ [376]).

Въ Московской Духовной Академіи преподаваніе еврейскаго языка началъ іеромонахъ *Блонницкій* (Іаковъ), вызванный туда изъ Лубенскаго Мгарскаго монастыря въ 1743 году. Обучалъ онъ по руководству Пфейера, а читать положено было „библейскія книги"; впослѣдствіи стала употребляться еврейская на латинскомъ языкѣ грамматика Гемпеля (Lipsiae, 1776). Потомъ преподавалъ учитель *Никитинъ* (Василій), который въ 1765 г. былъ отправленъ въ Англію; дальнѣйшая судьба его неизвѣстна. Въ 1772 году былъ опредѣленъ учителемъ еврейскаго и греческаго языковъ *Нау-*

---

[375]) „Исторія Кіев. Академіи", соч. іеромонаха *Макарія Булгакова*. Спб. 1843, стр. 156, и слѣд. *Аскоченскій* „Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею". Кіевъ, 1856, ч. II, стр. 160-1, 246, 428, 434, 473-4. *Его же* „Исторія Кіевской Духов. Академіи по преобразованіи ея въ 1819 году". Спб. 1863 г. стр. 37, 83, 90. „Собраніе сочиненій Георгія Конискаго", составленное протоіереемъ *Іоанномъ Григоровичемъ*. Спб. 1861.

[376]) „Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской Духовной Академіи 28 сентября 1869 года", Кіевъ, 1869. Стр. 399 - 400; Протоколы Кіевской Духовной Академіи (въ „Трудахъ" ея).

мовъ (Иванъ), одинъ изъ тѣхъ студентовъ которые посланы были въ Лейденъ; умеръ іеродіакономъ при Академіи Художествъ въ 1779 году. Послѣ него обучалъ его товарищъ по путешествію, *Антонскій* (Василій); умеръ въ 1777 году [377]). Затѣмъ преподаваніе еврейскаго языка возложено было на воспитанника Московской Академіи *Иванова* (Аѳанасій), епископствовавшаго позже (съ 1788) въ Коломнѣ, Воронежѣ и Екатеринославлѣ; умеръ 1805 году [378]). Преемникомъ Иванова былъ *Гумилевскій* (Моисей), тоже воспитанникъ Московской Академіи, въ 1791 году рукоположенный во епископа Ѳеодосійскаго и Маріупольскаго, а въ слѣдующемъ 1792 убитый. Съ 1785 по 1792 преподавалъ учитель *Протасовъ* (Семенъ); въ 1797 — учитель *Платоновъ* (Ѳедоръ). Съ 1800—учитель *Птицынъ* (Александръ); затѣмъ — учитель же *Платоновъ-Кречетниковъ* (Егоръ) [379]).

По преобразованіи Академіи въ 1814 году, каѳедру еврейскаго языка, въ званіи баккалавра, занялъ *Тяжеловъ* (Арсеній Ивановичь), магистръ перваго (по уставу 1809 года) выпуска Петербургской Духовной Академіи. Умеръ въ 1855 году въ санѣ протопресвитера московскаго Архангельскаго Собора. Въ 1818 году въ помощь Тяжелову принятъ былъ Академіею кандидатъ перваго ея выпуска іеромонахъ *Тумскій* (Амфилохій). Съ 1820 года, съ выходомъ Тяжелова изъ Академіи, Тумскій остался единственнымъ преподавателемъ по каѳедрѣ еврейскаго языка; но не надолго: его смѣнилъ въ 1822 баккалавръ *Ловцевъ* (Мартинъ Леонтьевичь) который и оставался въ Академіи до 1827 года, когда поступилъ въ Академію баккалавромъ еврейскаго языка профессоръ Тверской Семинаріи *Богоявленскій* (Иванъ Николаевичь). Съ 1833 г. каѳедру еврейскаго языка занялъ *Пчелинскій* (Василій Алексѣевичь), магистръ Петербургской Духовной Академіи. По смерти его въ 1836 году, преподавать еврейскій языкъ приглашенъ былъ, въ слѣдующемъ году, профессоръ Московской Семинаріи *Рудневъ* (Николай Андреевичь). Преемникомъ его въ званіи баккалавра еврейскаго языка былъ, съ 1838, *Флоринскій* (Ѳедоръ Васильевичь), магистръ Московской Академіи. Когда, въ 1842 году, онъ оставилъ Акаде-

---

377) *Смирновъ* „Исторія Московской Славяно-греко-латинской Академіи". Москва, 1855. Стр. 114, 115.

378) *Чистовичъ* „Исторія С.-Петербургской Духовной Академіи", стр. 63; „Проектъ Богословскаго Факультета при Екатеринѣ II" (Вѣстникъ Европы 1873. кн. II, стр. 303, 309, 317).

379) *Смирновъ* „Исторія Московской Академіи", I, 355 - 6, 363 - 4, 370 - 1.

мію, баккалавромъ еврейскаго языка поступилъ въ нее *Соколовъ* (Александръ Кириловичь), кандидатъ выпуска 1842 года. Въ 1854 году его смѣнилъ *Смирновъ* (Петръ Алексѣевичь); а Смирнова, въ 1858 году — *Горскій-Платоновъ* (Павелъ Ивановичь), магистръ Московской Духовной Академіи, который преподаетъ тамъ еврейскій языкъ, въ званіи экстраординарнаго профессора, и въ настоящее время [380]).

Въ Петербургской Духовной Академіи, первымъ преподавателемъ еврейскаго языка былъ, какъ кажется, *Донатскій* (Александръ) родомъ иностранецъ. Затѣмъ — *Гуриновскій* (Петръ, въ монашествѣ Парѳеній), изъ воспитанниковъ Московской Академіи и Учительской Гимназіи. Въ Петербургскую Академію принятъ онъ былъ преподавателемъ еврейскаго и греческаго языковъ въ 1800 году, а черезъ четыре года произведенъ въ архимандриты и опредѣленъ ректоромъ Пермской Семинаріи. Преемникъ его былъ *Бедринскій* (Ермолай Ивановичь), получившій воспитаніе въ С.-Петербургской Академіи, куда поступилъ изъ Харьковскаго Коллегіума. Въ 1807 году назначенъ былъ онъ священникомъ въ православную церковь русскаго посольства въ Парижѣ. Скончался въ Гагѣ въ 1833. Въ 1807 - 1808 годахъ еврейскую каѳедру занималъ въ Академіи *Зихерманъ* (Іосифъ), природный еврей, а подъ его руководстомъ занимался со студентами бывшій воспитанникъ Академіи иподіаконъ *Александровъ* (Петръ [381]).

Съ преобразованіемъ духовныхъ академій по уставу 1808 года, для преподаванія еврейскаго языка въ Петербургскую Академію вызванъ былъ изъ Берлина *Фесслеръ* (Игнатій), получившій образованіе въ училищѣ ордена капуциновъ и затѣмъ занимавшій каѳедру восточныхъ языковъ во Львовскомъ Университетѣ. Преподавалъ онъ у насъ всего съ января 1810 по іюнь того же года. Скончался суперъ-интендентомъ и предсѣдателемъ Саратовской Евангелической Консисторіи въ 1839 году, 83-хъ лѣтъ отъ роду [382]). Преемникомъ Фесслеру назначенъ былъ *фонъ-Горнъ* (Іоганъ), воспитанникъ Галльскаго Университета. Въ Россію прибылъ онъ въ 1804 году и поступилъ въ Дерптскій Университетъ профессоромъ богословія и церковной исторіи, въ Академію-же перешелъ оттуда въ

---

[380]) *С. Смирновъ* „Исторія Московской Духовной Академіи до ея преобразованія (1814 - 1870)". М. 1879. стр. 59 - 61, 402 - 404.

[381]) *Чистовичъ*, Исторія С.-Петербургской Духовной Академіи. Спб. 1857 134 - 139.

[382]) Тамъ же, стр. 249 - 30; статья *П. М.* Изъ „Прошлаго" (Русскій Вѣстникъ за апрѣль 1868, стр. 504 - 508).

1810, и еврейскій языкъ преподавалъ въ ней по 1814 годъ [383]), объясняя Ветхій Завѣтъ грамматически и филологически, на основаніи сравнительнаго языкознанія [384]). Подъ руководствомъ его образовался и замѣстившій учителя своего баккалавръ *Павскій* (Герасимъ Петровичъ). Родился онъ въ 1787 году въ Павскомъ погостѣ Лугскаго уѣзда С.-Петербургской губерніи, а воспитаніе получилъ въ Александроневской Семинаріи, гдѣ и началъ изучать еврейскій языкъ, а затѣмъ въ Академіи, въ которой окончилъ курсъ первымъ ученикомъ перваго выпуска со степенью магистра, въ 1814 году. Павскій сильно подвинулъ изученія еврейскаго языка въ Академіи, такъ что на лекціи его стали сходиться даже и тѣ студенты которые не обязаны были къ тому. Возбуждая въ своихъ слушателяхъ неослабное вниманіе, Павскій умѣлъ заинтересовать ихъ своимъ предметомъ. Курсъ начиналъ онъ съ изложенія основныхъ правилъ грамматики, какъ можно кратче, но ясно; при этомъ, частымъ чтеніемъ вслухъ, старался онъ утвердить въ памяти слушателей правила произношенія и правописанія. Въ слѣдующіе мѣсяцы — по прежнему чтеніе, но уже съ болѣе подробными правилами грамматики, которыя выводились изъ чтенія. Для этого Павскій объяснялъ легчайшую по конструкціи священную книгу— книгу Бытія. Далѣе излагалъ правила словосочиненія, причемъ назначались иногда переводы съ русскаго на еврейскій. Остальное время употреблялось на объясненіе трудныхъ поэтическихъ произведеній: пѣсенъ Моисея, пѣсни Девворы и Варака, пѣсни Анны, матери Самуила, и нѣкоторыхъ избранныхъ псалмовъ. Изъ пророческихъ книгъ, Павскій останавливался главнымъ образомъ на пророкѣ Исаіи, и посвящалъ особенное вниманіе книгѣ Іова, отличающейся, какъ извѣстно, темнотою изложенія и мысли. При полномъ владѣніи предметомъ и строгой научности своего преподаванія, Павскій образовалъ много отличныхъ наставниковъ не только для семинарій, но и для академій. Въ 1818 году, за свои труды по еврейскому языку (имъ напечатаны грамматика и хрестоматія) произведенъ онъ былъ въ профессоры, а въ 1821-мъ возведенъ въ степень доктора православнаго богословія. Изъ Академіи вышелъ въ 1835, опредѣленный настоятелемъ церкви Таврическаго Дворца. Скончался 7 апрѣля 1863 года [385]).

---

[383]) *Чистовичъ* „Исторія Спб. Дух. Академіи". Стр. 250-1.

[384]) Тамъ же, стр. 215-6.

[385]) *Чистовичъ* „Исторія С.-Петерб. Дух. Академіи", стр. 350-4; *С. В. Протопоповъ* „Протоіерей Герасимъ Петровичъ Павскій" — біографическій очеркъ. Спб. 1876; *Погодинъ* „Напоминаніе о Павскомъ" (Русскій Архивъ

Опроставшаяся вакансія была замѣщена протоіереемъ *Ивановымъ* (Иванъ Ивановичь), но не надолго: замѣнилъ его еврей В. А. *Левисонъ*, воспитанникъ сперва іудейскаго университета во Франкфуртѣ, а потомъ христіанскихъ въ Геттингенѣ и Вюрцбургѣ; въ 1839 году прибылъ онъ въ Петербургъ и, по принятіи православной вѣры въ сентябрѣ 1840, опредѣленъ въ Академію преподавателемъ еврейскаго языка съ званіемъ экстраординаго профессора [386]). Въ настоящее время преподаетъ его тамъ тоже природный еврей, *Д. А. Хвольсонъ* [387]).

Въ Казанской Духовной Академіи, первымъ преподавателемъ еврейскаго языка, по открытіи оной, былъ священникъ *Капонеровъ* (Яковъ), состоявшій въ этой должности по августъ 1802. Съ сентября того года его замѣнилъ также священникъ — *Мироносицкій* (Андрей Ивановичь), изъ воспитанниковъ самой академіи. Онъ оставался въ Академіи до ея закрытія въ 1818 году, когда, „за отличное знаніе имъ еврейскаго языка", былъ оставленъ Комитетомъ Духовныхъ Училищъ на службѣ въ преобразованной изъ Академіи семинаріи по каѳедрѣ того же языка. Курсъ этого языка въ Академіи продолжался до этого 4 года, и былъ обязателенъ для студентовъ богословія и философіи. Уроковъ было сначала по 6, а послѣ — по 4. Лекціи Мироносицкаго были такъ привлекательны что посѣщались нѣкоторыми учениками изъ риторики и поэзіи; переводили изъ Пятикнижія, изъ книги Іова, изъ пророка Исаіи, съ филологическимъ разборомъ и съ показаніемъ особенныхъ нарѣчій священнаго языка; съ еврейскаго-же на русскій, и наоборотъ, переводили также избранныя мѣста изъ Священнаго Писанія по христоматіи Павскаго. При изученіи правилъ языка руководились грамматиками Ѳедора Ромъ, Опиція, Лангія и лексикономъ Буксторфа [388]).

Со вторичнымъ открытіемъ Академіи въ Казани, въ ней сталъ преподавать (съ 1848) еврейскій языкъ *Елисеевъ* (Григорій Захаровичь) изъ воспитанниковъ Московской Духовной Академіи. По увольненіи его въ 1854 изъ духовноучилищной службы, нѣкоторое время Академія не имѣла штатнаго профессора по каѳедрѣ еврейскаго языка; преподавали-же его временно: сперва—*Н. И. Ильмин-*

1870 г. стр. 1948 - 1951); „Петерб. Духовная Академія" статья Р. С. (въ Вѣстникѣ Европы за 1872 г.)

[386]) *Чистовичъ* „Исторія С.-Петер. Дух. Акад." стр. 354 - 5, и Пет. Дух. Акад. статья Р. С.

[387]) См. о немъ ниже.

[388]) *А. Благовѣщенскій* „Исторія Старой Казанской Духовной Академіи", стр. 113.

скій, а потомъ—*Г. С. Саблуковъ*. Затѣмъ каѳедра эта была замѣщена соборнымъ іеромонахомъ *Полетаевымъ* (Григорій), воспитанникомъ самой академіи [389]), а по оставленіи имъ Академіи, въ 1867 году — *Е. А. Маловымъ*, который преподаетъ и въ настоящее время. Въ руководство при этомъ принимается грамматика Гезеніуса въ передѣлкѣ профессора Коссовича.

Изъ семинарій, въ *Троицкой-Лаврской* обученіе еврейскому языку началось въ концѣ 1744 года, когда преподавателемъ его былъ опредѣленъ *Паскевичъ* (Іаковъ Федоровичъ, въ монашествѣ Иннокентій), сдѣлавшійся въ 1753 келаремъ Лавры. Смѣнилъ его съ 1758 года *Постниковъ* (Петръ, въ монашествѣ Парѳеній), назначенный впослѣдствіи префектомъ и ректоромъ Семинаріи (умеръ въ августѣ 1766). Въ сентябрѣ 1763 учителемъ еврейскаго языка опредѣленъ былъ воспитанникъ самой семинаріи *Тененевъ* (Петръ въ монашествѣ Поликарпъ); по увольненіи его отъ службы въ 1767, на туже должность опредѣленъ *Подобѣдовъ* (Андрей, въ монашествѣ Амвросій), впослѣдствіи знаменитый митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій (скончался въ 1818 году). Въ Троицкой Семинаріи ему, въ 1769 году, данъ былъ для еврейскаго языка помощникъ въ лицѣ природнаго еврея, принявшаго православіе, игумена Варлаама. Этому игумену поручено было переводить по два или по три дня въ недѣлю изъ Библіи съ изъясненіемъ трудныхъ словъ, корней и собственныхъ значеній, преимущественно съ тѣми учениками которые больше другихъ успѣли въ еврейскомъ языкѣ, потому что „недовольно обучившихся оный игуменъ обучать за незнаніемъ резолюціи по грамматикѣ признается неспособнымъ". Амвросія Подобѣдова смѣнилъ, съ осени 1770, воспитанникъ же Троицкой Семинаріи *Чижевскій* (Гавріилъ, въ монашествѣ Эпифаній), учительствовавшій по 1776 годъ. Преемникомъ его былъ опять воспитанникъ Троицкой Семинаріи, *Замыцкій* (Григорій, въ монашествѣ Гедеонъ). По вызовѣ его, въ 1782 году, въ С.-Петербургъ, должность его занялъ *Смирновъ* (Меѳодій), окончившій курсъ въ Московской Дух. Академіи. Онъ ввелъ новую методу въ преподаваніе своего предмета: переведенные и объясненные имъ стихи онъ заставлялъ учениковъ заучивать наизусть. Умеръ въ 1815 году, псковскимъ архіепископомъ. Съ 1792 по 1795 преподавалъ воспитанникъ Троицкой Семинаріи, *Никольскій* (Яковъ Дмитріевичъ). Въ помощь Никольскому принятъ былъ въ 1792 году крещеный еврей *Матвѣевъ* (Яковъ); такъ какъ онъ не

---

[389]) *Гвоздевъ* „25-лѣтіе Казан. Дух. Академіи".

зналъ грамматики, то ему поручено было учить учениковъ только читать и писать. Въ началѣ текущаго столѣтія архимандритъ Платонъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы „изъ обучающихся еврейскому языку философовъ понятныхъ и къ еврейскому языку другихъ склоннѣйшихъ отобравъ трехъ, обучать ихъ единственно еврейскому языку (т. е. не уча другимъ языкамъ), съ тѣмъ чтобъ они по еврейски никакъ не хуже знали, какъ лучшій успѣвшій въ греческомъ языкѣ". Съ 1803 по 1806 г. еврейскій языкъ преподавалъ *Дроздовъ* (Филаретъ), знаменитый впослѣдствіи митрополитъ московскій. Послѣ него, съ 1809 года—*Клементьевскій* (Николай, въ монашествѣ Никаноръ) изъ воспитанниковъ Троицкой Семинаріи, также окончившій жизнь въ санѣ митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго. Умеръ въ 1856 году. Послѣ него, преподаваніе еврейскаго языка возложено было, въ 1812 году, на брата его, *Клементьевскаго - Платонова* (Ивана) [390]).

Первые преподаватели еврейскаго языка въ *Казанской Духовной Семинаріи* мнѣ неизвѣстны. Съ октября 1818 года языкъ этотъ сталъ преподавать *А. И. Мироносицкій*. Въ 1820, на каѳедру эту былъ опредѣленъ *Талантовъ* (Флегонтъ Тихоновичъ), воспитанникъ Московской Духовной Академіи, который и занималъ ее до 1847 года [391]). Затѣмъ, въ 1860-хъ годахъ, еврейскій языкъ преподавалъ въ Семинаріи священникъ *Переверзевъ* (Никандръ Александровичъ [392]).

Изъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, первое мѣсто по изученію еврейскаго языка принадлежитъ Дерптскому Университету. Сюда на каѳедру экзегетики и, вмѣстѣ съ тѣмъ, восточныхъ языковъ, еще до открытія Университета, въ сентябрѣ 1801 года, вызванъ былъ извѣстный въ то время орьенталистъ *Гецель* (Вильгельмъ-Фридрихъ), бывшій профессоромъ въ Гиссенѣ. Онъ славился болѣе какъ знатокъ семитическихъ языковъ, чѣмъ ученый богословъ; но и на поприщѣ орьентализма онъ ничего почти не сдѣлалъ для науки, а показалъ себя только искуснымъ и дѣльнымъ преподавателемъ, и издалъ нѣсколько учебниковъ по языкамъ еврейскому, арабскому и сирійскому. Съ конца 1813 года оставался онъ исключительно преподавателемъ восточныхъ языковъ. Съ выходомъ его въ отставку (умеръ въ Дерптѣ въ 1824 году) въ 1820 году [393]),

---

[390]) *Смирновъ*, Исторія Троицкой Лаврской Семинаріи.

[391]) Извѣстія по Казанской Епархіи за 1869 г. № 10.

[392]) Памятная книжка Казанской Губерніи на 1867 годъ.

[393]) Період. Сочин.; Обзоръ дѣят. Дерп. Унив. стр. 158 - 160; Schriftsteller Lexicon, *Напѣрскаго*.

преподаваніе еврейскаго языка перешло къ *Генци* (Самуилъ-Готлибъ) изъ Берна, ученику Сильвестра де-Саси. Онъ также былъ болѣе орьенталистъ чѣмъ богословъ. Умеръ въ 1829 году [394]). Занять опроставшуюся такимъ образомъ каѳедру приглашенъ былъ, въ томъ же году, изъ Берлина, *Клейнертъ* (Адольфъ-Фридрихъ), бывшій тамъ частнымъ преподавателемъ. По смерти его въ 1834 году [395]), Университетъ цѣлыхъ четыре года пріискивалъ за границей орьенталиста, который могъ бы занять каѳедру экзегетики въ Университетѣ. Кончились поиски тѣмъ что, въ 1838 году, профессоромъ по этой каѳедрѣ утвержденъ былъ воспитанникъ Дерпскаго и Берлинскаго университетовъ, *Кейль* (Карлъ-Фридрихъ). Въ 1858, за выслугою 25-тилѣтія, былъ онъ уволенъ отъ должности [396]), а на вакантную каѳедру перемѣщенъ, съ каѳедры церковной исторіи, *Куртцъ* (Іоаннъ-Генрихъ) [397]).

Съ открытіемъ, въ 1861 году, особой каѳедры восточныхъ языковъ, для занятія ея Университетъ, въ декабрѣ того же года, пригласилъ штатнымъ преподавателемъ, для обученія семитическимъ и санскритскому языкамъ, *Фолька* (Вильгельмъ), изучавшаго богословіе въ Эрлангенѣ, а восточные языки у Шпигеля тамъ же, и у Флейшера въ Лейпцигѣ [398]). Означенную каѳедру занимаетъ онъ и въ настоящее время.

Въ Петербургскомъ Университетѣ еврейскій языкъ сталъ преподаваться лишь съ образованія Факультета Восточныхъ Языковъ, въ которомъ возникла особая каѳедра еврейскаго языка, которую занялъ тогда и занимаетъ до сихъ поръ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ семитологовъ настоящаго времени — *Хвольсонъ* (Даніилъ Абрамовичь). Получивъ въ еврейскихъ школахъ то спеціальное образованіе которое тамъ дается, онъ съ необыкновенною энергіею сталъ подготовлять себя къ общему университетскому, и въ 1844 году поступилъ въ Бреславскій Университетъ, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1848 году. Степень доктора философіи получилъ онъ въ 1850 отъ Лейпцигскаго Университета. Возвратясь въ Россію, Д. А. поселился въ Петербургѣ и, принявъ Пра-

---

[394]) Обзоръ дѣят. Дерпт. Университета.

[395]) Ж. Мин. Нар. Просв. 1834 г. ч. 4, стр. 272; Обзоръ дѣят. Дерпт. Унив. стр. 161.

[396]) Обзоръ дѣят. Дерпт. Унив. стр. 162; Ж. М. Нар. Пр. 1834 г. ч. 1 отд. I, стр. XLVI; ч. 23, III, 18.

[397]) Обзоръ дѣят. Дерпт. Университета.

[398]) Обзоръ дѣят. Дерпт. Унив. стр. 141-142, 166; Ж. Мин. Нар. Просв. ч. 113, I.

вославіе, былъ допущенъ въ Университетъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ еврейской словесности, по которой въ 1870 и былъ утвержденъ ординарнымъ. Обыкновенно преподаваніе его заключается въ томъ, что послѣ объясненія слушателямъ грамматики еврейскаго языка, переходитъ онъ къ толкованію книгъ Ветхаго Завѣта и объясненію еврейскихъ сочиненій на еврейскомъ и арабскомъ языкѣ; затѣмъ читаетъ „Введеніе въ изученіе симитскихъ языковъ вообще и еврейскаго въ особенности". Въ этомъ „введеніи" излагаетъ онъ общую характеристику симитскихъ языковъ, ихъ отношенія къ арійскимъ и между собою, исторію ихъ развитія, и въ особенности исторію разработки еврейскаго языка. Въ-заключеніе читаетъ исторію Евреевъ [399]). Съ 1863 года Д. А. сталъ преподавать вновь введенные тогда языки: сирійскій и халдейскій.

Въ университетахъ *Харьковскомъ*, *Московскомъ* и *Казанскомъ*, по отсутствію штатной каѳедры еврейскаго языка, читался онъ частнымъ образомъ преподавателями другихъ восточныхъ языковъ: въ Харьковскомъ—*Бэрендтомъ* (Иванъ Богдановичь), въ 1805—1806 годахъ [400]); въ Московскомъ—*Болдыревымъ* (А. В.) съ 1811-12 учебнаго года [401]) до увольненія его отъ службы въ 1836, и потомъ *Петровымъ* (П. Я.), съ 1852 до кончины его въ 1875-мъ [402]); въ Казанскомъ—*Френомъ* (Х. Д.), въ 1810-хъ годахъ [403]). О лицахъ занимавшихъ каѳедру еврейскаго языка въ Александровскомъ (Гельсингфорскомъ) Университетѣ не можемъ мы ничего сообщить.

[Изъ многочисленныхъ преподавателей еврейскаго языка въ отечественныхъ учебныхъ заведеніяхъ, пособія къ изученію этого языка, и то самыя элементарныя (коротенькую грамматику и тощенькую хрестоматію) издалъ, какъ видѣли мы, только Павскій, болѣе 50-ти лѣтъ тому. Но не великъ запасъ этихъ пособій, особенно хорошихъ, и вообще въ нашей литературѣ, даже благодаря трудамъ русскихъ Евреевъ. Вотъ списокъ извѣстныхъ намъ:

Еврейская грамматика, изданная *Яковомъ Пожарскимъ* въ пользу любящихъ священный языкъ. Спб. 1824.

Еврейско-русскій Словарь. Спб. 1859. } изданы Министерств.
Русско-еврейскій Словарь. Спб. 1860. } Народн. Просвѣщенія.

---

[399]) *В. В. Григорьевъ*, Имп. С.-Петерб. Университетъ, стр. 278 280; Годичный актъ въ И. С.-Пет. Унив. 1866 г. стр. 12, 30-31; Протоколы Совѣта, № 4; Ж. М. Нар. Пр. ч. 88, I, 12; ч. 131, I, 24.

[400]) Шевырева, Исторія Моск. Унив. стр. 407 и 449.

[401]) Ж. М. Н. Пр. 1856, ч. 90, I, 43; 1858, ч. 99, I, 19.

[402]) См. ниже.

[403]) Ж. М. Н. Пр. за 1855 г. ч. 87.

Учебникъ древне-еврейскаго языка для караимскихъ школъ. *П. Казазъ*. Одесса, 1869. Двѣ части.

Еврейская грамматика. Пунктуація и словопроизведеніе. *П. Бейлинъ* и *Немзеръ*. Вильно (было два изданія).

Руководство къ изученію языка Мишны, *А. Гейгера*; перевелъ съ нѣмецкаго и дополнилъ *Ю. Бардахъ*. Одесса, 1870.

Месилатъ Галимудъ, или руководство къ начальному изученію еврейскаго языка Л. Бенъ-Зеева. Ч. I. Перевелъ на русскій *А. Паперна*. Варшава, 1871.

Полный курсъ еврейской грамматики, для систематическаго изученія языка Ветхаго Завѣта, его исторіи, этимологіи и синтаксиса. *О. Н. Штейнбергъ*. Вильно, 1871.

Учебникъ халдейскаго языка Ветхаго Завѣта и его толкователей, съ разборомъ образцовыхъ мѣстъ. *О. Н. Штейнберга*. Вильно, 1872.

Еврейская грамматика В. Гезеніуса, Переводъ профессора *К. Коссовича*. Изд. Св. Синода. Спб. 1874.

Еврейская хрестоматія со ссылками на грамматику Гезеніуса и глоссаріемъ еврейско-русскимъ, составленная профессоромъ *К. Коссовичемъ*. Изд. Св. Синода. Спб. 1875.

Еврейско-русскій словарь изъ еврейской грамматики Зеффера. Спб. 1875.

Новая метода. Элементарное руководство къ легчайшему и скорѣйшему изученію древне-еврейскаго языка, преимущественно молитвеннаго. Сост. по Троллеру, Гольдбергеру и др. *Михаилъ Вольперъ*. Ч. I. Вильно, 1875.

Практическое руководство къ изученію древне-еврейскаго языка сравнительно съ русскимъ. *Р. Клячко*. Варшава, 1876.

Еврейскій и халдейскій этимологическій словарь къ книгамъ Ветхаго Завѣта, составленный *О. Н. Штейнбергомъ*. Вильна, 1878.

Впрочемъ, списокъ этотъ, имѣемъ основанія полагать, не полонъ. *Прим. ред.*]

VII. Арабскій Языкъ.

На арабскій языкъ, на его значеніе среди другихъ мусульманскихъ языковъ, имѣлся у насъ правильный взглядъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ вниманіе нашего правительства было обращено на эти языки. Петръ Великій наказывалъ, въ 1716 году, отправить въ Персію при посланникѣ Волынскомъ учениковъ для изученія, вмѣстѣ съ турецкимъ и персидскимъ, и языка араб-

скаго [404]). Екатерина Великая, въ указѣ „Коммисіи о учрежденіи народныхъ училищъ" (1782), предписывала ввести преподаваніе, кромѣ языковъ татарскаго и персидскаго, еще арабскаго въ школахъ „тѣхъ губерній, которыя лежатъ въ сторонѣ татарской, персидской и бухарской, такъ какъ отъ арабскаго всѣ въ той сторонѣ употребляемые діалекты имѣютъ свое происхожденіе и посредствомъ котораго можно будетъ завести лучшихъ переводчиковъ во всѣхъ сихъ языкахъ, нежели до сего времени мы ихъ имѣемъ" [405]). Не смотря на то, послѣ указа Екатерины Великой не было у насъ рѣчи объ арабскомъ языкѣ до университетскаго устава 1804 года, когда изученіе этого языка упрочено было введеніемъ его въ число университетскихъ предметовъ. Позже началось преподаваніе его и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ.

На первое время замѣстить въ трехъ университетахъ (Московскомъ, Казанскомъ и Харьковскомъ) вновь учрежденныя каѳедры восточныхъ языковъ кѣмъ-либо изъ своихъ орьенталистовъ, не имѣлось возможности — по крайней мѣрѣ относительно арабскаго языка таковыхъ у насъ въ то время не оказывалось; почему, волей-неволей: пришлось обратиться за ними въ Западную Европу, гдѣ въ то время было нѣсколько знаменитыхъ арабистовъ, отъ которыхъ выходили отличнѣйшіе ученики. Правительство наше и обратилось къ германскому ученому, профессору Ростокскаго Университета Тихсену [406]), съ просьбою рекомендовать одного изъ своихъ учениковъ на каѳедру арабскаго и персидскаго языковъ, на первый разъ для Казанскаго Университета. Выборъ Тихсена палъ на ученика его и друга, *Френа* (Христіанъ-Мартынъ, по-русски Христіанъ Даниловичь), который, еще 22-хъ лѣтъ отъ роду, обнаружилъ уже обширныя познанія въ семитическихъ языкахъ двумя сочиненіями, изъ которыхъ одно и доставило ему отъ Ростокскаго Университета степень доктора богословія и философіи. Въ концѣ лѣта 1807 года Френъ прибылъ въ Россію, и былъ прямо опредѣленъ ординарнымъ профессоромъ въ *Казанскій Университетъ* по каѳедрѣ языковъ арабскаго и персидскаго. Такой ученый, какъ Френъ, былъ для насъ истинной находкой; но, къ сожалѣнію, его преподавательская дѣятельность въ Казани не принесла тѣхъ плодовъ, какихъ можно было ожидать. Главная тому причина заключалась въ незнаніи имъ русскаго языка.

---

[404]) Полное Собр. Зак. Рос. Имперіи, № 2978.

[405]) Тамъ же, № 15523.

[406]) См. о немъ въ сочиненіи *Гартмана* „Oluf Gerhard Tychsen, oder Wanderungen durch die mannigfaltigsten Gebiete der biblisch-asiatischen Literatur". Bremen, 1818—1820. B. II.

Френъ могъ читать свои лекціи или на нѣмецкомъ, или на латинкомъ; но его слушатели не настолько были сильны въ нихъ, чтобы вполнѣ понимать своего профессора. Съ другой стороны, Казань была бѣдна учебными пособіями; профессору приходилось довольствоваться тѣмъ, что находилось подъ рукою, да что имѣлось въ его собственной библіотекѣ. Впослѣдствіи Френъ обогатилъ Казанскій Университетъ и восточными книгами, и рукописями. Своимъ немногочисленнымъ слушателямъ объяснялъ онъ арабскихъ авторовъ, и знакомилъ ихъ съ арабской палеографіей, преимущественно по монетамъ хановъ Золотой-Орды. Дослуживъ десятилѣтіе, Френъ въ 1817 году, вышелъ въ отставку и былъ, потомъ, опредѣленъ академикомъ въ Академію Наукъ [407]); на каѳедру-же восточныхъ языковъ въ Казани, по рекомендаціи Френа, приглашенъ былъ изъ Ростока же (такъ какъ Френъ не подготовилъ себѣ преемника)—

Эрдманъ (Францъ, по-русски Федоръ Ивановичь), который и прибылъ въ Казань въ августѣ 1818 года. Ему пришлось испытать тоже, что испыталъ въ началѣ Френъ: слушатели не понимали своего профессора, изъяснявшагося по-нѣмецки и по-латыни. Трое студентовъ, обучавшіеся арабскому (вмѣстѣ съ персидскимъ), оставили черезъ годъ лекціи Эрдмана; ихъ замѣнилъ единственный слушатель, нѣмецъ. Только впослѣдствіи число слушателей у Эрдмана нѣсколько увеличилось. Но если бы эти - послѣдніе и отлично понимали его, толку отъ того большаго не было-бы: до такой степени былъ онъ надуто-педантиченъ и, при гелертерской внѣшности, малознающъ и безтолковъ. Френъ сильно раскаявался потомъ что наградилъ Казанскій Университетъ такою архи-бездарною личностію [408]). Студентамъ высшихъ курсовъ объяснялъ Эрдманъ избранныя суры изъ Корана, моаллаку Имръ-уль-Кейса, третью и седьмую бесѣды Харири, отрывки изъ Тысячи и Одной Ночи, изъ сочиненій Ибнъ-Халлекана, Суюти, Гамадани, Абульфеды, Макризи, Ибнъ-Арабшаха; переводилъ дипломатическіе договоры и письма относящіяся ко временамъ крестовыхъ походовъ, читалъ исторію арабской литературы и арабскую просодію; заходилъ, по примѣру Френа, и въ область мухаммеданской нумизматики. До

---

[407]) *Савельевъ* „О жизни и ученыхъ трудахъ Френа" (во II т. Трудовъ Вост. отд. И. Археологич. Общества); *Ковалевскій*, Обозрѣніе хода и успѣховъ преподаванія азіатскихъ языковъ въ Казанскомъ Университетѣ. Казань, 1842. стр. 7 - 8.

[408]) О бездарности этой свидѣтельствуютъ всѣ, довольно многочисленныя, изданія Эрдмана; но въ-особенности осрамилъ онъ себя своими нумизматическими трудами. *Прим. ред.*

1833 года имѣлъ онъ по одной лекціи въ недѣлю, затѣмъ по двѣ и, наконецъ, по четыре лекціи. Въ 1845 году былъ уволенъ отъ должности профессора, и вскорѣ затѣмъ назначенъ директоромъ училищъ Новгородской губерніи; умеръ въ 1863 году [409]).

Въ помощь Эрдману, въ 1826 году, принятъ былъ въ Университетъ, въ званіи лектора арабскаго языка, *А. К. Казембекъ*, который въ первыхъ курсахъ сталъ излагать арабскую грамматику по Ричардсону, и переводить изъ Корана и христоматіи С. де-Саси. За выходомъ изъ Университета Эрдмана, Казембекъ занялъ его каѳедру и сталъ читать въ высшихъ курсахъ. Въ нихъ онъ объяснялъ „Бурдэ" съ толкованіемъ Али-Алькари, и избранныя мѣста изъ Харири и другихъ трудныхъ арабскихъ авторовъ; кромѣ того читалъ исторію мусульманской литературы—всего по 3 лекціи въ въ недѣлю [410]). Въ 1848 году былъ онъ переведенъ въ С.-Петербургскій Университетъ, а преемникомъ ему явился, съ осени 1849, *Готвальдъ* (Осипъ Федоровичъ), иностранный докторъ, состоявшій до того при Императорской Публичной Библіотекѣ (съ 1841), и потомъ проходившій службу въ разныхъ должностяхъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія. Слушателямъ своимъ излагалъ О. Ф. этимологію и синтаксисъ арабскаго языка, и затѣмъ переводилъ изъ Хюласетъ-уль-Халисэ, изъ Корана, изъ Хаммасы, моаллаку Тарафы, бесѣды Харири, отрывки изъ Фахръ-эд-Дина Рази, изъ Макризи; читалъ исторію Аравитянъ и исторію арабской литературы по де Саси и Гаммеру—всего отъ 5 до 7 лекцій въ недѣлю [411]). По закрытіи въ Казани Восточнаго Отдѣленія, остался при Университетѣ библіотекаремъ и директоромъ типографіи.

Въ низшихъ курсахъ арабскій языкъ объясняли другіе преподаватели, преимущественно тѣмъ студентамъ которые, до поступленія въ Университетъ, не занимались этимъ предметомъ, а именно: лекторъ *Сонинъ* (Николай Дмитріевичъ), крещенный персіянинъ родомъ изъ Кашана — съ 1837 по 1846 годъ; кандидатъ арабско-персидской словесности Казанскаго Университета *Жуковъ* (Иванъ) — съ 1843; кандидатъ того же университета *Навроцкій* (Михаилъ Тимофеевичъ — съ 1847; кандидатъ того же Университета *Ивановъ* — съ 1849; помощникъ инспектора студентовъ *Холмогоровъ* (Иванъ Николаевичъ), состоявшій раньше учителемъ персидскаго языка

---

[409]) *Фойгтъ* „Обозрѣніе", стр. 9 - 10, и *его же* „Отчеты"; Ж. М. Нар. Пр. ч. 87, III, 4; ч. 88, I, 13.

[410]) *Фойгтъ* „Отчеты", стр. 45.

[411]) *Фойгтъ* „Обозрѣніе", 10; Ж. М. Нар. Пр. ч. 66, I, 70; Протоколы Совѣта Каз. Унив. за 1868 г.

въ Астраханской Гимназіи — съ 1850; и аравитянинъ изъ Мекки *Ахмедъ Ибнъ-Хусейнъ* — съ 1853. Всѣ они проходили грамматику арабскаго языка по Розенмюллеру и де-Саси, и переводили изъ Корана и христоматіи Болдырева [412]). Когда, въ 1861 году, арабскій языкъ вновь рѣшено было преподавать въ Казанскомъ Университетѣ, на каѳедру эту опредѣленъ былъ помянутый уже выше *И. Н. Холмогоровъ*. Кромѣ изложенія грамматики и упражненія въ переводахъ, онъ читалъ еще исторію Восточнаго Халифата—всего по 5 часовъ въ недѣлю. Уволенъ былъ, за выслугою лѣтъ на пенсію, въ 1868 году [413]).

Въ *Московскомъ* Университетѣ первымъ преподавателемъ арабскаго языка былъ *Болдыревъ* (Алексѣй Васильевичь), сынъ штабъ-лекаря, род. въ мартѣ 1780. Въ 1805 получилъ онъ въ Московскомъ Университетѣ степень кандидата, а въ слѣдующемъ — магистра философіи и свободныхъ наукъ. Въ то же время, за поднесеніе Государю еврейской грамматики, награжденъ былъ золотою табакеркою, послѣ чего Университетъ отправилъ его за границу для изученія восточныхъ языковъ. Возвратясь въ Москву въ 1811 году, Болдыревъ опредѣленъ былъ въ Университетъ адъюнктомъ по каѳедрѣ восточныхъ языковъ, а въ 1818-мъ возведенъ въ ординарные профессора. Онъ издалъ первую на русскомъ языкѣ краткую грамматику арабскаго языка, и очень хорошую христоматію со словаремъ, которою долго пользовались у насъ почти всѣ преподаватели арабскаго языка. Въ 1837 году, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ каѳедрою, Болдыревъ долженъ былъ оставить Университетъ; умеръ въ отставкѣ, въ августѣ 1842 [414]). Съ 1828 - 29 учебнаго года помощникомъ Болдыреву явился кандидатъ Московскаго Университета *Коркуновъ* (Михаилъ Андреевичь), уроженецъ г. Перми; но въ Университетѣ преподаватемъ арабскаго языка оставался онъ не долго [415]) и былъ вскорѣ замѣщенъ другимъ кандидатомъ того же университета, *Коноплевымъ* (Николай Гавриловичь), изъ купеческаго званія. Удостоенный въ 1826 году означенной степени, отправленъ онъ былъ, черезъ два года, по Высочайшему повелѣнію, въ С.-Петербургскій

---

[412]) Отчеты Казан. Унив. за 1854 - 55 гг.; Извѣстія Казан. Унив. за 1865 г.

[413]) Протоколы Сов. Каз. Унив. за 1868 г.

[414]) *Шевырева* Исторія Москов. Университета. М. 1855, стр. 407, 449; Біограф. словарь профессоровъ и преподавателей И. Москов. Унив. М. 1855, стр. 95 - 96.

[415]) Біограф. словарь проф. и препод. стр. 423 - 425; Ист. Моск. Унив. стр. 553

Университетъ для изученія тамъ восточныхъ языковъ подъ руководствомъ профессора Сенковскаго, послѣ чего посланъ, въ 1832, на Востокъ для усовершенствованія въ этихъ языкахъ. По возвращеніи, лекціи арабскаго языка въ Московскомъ Университетѣ началъ онъ съ 1833 - 34 уч. года; но въ 1837-мъ долженъ былъ прекратить ихъ, такъ какъ съ этого года каѳедра восточныхъ языковъ въ Московскомъ Университетѣ была закрыта. По открытіи ея вновь, въ 1852 году, сталъ преподаваться арабскій языкъ *П. Я. Петровымъ*, перешедшимъ туда изъ Казани. Въ 1856-мъ преподаваніе его было опять прекращено, а въ 1858-мъ вновь разрѣшено, такъ такъ Петровъ вызвался преподавать арабскій языкъ (вмѣстѣ съ персидскимъ и еврейскимъ) безвозмездно тѣмъ студентамъ, которые пожелаютъ заниматься этими языками [416]). Въ 1875, за выходомъ Петрова въ отставку, преподаваніе арабскаго языка въ Московскомъ Университетѣ прекратилось само собою.

Въ *Харьковскомъ* Университетѣ первымъ и единственнымъ преподавателемъ арабскаго языка былъ многоуважаемый нынѣ академикъ нашъ *Дорнъ* (Бернгардъ, по-русски Борисъ Андреевичь) родомъ изъ Саксенъ-Кобурга. Пристрастившись къ восточнымъ языкамъ, по этой спеціальности и опредѣлился онъ приватъ-доцентомъ въ Лейпцигскій Университетъ, послѣ чего два года (1827 — 1829) знакомился съ восточными рукописями въ Лондонѣ. Въ Харьковъ прибылъ онъ въ октябрѣ 1829, и во все время пребыванія въ тамошнемъ университетѣ слушателей своихъ знакомилъ съ арабскимъ языкомъ по христоматіи Болдырева [417]).

Девять лѣтъ прошло уже какъ арабскій языкъ сталъ преподаваться въ одномъ изъ нашихъ университетовъ, но своихъ арабистовъ все еще у насъ не оказывалось. Когда въ высшемъ общеобразовательномъ заведеніи Петербурга, *Педагогическомъ Институтѣ* [418]), положено было, уставомъ 23 декабря 1816 года, ввести, между прочимъ, и преподаваніе арабскаго языка, то замѣстить эту каѳедру кѣмъ-либо изъ отечественныхъ орьенталистовъ по-прежнему не представилось возможности. Вслѣдствіе этого, ученый по-

---

[416]) Ист. Москов. Унив. стр. 502; Ж. Мин. Нар. Просв. 1856 г. ч. 90, стр. 43; 1858 г. ч. 99, I, 19.

[417]) *Dugat* Histoire des Orientalistes, p. 72; Ж. Мин. Нар. Пр. 1834 г. ч. IV, 272.

[418]) Педагогическій Институтъ образованъ былъ изъ Учительской Гимназіи въ 1804 году. Уставомъ 1816 года заведеніе это названо Главнымъ Педагогическимъ Институтомъ, и получило устройство и права мало чѣмъ развившіяся отъ университетскихъ.

печитель петербургскаго учебнаго округа, С. С. Уваровъ, обратился къ знаменитому Сильвестру де-Саси съ просьбою рекомендовать намъ двухъ изъ своихъ учениковъ для занятія въ Институтѣ вновь учрежденныхъ каѳедръ восточныхъ языковъ. По рекомендаціи де-Саси и прибыли къ намъ, въ 1817 году, два молодыхъ француза-орьенталиста, Шармуа и Деманжъ, принятые оба на русскую службу прямо ординарными профессорами. Послѣдній изъ нихъ, *Деманжъ* (Жанъ-Франсуа), поступилъ на каѳедру арабскаго языка, которую занималъ и по преобразованіи Педагогическаго Института въ С.-Петербургскій Университетъ, до іюля 1822 года, когда, вслѣдствіе извѣстнаго погрома [419]), оставилъ это заведеніе и перешелъ преподавателемъ того же предмета въ новооткрытое тогда Учебное Отдѣленіе В. Я. при Азіатскомъ Департаментѣ. Нельзя сказать, чтобы это было потерею для Университета, такъ-какъ Деманжъ не питалъ никакой любви не только къ своей спеціальности, но и вообще къ научнымъ занятіямъ.

Сдѣлавшись вакантною въ Университетѣ, каѳедра арабскаго языка замѣщена была вскорѣ, необыкновенно удачно, молодымъ (22-хъ лѣтъ) полякомъ, который, еще будучи студентомъ Виленскаго Университета, процвѣтавшаго въ то время, обратилъ уже на себя вниманіе необыкновенными способностями своими. Это былъ *Сенковскій* (Осипъ Ивановичъ), родомъ изъ дворянъ Виленской губерніи. Самоучкою принявшись въ Университетѣ за изученіе языковъ Мусульманскаго Востока, онъ, для усовершенствованія познаній своихъ, отправленъ былъ, на счетъ Виленскаго Дворянства, въ путешествіе по Малой-Азіи, Сиріи, Египту и Нубіи. Вернувшись въ Россію черезъ Константинополь, Сенковскій оказался такимъ знатокомъ арабскаго и турецкаго (османскаго) языковъ, какихъ не было и между знаменитостями европейскаго орьентализма. Виленскій Университетъ избралъ его тотчасъ же профессоромъ восточныхъ языковъ; но онъ предпочелъ занять ту же каѳедру, съ званіемъ орд. профессора, въ Петербургскомъ. Каково было преподаваніе Сенковскимъ турецкаго языка, сказано уже выше. Не менѣе увлекательно и плодотворно для слушателей, которые благоговѣли передъ нимъ, читалъ онъ и арабскій языкъ [420]). Сначала препода-

---

[419]) *В. В. Григорьевъ* „Имп. С.-Петерб. Унив.", 5, 15.

[420]) См. біографію Сенковскаго написанную *Савельевымъ* въ I томѣ „Собранія сочиненій Сенковскаго", а также *В. В. Григорьева*, Имп. С.-Пет. Унив. въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ его существованія, стр. 41.

[421]) Какъ оригинально самъ Сенковскій учился арабскому языку въ Ливянскихъ-Горахъ, описано имъ, подъ псевдонимомъ Морозова, въ „Очеркахъ Сиріи" (Сочиненія Сенковскаго, т. I, стр. 191-193 и 196-197). *Прим. ред.*

валъ онъ во всѣхъ трехъ курсахъ. Въ I-мъ курсѣ, послѣ изложенія грамматическихъ правилъ языка по де - Саси и Арыдѣ, переводилъ онъ со слушателями три первыя главы Корана, нѣкоторыя статьи изъ христоматіи де - Саси, изъ „Келилэ - ве - Деменэ", изъ Абдулъ Латыфова „Описанія Египта". Познакомивъ, такимъ образомъ, учениковъ своихъ съ грамматическими формами и отчасти синтаксисомъ, и съ произведеніями литературы легкими по изложенію, во II-мъ курсѣ приступалъ онъ къ изученію съ ними арабской грамматической терминологіи (по Альфійэ или Ибнъ - Ферхату) для того чтобы поставить ихъ въ возможность читать комментаторовъ, и вслѣдъ затѣмъ заставлялъ ихъ переводить муаллаку Лебида съ комментаріемъ Зоузени, и отрывки изъ Хаммасы съ комментаріемъ Тебризи. Послѣ такого посвященія слушателей въ древній арабскій языкъ, въ III-мъ курсѣ объяснялись труднѣйшіе писатели позднѣйшаго времени: Харири или Ибнъ - Арабшахъ. Поэтовъ Халифата (какъ и османскихъ стихотворцевъ) Сенковскій обходилъ, хотя самъ писалъ арабскіе стихи. Въ этомъ - же III-мъ курсѣ начинались и переводы на арабскій съ персидскаго или русскаго; въ первомъ случаѣ текстомъ служило Пендъ - намэ Аттара, а во второмъ— „Путешествіе къ Татарамъ" Плано - Карпини, въ русскомъ переводѣ Языкова [421]). Съ 1824 года Сенковскій читалъ только во II-мъ и III-мъ курсахъ, такъ какъ, съ этого времени, въ I-мъ курсѣ арабскій языкъ сталъ преподавать исключительно *Волковъ* (Михаилъ Григорьевичь), кандидатъ С.-Петербургскаго Университета выпуска 1823 года, который, по окончаніи курса, былъ утвержденъ адъюнктомъ по каѳедрѣ арабскаго языка. Слушателямъ своимъ излагалъ Волковъ начала арабскаго языка по собственному компендіуму; потомъ переводилъ съ ними басни Локмана, первыя три главы Корана и нѣкоторые отрывки изъ хрестоматій де - Саси, Гумберта, Козегартена, и сказокъ „Келилэ - ве - Деменэ". Съ 1837 года сталъ онъ читать въ первыхъ двухъ курсахъ, въ 1845 повышенъ былъ въ экстраординарные профессора, а въ маѣ 1846 года умеръ [423]), оставивъ по себѣ въ ученикахъ своихъ добрую память. Даровитый, симпатичный и широко - образованный былъ человѣкъ. — Кромѣ Волкова, помощникомъ Сенковскому съ 1836 года явился еще кандидатъ Виленскаго Университета *Мухлинскій* (Антонъ Осиповичь). По окончаніи курса въ означенномъ университетѣ, въ 1828 году

---

[422]) Сообщено В. В. Григорьевымъ.

[423]) *В. В. Григорьевъ*, Имп. С.-Петерб. Унив. стр. 53, 129; Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 48, I 61; ч. 50, VII, 30.

былъ онъ принятъ въ Профессорскій Институтъ [424]) съ прикомандированіемъ, для занятій восточными языками, къ С.-Петербургскому Университету. Затѣмъ, для усовершенствованія въ этихъ языкахъ, посланъ онъ былъ, въ 1832, на Мусульманскій Востокъ, откуда и вернулся весною 1835 года. Преподавалъ онъ арабскій языкъ въ среднихъ курсахъ. Слушателямъ своимъ читалъ онъ Коранъ съ комментаріемъ Бейдави, переводилъ съ ними религіозную поэму „Бурдэ" и знакомилъ ихъ съ грамматическою системою Арабовъ, упражняя въ переводѣ этимологіи изъ грамматики Ибнъ-Ферхата Въ 1839 онъ былъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ и перешелъ на каѳедру османскаго языка [425]). Въ концѣ 1842 г. опредѣленъ былъ въ Университетъ сверхштатнымъ преподавателемъ арабскаго языка *Петрашевскій*, исполнявшій эту обязанность до 1849 года [426]). Около этого времени, именно въ іюлѣ 1847 года, Сенковскій, выслуживъ 25-лѣтіе, вышелъ въ отставку. Великою заслугою Сенковскаго, во время его преподавательской дѣятельности, надо признать образованіе имъ цѣлой школы русскихъ оріенталистовъ, умершихъ уже или еще живущихъ, школы отличающейся въ трудахъ своихъ строгою научностію и полнѣйшею добросовѣстностію; но ни одного замѣчательнаго арабиста изъ учениковъ его, къ сожалѣнію, не вышло.

Занять мѣсто Сенковскаго Университетъ пригласилъ тоже знаменитость—египетскаго араба, шейха *Тантави* (Мухаммедъ-Айядъ), бывшаго профессоромъ въ Эльазгарской мечети въ Каирѣ, и считавшаго въ числѣ учениковъ своихъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ западно-европейскихъ арабистовъ. Первоначально въ Петербургъ вызванъ былъ онъ для преподаванія арабскаго языка въ Учебномъ Отдѣленіи Восточныхъ Языковъ при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, и прибылъ въ Россію въ 1839 году. Лекціи въ Университетѣ Тантави началъ съ 1848 года, и въ первые годы толковалъ все Харири; а затѣмъ, увидѣвъ какъ мало подготовлены слушатели пользоваться его ученостію, сталъ ограничиваться толкованіемъ легкихъ историческихъ отрывковъ, преподавалъ грамматику арабскаго языка, упражнялъ слушателей въ разговорахъ и сочиненіяхъ на этомъ языкѣ и въ переводахъ съ русскаго (который онъ достаточно усвоилъ себѣ) на арабскій, училъ каллиграфіи и пріучалъ въ раз-

---

[424]) Профессорскимъ Институтомъ называлась общность кандидатовъ русскихъ университетовъ приготовлявшихся къ профессурѣ, въ отечествѣ и за границею, какъ въ Западной Европѣ, такъ и въ Азіи. *Прим. ред.*

[425]) *В. В. Григорьевъ*, Имп. С.-Петерб. Университетъ, стр. 251 - 252.

[426]) Ж. Мин. Нар. Просв. ч. 36, I.

биранію трудныхъ рукописей. Сверхъ всего этого читалъ исторію Арабовъ, и напечаталъ въ Лейпцигѣ, въ 1848, Traité de la langue arabe vulgaire.

Въ низшихъ курсахъ въ это время, за смертію Волкова, преподавалъ въ теченіе 1847 - 48 годовъ, *Диттель* (Вильямъ Францовичь), воспитанникъ Казанскаго Университета, гдѣ кончилъ курсъ въ 1840 году, послѣ чего, вмѣстѣ съ И. Н. Березинымъ, отправленъ былъ въ ученое путешествіе на Мусульманскій Востокъ. По возвращеніи въ Россію, Диттель принятъ былъ въ С.-Петербургскій Университетъ въ качествѣ исправляющаго должность экстраординарнаго профессора на каѳедру турецкаго языка; съ 1847 г. ему поручили еще и каѳедру арабскаго; но въ слѣдующемъ 1848 году онъ умеръ отъ холеры [428]). Тогда преподаваніе арабскаго языка въ низшихъ курсахъ поручено было профессору персидской словесности *Казембеку*, который и несъ эту обязанность съ 1850 по осень 1854 года [429]). Съ образованіемъ - же въ Университетѣ, въ слѣдующемъ году, особаго факультета В. Я., съ званіемъ исправляющаго должность адъюнкта по каѳедрѣ арабской словесности переведенъ былъ сюда старшій учитель 1-й Казанской Гимназіи *Навроцкій* (Михаилъ Тимофѣевичь), воспитанникъ Казанскаго Университета, изъ котораго вышелъ со степенью кандидата въ 1846 году. Въ теченіе 1855 - 1858 годовъ и преподавадъ онъ въ первыхъ трехъ курсахъ. Между тѣмъ, болѣзнь заставила шейха Тантави прекратить преподаваніе даже и въ одномъ IV-мъ курсѣ. Преподавалъ онъ всего 10 лѣтъ, и окончательно былъ уволенъ отъ службы въ январѣ 1861 года. Тогда часть его лекцій перешла къ *Казембеку*, который и преподавалъ арабскій языкъ съ 1857 по 1859 годъ. Другая часть перешла на долю Навроцкаго, который съ этого же времени сталъ читать и въ IV курсѣ [430]). Съ 1861 года Навроцкій былъ утвержденъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора, и преподавалъ до конца 1870 года, когда заболѣлъ; скончался въ январѣ 1871 [431]), оставивъ памятью по себѣ „Опытъ Арабской Грамматики“ (Спб. 1867).

---

[427]) *Савельевъ*, о шейхѣ Тантави въ „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1840 г. № 189; *В. В. Григорьевъ*, Имп. С.-Петерб. Университетъ, стр. 252 - 254; Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 87, I, 41.

[428]) *Савельевъ*, Некрологъ *В. Ф. Диттеля* (Въ Географическихъ Извѣстіяхъ 1848 г. стр. 117 - 120); *В. В. Григорьевъ*, Имп. С.-Петерб. Унив. стр. 252.

[429]) *В. В. Григорьевъ*, тамъ же.

[430]) Тамъ же, стр. 254; Ж. М. Нар. Пр. 1861 г. отд. I, 27.

[431]) Ж. М. Нар. Просвѣщ. 1861 года, часть оф. стр. 121; 1871, ч. 157, I, 3; Протоколы Совѣта за 1871 г.

Въ 1865 году на каѳедру арабскаго языка штатнымъ доцентомъ опредѣленъ былъ *Гиргасъ* (Владиміръ Ѳедоровичъ). По окончаніи гимназическаго курса, В. Ѳ. поступилъ въ Университетъ по факультету восточныхъ языковъ, въ которомъ и получилъ степень кандидата въ 1859 году. Два года затѣмъ занимался онъ арабскимъ языкомъ въ Парижѣ, послѣ чего отправленъ былъ отъ Университета для дальнѣйшаго усовершенствованія на Мусульманскій Востокъ, по возвращеніи откуда удостоенъ былъ въ 1865 году степени магистра. Съ тѣхъ поръ, въ первыхъ двухъ курсахъ проходилъ онъ грамматику арабскаго языка и упражнялъ слушателей въ переводахъ изъ хрестоматіи Болдырева и Корана. Когда-же заболѣлъ Навроцкій, сталъ преподавать В. Ѳ. и въ высшихъ курсахъ, а по смерти Навроцкаго, и по полученіи степени доктора арабской словесности въ 1873 году, утвержденъ былъ онъ въ званіи экстраординарнаго профессора. Съ 1872 года, явился ему помощникъ въ лицѣ барона *Розена* (Викторъ Романовичъ), кандидата здѣшняго университета, занимавшагося потомъ въ Лейпцигѣ у Флейшера, и принятаго, по полученіи степени магистра арабской словесности, штатнымъ доцентомъ. Пособіемъ при преподаваніи служитъ, какъ послѣднему, такъ и Гиргасу, изданная общими ихъ трудами „Арабская Хрестоматія" (Спб. 1875 - 76) [432]).

По образованіи Факультета Восточныхъ Языковъ, положено было для практическаго преподаванія арабскаго языка имѣть лектора. Первымъ лекторомъ этого предмета былъ опредѣленъ аравитянинъ *Ахмедъ Ибнъ-Хусейнъ*, который и знакомилъ своихъ слушателей съ разговорнымъ (новоарабскимъ) языкомъ до 1858 года когда вышелъ изъ Университета. На мѣсто его опредѣлили тогда аравитянина изъ Алеппо, *Кельзи* (Ѳедоръ Ильичъ), который лекторствуетъ и до настоящаго время, занимая студентовъ разговорами на арабско-сирійскомъ нарѣчіи по нарочно для того составленному имъ учебнику [433]).

О преподаваніи арабскаго языка въ Гельсинфорскомъ Университетѣ имѣемъ мы, къ сожалѣнію, лишь нѣкоторыя свѣдѣнія только за недавнее время (преподавался онъ тамъ какъ дополнительный къ еврейскому, въ богословскомъ факультетѣ). Изъ этого недавняго времени извѣстны намъ: 1) *Гейтлинъ* (Гавріилъ), который потомъ перешелъ на другую каѳедру. Затѣмъ 2) *Валлинъ* (Г. А.

---

[432]) *В. В. Григорьевъ*, И. С.-Петерб. Универ. 384; Протоколы засѣданій совѣта. Унив. за 1872 - 3 годъ.

[433]) *В. В. Григорьевъ*, И. С.-Петерб. Унив. 254 - 255; Актъ 8 февраля 1859 года; Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 124, II, 192.

изучившій арабскій языкъ на мѣстѣ, въ Египтѣ и Аравіи. Послѣ многолѣтнихъ, сдѣлавшихъ его извѣстнымъ, странствованій по Востоку, Валлинъ, на обратномъ пути, работалъ много въ Лондонѣ, и затѣмъ, въ 1850 году, будучи 40 лѣтъ, вернулся въ Финляндію, гдѣ, вмѣстѣ со степенью магистра, получилъ и опроставшуюся тогда каѳедру восточныхъ языковъ; но преподавалъ онъ не долго, ибо въ октябрѣ 1852 умеръ [434]). 3) *Лагусъ* (Вильгельмъ), по настоящее время читающій арабскій языкъ въ Гельсинфоргскомъ Университетѣ, при чемъ пособіемъ ему служитъ изданный имъ, на шведскомъ языкѣ, прекрасный „Учебный курсъ арабскаго языка для университетскаго преподаванія", въ четырехъ частяхъ (Гельсинфорсъ, 1869 - 1878). Всѣ три помяну ые профессора — природные финляндцы.

Что касается до Дерптскаго Университета, то тамъ арабскій языкъ ни разу не былъ введенъ оффиціально въ преподаваніе; но, въ виду важности его среди семитическихъ, нѣкоторые преподаватели сами удѣляли ему часть своихъ лекцій. Такъ, *Клейнертъ* объяснялъ отрывки изъ арабской хрестоматіи де-Саси, по 2 часа въ недѣлю, а *Кейль* преподавалъ грамматику по Эвальду, и объяснялъ басни Локмана, тоже по 2 часа въ недѣлю [435]).

Въ *Учебномъ отдѣленіи Восточныхъ Языковъ* при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, съ самаго открытія онаго, преподавать арабскій языкъ началъ *Ф. Деманжъ*, который и несъ эту обязанность до 1839 года. Въ 1840 году его смѣнилъ шейхъ *Мухаммедъ-Айядъ Тантави*. О нихъ обоихъ говорено уже выше. Въ настоящее время арабскій языкъ преподаетъ тамъ сиріецъ *Нофаль* (Селимъ, въ христіанствѣ Георгій), поступившій въ Отдѣленіе въ 1860 году [436]).

Въ *Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ Языковъ* арабскій языкъ, съ преобразованія Института въ 1871 году, сталъ преподавать дамаскинецъ *Муркосъ* (Георгій), воспитанникъ С.-Петербургскаго Университета, въ которомъ окончилъ курсъ въ 1869 году [437]).

Въ *Институтѣ В. Я. при Ришельевскомъ Лицеѣ*, первымъ преподавателемъ арабскаго языка, съ 1838 года, былъ *В. В. Григорьевъ*. Съ 1845 мѣсто его занялъ *В. Н. Кузьминъ*, а съ 1852 —

---

[434]) Ж. Мин. Нар. Пр. 1851 г. ч. 70, VII, 62 - 63; 1853 г. ч. 77, VII, 67 - 68.

[435]) Ж. Мин. Нар. Пр. 1834 г. ч. 7, стр. 272; 1835 г. ч. 5, стр. 326.

[436]) По свѣдѣніямъ доставленнымъ нынѣшнимъ директоромъ Отдѣленія, *М. А. Гамазовымъ*.

[437]) Ж. Мин. Нар. Пр. 1874, ч. 174, I, 122.

И. Н. Холмогоровъ, оставшійся за штатомъ въ 1855 году. Обо всѣхъ ихъ упомянуто выше, въ отдѣлѣ о тюркскихъ языкахъ.

Изъ духовныхъ академій преподаваніе арабскаго языка имѣло мѣсто въ одной *Казанской*. Началось оно тамъ только съ января 1845, и то благодаря единственно *А. К. Казембеку*, который предложилъ преподавать его безвозмездно. Съ начала 1846-47 учебнаго года передалъ онъ должность преподавателя этого предмета ученику своему *Н. И. Ильминскому*. Для дальнѣйшаго усовершенствованія въ арабскомъ и турецкомъ языкахъ, Ильминскій отправленъ былъ въ Турцію, Сирію и Египетъ, откуда возвратился отличнымъ арабистомъ. Въ 1853 ему поручено было преподаваніе „миссіонерскихъ наукъ" противъ Ислама, которыя онъ и преподавалъ до ноября 1858, когда перешелъ въ другое вѣдомство. На вакантную каѳедру тогда же былъ переведенъ *Г. С. Саблуковъ*, баккалавръ Академіи по классу греческаго языка и преподаватель татарскаго языка въ Казанской Семинаріи, тоже хорошій арабистъ. Но какъ Саблуковъ смѣнилъ Ильминскаго, такъ и Ильминскій, въ свою очередь, смѣнилъ Саблукова, когда послѣдній, въ концѣ 1862, вышелъ въ отставку. Снова опредѣленный въ Академію въ іюлѣ 1863, Ильминскій, совмѣстно съ священникомъ *Е. А. Маловымъ*, сталъ преподавать миссіонерскія науки противъ Ислама. Маловъ, въ 1869, перешелъ на другую каѳедру, а въ сентябрѣ 1870 на каѳедру арабскаго языка опредѣленъ былъ *Н. Т. Остроумовъ*; онъ оставался въ Академіи до 1877 года, когда перешелъ въ другое вѣдомство [438]).

Студенты Академіи изучали арабскую грамматику и переводили въ I курсѣ Коранъ, а во II и III — „Мухтасаръ-уль-Викаѓ" по арабскому тексту съ татарскимъ толкованіемъ. Сверхъ того, въ I курсѣ излагалась догматическая часть мухаммеданскаго вѣроученія, а во II—исторія Мухаммеда до выступленія его на проповѣдническое поприще [439]).

Изъ среднихъ учебныхъ заведеній, прежде другихъ, начало преподаванію арабскаго языка положено было въ 1-й *Казанской Гимназіи*: именно обучать ему безвозмездно вызвался, въ 1823 году, профессоръ Каз. Университета *Эрдманъ*. Онъ исполнялъ эту обязанность три года. Смѣнилъ его дѣйствительный студентъ Казанскаго Университета *Николаевъ* (Петръ Ивановичъ), который оставался въ Гимназіи не долго. Въ сентябрѣ 1827 его замѣстилъ

---

[438]) *Гвоздевъ* „Двадцатилѣтіе Казанской Духовной Академіи"; Журналы засѣданій Совѣта Академіи за 1870 г. стр. 7.

[439]) Протоколы засѣданій Совѣта Казан. Духовн. Академіи за 1872 г. стр. 289, и за 1874-5 учебн. годъ.

кандидатъ *Верниковскій* (Иванъ Антоновичъ), уроженецъ Минской губерніи, получившій высшее образованіе въ Виленскомъ Университетѣ, гдѣ слушалъ еврейскій языкъ. Затѣмъ арабскій языкъ въ Гимназіи преподавали профессоры и лекторы тамошняго университета. Въ числѣ ихъ, *А. К. Казембекъ* — съ 1841 по 1848. До 1840 преподавалъ еще *Первухинъ* (Михаилъ), а съ 1848 поступилъ въ Гимназію старшимъ учителемъ *М. Т. Навроцкій* (см. выше).

Практически арабскій языкъ преподавали: мулла *Мухаммедъ Аліевъ*, адербайджанскій уроженецъ, а потомъ (съ 1853 года) аравитянинъ *Ахмедъ Ибнъ-Хусейнъ* [440]).

Въ гимназическихъ классахъ *Института В. Я. при Ришельевскомъ Лицеѣ* арабскій языкъ преподавали тѣ же учителя которые обучали и другимъ восточнымъ языкамъ: *Шутовъ, Грамматиковъ, Комперъ и Аліевъ* [441]).

Въ *Новочеркасской Гимназіи* старшимъ учителемъ арабскаго языка былъ, съ 1850 года, кандидатъ Казанскаго Университета *Крашенинниковъ* (Николай) [442]). О другихъ учителяхъ свѣдѣній мы не нашли.

Въ *Казанской Семинаріи* арабскому языку обучалъ, въ послѣднее время, *Фортунатовъ* (Яковъ Ивановичъ) [443]).

VIII. Санскритскій языкъ.

Первымъ русскимъ индіанистомъ былъ *Лебедевъ* (Герасимъ Степановичъ), по профессіи музыкантъ, пробравшійся въ прошломъ столѣтіи въ Индію. Родился онъ въ 1749 году, а въ 1775 отправился съ нашимъ посольствомъ въ Неаполь; былъ затѣмъ въ Парижѣ, въ Лондонѣ. Изъ Англіи отплылъ, въ 1785 году, въ Индію. Сперва пробылъ онъ два года въ Мадрасѣ, а затѣмъ, желая изучить языкъ древнихъ Индѣйцевъ, отправился на берега Ганга. Существуя музыкой, Лебедевъ занялся какъ могъ санскритскимъ языкомъ, и изучилъ бенгальское и другія индѣйскія нарѣчія такъ основательно, что перевелъ на бенгальскій языкъ двѣ англійскія театральныя пьесы, которыя поставилъ потомъ на сцену въ са-

---

[440]) *Владиміровъ* „Историческая записка", ч. II, 53 - 60, 149; Журн. Мин. Нар. Пр. ч. 82, I, 55; Протоколы засѣд. Совѣта С.-Петерб. Унив. № 4 (біографія Казембека).

[441]) Новороссійскіе календари на 1840 - 1856 годы.

[442]) *Фойгтъ*, Обозрѣніе.

[443]) Памятная Книжка Казанской Губерніи на 1867 годъ.

момъ имъ выстроенномъ, въ Калькуттѣ, театрѣ, и такимъ образомъ первый познакомилъ Азію съ европейскою драмою. Послѣ 12-тилѣтняго пребыванія въ Индіи, Лебедевъ вернулся въ Европу; сперва въ Англію, гдѣ издалъ, въ 1801 году, „Грамматику индѣйскихъ нарѣчій", а потомъ въ отечество, гдѣ и былъ опредѣленъ переводчикомъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Дальнѣйшая судьба Лебедева неизвѣстна [444]).

Преподаваніе-же санскритскаго языка, въ высшей степени необходимаго въ дѣлѣ лингвистики, началось только тогда, когда упрочились у насъ другіе языки Востока, въ которыхъ мы нуждались болѣе, для практическихъ цѣлей. Первый, кто высказался за необходимость изученія у насъ санскрита для удовлетворенія научныхъ требованій, былъ графъ С. С. Уваровъ, который въ Projet d'une Académie Asiatique ставилъ санскритскій языкъ на первомъ планѣ. Получивъ постъ министра народнаго просвѣщенія, графъ Уваровъ получилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и полную возможность осуществить свою мысль. Но такъ какъ у насъ не было въ то время санскритиста, то нужно было найти способнаго молодаго человѣка, который посвятилъ бы себя изученію санскрита. Выборъ министра палъ на воспитанника Дерптскаго Университета *Р. Х. Ленца*. Послѣ поѣздки за границу, гдѣ онъ слушалъ лекціи Боппа и другихъ санскритистовъ, Ленцъ, въ сентябрѣ 1835, опредѣленъ былъ адъюнктомъ въ И. Академію Наукъ.

Изъ университетовъ-же русскихъ, первымъ гдѣ каѳедра санскритскаго языка получила право гражданства, былъ *Казанскій*. Преподавателемъ этого языка явился замѣчательный у насъ лингвистъ *Петровъ* (Павелъ Яковлевичь). Уроженецъ С.-Петербургской губерніи, Петровъ получилъ домашнее образованіе въ домѣ князя А. П. Оболенскаго (тогда губернатора Калуги); въ 1828 поступилъ онъ въ Московскій Университетъ, въ которомъ и окончилъ курсъ со степенью кандидата. Нѣсколько времени затѣмъ пробивался онъ частными уроками, изучая въ тоже время восточные языки, и въ числѣ ихъ санскритскій, который одолѣлъ безъ всякой посторонней помощи. Его необыкновенныя способности къ языкамъ не укрылись отъ графа Уварова, и меценатъ этотъ далъ Петрову возможность приложить ихъ къ дѣлу, зачисливъ его, въ 1834, въ Профессорскій Институтъ, съ прикомандированіемъ къ Петербургскому Университету, гдѣ гремѣла тогда слава Сенков-

---

[444]) „Географическія Извѣстія" 1849 г. стр. 113-115; *Савельевъ* „Восточныя литературы и русскіе оріенталисты" (Русскій Вѣстн. 1856 г. майская кн. стр. 32).

скаго. Здѣсь четыре года занимался онъ языками арабскимъ, персидскимъ, турецкимъ и санскритскимъ, послѣднимъ—уже подъ руководствомъ Ленца. Въ 1838 г. Петровъ былъ командированъ заграницу на два года для усовершенствованія собственно въ санскритскомъ языкѣ, чтобы занять каѳедру его въ Академіи Наукъ, сдѣлавшуюся вакантною за смертію Ленца. Знаменитый Боппъ, проэкзаменовавъ русскаго ученаго, написалъ въ Петербургъ, что Петрову, по его свѣдѣніямъ, нечему учиться ни у него Боппа, ни у кого другаго изъ санскритистовъ, а остается только заняться изученіемъ рукописей въ Парижѣ и Лондонѣ. По возвращеніи въ Россію, Петровъ долженъ былъ подвергнуться экзамену въ Академіи Наукъ; но такъ какъ тамъ экзаменовать его было некому (только Шмидтъ да Грефе имѣли кое-какія свѣдѣнія въ санскритскомъ языкѣ), то Петровъ счелъ ниже своего достоинства разыгрывать комедію экзамена передъ лицами которыя не могли быть судьями его познаній; но за то и не попалъ въ Академію, а принужденъ былъ скитаться въ страшной бѣдности, пока, въ концѣ 1841, не былъ опредѣленъ исправляющимъ должность адъюнкта санскритскаго языка въ Казанскій Университетъ, на неутвержденную еще каѳедру. Слушателямъ своимъ Петровъ объяснялъ этимологію и синтаксисъ санскритскаго языка по Боппу, съ краткимъ изложеніемъ пракритской грамматики по Лассену, переводилъ съ ними антологію того же Лассена [445]), эпизоды изъ Магабараты, изъ Рамаяны, изъ Савитріи, изъ драмъ Сакунтала, Мудра-ракшасамъ, Прабодъа-чандродаіа, Урвасіи, Малавати и Мадъава, Кашмирскую Лѣтопись, гимны изъ Ригвэды и и пр., причемъ читалъ попеременно исторію Индусовъ по Кольману, и исторію санскритской литературы по собственнымъ запискамъ, или индусскую археологію—всего отъ 6 до 8 часовъ въ недѣлю [446]). Въ 1852 году, Петровъ, въ томъ же званіи, переведенъ былъ въ Московскій Университетъ, а вмѣсто него опредѣленъ былъ ординарнымъ профессоромъ *Болленсенъ* (Ѳедоръ), иностранный докторъ, бывшій адъюнктъ-профессоромъ въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ. Въ 1856 году Болленсенъ остался за штатомъ [447]).

---

[445]) Началъ было печатать Петровъ и свою санскритскую антологію, но оскорбленный пустяками, разсердился и остановилъ печатаніе этого труда, который, такимъ образомъ и остался неоконченнымъ. *Прим. ред.*

[446]) *Ковалевскій*, Обозрѣніе хода и успѣх. преп. азіатскихъ языковъ; Біографич. Словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго Университета, стр. 227; *В. В. Григорьевъ* „Т. Н. Грановскій до его профессорства въ Москвѣ“ (Русская Бесѣда, 1856, ч. 4, „Смѣсь“, стр. 25); *Фойгтъ* „Отчеты“, стр. 50 - 51.

[447]) Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 74, I; ч. 93, I, 10.

Въ *Московскомъ Университетѣ* преподаваніе санскритскаго языка началось въ 1852 году, для желающихъ. Для преподаванія его (вмѣстѣ съ другими восточными языками) и былъ вызванъ изъ Казани *П. Я. Петровъ*. По возведеніи его Петербургскимъ Университетомъ въ почетные онаго доктора, былъ онъ, въ 1864 году, утвержденъ ординарнымъ профессоромъ. Преподавалъ до мая 1875 года, когда вышелъ въ отставку. Умеръ 7 сентября того же года [448]).

Попытки ввести санскритскій языкъ въ *Петербургскомъ Университетѣ* происходили нѣсколько разъ. Первый предложившій свои услуги Университету былъ *Р. Х. Ленцъ*, который съ марта 1836 г. и сталъ безвозмездно читать тамъ лекціи санскритской литературы и сравнительнаго языкознанія. Но лекціи эти, привлекавшія многочисленныхъ слушателей, прекратились въ томъ же полугодіи, такъ какъ въ іюлѣ того же года Ленцъ скончался [449]).

Черезъ два года послѣ того преподавать санскритскій языкъ въ Университетѣ вызвался, и опять-таки безвозмездно, *Б. А. Дорнъ*, состоявшій тогда профессоромъ Института Восточныхъ Языковъ при Азіатскомъ Департаментѣ. Разрѣшеніе на это послѣдовало въ декабрѣ 1837 года, а самое чтеніе началось въ 1838-мъ и продолжалось четыре года, до 1842, когда, вслѣдствіе усилившихся занятій, Б. А. долженъ былъ оставить это занятіе [450]). По образованіи Факультета Восточныхъ Языковъ, признано было необходимымъ, для надлежащей полноты, дать въ немъ мѣсто и санскриту. Но замѣстить каѳедру этого предмета удалось только въ 1858 году, и опять благодаря безвозмездному на то вызову, сдѣланному *Коссовичемъ* (Каэтанъ Андреевичъ). Ученую дѣятельность свою началъ К. А. съ классической филологіи; но страстный элленистъ и хорошій латинистъ, онъ не удовлетворился изученіемъ классическаго міра, а захотѣлъ познакомиться и съ

---

[448]) Исторія Московскаго Университета, стр. 502, 560; Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 90, I, стр. 43; ч. 91, I, стр. 21; „Отчетъ" Москов. Унив. за 1875 г.

Пришибленный несправедливостями и неудачами въ началѣ своей карьеры, Петровъ, котораго, по числу изученныхъ имъ языковъ Азіи и Европы можно смѣло назвать русскимъ Меццофанти, сдѣлался совершеннымъ мизантропомъ: ни съ кѣмъ не знался, никому не довѣрялъ. Дѣлиться своими свѣдѣніями въ языкахъ готовъ онъ былъ охотно съ каждымъ кто только хотѣлъ у него учиться; но писать, печататься, было для него мученіемъ: почти все немногое имъ напечатанное сдѣлано имъ противъ воли и крайне неудовлетворительно. *Прим. ред.*

[449]) *В. В. Григорьевъ*, Имп. С.-Петерб. Унив., 280 - 281; Ж. М. Нар. Пр. за 1835 г. ч. 8, стр. 537.

[450]) Имп. С.-Петер. Универ., 281 - 282; Ж. М. Нар. Пр. ч. 17, стр. XIX.

восточнымъ. Состоя учителемъ греческаго языка въ Тверской а потомъ во 2-й Московской гимназіи, К. А. началъ изучать языки еврейскій и арабскій, а потомъ принялся и за санскритскій— все это безо всякой посторонней помощи, самоучкою. Санскритскимъ языкомъ овладѣлъ онъ вскорѣ въ такой степени, что не затруднился познакомить русскую публику съ одною изъ самыхъ трудныхъ по содержанію и языку индѣйскихъ драмъ. Оставивъ Москву, и пріютившись въ Петербургѣ при Императорской Публичной Библіотекѣ, свой курсъ санскритскаго языка и литературы въ Университетѣ открылъ К. А. съ сентября 1858 г. Черезъ нѣсколько времени затѣмъ назначено было ему и содержаніе; а въ 1866 году, по избраніи его въ почетные доктора Харьковскимъ Университетомъ, былъ онъ утвержденъ и въ званіи ординарнаго профессора. Въ I курсѣ Коссовичъ излагалъ этимологію и переводилъ статьи изъ христоматіи Штенцлера, по 2 лекціи въ недѣлю; во II курсѣ объяснялъ поэму Савитри и читалъ обзоръ исторіи санскритской литературы классическаго періода, по 3 лекціи; въ III курсѣ объяснялъ законы Ману; въ IV-мъ занималъ студентовъ переводами сочиненій искусственаго перевода санскритской литературы: Мэгадуты и Гитаговинды, съ указаніемъ на исторію подобныхъ памятниковъ. Преподаваніе языка постоянно сопровождалось объясненіями общественнаго быта и характера цивилизаціи древней Индіи, и параллельно съ чистымъ санкритомъ излагались всѣ видоизмѣненія формъ пракритскихъ нарѣчій. Въ исторію литературы вводились изслѣдованія о древне-индійскихъ философскихъ системахъ, вытекшихъ изъ ученія содержащагося въ Ведахъ, и о томъ ученіи которое было имъ противопоставлено [451]). Въ такомъ видѣ продолжается преподаваніе К. А. и въ настоящее время. Въ видѣ хрестоматіи издана имъ легенда изъ Магабараты объ охотникѣ и парѣ голубей, „съ присовокупленіемъ русской транскрипціи, латинскаго перевода и санскрито-русскаго глоссарія“ (Спб. 1859).

О преподаваніи санскрита въ Дерптскомъ Университетѣ могу сказать лишь то, что въ 1860-хъ годахъ преподавалъ его тамъ орд. проф. *Мейеръ*, по 3 часа въ недѣлю [453]).

---

[451]) Имп. С.-Петерб. Унив., стр. 282 - 286; „Актъ“ 8 февраля 1856 г. стр. 19, и 8 февраля 1861 г.; Ж. М. Нар. Пр. 1858 г. ч. 99, VII, 158.

[452]) Протоколы засѣданій Совѣта Имп. С.-Петерб. Унив. стр. 286.

[453]) Ж. Мин. Нар. Пр. 1865 г. кн. декабрьская.

221

IX. Зендъ и Пеглеви.

Зендскій языкъ введенъ былъ въ С.-Петербургскій Университетъ уставомъ 1863 года, и преподаваніе его принялъ на себя *К. А. Коссовичъ*, который, еще за два года передъ тѣмъ, началъ печатать свои труды по изученію Авесты („Четыре статьи изъ Зендавесты, съ присовокупленіемъ транскрипціи, русскаго и латинскаго переводовъ, объясненій, критическихъ примѣчаній, санскритскаго перевода и сравнительнаго глоссарія". Спб. 1861), и потомъ ревностно продолжалъ ихъ, пока не перешелъ опять къ новому предмету — языку древне-перской клинописи. Затѣмъ, въ ноябрѣ 1875, въ помощь Коссовичу принятъ былъ приватъ-доцентомъ ученикъ его, воспитанникъ Петербургскаго Университета, магистръ персидской словесности *Залеманъ* (Карлъ Германовичъ). Послѣ изложенія грамматики зендскаго языка, Залеманъ переводитъ со студентами всѣхъ курсовъ Decem Excerpta профессора Коссовича, по 1 лекціи; въ III и IV курсахъ занимается разборомъ формъ пеглевійскаго языка, объясняетъ грамматику его въ сравненіи съ новоперсидскимъ, и толкуетъ пеглевійскій переводъ IX-й главы Ясны [454]).

Армянскій (древній) языкъ.

Преподаваніе книжнаго армянскаго языка началось у насъ не оффиціальнымъ путемъ, а благодаря почину частныхъ лицъ изъ Армянъ, которые, желая дать образованіе своимъ единоплеменникамъ, на свои средства устраивали и поддерживали для нихъ училища въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Такъ возникло Агабабовское Училище въ Астрахани, потомъ Халибовское Училище въ Ѳеодосіи, не говоря уже о Лазаревскомъ Институтѣ въ Москвѣ. Въ Тифлисѣ, гдѣ обученіе книжному армянскому языку было необходимѣе чѣмъ гдѣ либо, первое училище устроено было архіепископомъ Іоаннесомъ и расширено потомъ архіепископомъ Нерсесомъ. Нерсесъ выписалъ для этого училища изъ Парижа извѣстнаго тогда армянина *Шагана Чирбета*, а изъ Москвы — старшаго преподавателя Лазаревскаго Института архимандрита *Артемія Аламдарова* и многихъ другихъ; но за отъѣздомъ Нерсеса въ Бессарабію училище стало падать. Было и еще нѣ-

---

[454]) Протоколы засѣданій Совѣта С.-Петерб. Университета.

сколько частныхъ учебныхъ заведеній для Армянъ (въ Москвѣ, въ Кизлярѣ, въ Моздокѣ и въ другихъ городахъ [455]). Что касается до Правительства, то, въ относительно недавнее время, введено имъ преподаваніе армянскаго языка только въ университетахъ Казанскомъ и С.-Петербургскомъ да въ учебныхъ заведеніяхъ Подкавказья и Закавказья.

Въ *Казанскомъ Университетѣ* преподаваніе армянскаго языка началось только съ 1842 года, хотя каѳедра его тамъ основана была еще въ 1839. Причина столь позднему замѣщенію этой каѳедры заключалась въ томъ, что для занятія ея объявленъ былъ состязательный конкурсъ, рѣшеніе по которому зависѣло отъ Академіи Наукъ. Изъ работъ, присланныхъ многими армянскими литераторами, лучшимъ признано было академиками сочиненіе доктора Петермана, извѣстнаго составителя грамматики армянскаго языка, экстраординарнаго профессора въ Берлинскомъ Университетѣ; но Петерманъ получилъ повышеніе, и остался въ своемъ отечествѣ. Тогда Министерство, не желая принять на каѳедру въ Университетъ кого попало, порѣшило спеціально образовать для нея своего преподавателя. Избранникомъ министерства оказался *Назаріанцъ* (Степанъ Исаевичъ), сынъ бѣднаго армянскаго священника въ Тифлисѣ (родился въ 1812 году), первоначальное образованіе получившій въ армянской Нерсесовской семинаріи, а университетское окончившій въ Дерптѣ со степенью кандидата. На средства Казанскаго Университета и сталъ Назаріанцъ, подъ руководствомъ академиковъ Френа и Броссѐ, готовиться къ преподавательской дѣятельности по указанной ему спеціальности. Въ 1842 году сдѣланъ онъ былъ адъюнктомъ, и въ сентябрѣ того же года, прибывъ въ Казань, началъ лекціи по своей каѳедрѣ. Здѣсь получилъ онъ степень магистра, а въ 1848 году и доктора восточной словесности [456]). Назаріанцъ преподавалъ грамматику армянскаго языка, руководствуясь сочиненіемъ о. Австикіана, объяснялъ историковъ: Лазаря Парбскаго, Моисея Хоренскаго, Елисея Аматунскаго и книги Юдиѳь и Маккавейскія изъ армянской Библіи; упражнялъ въ переводахъ съ русскаго языка на армянскій и въ сочиненіяхъ на послѣднемъ; излагалъ исторію и географію Великой Арменіи, исторію армянской литературы и древности Арменіи — всего 6 часовъ въ недѣлю. Въ 1849 году Назаріанцъ перешелъ въ Москов-

---

[455]) „Собраніе актовъ касательно исторіи армянскаго народа", т. III, стр. 12 - 16; „Исторія Лазаревскаго Института", стр. 73.

[456]) *Ковалевскій*, Обозрѣніе хода и успѣховъ препод. азіат. языковъ въ Каз. унив. стр. 18 - 20; „Некрологъ" Назаріанца („Голосъ", 1879, № 130).

скій Лазаревскій Институтъ профессоромъ арабской и персидской словесности. Тогда преподаваніе армянскаго языка въ Казанскомъ Университетѣ было поручено старшему учителю 1-й Казанской Гимназіи *Гладышеву* (Григорій), который и началъ объяснять своимъ слушателямъ сперва грамматику армянскаго языка по Чамчіану и Петерману, а потомъ переводилъ избранныя мѣста изъ хрестоматіи Эмина, и отрывки изъ Моисея Хоренскаго и другихъ историковъ; преподавалъ исторію Армянскаго Народа по Сенъ-Мартену и Глинкѣ, а исторію армянской литературы — по сочиненіямъ Петермана и Назаріанца, всего 3 часа въ недѣлю. По окончаніи курса всѣми студентами того разряда которому читалъ Гладышевъ, онъ въ 1851 году прекратилъ свои лекціи [457]), и съ тѣхъ поръ армянскій языкъ пересталъ преподаваться въ Казанскомъ Университетѣ.

Въ *Петербургскомъ Университетѣ*, съ открытіемъ каѳедры армянскаго языка, на нее приглашенъ былъ, въ декабрѣ 1844, чиновникъ Азіатскаго Департамента армянинъ *Бероевъ* (Никита Лазаревичь), первоначальное образованіе получившій въ Астраханскомъ Агабабовскомъ Училищѣ, а по выходѣ оттуда поступившій въ 1823 году въ Институтъ Восточныхъ Языковъ при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ и кончилъ курсъ съ чиномъ переводчика 10-го класса. Въ Университетѣ онъ начиналъ преподаваніе съ объясненія грамматики армянскаго языка, затѣмъ упражнялъ слушателей въ переводахъ съ армянскаго языка на русскій и обратно, и объяснялъ армянскихъ классиковъ. Въ 1849 году Бероевъ удостоенъ былъ званія адъюнкта, въ слѣдующемъ издалъ трудъ свой „Начальныя основанія Гайканскаго языка“ (Спб. 1850) [458]), а въ 1861 уволенъ за выслугою лѣтъ [459]).

Тогда на мѣсто Бероева, въ томъ же 1861 году, опредѣленъ былъ, на правахъ адъюнкта, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ нынѣ арменистовъ, какъ лингвистъ, историкъ, археологъ, переводчикъ и издатель новыхъ текстовъ — *Патканов*ъ (Керопе Петровичь). Воспитанникъ Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ, онъ въ 1850 году поступилъ въ Дерптскій Университетъ, но курсъ наукъ окончилъ не тамъ, а въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, въ

---

[457]) *Фойгтъ*, Обозрѣніе хода и успѣховъ препод. азіатск. языковъ, стр. 9 и 16.

[458]) Этому труду его предшествовало „Краткое начертаніе правилъ Гайканскаго простонароднаго языка, помѣщенное въ Mélanges Asiatiques, t. I, 1849, стр. 455.

[459]) *В. В. Григорьевъ* „Имп. С.-Петерб. Университетъ“, стр. 207 - 268; Ж. Мин. Нар. Просв. 1861 года, ч. оффиц., стр. 115.

Петербургѣ. По поступленіи въ Университетъ, въ 1863, былъ онъ удостоенъ степени магистра восточной словесности, а въ слѣдующемъ 1864 получилъ степень доктора армянской словесности. Съ 1872 состоитъ ординарнымъ профессоромъ [460]). Слушателямъ своимъ К. П. излагаетъ грамматику армянскаго языка, переводитъ съ ними армянскихъ писателей, съ грамматическими комментаріями, и читаетъ исторію Арменіи и исторію армянской литературы. По части языка имъ преподаваемаго, изданы имъ по-русски: „Изслѣдованіе о составѣ армянскаго языка" (Спб. 1864), и „Изслѣдованіе о діалектахъ армянскаго языка" (Спб. 1869).

Въ *Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ Языковъ* воспитывались много природныхъ Русскихъ, но мы не знаемъ никого изъ нихъ, кто-бы занялся армянскимъ языкомъ и литературою. Можетъ быть тамъ это и не желательно. Что-же касается до преподавателей означенныхъ предметовъ, то тамъ были отличные. Таковъ былъ, въ 1830-хъ и 1840-хъ годахъ, армянскій архіепископъ *Михаилъ Саллантянъ*, авторъ замѣчательной грамматики армянскаго языка; таковъ въ настоящее время *Эминъ* (Никита Осиповичь [461]), издатель множества армянскихъ текстовъ, переводчикъ (на русскій языкъ) важнѣйшихъ историковъ Арменіи, и изслѣдователь ея древностей. Имъ же изданы „Грамматика древне-армянскаго языка" (по-армянски), Москва, 1846, и „Хрестоматія древне-армянскаго языка, съ армяно-русскимъ словаремъ", тамъ же, 1849.

Съ 1842 по 1853 преподавался армянскій языкъ и въ 1-й *Казанской Гимназіи*, сначала — *О. И. Назарьянцемъ*, потомъ — кандидатомъ Каз. Университета *Гладышевымъ* [462]).

Въ *Симферопольской* Гимназіи обучалъ армянскому языку старшій учитель *Тиграніанъ* [463]).

Въ *Ставропольской* Гимназіи съ 1837 по 1872 годъ штатнымъ преподавателемъ армянскаго языка былъ недавно скончавшійся протоіерей *П. С. Патканов*ъ. До пятидесятыхъ годовъ изученіе армянскаго языка въ Ставропольской Гимназіи было обязательно и для Русскихъ. Изъ воспитанниковъ того времени особеннымъ знаніемъ древне-армянскаго языка и литературы отличался покойный *И. И. Ивановъ*, помѣстившій нѣсколько самостоятельныхъ ста-

---

[460]) Ж. Мин. Нар. Просв. 1861 года, ч. оффиц. стр. 271; Протоколы Совѣта, № 3.

[461]) Ж. Мин. Нар. Просвѣщ. 1871 года, ч. 157, I, 34.

[462]) Тамъ же, ч. 36, I, 56; ч. 79, I, 46; *Владимірова* „Историч. записка о Первой Казанской Гимназіи", стр. 63-64.

[463]) Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 45, III, 21.

225

тей по исторіи Арменіи въ газетѣ „Кавказъ“ за 1850, 51, 53 и другіе годы. Его русскій переводъ исторіи Егишэ остался въ рукописи.

Объ учителяхъ армянскаго языка въ прочихъ училищахъ Подкавказья и Закавказья свѣдѣнія нами собранныя столь скудны, что не стоитъ и приводить ихъ.

[Кромѣ упомянутыхъ въ этомъ отдѣлѣ учебниковъ Бероева и Эмина, имѣются на русскомъ еще слѣдующія пособія для изученія армянскаго (древняго) языка:

Книга содержащая въ себѣ ключь познанія букваря, словаря и нѣкоторыхъ правилъ изъ нравоученія. Сочиненная и переведенная съ Россійскаго на Армянскій и съ Армянскаго на Россійскій языки дѣвицею *Клеопатрою Сарафовою*. Спб. 1788.

Новые разговоры, переведенные съ Россійскаго на Армянскій языкъ Армянскимъ Іеродіакономъ *Авраамомъ Богдановымъ Вагаршападскимъ*. Астрахань, 1820.

Краткій Россійско-Армянскій Словарь, соч. священника *Артемія Аламдарова*. Москва, 1821.

Учебная книга Армянскаго языка, содержащая въ себѣ сокращеніе приготовительныхъ наукъ. Составилъ *Александръ Худобашевъ*. Спб. 1838.

Армяно-Русскій Словарь, составленный по лексикону изданному въ Венеціи, и умноженный *А. Худобашевымъ*. Москва, 1838. Двѣ части.

Новая Армянская Азбука, съ отрывками для чтенія и съ глоссаріемъ. Составилъ Р. Спб. 1856.

Русско-Армянскій Словарь, составленный *Г. Ирицпуховымъ*. Изд. второе, дополненное и исправленное. Тифлисъ, 1876.

Кромѣ того, есть еще армянская грамматика на русскомъ языкѣ, изданная въ Венеціи, въ 1840 году, о. *Минаемъ Медици*.

Все это — сколько намъ извѣстно. *Прим. ред.*]

XI. Персидскій (новый) языкъ.

Результатомъ изложеннаго выше распоряженія Петра Великаго объ отправленіи съ Волынскимъ въ Персію пятерыхъ учениковъ московскихъ латинскихъ школъ, было то, что у насъ явились свои переводчики персидскаго языка не только въ Петербургѣ, но даже при персидскомъ Дворѣ. Такими переводчиками были *Колушкинъ*, впослѣдствіи резидентъ, а послѣ него *В. Ѳ. Братищевъ*, ко-

торый находился въ Персіи съ 1736 по 1745 годъ, сперва студентомъ, потомъ переводчикомъ, и наконецъ резидентомъ отъ Россійскаго Двора [464]). Сознавала недостатокъ въ людяхъ знающихъ персидскій языкъ и Екатерина Великая, но никакихъ мѣръ къ устраненію этого недостатка при ней не предпринималось, кромѣ только предписанія ея ввести преподаваніе этого языка въ народныхъ училищахъ „обращенныхъ къ сторонѣ персидской“ [465]). Но затѣмъ къ началу XIX столѣтія у насъ совсѣмъ не было людей свѣдующихъ основательно въ персидскомъ языкѣ, такъ-что, когда изученіе его поставлено было на твердую почву введеніемъ въ число университетскихъ предметовъ уставомъ 1804 года, своихъ ученыхъ знатоковъ по этой части у насъ не оказалось, и пришлось обратиться за ними къ Нѣмцамъ и Французамъ.

Изъ университетовъ нашихъ, преподаваніе персидскаго языка началось ранѣе другихъ въ *Казанскомъ*, именно со времени поселенія тамъ знаменитаго *Френа*; но при немъ, какъ и при преемникѣ его, *Эрдманѣ*, изученіе означеннаго языка не могло процвѣтать по причинамъ указаннымъ отчасти выше, хотя конспекты чтеній послѣдняго и отличались букетомъ учености. Въ высшихъ курсахъ Эрдманъ толковалъ избранныя мѣста изъ Пендъ-намэ Аттара, изъ историковъ Рашидъ-эд-Дина, Шерефъ-эд-Дина, Абдъ-ур-Резака, Девлетъ-шаха, изъ поэмы Юсуфъ-ве-Зюлейха, изъ стихотвореній Низами и Гафиза; читалъ исторію персидскаго государства и исторію персидской литературы — всего по 4 часа въ недѣлю. Въ январѣ 1826, въ помощь Эрдману, поступилъ лекторомъ персидскаго языка *А. К. Казембекъ*, при которомъ дѣло пошло успѣшнѣе. Грамматическія основанія языка излагалъ онъ по Джонзу, переводилъ изъ хрестоматіи Болдырева, изъ Саади, изъ Гафиза, изъ Мирхонда — по 2 часа въ недѣлю. Занявъ каѳедру персидскаго языка по выходѣ Эрдмана въ отставку, Казембекъ въ старшихъ курсахъ упражнялъ своихъ слушателей въ переводахъ изъ Саади, Гафиза, Хакани, Аттара, „Энвари-Согейли“; читалъ миѳологію и исторію Персовъ по Фирдоуси, и исторію персидской литературы по своимъ запискамъ — всего по 3 часа въ недѣлю. Съ 1849 года преподованіе персидскаго языка перешло къ *О. Ф. Готвальду*. Переводилъ онъ то же, что и его предшественники, и читалъ исторію Персіи по Малькольму, и исторію персидской литературы по Гаммеру — отъ 3 до 5 часовъ въ недѣлю.

---

[464]) Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей Митрополита *Евгенія*, т. I, 60; *Н. Поповъ* „Татищевъ и его время“. М. 1861, стр. 374, 379.

[465]) Указъ 27 сентября 1782 (Полное Собр. Закон. Росской Имперіи, № 15, 523).

Въ низшихъ курсахъ въ 1838 году преподавалъ надзиратель 1-й Казанской Гимназіи *Н. Д. Сонинъ*, читавшій по 2 часа въ недѣлю. Въ 1839 опредѣлили лекторомъ персіянина *Миръ-Моминова*, который имѣлъ сначала по 3, а потомъ по 6 часовъ въ недѣлю. Упражнялъ онъ студентовъ преимущественно въ правильномъ произношеніи (что при такомъ профессорѣ какъ Эрдманъ было необходимо) и разговорахъ. По смерти Миръ-Моминова въ 1845, мѣсто штатнаго лектора занялъ опять *Н. Д. Сонинъ*. Кромѣ штатнаго лектора, признано было полезнымъ, для большей успѣшности въ изученіи персидскаго языка, имѣть для нисшихъ курсовъ еще преподавателя. Такими преподавателями были: *Жуковъ*, *Ивановъ* и *Холмогоровъ*. Всѣ они проходили со студентами грамматику персидскаго языка и потомъ переводили изъ хрестоматіи Болдырева, по 4 часа въ недѣлю [466]).

Послѣ закрытія восточнаго отдѣленія въ Университетѣ, съ 1863 года преподавать персидскій языкъ вызвался безвозмездно *Н. И. Холмогоровъ*, хорошо знакомый съ предметомъ; онъ давалъ по три лекціи въ недѣлю. Одно время въ 1-мъ курсѣ преподавалъ также персидскій языкъ *Петровскій*. Въ сентябрѣ 1868 Холмогоровъ вышелъ въ отставку за выслугою лѣтъ; имъ и закончился рядъ преподавателей персидскаго языка въ Казанскомъ Университетѣ [467]).

Въ *Московскомъ Университетѣ* преподавать персидскій языкъ началъ *А. В. Болдыревъ*. Преподавалъ онъ сначала переводя со слушателями Тути-намэ и Гюлистанъ Саади, а потомъ, когда составилъ и напечаталъ свою хрестоматію персидскаго языка — изъ этой послѣдней; имѣлъ отъ 1 до 3 лекцій въ недѣлю. Съ 1829 года сталъ помогать ему *М. А. Коркуновъ*, а послѣ него — *Н. Г. Коноплевъ*, который также занималъ своихъ слушателей переводами изъ Тути-намэ и Гюлистана. Болдыревъ не былъ изъ числа выдающихся оріенталистовъ, но изданіемъ Персидской Хрестоматіи своей, весьма удовлетворительно составленной, какъ по отношенію къ выбору статей, такъ и словарю для нихъ, оказалъ огромную услугу изученію персидскаго языка въ нашемъ отечествѣ, ибо этотъ трудъ долгое время служилъ, и до сихъ поръ продолжаетъ служить, или единственнымъ или главнымъ пособіемъ для учащихся вездѣ въ Россіи, гдѣ только обучали или обучаютъ нынѣшнему

---

[466]) *Фойгтъ* „Обозрѣніе", 10 - 11, 12; „Отчеты", 46 - 47; Отчетъ Казан. Унив. за 1854 - 55 г.

[467]) Извѣстія Казан. Университета за 1865 г.; Журн. Мин. Нар. Просв. ч. 120, I, 20; ч. 132, I, 57; 1865 г. кн. декабрьская; ч. 140, I, 22 - 3.

языку Персіи. Съ удаленіемъ Болдырева изъ Университета въ половинѣ 1830-хъ годовъ, преподаваніе, какъ персидскаго, такъ и арабскаго языковъ, прекратилось тамъ на весьма долгій періодъ. Сталъ опять преподаваться персидскій языкъ въ Московскомъ Университетѣ лишь съ 1852 года, когда на каѳедру этого предмета переведенъ былъ изъ Казани *П. Я. Петровъ*; съ выходомъ-же Петрова въ отставку, въ 1875 году, персидскій языкъ вновь изчезъ изъ числа предметовъ университетскаго преподаванія въ Москвѣ.

Въ *Харьковскомъ Университетѣ* преподавалъ персидскій языкъ только одинъ *Б. А. Дорнъ* въ теченіе 1829-1835 годовъ. Пользовался при преподаваніи хрестоматію Болдырева.

Въ *Дерптскомъ Университетѣ* впервые персидскій языкъ сталъ преподавать профессоръ *Фолькъ*, объясняя преимущественно грамматику, по 2 часа въ недѣлю [468]).

Если гдѣ въ Россіи шло успѣшно преподаваніе персидскаго языка, такъ это въ Петербургѣ, какъ въ Университетѣ, такъ и въ Институтѣ Восточныхъ Языковъ при Азіатскомъ Департаментѣ. И этою успѣшностію, и тамъ и тутъ, обязаны мы преимущественно двумъ лицамъ служившимъ въ обоихъ этихъ учрежденіяхъ — профессору Шармуа и адъюнкту его, природному персіянину, мирзѣ Джафару Топчибашеву, прекрасно знавшимъ свое дѣло и совѣстливо относившимся къ своимъ обязанностямъ.

Шармуа (Франсуа-Бернаръ), о которомъ и прежде уже упоминалось у насъ, родившійся въ Эльзасѣ въ 1793 году, и получившій воспитаніе въ Фальцбургскомъ Коллегіумѣ, гдѣ началъ изучать еврейскій и арабскій языки подъ руководствомъ шведскаго профессора Розена, по совѣту этого-послѣдняго отправился, для дальнѣйшаго усовершенствованія своихъ оріентальныхъ познаній, въ Парижъ, гдѣ и работалъ преимущественно подъ руководствомъ знаменитаго де-Саси. Въ Петербургъ онъ прибылъ въ октябрѣ 1817 года, и былъ опредѣленъ прямо ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ персидской словесности, въ тогдашній Педагогическій Институтъ. Тогда же пріѣхалъ въ Петербургъ, съ персидскимъ посольствомъ, и мирза *Джафаръ Топчибашевъ* (род. въ Генджѣ около 1790 года). Россія понравилась молодому и красивому персу, и онъ остался у насъ. Вскорѣ послѣ того, Педагогическій Институтъ преобразовался въ С.-Петербургскій Университетъ. Каѳедра

---

[468]) Исторія Московскаго Университета, стр. 502; Біографическій словарь профессоровъ и преподав. Москов. Унив. стр. 227; Журн. Мин. Народ. Пр. 1856 г. ч. 90, I, 43; 1858 г. ч. 99, I, 19.

[469]) Ж. М. Нар. Пр. 1865 г. кн. декабрьская.

персидской словесности и въ новомъ учрежденіи осталась по-прежнему за Шармуа, а мирзу Джафара опредѣлили къ нему адъюнктомъ. Это было прекрасное совокупленіе европейской солидной учености съ живымъ и поэтическимъ азіатскимъ знаніемъ, такъ-какъ мирза Джафаръ былъ поэтъ, т. е. любилъ и умѣлъ слагать стихи. Въ іюлѣ 1822 года Шармуа вышелъ изъ Университета, а въ слѣдующемъ поступилъ профессоромъ персидскаго языка въ Учебное Отдѣленіе Восточныхъ Языковъ при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, куда, не оставляя Университетъ, послѣдовалъ за нимъ и Мирза Джафаръ. Такимъ образомъ результатами счастливой комбинаціи стало пользоваться послѣднее заведеніе. Мирза Джафаръ, преподавая въ Университетѣ въ одиночку, далеко не могъ достичь того, что достигалось совмѣстными его съ Шармуа усиліями. Азіатецъ не можетъ руководить дѣломъ, но можетъ быть отличнымъ помощникомъ европейскаго дѣльца. Въ дѣлѣ науки у него, безъ европейца, нѣтъ твердаго основанія. Въ сознаніи этого, вскорѣ и былъ принятъ въ Университетъ, для содѣйствія мирзѣ Джафару, его же ученикъ, кандидатъ Петербургскаго Университета *Грацилевскій*, который и началъ преподавать грамматическія правила персидскаго языка, но къ сожалѣнію не долго, такъ-какъ оставался въ Университетѣ только до 1828 года [470]).

Съ 1831 года, *Шармуа*, оставаясь въ Институтѣ Восточныхъ Языковъ, принятъ былъ опять и въ Университетъ, и опять въ послѣднемъ возстановилась та гармонія преподаванія по персидскому языку, которая давала такіе хорошіе результаты. Шармуа относился серьезно къ грамматическимъ правиламъ и логическому анализу фразы, требовалъ отъ слушателей отчетливаго пониманія текста. Съ мирзой Джафаромъ слушатели усвояли себѣ духъ языка и его обороты, имѣя въ преподавателѣ живой образчикъ азіатско-мусульманскаго міросозерцанія и персидскаго характера со всѣми его достоинствами и недостатками. Шармуа посвящалъ въ знаніе книжнаго языка, мирза Джафаръ пріучалъ выражаться по-персидски не только правильно, но и изящно — до такой степени, что персидскій языкъ казанскихъ преподавателей казался ученикамъ мирзы Джафара не только неправильнымъ, но и дубоватымъ, татарскимъ по духу, а не настоящимъ персидскимъ. Что касается до пособій при преподаваніи, то мирза Джафаръ почти ограничивался текстами помѣщенными въ стихотворномъ отдѣлѣ хрестоматіи Бол-

---

[470]) *В. В. Григорьевъ* „И. С.-Петерб. Унив.", стр. 15, 52, 57; *Dugat*, Hist. des orientalistes, p. 39.

дырева, прибавляя къ нимъ значительную долю изъ дивановъ Гафиза и Джелаль-эд-Дина Руми, отъ которыхъ самъ, какъ мистикъ, былъ безъ ума, и читать которыхъ, съ его комментаріемъ на персидскомъ языкѣ, было наслажденіемъ и для его слушателей. Шармуа пріучалъ учениковъ своихъ овладѣвать отчетливо такими прозаическими произведеніями, какъ Энвари-Согейли, какъ исторія Надир-шаха Мегди-хана, какъ, наконецъ, Вассафова лѣтопись. Съ осени 1835 гармонія опять разстроилась: Шармуа, выслуживъ пансіонъ, уѣхалъ въ отечество; мирза Джафаръ, въ этомъ же году повышенный въ экстраординарные профессора, остался опять въ одиночествѣ [471]).

Опять дали ему помощника - европейца — ученика его, кандидата-профессоранта *Григорьева* (Василій Васильевичь); но Григорьевъ едва принялся за дѣло, какъ заболѣлъ. Послѣ долгаго перерыва, дали мирзѣ Джафару, въ 1842 году, другаго помощника, *Петрашевскаго* (см. о немъ выше); но и этотъ оставался въ Университетѣ только до 1849 года. Впрочемъ, въ 1849, вышелъ въ отставку, по разстроенному здоровью, и самъ мирза Джафаръ [472]).

Преемникомъ мирзѣ Джафару явился въ Университетѣ *А. К. Казембекъ*, тоже замѣчательный азіатецъ, но совсѣмъ другаго покроя чѣмъ его предшественникъ, азіатецъ тронутый европейскою наукою и цивилизаціею. О немъ тоже шла уже у насъ рѣчь. Преподаваніе персидскаго языка Казембекомъ было направлено къ образованію орьенталистовъ, какъ для ученой, такъ и для дипломатической дѣятельности. Съ этою цѣлію пользовался онъ на лекціяхъ своихъ всѣмъ что есть лучшаго по части языка и литературы Персіи, какъ въ печати, такъ и въ рукописяхъ. Кромѣ того читалъ онъ исторію персидской литературы обработанную имъ по Девлетъ-шаху и другимъ историкамъ стихотворнаго и прозаическаго творчества Персіянъ [473]).

По образованіи Факультета Восточныхъ Языковъ, когда положено было имѣть въ помощь профессорамъ, кромѣ адъюнктовъ, еще и лекторовъ, таковымъ для персидскаго языка переведенъ былъ изъ Казани *Н. Д. Сонинъ*. Онъ оставался въ Университетѣ

---

[471]) *В. В. Григорьевъ* „И. С.-Петерб. Унив." 57, 127, 255 и личныя его мнѣ сообщенія; *Савельевъ* „О жизни и трудахъ Шармуа"; Dugat, Histoire des orientalistes, II.

[472]) *В. В. Григорьевъ*, И. С.-Петербургскій Университетъ, стр. 255 - 256, и 379 - 380; Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 36, I; ч. 62, I, 202; *В. В. Григорьевъ*, Некрологъ М. Топчибашева (въ „Извѣстіяхъ" И. Арх. Общ. VII; 302 - 303).

[473]) „И. С.-Петерб. Университетъ", стр. 256 - 257.

по декабрь 1859, когда, по болѣзни, вышелъ въ отставку. Умеръ въ 1861 [474]).

Замѣстилъ его природный персіянинъ мирза *Шафи Гештаспъ*, мазандеранскій уроженецъ, получившій образованіе въ Тегеранѣ, и изучившій законовѣдѣніе въ Аравіи. Въ Россію прибылъ онъ въ 1859 году, въ составѣ персидскаго посольства. Утвержденный лекторомъ въ 1863 году [475]), умеръ онъ въ 1877, оставивъ слѣдомъ преподаванія своего плохую литографированную книгу подъ заглавіемъ: Dictionnaire Mofid, persan-arabe-russe-français (St. Peterb. 1869). Умершаго замѣнилъ, допущенный временно къ преподаванію, мирза *Хасанъ Таировъ*, изъ Собственнаго Его Величества конвоя.

Въ 1870 году, послѣ долгой болѣзни, заслуженный профессоръ Казембекъ скончался, и преподаваніе персидскаго языка возложено было временно на доцента исторіи арійскихъ народовъ *Мельгунова* (Григорій Валерьяновичъ), воспитанника Петербургскаго Университета [476]). Между тѣмъ, факультетъ Восточныхъ Языковъ, пріискивая кѣмъ бы достойно замѣстить осиротѣвшую каѳедру, рѣшился воспользоваться пребываніемъ въ Петербургѣ рѣдкаго знатока персидскаго языка, дѣйств. стат. сов. *Черняева* (Сергѣй Ивановичъ), воспитанника С.-Петербургскаго Университета, ученика Сенковскаго. По окончаніи университетскаго курса въ 1836 году, С. И. посвятилъ себя дипломатической службѣ. Онъ открылъ консульство въ Астрабадѣ, перешелъ потомъ генеральнымъ консуломъ въ Тебризъ, а оттуда директоромъ дипломатической канцеляріи въ Тифлисъ, которою и управлялъ до ея закрытія. Во время 15-ти лѣтняго пребыванія на Востокѣ С. И. изучилъ персидскій языкъ какъ родной, а это обстоятельство, въ связи съ европейскимъ образованіемъ, дѣлало его для Университета рѣдкой находкой. Избранный Факультетомъ единогласно сперва на одинъ годъ на правахъ вольнонаемнаго преподавателя съ жалованьемъ доцента, С. И. съ 1872 года сталъ получать окладъ экстраординарнаго профессора. Что касается до преподаванія, то во II курсѣ онъ объясняетъ персидскую грамматику и переводитъ статьи изъ хрестоматіи Болдырева — по 1 лекціи; въ III-мъ — упражняетъ студентовъ въ переводахъ изъ Гюлистана и Бустана, изъ Шахъ-наме, изъ Энвари-Согейли — по 2 лек-

---

[474]) Тамъ же, стр. 80 примѣчаній.

[475]) Тамъ же, стр. 318, 326, 384; Актъ 8 февраля 1860; Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 124, II, 192.

[476]) *В. В. Григорьевъ.* l. c. стр. 383-4; Протоколы Совѣта С.-Петерб. Университета, № 3.

ціи; въ IV-мъ — переводитъ газели Гафиза, и съ русскаго языка на персидскій; кромѣ того читаетъ исторію персидской литературы — по 2 лекціи въ недѣлю [477]).

Въ *Институтѣ Восточныхъ Языковъ при Азіатскомъ Департаментѣ* преподаваніе персидскаго языка, благодаря Шармуа и мирзѣ Джафару, поступившимъ въ это заведеніе почти въ одно время, шло также успѣшно, какъ и въ Университетѣ, но съ тою разницею, что здѣсь оба преподавателя, не разлучаясь, постоянно дѣйствовали вмѣстѣ; что мирза Джафаръ, оставивъ, въ 1849 году, Университетъ, службу свою въ Институтѣ продолжалъ до самой смерти своей, въ 1867 году; и, что преемникомъ Шармуа былъ никто другой какъ *Демезонъ*; мирзу-же Джафара замѣнилъ *Казембекъ Абединовъ* изъ бакинскихъ Татаръ, преподающій и въ настоящее время.

Въ *Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ Языковъ*, послѣднимъ преподавателемъ персидскаго языка былъ *С. И. Назаріанцъ*, перешедшій сюда изъ Казанскаго Университета въ 1849 году, и преподававшій до самой смерти своей въ 1879.

Въ Одесскомъ Институтѣ В. Я. преподавался персидскій языкъ еще до присоединенія его къ Лицею, но преподаваніе продолжалось не долго: оно прекратилось за болѣзнію преподавателя [478]). По присоединеніи-же Института къ Лицею персидскій языкъ преподавали тѣ же лица, которыя обучали и турецкому съ арабскимъ.

Руководствами при изученіи персидскаго языка въ гимназическихъ классахъ Института были приняты: „Краткая грамматика персидскаго языка, сочиненная и переведенная съ персидскаго маіоромъ Аббасъ - Кули Агою Бакихановымъ“ (Тифлисъ, 1841), и хрестоматія Болдырева [479]).

Въ Первой Казанской Гимназіи преподаваніе персидскаго языка началось со времени *Эрдмана*, который въ 1825 году вызвался преподавать его тамъ безвозмездно. Съ августа 1826 его замѣнилъ кандидатъ Каз. Унив. *Фойгтъ* (Карлъ Карловичъ), окончившій курсъ

---

[477]) Протоколы засѣданій Совѣта С.-Петерб. Университета, № 4.

[478]) *Скальковскій* „Участіе Одессы на поприщѣ наукъ“ (Сынъ Отечества 1842 г. кн. VI, 46 - 47). По-видимому этимъ преподавателемъ былъ *Курляндцевъ*, воспитанникъ С.-Петербургскаго Университета, который, по окончаніи курса, отправился при миссіи въ Китай, но черезъ два года вернулся оттуда и былъ опредѣленъ преподавателемъ восточныхъ языковъ въ Одессу, служилъ затѣмъ въ канцеляріи мѣстнаго Генералъ - Губернатора, и, въ-заключеніе, перешелъ въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ; умеръ на островѣ Родосѣ (см. *Плетнева* „Двадцатипятилѣтіе И. С.-Петербургскаго Университета“. стр.64 - 65).

[479]) Новороссійскій календарь на 1852 г. стр. 362.

по разряду арабско-персидской словесности въ томъ же въ 1826 году. Въ 1848 онъ отказался отъ преподаванія персидскаго языка, былъ впослѣдствіи попечителемъ Харьковскаго Учебнаго Округа, и окончилъ карьеру свою въ должности члена Совѣта министра народнаго просвѣщенія и предсѣдателя Ученаго Комитета при этомъ министерствѣ [480]). Въ одно время съ Фойгтомъ преподавалъ персидскій языкъ въ означенной гимназіи и *А. К. Казембекъ* (до 1836 года [481]). Фойгта-же смѣнилъ дѣйствительный студентъ Казанскаго Университета по арабско-персидской словесности, выпуска 1847 года, *Поповъ* (Константинъ), оставшійся въ 1855 году за штатомъ [482]). Для практическихъ занятій съ учениками Гимназіи служили тамъ *Н. Д. Сонинъ* и надзиратель *Аліевъ* [483]).

Въ Астраханской Гимназіи первымъ преподавателемъ персидскаго языка былъ природный персіянинъ мирза *Абдуллахъ*, вызвавшійся преподавать безвозмездно [484]); затѣмъ преподавали: природный же персіянинъ тит. сов. *Визиревъ* [485]), *И. Н. Холмогоровъ*, вышедшій изъ Гимназіи въ 1843 году [486]), и *В. Ильинъ* [487]).

Въ *Оренбургской Прогимназіи* персидскій языкъ въ послѣднее время преподавалъ *Александровъ* [488]).

[Тексты помѣщенные во второмъ изданіи „Персидской Хрестоматіи" Болдырева (404 страницы) и Словарь къ этимъ текстамъ (420 стр.), какъ будто упразднили у насъ всякую потребность въ новыхъ такого рода пособіяхъ для изученія персидскаго языка. Въ теченіе 45-ти лѣтъ съ тѣхъ поръ не появлялось ни другой хрестоматіи, ни другаго словаря; вышли въ свѣтъ (за исключеніемъ помянутаго выше труда Бакиханова) только „Грамматика персидскаго языка" *И. Н. Березина* (передѣлка Вуллерсовой), Казань, 1853, да „Учебникъ персидскаго языка, составленный *Восканомъ Іоаннисіанцъ*, Москва, 1856. *Прим. ред.*].

---

[480]) *Владиміровъ* „Казанская гимназія", стр. 40 - 41; Ж. Мин. Нар. Пр. ч. 60, I, 18.

[481]) *Владиміровъ* „Казанская гимназія", стр. 52 - 53.

[482]) Тамъ же, стр. 60.

[483]) Тамъ же, стр. 59 - 60.

[484]) Періодическія сочиненія, ч. XXXI, стр. 210 - 211.

[485]) Записки Департам. Народнаго Просвѣщенія за 1827 г. кн. V, 27 - 28.

[486]) Протоколы Сов. Казан. Университета за 1868 г.

[487]) *Фойгтъ*, Отчетъ за 1844 г. стр. 253.

[488]) „Географическія Извѣстія" 1874 г. отд. II, 242.

XII. Афганскій языкъ.

Преподавался въ С.-Петербургскомъ Университетѣ въ продолженіе 1855-1857 годовъ, вслѣдствіе того только что академикъ *Б. А. Дорнъ*, первый изъ европейскихъ ученыхъ взявшійся за изученіе этого языка [489]), вызвался преподавать его безвозмездно; а когда, за множествомъ другихъ занятій, отказался онъ отъ этого, то объ афганскомъ языкѣ не заходило уже болѣе и рѣчи.

XIII. Грузинскій языкъ.

Въ первый разъ вниманіе нашего правительства обращено было на грузинскій языкъ ради цензурныхъ цѣлей. Въ 1737 году, св. Синодъ обратился въ Кабинетъ Министровъ за разрѣшеніемъ перевода священныхъ книгъ на грузинскій языкъ. Кабинетъ не только разрѣшилъ сдѣлать просимый переводъ, но еще „наикрѣпчайше рекомендовалъ" и впередъ имѣть при Синодѣ такихъ людей, которые обучались бы грузинскому языку, чтобы могли „освидѣтельствовать" книги на этомъ языкѣ [490]). Въ учебныя-же заведенія введенъ былъ грузинскій языкъ лишь въ началѣ настоящаго столѣтія, именно въ 1803 году, когда учреждено было въ Тифлисѣ „Училище грузинскаго и россійскаго языка". Училище состояло изъ двухъ классовъ съ комплектомъ, на первый разъ, въ 25 учениковъ, а черезъ три года — на 50. Главное попечительство надъ этимъ училищемъ возложено было на главноуправляющаго Грузіей [491]). Затѣмъ грузинскій языкъ сталъ преподаваться въ Лазаревскомъ Институтѣ, въ учебныхъ заведеніяхъ Закавказскаго Края, въ Новочеркасской Гимназіи и С.-Петербургскомъ Университетѣ [492]).

Въ послѣднемъ преподаваніе грузинскаго языка возымѣло мѣсто еще до основанія существующей нынѣ каѳедры грузинской словесности, именно съ 1841-1842 учебнаго года. Этимъ Университетъ былъ обязанъ нашему заслуженному академику *М. И. Броссе*, вызвавшемуся преподавать его воспитанникамъ Университета изъ закавказскихъ уроженцевъ. Но преподаваніе это скоро и

---

[489]) *Dugat*, Histoire des Orientalistes, p. 76-78; Ж. Мин. Нар. Пр. 1834 г. ч. III, 442-443; Bulletin scientifique de l'Academie de St. Pétersb. t. X.

[490]) Полн. Собр. Зак. Росс. Имп. № 7411.

[491]) Сборникъ постановл. по министерству народн. просвѣщенія, т. I, стр. 102-104.

[492]) Кромѣ того, грузинскій языкъ, вмѣстѣ съ татарскимъ, преподавался во 2-й С.-Петербургской Гимназіи, для воспитанниковъ Закавказскаго Края въ ней обучавшихся (см. „Отчетъ" министра Нар. Просв. за 1855 годъ, въ журналѣ этого Министерства за 1856 г. ч. 90, стр. 86).

235

прекратилось. Съ образованіемъ, въ 1845 году, штатной каѳедры грузинскаго языка, онъ точно также преподавался лишь закавказскимъ уроженцамъ. Общимъ университетскимъ предметомъ сталъ этотъ языкъ только съ 1855 года. Въ концѣ 1844 года преподавателемъ грузинскаго языка въ здѣшній университетъ поступилъ *Чубиновъ* (Давидъ Іессеевичь), чиновникъ Азіатскаго Департамента, природный грузинъ, получившій образованіе въ Петербургѣ, сперва въ Анненской Школѣ, а потомъ въ Университетѣ, откуда вышелъ онъ въ 1840 году со степенью дѣйствительнаго студента. Въ сентябрѣ 1848 г. утвержденъ былъ онъ въ званіи адъюнкта, въ августѣ 1855 г. повышенъ въ экстраординарные, а въ мартѣ 1861 — въ ординарные профессора. Кромѣ преподаванія грузинскаго языка, Д. І. читалъ своимъ слушателямъ исторію Грузіи, исторію грузинской литературы и обозрѣніе нарѣчій грузинскаго языка [493]). Преподавательская дѣятельность Чубинова ознаменовалась изданіемъ всевозможныхъ пособій для изученія грузинскаго языка, составленныхъ какъ имъ самимъ, такъ отчасти и его дядею. Напечатаны имъ въ Петербургѣ: въ 1840 году — большой Грузино-русско-французскій словарь; въ 1846 — Русско-грузинскій словарь; въ 1855 — Грамматика грузинскаго языка и, наконецъ, Христоматія грузинская. Оставилъ службу при Университетѣ въ ноябрѣ 1871 года, долгое время пробывши между Грузинами въ Петербургѣ такимъ же свѣтиломъ науки по части всего грузинскаго, какимъ продолжаетъ пребывать г. Эминъ между московскими Армянами по части всего армянскаго.

Послѣ Чубинова на каѳедру грузинскаго языка опредѣленъ былъ *Цагарели* (Александръ Антоновичь), воспитанникъ Тифлисской Духовной Семинаріи, получившій университетское образованіе преимущественно за границей, въ Мюнхенѣ, Тюбингенѣ и Вѣнѣ. Въ 1871 году получилъ онъ въ Петербургскомъ Университетѣ степень кандидата по армяно-грузинскому разряду, а въ слѣдующемъ году, по защитѣ диссертаціи pro venia legendi, поступилъ въ Университетъ приватъ-доцентомъ по каѳедрѣ грузинской словесности. Въ маѣ 1874 года былъ онъ удостоенъ степени магистра, а въ сентябрѣ того же года утвержденъ штатнымъ доцентомъ по этой каѳедрѣ [494]).

Студентамъ I и II курсовъ Цагарели излагаетъ грамматику грузинскаго языка, по 2 лекціи въ недѣлю; въ III и IV, перево-

---

[493]) Имп. С.-Петерб. Унив. стр. 118, 269-270; Ж. М. Нар. Пр. ч. 60, I, 16; ч. 87, I, 41; за 1861 г. часть оффиц. стр. 121.

[494]) Протоколы Совѣта, № 11.

236

дитъ грузинскихъ авторовъ, по 1 часу, и читаетъ исторію Грузіи, также по 1 часу въ недѣлю.

Въ *Лазаревскомъ Институтѣ* грузинскому языку обучалъ протоіерей *Гургенидзе*, а потомъ князь *Накашидзе*, вышедшій въ отставку въ 1862 году [495]). По открытіи спеціальныхъ классовъ въ 1871 году, на каѳедру грузинскаго языка опредѣленъ, въ званіи доцента, старшій учитель того же института тит. сов. *Окромчеделовъ-Серебряковъ* [496]).

[„Краткая Грузинская Грамматика", изданная въ Петербургѣ въ 1802 году, была, кажется, первымъ пособіемъ къ изученію грузинскаго языка, появившимся на русскомъ. Затѣмъ въ 1820 году, въ Петербургѣ, напечатанъ „Самоучитель, содержащій въ себѣ грамматику, разговоры, нравоученія и лексиконъ, на Россійскомъ, и Грузинскомъ языкахъ, соч. *Годерзія Фиралова*". Въ 1839 году, въ Петербургѣ, изданъ *Сулхановымъ* „Словарь методическій грузино-французско-русскій", и наконецъ, въ 1869 году, въ Тифлисѣ, вышелъ „Сокращенный самоучитель грузинскаго и русскаго языковъ". Вотъ все, что имѣется у насъ по части пособій для изученія грузинскаго языка, сверхъ трудовъ Чубинова. *Прим. ред.*]

XIV. Аварскій языкъ.

Кромѣ двухъ главныхъ языковъ Кавказа и Закавказья, армянскаго и грузинскаго, преподавался у насъ еще, въ Новочеркасской Гимназіи, и аварскій (вѣтвь лезгинскаго). Въ 1862 году обнародованы были права̀ по чинопроизводству учителя аварскаго языка, при чемъ на должность эту положено вызывать изъ ученыхъ туземцовъ. Таковой, впрочемъ, могъ пользоваться правами службы только тогда, когда въ теченіе четырехъ лѣтъ докажетъ свои педагогическія способности въ занятіяхъ съ воспитанниками и, взамѣнъ экзамена въ университетѣ, составитъ учебникъ, который Академіею Наукъ или Учебнымъ Отдѣленіемъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, или Кавказскимъ Начальствомъ будетъ признанъ полезнымъ пособіемъ для изученія аварскаго языка. Тогда же утвержденъ былъ въ званіи старшаго учителя аварскаго языка тит. сов. *Магометъ Хандіевъ* [497]).

---

[495]) Отчетъ о состояніи Лазарев. Инст. за 1862-63 годъ, стр. 12.

[496]) Ж. Мин. Нар. Пр. 1871 г. ч. 157, I, 34.

[497]) Ж. М. Нар. Пр. 1862 г. ч. 113, отд. I, стр. 3-4 и 13. Пособіями къ ознакомленію съ аварскимъ языкомъ могутъ служить два труда академика А. А. Шифнера: Versuch ueber das Awarische (St. Petersburg, 1862) и Ausführlicher Bericht ueber Baron P. von Uslar's awarische Studien (ibid. 1872).

XV. Черкесскій языкъ.

Собственно говоря, черкесскаго языка нѣтъ, а называется такъ смѣшанный языкъ, образовавшійся изъ разныхъ горныхъ нарѣчій. Исторія введенія преподаванія у насъ этого языка довольно поучительна. Кавказскія племена говорящія этимъ якобы - черкесскимъ языкомъ не имѣютъ не только литературы, но даже и письменности. Мы задумали дать имъ и то, и другое. Въ концѣ сороковыхъ годовъ, начальство пригласило преподавать черкесскій языкъ въ Ставропольской Гимназіи природнаго черкеса *Омара Берсѣева*, получившаго образованіе въ Парижѣ на счетъ египетскаго паши. Берсѣевъ, кромѣ французскаго языка, владѣлъ и русскимъ. Поступивъ въ Гимназію, онъ тотчасъ же принялся за составленіе черкесскаго алфавита примѣнительно къ арабскому. На казенный счетъ были отпечатаны его азбуки и переводы съ русскаго и другихъ языковъ на составленный имъ „черкесскій" языкъ. Затѣмъ Берсѣевъ подготовилъ двухъ учителей этого языка изъ Черкесовъ: одинъ поступилъ въ Екатеринодарскую гимназію, а другой — въ Новочеркасскую. Девять лѣтъ всѣ усилія употребляли эти три учителя чтобы привить народу составленную ими грамоту, но не имѣли ни малѣйшаго успѣха: дальше означенныхъ заведеній она не пошла. Тогда преподаваніе черкесскаго языка было отмѣнено, а огромные запасы букварей и книгъ проданы на макулатуру [498]).

Настоящее обозрѣніе вышло совсѣмъ не въ томъ видѣ, какъ предполагалось. При составленіи его имѣлось въ виду показать возникновеніе и положеніе изученія восточныхъ языковъ въ Россіи, упомянуть не только объ учившихъ, но и о тѣхъ которые обучались у нихъ восточнымъ языкамъ, и сообщить вкратцѣ о дальнѣйшей судьбѣ ихъ, изъ чего было-бы видно, насколько восточные языки примѣнялись у насъ къ дѣлу и какую, поэтому, принесли пользу. Но, на первыхъ же порахъ, пришлось отказаться отъ такой мысли вслѣдствіе недостатка въ доступномъ матеріалѣ. Очень часто намъ

---

[498]) *Я. М. Невѣровъ* «Къ вопросу объ образованіи инородцевъ» (Журн. Мин. Нар. Пр. 1869, ч. 146).

Я. М. Невѣровъ — вовсе не авторитетъ въ дѣлѣ азіатской лингвистики, чтобы слова его по этому предмету можно было принимать на вѣру. Азбука Берсѣева могла быть, дѣйствительно, непригодною для черкесскаго (собственно адигскаго) языка, но это не говоритъ противъ существованія самаго языка, словарь и грамматика котораго изданы въ 1846 году, въ Одессѣ, *Л. Лулье.* *Прим. ред.*

238

ничего неизвѣстно даже о заведеніяхъ, не только что о преподавателяхъ и ученикахъ. Главная тому причина — что не всѣ учебныя заведенія печатали отчеты о своей дѣятельности (на-примѣръ, Институтъ Восточныхъ Языковъ при Азіатскомъ Департаментѣ, просуществовавшій болѣе 50 лѣтъ, ничѣмъ не заявилъ въ печати о своемъ существованіи [499]); а въ иныхъ „историческимъ запискахъ" не достаетъ самыхъ необходимыхъ свѣдѣній (на-примѣръ, въ Исторіи Лазаревскаго Института сообщаются мельчайшія подробности касательно возникновенія его, а о преподавателяхъ, въ которыхъ вся-то суть и заключается, не упомянуто вовсе). Понятно, слѣдовательно, что предположенную работу можно было исполнить только при содѣйствіи лицъ, которые на мѣстѣ могли-бы собрать нужныя свѣдѣнія. Я и обращался къ нѣкоторымъ лицамъ, имѣвшимъ полную возможность оказать дѣлу свое содѣйствіе; и обѣщали они доставить мнѣ нужныя свѣдѣнія; но, какъ у насъ водится, не сообщили ни слова. Между тѣмъ, во многихъ заведеніяхъ преподаваніе восточныхъ языковъ упразднено, а нѣкоторыя заведенія, въ которыхъ они преподавались, давно уже закрыты (на-примѣръ, Кяхтинская школа, Омская азіатская, и др.): слѣдовательно, составленіе записокъ о нихъ, во-первыхъ, вполнѣ возможно и удобно, такъ-какъ пришлось-бы имѣть дѣло съ совершившимся фактомъ, вполнѣ законченнымъ; во-вторыхъ, необходимо, хотя-бы потому, что архивы не могутъ еще застраховывать документы отъ истребленія.

Если я и рѣшился предать печати настоящее обозрѣніе со всѣми его пробѣлами и недостатками, то потому единственно, что оно можетъ вызвать работниковъ дополнить начатый трудъ: ради этого и указывалъ я старательно на пособія которыми пользовался, чтобы привести въ извѣстность хотя имѣющійся печатный матеріалъ [500]).

---

[499]) Приведенными здѣсь указаніями о преподавателяхъ Института я обязанъ исключительно директору его, М. А. Гамазову.

[500]) При перечисленіи, въ настоящемъ трудѣ, изданныхъ въ Россіи пособій къ изученію восточныхъ языковъ пропущены, замѣчено, слѣдующія:

По монгольскому языку — Грамматика этого языка (Спб. 1832) и Монголо-нѣмецко-русскій словарь (Спб. 1835), изданные академикомъ *Я. Шмидтомъ*, и *Кастреновъ* Versuch einer Burjätische Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichniss (St. Petersburg, 1857).

По тюркскимъ нарѣчіямъ — „Новые разговоры на россійскомъ, турецкомъ и татарскомъ языкахъ, составленные *Г. Л. Цилоссани*"(Тифлисъ, 1856) и „Дополненіе къ тюркской грамматикѣ" (Казембека) *И. Н. Березина* (Спб. 1846).

По армянскому — „Учитель русскаго и армянскаго языковъ. Изд. *Г. Сукіясовъ* (Москва, 1839). *Прим. ред.*

НЕДОВѢСОКЪ

КЪ СТАТЬѢ ОБЪ ОФФИЦІАЛЬНОМЪ ПРЕПОДАВАНІИ ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ ВЪ РОССІИ.

Въ представленномъ обозрѣніи не имѣлось первоначально въ виду упомянуть обо всѣхъ изданныхъ въ Россіи или на русскомъ языкѣ пособіяхъ къ изученію тѣхъ восточныхъ языковъ о которыхъ идетъ въ немъ рѣчь: намѣреніе это принято было когда половина нашей работы находилось уже въ наборѣ. Оттого, въ перечисленіи нами означенныхъ пособій пропущены многія, и, какъ видимъ теперь, при просмотрѣ отпечатанной окончательно статьи нашей, пропуски эти не восполнены и въ дополненіяхъ отъ редакціи „Трудовъ". Такъ, не упомянуты слѣдующія пособія:

По китайскому языку: 1) Русско-китайскій словарь разговорнаго языка (пекинскаго нарѣчія). Составилъ *І. Исаія*, пекинскій миссіонеръ. Пекинъ, 1867; 2) Русско-китайскій словарь *Е. И. Носкова* (литографированный) съ „Дополненіемъ" къ нему, напечатаннымъ, въ 1868 году, въ Тянь-цзинѣ; 3) Русско-китайскій словарь, составленный *П. С. Поповымъ*. Спб. 1879 (743 стр. въ 8 д. л.).

По маньчжурскому: 1) *В. П. Васильева:* Маньчжурско-русскій словарь, составленный для руководства студентовъ (въ дополненіе къ его же маньчжурской хрестоматіи). Спб. 1866; 2) *А. Орлова:* Грамматика маньчжурскаго языка. Спб. 1873.

По монгольскому — „Опытъ русско-калмыцкаго словаря, составленный *П. Смирновымъ*. Казань, 1857.

По тюркскимъ языкамъ: 1) *Вагабова:* Русско-татарская азбука въ коей помѣщены употребительнѣйшія слова, разговоры, краткія повѣсти и пѣсни сѣверныхъ Татаръ. Казань, 1852; 2) Краткая татарская грамматика, изложенная въ примѣрахъ. Составлена *К. Насыровымъ*. Казань, 1860; 3) *Фейзханова:* Краткая учебная грамматика татарскаго языка. Спб. 1862 (литографирована); 4) *Бекчурина:* Начальное руководство къ изученію арабскаго, персидскаго и татарскаго языковъ. Казань, 1859; 5) *К. Насырова*: Татарско-русскій словарь. Казань, 1878.

240

По арабскому: 1) *О. Ф. Готвальда:* Арабско-русскій словарь (для Корана и Муаллакъ). Казань, 1854; 2) *В. Ѳ. Гиргаса:* Очеркъ грамматической системы Арабовъ. Спб. 1873.

По санскритскому: 1) *О. Бетлинга* (въ сотовариществѣ съ Р. Ротомъ): Sanscrit (deutsch) Wörterbuch. St. Petersburg, 1855—1875, 7 vol. in-4, и Sanscrit-Chrestomatie, ibid. 1877 (втор. изданіе); 2) *К. А. Коссовича:* Санскрито-русскій словарь (неоконченный). Спб. 1854; 3) *В. И. Шерцля:* Санскритская грамматика. Часть 1-я. Харьковъ, 1873.

Въ устраненіе недоразумѣній, считаемъ нелишнимъ оговорить: а) что въ перечисленіе пособій не введены нами азбуки или буквари; б) что перечисленіе относится только къ языкамъ преподававшимся въ Россіи, почему и не упомянуто о пособіяхъ имѣющихся къ изученію тибетскаго, корейскаго, гольдскаго, Айнскаго и другихъ, сибирскихъ и кавказскихъ, языковъ; и 3) что хотя и упомянуто у насъ мѣлькомъ о преподаваніи чувашскаго и черемисскаго языковъ, но о пособіяхъ къ изученію ихъ умолчано, на томъ основаніи что принадлежатъ они къ семьѣ уральскихъ, а не тюркскихъ языковъ, о преподаваніи которыхъ шла у насъ рѣчь.

Н. Веселовскій.

241

ОЧЕРКЪ

ВИДОВЪ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ПОЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ

ВЪ ТУРКЕСТАНСКОМЪ КРАѢ

М. Н. Ростиславова

Поземельный вопросъ въ Туркестанскомъ Краѣ — вопросъ дня; онъ настоятельно требуетъ рѣшенія въ томъ или другомъ смыслѣ, что́ какъ нельзя лучше доказывается и обнаружившимся уже сознаніемъ этого со стороны администраціи. Но самая эта громадная важность его для благосостоянія края требуетъ полной осмотрительности при его рѣшеніи, для избѣжанія хотя-бы одного невѣрнаго шага, могущаго испортить все дѣло и повлечь за собою массу непредвидимыхъ теперь, но, тѣмъ не менѣе, весьма вѣроятныхъ, затрудненій и непріятностей. Потому-то мы и осмѣливаемся думать, что предлагаемый „*Очеркъ видовъ земельной собственности и поземельный вопросъ въ Туркестанскомъ Краѣ* не будетъ совершенно безполезенъ и въ этомъ-послѣднемъ отношеніи.

Какъ всестороннее изученіе всякаго новаго края не можетъ быть дѣломъ двухъ-трехъ лѣтъ, такъ и преобразованіе его, немыслимое безъ этого изученія, должно быть постепенное, безъ насильственной ломки понятій и убѣжденій, вошедшихъ въ плоть и кровь народа въ продолженіе вѣками сложившейся жизни, которую передѣлать вдругъ, по другой мѣркѣ, никто не въ состояніи. Исторія лучше всего доказываетъ съ какой осторожностію и крайней осмотрительностію надо обращаться съ народными понятіями и убѣжденіями. Въ исторіи владычества Англичанъ въ Индіи, напримѣръ, мы видимъ много темныхъ сторонъ. Кровавыя проявленія враждебнаго чувства побѣжденныхъ къ побѣдителямъ, конечно, мало-кому желательны, и стараніе избѣжать ихъ, безъ сомнѣнія, должно составлять заботу самихъ побѣдителей. Въ странахъ съ мусульманскимъ населеніемъ особенно нужна осторожность на первыхъ порахъ, а наши новыя владѣнія въ Средней Азіи, преимущественно Зерафшанскій Округъ съ своимъ главнымъ городомъ Самаркандомъ, представляютъ одинъ изъ самыхъ значительныхъ центровъ мусульманской жизни (въ религіозномъ смыслѣ). Здѣсь теократическія начала преобладаютъ надъ всѣми прочими исключая развѣ также сильно развитаго начала меркантильнаго. Въ этомъ-послѣднемъ отношеніи край, дѣйствительно, замѣчателенъ; торговый классъ людей — самый податливый на нововведенія и наиболѣе развитый практически; дѣятельность нѣкоторыхъ изъ представителей этого класса по-истинѣ изумительна; торговыя и про-

мышленныя операціи ихъ, простирающіяся иногда на сотни тысячъ рублей, способны возбудить удивленіе. Гораздо хуже имѣть дѣло съ духовенствомъ (муллами), члены котораго, ничего не дѣлая и не заботясь особенно много ни о чемъ, готовы проповѣдывать при всякомъ удобномъ случаѣ необходимость ополченія на враговъ вѣры для освобожденія и защиты религіи своего пророка — „да будетъ надъ нимъ миръ, и благословеніе Божіе да почіетъ на могилѣ его“ Вопросъ, дѣйствуютъ-ли они такимъ образомъ по сознанію, изъ искренняго убѣжденія, хотя-бы переродившагося въ фанатизмъ, или просто, какъ говорится, съ жиру бѣсятся — рѣшить не беремся, хотя и склонны думать, скорѣе, послѣднее.

Работы которыми необходимо заняться при рѣшеніи поземельнаго вопроса — работы чисто подготовительныя, на первыхъ порахъ, по собиранію первоначальнаго матеріала — чрезвычайно важны, такъ что самый вопросъ, или лучше сказать, рѣшеніе его, помимо пользы въ фискальномъ отношеніи, ожидать которой отъ него совершенно вправѣ администрація, дастъ кромѣ того неоцѣненный и богатый матеріалъ для науки вообще и для изученія мусульманскаго міра въ-частности. Мы убѣждены, что найдутся и люди, которые серьезно и съ полной любовію къ дѣлу возьмутся за разработку этихъ матеріаловъ, и тѣмъ послужатъ выполненію великой и благородной задачи, выпавшей по волѣ историческихъ судебъ на долю Россіи, задачи — внести свѣтъ европейской цивилизаніи въ темныя, невѣжественныя страны Средней Азіи.

I

Особенности мусульманской религіи, первоначальнымъ и окончательнымъ выраженіемъ которой является „Священное Слово“ *(Калами-шерифъ)* основателя ея, Мохаммеда, были причиною того, то различные виды права, какъ-то: государственнаго, гражданскаго и т. д., вылились въ совершенно своеобразныя, оригинально-самобытныя формы, иногда въ нѣкоторыхъ чертахъ своихъ чрезвычайно любопытныя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не лишенныя извѣстной важности. Имущественное право въ-частности особенно рѣзко отличается этимъ и представляетъ въ окончательной, настоящей формѣ своей, до которой доразвилось оно въ теченіе сотенъ лѣтъ, такое полное выраженіе какъ духа религіи, ея характера и особенностей, какъ и характера самаго народа, что изученіе его даетъ ключъ къ разгадкѣ многихъ фактовъ, съ перваго взгляда, казалось-бы,

245

непонятныхъ, неестественныхъ, бьющихъ въ глаза при встрѣчѣ съ ними [1]).

Главнымъ основаніемъ мусульманскаго поземельнаго права, его исходной точкой, служитъ догматъ религіи Мохаммеда, по которому *„вся земля принадлежитъ Богу и тѣни Бога на землѣ, Его имаму“* или, говоря другими словами, государю. Такимъ понятіемъ объясняется происхожденіе *амляковыхъ* т. е. „государственныхъ“ земель.

По мусульманскимъ законамъ — религіознымъ, а отсюда и гражданскихъ — вся земля, собственно говоря, амляковая, и какія бы операціи съ ней ни совершались, въ концѣ концовъ она остается такою. Даже мильковая земля (о ней будетъ рѣчь ниже) не составляетъ, въ полномъ значеніи, собственности владѣльца, такъ какъ послѣднему, по точному и глубокому смыслу закона, принадлежитъ право не на землю, какъ на предметъ, на извѣстную вещь, а только на ея произведенія, слѣдовательно на плоды трудовъ своихъ. Это положеніе весьма важно и, составляя основу всего поземельнаго права, объясняетъ, какъ увидимъ ниже, почти всѣ самыя тончайшія отношенія правъ пріобрѣтенія и пользованія землей. Поэтому-то правовѣрнымъ послѣдователямъ Пророка и не кажется ни дикимъ, ни беззаконнымъ тотъ поражающій сильно европейца деспотизмъ, который позволяетъ ихъ государямъ лишать своихъ подданныхъ принадлежащей имъ земли, безъ всякихъ видимыхъ на то причинъ. На самомъ-же дѣлѣ выходитъ, что въ подобныхъ случаяхъ повелитель правовѣрныхъ не захватываетъ, не отнимаетъ, а только беретъ, изъ какихъ-бы то ни было видовъ, принадлежащее ему по праву.

Амляковыя земли должны оплачиваться полнымъ окладомъ всѣхъ родовъ податей, который полностію же поступаетъ въ казну. Вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства, эти земли называются иначе землями *хераджи*, т. е. „оплачиваемыми податьми“. Обработывающій ихъ — не болѣе какъ арендаторъ, и имѣетъ право только на извѣстный процентъ вознагражденія, обусловливаемый количествомъ положеннаго въ дѣло труда.

Намъ придется нерѣдко дѣлать ссылки на нѣкоторыя мусульманскія юридическія сочиненія, а потому нелишнимъ считаемъ упомянуть здѣсь объ извѣстнѣйшихъ изъ нихъ въ Средней Азіи, авторы которыхъ пользуются уваженіемъ, какъ знаменитые законо-

---

[1]) Мы разумѣемъ наши среднеазіатскія владѣнія, не распространяя своихъ словъ на всѣ мусульманскія страны вообще.

вѣды, а ихъ толкованія служатъ источникомъ для объясненія, въ случаѣ надобности, всякихъ недоразумѣній возникающихъ въ области права. Таковы: 1) Шарх - уль - Фераидъ; 2) Тагзиб - уль - Фахри; 3) Бахр - ур - Раикъ; 4) Джами - ур - Румузъ; 5) Фусуль - уль - Имади; 6) Ашбаг - ун - Незаиръ; 7) Хиласетъ - ус - Сади; 8) Шарх - уль - Мухитъ; 9) Книга шеих - уль - ислама Низам - уд - Дина, и другія [2]). Мы пользовались ими въ извлеченіи на джагатайскомъ нарѣчіи, сдѣланномъ однимъ изъ самаркандскихъ казіевъ.

Одно изъ этихъ сочиненій, именно *Шарх - уль - Фераидъ* [3]), объясняетъ дѣленіе всѣхъ земель, по роду правовладѣнія ими, такимъ образомъ:

„На основаніи Шаріата, зѐмли по владѣнію дѣлятся на двѣ части: *амлякъ* и *мильк*ъ, т. е. на владѣніе (собственность) государственное и частное: частное-же, въ свою очередь, дѣлится еще на три: *хурри - халисъ*, *ушри* и *хераджи*, т. е. владѣніе 1) освобожденное отъ всякихъ государственныхъ и другихъ повинностей, 2) платящее казнѣ 10-ю часть доходовъ деньгами, и наконецъ 3) отправляющее хераджную повинность *хлѣбомъ*. Владѣтели вышеозначенныхъ собственностей: мильки - хурри халисъ, мильки - хераджи и мильки - ушри, могутъ ихъ завѣщать въ пользу своихъ потомковъ или въ пользу мечетей и медресѐ или отдавать въ залогъ кому-либо, или, наконецъ, распоряжаться ими вообще по своему усмотрѣнію. *Амлякъ - же* (т. е. собственность казны) *частныя лица не имѣютъ права ни завѣщать въ чью бы то ни было пользу, ни обращать въ вакуфы, ни отдавать въ залогъ, ни заявлять на таковую иска*". Изъ этихъ словъ видно, что главнѣйшая особенность амляковыхъ земель заключается въ ихъ неотчуждаемости, что̀ существуетъ и на самомъ дѣлѣ.

Обработывающій ихъ, какъ сказано выше, есть не болѣе какъ арендаторъ; но аренда эта наслѣдственная, передающаяся отъ поколѣнія поколѣнію въ одномъ извѣстномъ родѣ, и если бываютъ случаи продажи какого - либо амляка въ другія руки, то это надо

---

[2]) Кромѣ упомянутыхъ, авторъ приводитъ заглавія еще нѣкоторыхъ юридическихъ сочиненій, авторитетныхъ въ Средней - Азіи, но, благодаря, должно полагать, самаркандскому казію, въ такомъ изуродованномъ видѣ, что нѣтъ никакой возможности дознаться какія это сочиненія, а печатать безсмыслицу сочли мы несоотвѣтственнымъ характеру „Трудовъ". *Прим. ред.*

[3]) Это, по всей вѣроятности, комментарій на сочиненіе *Эль - Ферандъ эс - Сенійэ*, составленный самимъ авторомъ этого - послѣдняго, Мохаммедомъ Кевакеби, подъ заглавіемъ: *Эль - Февандъ эс - Сенійэ*. См. Хаджи - Хальфу въ изданіи Флюгеля, IV, 391. *Прим. ред.*

247

понимать въ смыслѣ продажи не самой земли, а только права на воздѣлываніе ея; почему и самая цѣна на амляковыя земли гораздо ниже цѣны земель мильковыхъ — „собственныхъ".

Вообще вопросъ о земляхъ амляковыхъ надо считать оконченнымъ, въ томъ смыслѣ, что всѣ амляки пріобрѣли уже теперь почти совершенно характеръ земель мильковыхъ, особенно при нашемъ владычествѣ, когда мильки, въ-отношеніи къ обложенію ихъ податями, сравнены съ амляками. Другаго рѣшенія этого вопроса быть не можетъ, хотя, въ видахъ фискальныхъ выгодъ и требованій справедливости, оно и должно-бы быть нѣсколько инымъ.

II

Амляковыя земли, посредствомъ извѣстнаго рода операцій, могутъ превращаться въ *мильковыя* или „собственныя", въ упомянутомъ выше смыслѣ этого слова. Ни въ одной изъ юридическихъ книгъ, какія намъ удалось видѣть въ Средней Азіи, или въ подлинникѣ, или въ переводѣ на джагатайское нарѣчіе, не встрѣчалось описанія способа превращенія амляковыхъ земель въ мильковыя. Но насколько удалось собрать свѣдѣнія объ этомъ предметѣ отъ знающихъ туземцевъ, отъ казіевъ, т. е людей болѣе или менѣе компетентныхъ въ области мусульманскаго законовѣдѣнія, есть два способа превращенія амляковыхъ земель въ мильковыя, въ общихъ чертахъ, впрочемъ, сходные другъ съ другомъ: въ основаніи обоихъ, какъ увидимъ, лежитъ актъ купли и продажи.

I. По первому объясненію, происхожденіе мильковыхъ земель относится ко временамъ очень давнимъ, когда правительство за обработываемыя массы пустопорожнихъ земель отдавало извѣстную часть ихъ въ пользу обработывавшаго, дѣлало ихъ мильковыми, освобождавшимися съ тѣхъ поръ отъ сбора всякаго рода податей, какъ-то: хераджа, танапа и кошпула (общаго для всѣхъ земель), и переходившими въ полное и потомственное пользованіе воздѣлывавшаго ихъ. Такія земли получили съ тѣхъ поръ названіе *мильки-хурри халисъ*, т. е. „свободныя отъ податей".

II. Нѣкоторые прямо заявили желаніе пріобрѣсти часть амляковыхъ земель въ мильковую собственность; тогда сдѣлка совершалась нѣсколько иначе. Предположимъ, на-примѣръ, что какой-нибудь достаточный человѣкъ изъявлялъ желаніе пріобрѣсти въ мильковое владѣніе тысячу танаповъ земли; для этого онъ выплачивалъ, смотря по извѣстному въ данное время курсу, стоимость

трехъ тысячъ танаповъ, и изъ нихъ двѣ тысячи танаповъ возвращалъ въ казну; остальная-же тысяча танаповъ [4]) становилась черезъ это съ тѣхъ поръ на вѣчныя времена обѣленною, т. е. свободною отъ оплачиванія всякаго рода податями, пріобрѣтала качество и названіе *мильки-хурри халисъ*. Такія земли, по выраженію туземцевъ, „лучшіе мильки".

Владѣтель милька, съ пріобрѣтеніемъ, тѣмъ или другимъ способомъ, земли въ вѣчное и потомственное владѣніе, получалъ обыкновенно, за печатью царствующаго государя, документъ, обезпечивавшій и доказывавшій его право на пользованіе и владѣніе означенной въ документѣ землей съ точно опредѣленными границами ея. Документы эти, по предъявленіи владѣльцами ихъ, удостовѣрялись каждымъ новымъ государемъ, вступавшимъ на престолъ.

Собственно слово *милькъ* — названіе не обусловливаемое ни полной свободой земли отъ сборовъ, ни особымъ видомъ права собственности, такъ какъ съ теченіемъ времени этимъ именемъ стали называться земли поставленныя относительно какъ правъ пріобрѣтенія, такъ и правъ самаго владѣнія или пользованія ими, въ самыя разнообразныя условія, доказательство чего увидимъ ниже.

Чрезвычайное разнообразіе видовъ права пользованія землями, вытекающее отчасти изъ особенностей самой гражданской жизни, развившейся изъ того же источника, но вылившейся въ свою собственную, оригинальную форму, такое разнообразіе, говоримъ мы, соединенное съ особенными, не всегда ясными и точными условіями пріобрѣтенія или отчужденія земель, съ теченіемъ времени, благодаря еще весьма понятнымъ при такихъ обстоятельствахъ упущеніямъ мѣстной администраціи, давало землевладѣльцамъ возможность совершать различныя злоупотребленія, запутывавшія, и безъ того уже сложныя, поземельныя отношенія, въ прямой ущербъ фискальнымъ интересамъ правительства, но къ несомнѣннымъ выгодамъ различныхъ административныхъ властей, искусившихся въ дѣлѣ ловленія рыбы въ мутной водѣ. Послѣднее имѣетъ мѣсто и теперь.

---

[4]) Обыкновенная мѣра земли, принимаемая за единицу, есть *танапъ*, равняющійся 625 кв. саж.; затѣмъ идутъ: *нимъ-танапъ* (1/2), *чойрекъ-танапъ* (1/4), *си-чойрекъ* (3/4), *нимча* (1/16). 50 танаповъ составляютъ *кошъ*. Впрочемъ, величина кошей въ разнымъ мѣстахъ различна. Отсюда и подать *кошпулы*, т. е. подать взимаемая въ опредѣленномъ размѣрѣ съ земель засѣянныхъ; тогда какъ *кипсенъ* есть подать со всѣхъ земель, какъ засѣянныхъ, такъ и отдыхающихъ, находящихся подъ паромъ (*шудчаръ*).

Вредъ такого порядка веденія дѣлъ иногда сознавался нѣкоторыми изъ государей, и они старались различными мѣрами, по ихъ понятіямъ дѣйствительными, — по крайней мѣрѣ бывшими единственно - возможными въ данное время, — ввести порядокъ и какой-нибудь административный контроль въ дѣло взиманія поземельныхъ податей и сборовъ, хотя никакихъ существенно - важныхъ измѣненій и нововведеній не дѣлали. Понятно, что ихъ мѣры были только пальятивными, онѣ не уничтожали — да и не могли сдѣлать этого — всего зла, а только рельефнѣе обнаруживали несомнѣнное присутствіе его, въ чемъ почти единственно и состояла ихъ польза. Подобные реформаторы довольствовались весьма незначительными результатами своей дѣятельности и успокоивались совершенно при видѣ единовременнаго крупнаго пополненія своей казны. Такъ, говорятъ, эмиръ Шахмурадъ, человѣкъ, дѣйствительно, далеко не дюжинный, произвелъ всеобщую повѣрку мильковъ, результатомъ которой, какъ и надо было ожидать, явилось: во 1 - хъ — исключеніе нѣкоторыхъ земель изъ числа мильковъ, и, во 2 - хъ — обложеніе другихъ изъ нихъ, происхожденіе которыхъ почему-либо казалось сомнительнымъ, особаго рода податью, въ размѣрѣ 10 кокановъ (2 р. сер.) съ каждаго танапа садовъ, и 5 кокановъ (1 р. сер.) съ каждаго танапа остальной земли, была - ли она засѣяна или нѣтъ — безразлично.

Послѣднія - то земли и получили отсюда названіе *мильки - хераджи*, т. е. „милькъ, оплачиваемый податями".

Намъ неизвѣстно навѣрно, занесено - ли описаніе такой крутой мѣры въ какую - либо изъ хроникъ того времени, — встрѣчать по крайней мѣрѣ не удавалось, — но преданіе о ней живетъ въ народѣ, и нельзя не придавать ему большой доли вѣроятія и правдивости уже потому, что, какъ сказали мы выше, Шахмурадъ [5]) былъ государь замѣчательный въ своемъ родѣ.

Впрочемъ, случаи такого обложенія податями разнаго рода земель бывали довольно часто; эмиры прибѣгали — какъ продолжаютъ дѣлать это и теперь — къ такимъ безыскусственнымъ мѣрамъ всякій разъ какъ только имъ встрѣчалась нужда въ деньгахъ. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ облагались податями земли хотя и составлявшія собственность частныхъ лицъ, но не засѣвавшіяся, почему и самый размѣръ обложенія былъ сравнительно не великъ и не всегда одинаковъ, такъ какъ зависѣлъ прямо отъ усмотрѣнія и прихоти государя. Эта подать — а не земли, какъ

---

[5]) См. о немъ въ „Запискахъ Мирзы - Шемса Бухари (Казань, 1864), стр. 42 — 53 и 83 — 84. *Прим. ред.*

говорятъ нѣкоторые — называлась поэтому *танабана* „потанапный сборъ".

Итакъ, мильковыхъ земель собственно два рода: *мильки-хуррихамисъ* и *мильки-хераджи*. Послѣдніе, въ свою очередь, имѣютъ еще два вида: *ушри* и *даякъ* (правильнѣе — *дахъякъ*).

Хотя значеніе того и другого слова одинаково: одно по-арабски, а другое по-персидски значатъ — *одна десятая часть*, „десятина", но тѣмъ не менѣе зѐмли, имѣющія эти названія, существенно разнятся между собою.

Здѣсь слѣдуетъ принять во вниманіе тотъ въ высшей степени интересный фактъ, что мильковыя земли оплачиваются, во-первыхъ — хераджемъ (*хераджи*), во вторыхъ — доходами съ нихъ, въ извѣстномъ процентѣ, пользуется тотъ, кто занимается обработываніемъ ихъ; и, наконецъ, въ-третьихъ, владѣлецъ ихъ по документу. Право воздѣлыванія, какъ и право владѣнія или собственности на такія земли, равно наслѣдственны въ двухъ извѣстныхъ родахъ и переходятъ отъ поколѣнія къ поколѣнію. Такое сочетаніе или встрѣча вмѣстѣ двухъ правъ при одномъ объектѣ права — явленіе замѣчательное потому, что какъ то, такъ и другое въ разбираемомъ вопросѣ одинаково важны и полны значенія. Право воздѣлыванія земли въ данномъ случаѣ не есть аренда, это не система фермерства, а нѣчто бо̀льшее, потому что при какой-же системѣ арендованія владѣлецъ получаетъ, на-примѣръ, только $^1/_{10}$ или $^2/_{10}$ дохода съ принадлежащей ему земли, причемъ $^1/_{10}$ идетъ въ казну, а остальныя затѣмъ $^7/_{10}$ или $^4/_5$ идутъ въ пользу земледѣльца? Между тѣмъ такой дѣлежъ узаконенъ и освященъ не только обычаемъ, но и Шаріатомъ, такъ какъ указанія на него находятся въ нѣкоторыхъ изъ юридическихъ сборниковъ, распространенныхъ въ Средней Азіи.

Для наглядности пояснимъ сказанное примѣромъ. Предположимъ, что вся земля какого-нибудь кишлака Мильки-Ширинъ состоитъ изъ мильковъ принадлежащихъ нѣсколькимъ владѣльцамъ; послѣдніе считаются собственниками этой земли только по документу, а между тѣмъ обработываніемъ ея издавна занимаются кишлачные жители, получившіе извѣстные участки этой земли въ аренду по наслѣдству, переходящему изъ поколѣнія въ поколѣніе. Настоящіе документальные, такъ сказать, владѣльцы земли получаютъ только извѣстную часть доходовъ съ нея, увеличивающуюся или уменьшающуюся смотря по тому, пользуются-ли арендаторы рабочимъ скотомъ (волами) и сѣменами отъ землевладѣльца, а сами затрачиваютъ въ дѣло только свой трудъ, или-же всѣ издержки по обработкѣ земли идутъ отъ нихъ самихъ.

Подъ именемъ *мильки-ушри* разумѣется такого рода мильковая земля, которая оплачивается хераджемъ въ размѣрѣ $^1/_{10}$ урожая; остальной доходъ дѣлился или между *милькдаромъ* (мильковладѣльцемъ) и самимъ земледѣльцемъ, если земля арендовалась, или шелъ весь въ пользу обработывавшаго ее. Иногда правители отдавали слѣдующую съ этихъ земель часть хераджа ($^1/_{10}$ часть урожая) своимъ служилымъ людямъ (*сипагъ*) въ пожизненное пользованіе, но безъ права отчужденія путемъ продажи, или дара, или передачи въ наслѣдство. Тѣмъ не менѣе можно съ достовѣрностію сказать, что многія земли, считаемыя въ настоящее время *мильки-хурри халисъ*, образовались, благодаря упущеніямъ и слабости надзора администраціи, именно изъ *ушри*, такъ какъ до сихъ поръ не встрѣчалось того первоначальнаго документа на какую-либо землю этого рода, по которому было-бы видно превращеніе ея изъ амляковой въ мильковую, а всѣ документы на нихъ, имѣющіеся теперь, не болѣе какъ купчія крѣпости, если можно такъ выразиться; по нимъ можно только прослѣдить переходъ извѣстнаго участка изъ однѣхъ рукъ въ другія путемъ актовъ купли и продажи. Возможно еще даже и такое предположеніе, что земель мильки-хурри халисъ явилось особенно много уже по занятіи края нами, въ первое время послѣ котораго наша администрація, понятно, не могла съ достаточной полнотой и точностію выяснить это дѣло, запутанное уже само по себѣ до того что сами туземцы иногда не понимаютъ ни значенія этого слова, ни разныхъ видовъ земель извѣстныхъ подъ названіемъ мильковыхъ. Но что дѣло было вообще не чисто и плутней было много, это безспорно доказало уже одно то обстоятельство, что весьма многіе изъ мильковладѣльцевъ не могли представить, когда у нихъ требовали, доментовъ на свои земли, ни первоначальныхъ, ни *хукмовъ* (послѣдующихъ удостовѣреній, приказовъ эмировъ). Путаница могла произойти еще и отъ того, что собственно сами мильковладѣльцы, имѣвшіе въ рукахъ своихъ мильковые документы, при занятіи нами края разбрелись въ разныя стороны, оставивъ зѐмли — конечно, не въ даръ — своимъ арендаторамъ; послѣдніе-же, воспользовавшись безпорядками и неурядицей, весьма понятными въ военное время, объявили себя прямыми владѣльцами земель, хотя, какъ уже сказали мы раньше, имъ принадлежало не болѣе какъ только право сбора произведеній съ платою за это извѣстной части милькдарамъ, хозяевамъ, и въ хераджъ, если послѣдній по уговору слѣдовалъ съ нихъ. Даже въ настойчивомъ предъявленіи правъ на зѐмли по перепродажнымъ документамъ, въ первые годы по занятіи нами края, видно, намъ кажется, доказательство мо-

шенничества со стороны псевдо-милькдаровъ, и желанія закрѣпить за собою зёмли никогда имъ какъ собственность не принадлежавшія. Оттого-то теперь такъ часто и слышны отвѣты, что документы на такую-то зѐмлю находятся въ Бухарѣ. Оно, пожалуй, и вѣрно отчасти, потому что настоящіе землевладѣльцы удалились въ Бухару, но лживость этихъ отвѣтовъ остается недоказанною и приходится волей-неволей вѣрить имъ.

Нѣкоторыя изъ лицъ находившихся, въ первое время по занятіи края, въ составѣ нашей мѣстной администраціи, поэтому и предлагали обратить всѣ мильковыя земли въ амляковыя, каковыми онѣ, по ихъ мнѣнію, всегда и были, употребивъ для такого, какъ они выражались „приведенія этихъ земель къ ихъ настоящему казенному началу“ путь выкупа, т. е. предлагали скупить у всѣхъ мильковладѣльцевъ, могущихъ предъявить документы, принадлежащія имъ зѐмли по ихъ стоимости, а затѣмъ, какъ амляковыя, отдавать таковыя въ аренду. Нечего и говорить о выгодахъ или удобопримѣнимости такой мѣры: она даже мало понятна въ своемъ основаніи. Ставить вопросъ о милькахъ такимъ образомъ — значитъ не понимать его сущности. Необходимо сначала выяснить, какъ самыя отношенія между арендаторами и дѣйствительными мильковладѣльцами, и между казной и ими, какъ плательщиками податей, такъ и бо́льшія или мѐньшія права̀ ихъ на земли, на которыя они, какъ на собственность, предъявляютъ свои притязанія. Нѣкоторые, въ доказательство ложности въ большинствѣ случаевъ такихъ притязаній, приводятъ еще одинъ фактъ, мало впрочемъ идущій къ дѣлу. Извѣстно, что владѣльцы земель *мильки-хурри хамисъ* прежде были свободны отъ всякихъ податей и сборовъ, обложенію которыми не подлежала совершенно-обѣленная земля, принадлежавшая имъ. По занятіи края нами, обложены были податями и мильковладѣльцы, наравнѣ съ прочими; но эта мѣра не произвела никакого непріятнаго впечатлѣнія на народъ, никакого неудовольствія или даже простаго недоразумѣнія. Вотъ этотъ-то фактъ и выставляютъ нѣкоторые какъ доказательство что въ большинствѣ случаевъ мильковыя земли образовались или сдѣлались такими только со времени занятія нами края, подкрѣпляя это свое мнѣніе тѣмъ, что классъ землевладѣльцевъ въ краѣ труднѣе всѣхъ прочихъ поддается какимъ-бы то ни было нововведеніямъ, что онъ консервативенъ по-преимуществу. Хотя послѣдній взглядъ на такой характеръ землевладѣльческаго и земледѣльческаго сословій и вполнѣ вѣренъ, тѣмъ не менѣе объясненіе имъ сказаннаго факта далеко не удовлетворительно. Въ самомъ дѣлѣ, почему бы не объяснить его, на-примѣръ, тѣмъ, что вновь поко-

ренный народъ могъ покойно принять на первыхъ порахъ и не такую мѣру какъ обложеніе податями земель бывшихъ до того свободными отъ нихъ: онъ могъ сдѣлать это подъ обаяніемъ силы, предписывающей свои законы; онъ могъ, наконецъ, увидѣть въ этой мѣрѣ какое-то желаніе съ нашей стороны уравнять всѣ сословія (если пониманіе такихъ предметовъ подъ силу нашимъ новымъ подданнымъ, въ чемъ мы лично сильно сомнѣваемся). Поэтому, а можетъ быть и просто вслѣдствіе уменьшенія вообще поземельныхъ сборовъ, владѣльцы мильковъ весьма исправно вносили и продолжаютъ вносить слѣдующія съ нихъ подати. Къ тому же и общій характеръ здѣшняго народа таковъ, что онъ съ готовностію предпочтетъ скорѣе платить поземельную подать въ установленномъ для всѣхъ одинаковомъ размѣрѣ, нежели подчиниться какому-бы то ни было прямому денежному налогу, всегда представляющемуся ему мѣрою совершенно произвольною, неограничиваемою никакимъ положительнымъ предѣломъ...

Изо всего доселѣ сказаннаго уже можно видѣть, что разнаго рода мильковыя земли, будучи сходны въ своемъ основномъ началѣ, различаются только способами и, такъ сказать, бо́льшей или мѐньшей степенью обѣлѣнія. Существенно отличается отъ прочихъ видовъ этого рода земель только одинъ мильки-хурри халисъ, потому что единственно этотъ милькъ составляетъ настоящую земельную собственность, владѣтель которой можетъ отчуждать ее, тогда какъ прочіе виды мильковыхъ земель, въ томъ числѣ и *дахъякъ* (о немъ будетъ рѣчь впереди), оставаясь во владѣніи одного какого-либо хозяина, переходятъ изъ одного его поколѣнія къ другому, но не могутъ быть отчуждаемы въ пользу лица не родственнаго съ владѣльцемъ ихъ, лица принадлежащаго съ другому роду.

Теперь намъ остается разсмотрѣть еще одинъ видъ мильковыхъ земель — *дахъякъ*. Значеніе этого слова, какъ сказано выше, однозначаще съ словомъ *ушри:* какъ второе по-арабски, такъ первое по-персидски, равно означаютъ „одна десятая часть", «десятина». Сущность этого вида мильковъ заключается въ слѣдующемъ. Эмиры отдавали $^1/_{10}$ часть дохода съ амляковыхъ земель въ пользу нѣкоторыхъ лицъ: муллъ или ходжей [6]). Такая

---

[6]) Значеніе *ходжей* и *сеидовъ* по разнымъ толкованіямъ различно. Толкованія эти весьма разнообразны и многочисленны, но достовѣрнѣйшимъ и наиболѣе популярнымъ въ Средней Азіи считается слѣдующее. Во 1-хъ, званіе *сеидъ* присваивается всѣмъ происходящимъ, по линіи самого пророка *Мохаммеда*, отъ его отца *Абдуллаха*, дѣда *Абдулъ-Муталиба* и прадѣда

254

награда (назовемъ хотя такъ эту своего рода аренду) давалась только тѣмъ изъ муллъ которые выдерживали нѣчто въ родѣ экзамена, производившагося особеннымъ лицомъ, называвшимся *мумаизъ*. Этотъ экзаминаторъ докладывалъ эмиру, что такой-то мулла оказался по испытаніи достойнымъ дахъяка, и послѣдній, съ разрѣшенія эмира, получалъ его. Въ числѣ этихъ муллъ были не только муллы-ученики, но и муллы-учителя или мудеррисы. Они выбирали изъ среды себя *мутеваллія* (значеніе этого слова будетъ объяснено ниже), который и завѣдывалъ доходами, приходившимися на ихъ долю, и правильнымъ ихъ распредѣленіемъ. Уже изъ этого ясно видно, что зѐмли дахъякъ не были наслѣдственны: давалась въ пожизненное пользованіе извѣстному лицу только опредѣленная часть дохода съ нихъ. Выбранный изъ среды муллъ, владѣтелей дахъяка, мутевалли озабочивался съ своей стороны пріисканіемъ „арендатора", *иджрачи*, который за извѣстную плату

Хашима. Во 2-хъ, званіе *сеидъ* принадлежитъ, по линіи *Али*, женатаго, какъ извѣстно, на дочери пророка Фатимѣ (также святой), потомкамъ какъ *Али* и *Фатимы*, такъ и всѣмъ происходящимъ отъ отца Али, *Абу-Талиба*, прадѣда Фатимы — *Абдуль-Муталиба* и прапрадѣда ея *Хашима*. Эта генеалогія даетъ, будто-бы „чистыхъ сеидовъ", имѣющихъ *шаджара* (генеалогіи), подтверждавшіяся каждый разъ при вступленіи на престолъ новаго эмира приложеніемъ его печати. Всѣ-же неимѣющіе подобныхъ генеалогій должны считаться псевдосеидами, каковыхъ, какъ говорятъ, весьма много, благодаря тому, что въ толкованіи самаго происхожденія этого званія вышелъ расколъ. Къ тому же еще и сами владѣтели среднеазіатскіе, какъ-бы въ примѣръ другимъ подобнымъ самозванцамъ, носятъ названіе сеидъ произвольно, вопреки Шаріату и обычаю, установленія котораго въ Средней Азіи вообще до того сильны, что во многихъ случаяхъ обычное право замѣняетъ или дополняетъ самый Шаріатъ. Напримѣръ, Сеидъ Мохаммедъ Худояръ-ханъ, нынѣшній владѣтель Кокана — родомъ киргизъ, и даже кара-киргизъ, потомокъ хотя и знаменитаго, но далеко не благороднаго по происхожденію Нарбута-бія, основателя донынѣ царствующей въ Коканѣ династіи *) въ концѣ XVIII вѣка. Такъ бухарскій эмиръ Сеидъ Мозаффаръ бегадуръ-ханъ — родомъ простой узбекъ изъ колѣна Мангытъ.

Наконецъ, что касается до званія *ходжа*, то извѣстно, что его носятъ потомки первыхъ трехъ халифовъ (преемниковъ Мохаммеда): *Абу-Бекра Садыка* („правдиваго, справедливаго"), *Омара Фарука* („различителя" т. е. правды отъ неправды), *Османа Аффана* („цѣломудреннаго") и *Али-Муртазы* („возлюбленкаго"). При этомъ надо различать *ходжа* отъ *хаджи*; послѣднее означаетъ человѣка совершившаго обязательное для истиннаго мусульманина священное путешествіе въ Мекку, къ могилѣ пророка.

---

*) Это писано въ 1875 году, когда ханствовалъ еще Худояръ-ханъ, и существовало еще Коканское ханство (нынѣ Ферганская область Россійскаго государства). *Прим. ред.*

и на опредѣленный срокъ — обыкновенно на годъ — бралъ на себя содержаніе извѣстнаго участка; мутеваллію арендаторъ сдавалъ и слѣдующую по уговору сумму для соотвѣтственно - пропорціональнаго дѣлежа между всѣми «дахъяко - владѣльцами».

Вотъ всѣ виды мильковыхъ земель. Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію *вакуфовъ*. Этотъ родъ земель представляетъ наиболѣе видовъ, и отношенія между ними довольно запутанны.

III

Главное отличительное свойство мильковыхъ земель (вида хурри - халисъ) есть ихъ отчуждаемость. Впрочемъ, говоря строго, и амляковыя земли также могутъ быть отчуждаемы, но въ отношеніи ихъ это право принадлежитъ государству или, что̀ тоже, государю: послѣднія понятія по мусульманскому государственному праву, какъ извѣстно, совершенно тождественны. Такія отчужденныя или пожертвованныя въ пользу какого - либо учрежденія мильковыя земли называются *вакуфными землями, вакуфами*.

Видовъ вакуфовъ нѣсколько, и они отличаются другъ отъ друга какъ по тѣмъ учрежденіямъ въ пользу которыхъ пожертвованы, такъ, и преимущественно, условіями на которыхъ сдѣлано пожертвованіе. Эти земли, какъ отданныя на богоугодное дѣло и съ благою цѣлію, пользуются громадными льготами, преимуществами въ-отношеніи сбора съ нихъ податей; но различные виды ихъ поставлены въ разныя условія и въ этомъ отношеніи.

Вакуфный вопросъ для Туркестанскаго Края — вопросъ громадной важности, и рѣшеніе его въ близкомъ будущемъ положительно необходимо. Вопросъ этотъ напоминаетъ отчасти одно явленіе въ нашей исторіи, именно вопросъ о монастырскихъ имѣніяхъ: изъ дальнѣйшаго ясно будетъ видна полная аналогичность въ коренныхъ основаніяхъ ихъ. Послѣдній, уже давно канувшій въ вѣчность, имѣлъ въ свое время огромную важность, и рѣшеніе его, котораго онъ ждалъ довольно долгое время, представляло страшныя затрудненія для правительства, главнымъ образомъ въ смыслѣ оппозиціи со стороны духовенства. Точно также и при рѣшеніи вакуфнаго вопроса — даже если дѣло поведется какъ слѣдуетъ — неизбѣжны, конечно, нѣкоторыя затрудненія и недоразумѣнія, неизбѣжны уже потому только, что всестороннее и полное рѣшеніе вопроса, по причинѣ его запутанности и, такъ сказать, каизустичности, должно совершиться не вдругъ.

Самое изученіе вопроса на первыхъ порахъ послѣ занятія

нами края было довольно трудно; въ этомъ дѣлѣ, конечно, было всего естественнѣе обратиться къ казіямъ, какъ отчасти защитникамъ народныхъ интересовъ, слѣдовательно людямъ свѣдущимъ въ этомъ отношеніи, да, кромѣ того, хотя-бы въ силу занимаемой ими важной должности, болѣе или менѣе разумнымъ и — по восточному конечно — образованнымъ. Администрація, дѣйствительно, такъ и поступила — и жестоко ошиблась: оказалось, что казіи, какъ увидимъ ниже, сами сильно заинтересованы въ этомъ дѣлѣ, и въ видахъ своихъ же собственныхъ выгодъ могли дать, и давали, свѣдѣнія и объясненія самыя невѣрныя. Къ казіямъ можно было обратиться только за справками и указаніями, не полагаясь вполнѣ ни на одно ихъ слово, а тщательно повѣряя ихъ и разбирая... Впрочемъ, надо сознаться, что все сдѣланное въ этомъ отношеніи администраціей дало, тѣмъ не менѣе, обильный матеріалъ, при помощи котораго рѣшеніе вопроса должно значительно облегчиться.

Теперь разсмотримъ разные виды вакуфныхъ земель и самое существо ихъ и значеніе. Но прежде скажемъ нѣсколько словъ объ образованіи вакуфовъ.

Частныя лица, желая сдѣлать пожертвованіе имущества въ вакуфное пользованіе какого-либо учрежденія, должны были просить на это разрѣшенія эмира, который не соглашался или утверждалъ жертвуемый вакуфъ за извѣстнымъ учрежденіемъ. Иногда эмиры и сами дѣлали такія пожертвованія и на тѣхъ же общихъ основаніяхъ, съ тою лишь разницею, что, будучи законными владѣльцами всѣхъ амляковыхъ земель въ государствѣ, они не нуждались, конечно, ни въ чьемъ разрѣшеніи.

Въ вакуфъ могутъ быть жертвуемы: зе́мли, бани, сараи, лавки, столики мелкихъ торговцевъ *(тимъ)*, мельницы, толчеи *(аджвазъ)*, даже *арыки* (водопроводныя канавы) вслѣдствіе какого-либо своеобразнаго пользованія арычною водою; такъ что, слѣдовательно, *вакуфомъ* зовется всякаго рода угодье пожертвованное въ пользу: 1) какого-либо духовнаго учрежденія, или-же 2) какой-либо корпораціи.

Къ первой категоріи относятся вакуфы принадлежащіе:

1) мечетямъ *(месджитъ)*,

2) школамъ *(медресе)*,

3) могиламъ святыхъ *(ханака)*,

4) кладбищамъ *(мазаръ)*,

5) домамъ для совершенія омовеній *(тагаратъ-хана)* и другимъ учрежденіямъ.

Ко второй категоріи принадлежатъ вакуфы:

1) *ауладъ* („наслѣдники", семейный вакуфъ).

2) *дахъякъ* (десятина) — разсмотрѣнный нами въ числѣ мильковыхъ земель—если только онъ на вѣчныя времена пожертвованъ въ пользованіе ученыхъ лицъ, ходжей (потомковъ первыхъ халифовъ) или потомковъ какихъ-либо святыхъ, хотя-бы послѣдніе и не были изъ числа потомковъ пророка или его халифовъ.

Завѣщатель, кто-бы онъ ни былъ, получивъ, какъ сказано выше, необходимое разрѣшеніе на распоряженіе своею собственностію, писалъ обыкновенно грамоту *(вакфъ-намэ, хатти-вакфіэ)*, подлинность которой свидѣтельствовалась затѣмъ приложеніемъ печати эмира. Послѣ такого, такъ сказать, освященія, жертвователь, будь онъ хоть самъ эмиръ, передавалъ грамоту казіямъ также для приложенія печатей, такъ что послѣднимъ, такимъ образомъ, съ перваго же шага, принадлежало фактическое вѣдѣніе вакуфовъ и извѣстная доля участія въ нихъ. Такое условіе свидѣтельствованія вакуфнаго документа казіями весьма важно для объясненія того могущественнаго вліянія, какимъ пользовались и продолжаютъ пользоваться (только уже не въ нашихъ владѣніяхъ) казіи. Документы эти, для сохраненія за ними надлежащей силы и полной законности, свидѣтельствовались каждый разъ при вступленіи новаго эмира на престолъ приложеніемъ его печати, такъ что намъ удавалось видѣть документы съ печатями многихъ въ послѣдовательномъ рядѣ царствовавшихъ эмировъ.

Всѣ эти положенія о порядкѣ жертвованія весьма ясно и подробно изложены въ духовно-юридическихъ сочиненіяхъ мусульманскихъ законовѣдовъ, и мы не можемъ не привести здѣсь выписокъ изъ нѣкоторыхъ таковыхъ, дабы яснѣе показать все значеніе и важность какими пользуются вакуфныя учрежденія и имущество въ глазахъ мусульманъ, и тѣ условія какими обставленъ самый актъ пожертвованія послѣдняго.

1) „*Лица, пожертвовавшія свою собственность въ вакуфы, должны вмѣстѣ съ тѣмъ заявить о томъ казію, для составленія акта о томъ, на какихъ именно условіяхъ пожертвована эта собственность. Условія-же жертвователей вакуфа при этомъ столь же важны какъ слова Пророка и Бога, т. е. никто не вправѣ ихъ нарушить. Потому должно дѣйствовать согласно условіямъ жертвователей вакуфовъ*" (Шарх-уль-Фераидъ).

2) „*Лица, пожертвовавшія часть своей собственности въ пользу какого-либо заведенія* (въ вакуфъ), *если условія этого будутъ утверждены постановленіями казія, не имѣютъ права таковое разъ пожертвованное имущество возвратить обратно въ свою*

собственность, потому что условія эти вошли уже въ законную силу" (тамъ же).

3) „*Вакуфное владѣніе ни чьей частной собственности ни какимъ образомъ составлять не можетъ*" (тамъ же).

4) „*Вакуфы послѣдователей Пророка считаются дѣйствительными, если они* (вакуфы) *переданы въ руки мутевалліевъ и если эти вакуфы не принадлежатъ народу*" (тамъ же).

5) „*Если кто-либо при жизни своей заявитъ желаніе пожертвовать часть собственности въ пользу какого либо заведенія* (въ вакуфъ), *хотя бы и не оффиціально, то таковой вакуфъ считается законнымъ*" (тамъ же).

6) „*Вакуфы, утвержденные казіями, никто не имѣетъ права отчуждать или продавать другому; но если они* (вакуфы) *не утверждены законнымъ порядкомъ казіями, то владѣльцы ихъ имѣютъ право отчуждать*" (Фусуль-уль-Имади). Здѣсь очевидное противорѣчіе: „вакуфъ можетъ быть отчуждаемъ, если не утвержденъ законнымъ порядкомъ"; но онъ только послѣ такого утвержденія и становится вакуфомъ, слѣдовательно до этого онъ составляетъ собственность владѣльца. Также и дальше:

7) „*Если кто-либо сдѣлавшій пожертвованіе въ вакуфъ послѣ этого впадетъ въ бѣдность, такъ что будетъ дѣйствительно нуждаться въ пожертвованномъ имуществѣ, то казій, снисходя къ его бѣдности, можетъ возвратить оное, но въ такомъ только случаѣ, если вакуфъ не былъ еще утвержденъ законнымъ порядкомъ казіями; въ противномъ-же случаѣ вакуфъ ни подъ какимъ предлогомъ не можетъ превратиться снова въ собственность прежняго владѣльца*" (тамъ же).

8) „*Прежній владѣлецъ вакуфнаго имущества не имѣетъ права продавать его вмѣстѣ съ своей свободною собственностію; онъ можетъ отчуждать только послѣднюю, какъ ему принадлежащую, а не вакуфное имущество, на которое онъ не имѣетъ права*" (Ашбаг-ун-Незаиръ [6]).

Въ этихъ же сочиненіяхъ есть положенія относительно выморочнаго имущества, какъ частнаго *(лекота)*, такъ и вакуфнаго.

9) „*Если кто-либо умретъ, не оставивъ послѣ себя наслѣдниковъ, на-примѣръ во время странствованія, то все имущество его, какъ движимое, такъ и недвижимое, мѣстный кази долженъ принять къ себѣ на сбереженіе. Если со временемъ явятся наслѣдники*

---

[6]) Объ этомъ сочиненіи см. Catalogue der manuscrits orientaux de la Bibl. Imp. publique de St. Petersbourg, p. 42-43: *Китабъ-уль-Ашбагъ-уан-Назаиръ.*

къ этому имуществу, то послѣднее передается въ ихъ руки, но если наслѣдники не явятся, то все имущество послѣ умершаго поступаетъ въ казну" (Хиласет-ус-Сади [7]).

10) „*Если медресе* (школы) *имѣющія вакуфныя имущества, по какимъ-либо причинамъ уничтожатся, такъ что некому будетъ пользоваться законно доходами съ этихъ имуществъ, то послѣднія, смотря по завѣщанію жертвователя, обращаются или въ пользу казны, или въ пользу народа*" (Шарх-уль-Фераидъ).

11) „*Если по какимъ-либо причинамъ не будетъ лицъ, которыя должны бы пользоваться доходами съ какого-либо вакуфнаго имущества, то послѣдніе поступаютъ въ казну для раздачи бѣднымъ*" (Бахр-ур-Раикъ).

Впрочемъ, относительно выморочныхъ или, лучше сказать, упраздненныхъ вакуфовъ существуютъ другія положенія, которыя будутъ разсмотрѣны когда пойдетъ рѣчь о вакуфѣ *мустадракъ*.

Какъ вообще строго охраняются вакуфныя имущества отъ чьихъ-либо притязаній на нихъ, это видно изъ слѣдующихъ узаконеній:

12) *Вакуфъ, послѣ освященія своего, не можетъ быть милькомъ, точно такъ какъ свободный человѣкъ не можетъ быть рабомъ*" (Шарх-уль-Викаѣ [8]). Затѣмъ въ другомъ подобномъ же сочиненіи мысль эта развивается такимъ образомъ:

13) „*Вакуфная земля ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть милькомъ, такъ какъ владѣтель ея одинъ Богъ, а не созданный имъ человѣкъ*" (Джами-ур-Румузъ). Или еще:

„*Земля, посвященная (утвержденная) въ вакуфъ судьею (кази), дѣлается подобною мечети и принадлежитъ исключительно Богу*".

Затѣмъ, въ дополненіе положеній о неотчуждаемости вакуфныхъ имуществъ можно привести еще слѣдующія мѣста изъ двухъ пользующихся въ Средней Азіи извѣстностію книгъ:

„*Вакуфная земля не можетъ быть ни продана, ни наслѣдована* (Гедаѣ, гл. о вакуфахъ), *ни подарена*" (Джами-ур-Румузъ).

Въ упомянутыхъ выше вакуфныхъ документахъ обыкновенно показываются какъ самый родъ жертвуемаго имущества, такъ количество и качество его, а если въ вакуфъ жертвуется земля, то границы ея и количество въ танапахъ, при чемъ перечисляется все,

---

[7]) Это — или *Хиласетъ филь-Фуру* Асада Димешки, или — *Хиласетъ филь-Фераидъ* Ахмеда Азди. См. Хаджи-Хальфу, въ изданіи Флюгеля, III, 168. *Прим. ред.*

[8]) О которомъ изъ многочисленныхъ комментаріевъ на *Викаѣ* идетъ тутъ рѣчь — остается неизвѣстнымъ. *Прим. ред.*

что на ней находится, и опредѣляется сколько долженъ получать на свою долю каждый изъ участниковъ по документу въ дѣлежѣ доходовъ съ вакуфа (*сахиб-уль-вакфи* — „владѣтель вакфа") и даже какую часть изъ своихъ доходовъ вакуфъ долженъ удѣлять ежегодно казнѣ — если такое условіе значится въ документѣ. Послѣднее, впрочемъ, зависитъ еще и отъ того, каковы лица распоряжающіяся доходами съ вакфа.

Само учрежденіе, въ пользу котораго сдѣлано пожертвованіе, никогда не бываетъ хозяиномъ, а отдаетъ вакуфное имущество въ аренду, или за извѣстную опредѣленную заранѣе плату, или изъ части. Послѣдній видъ аренды въ Средней Азіи вообще употребительнѣе, какъ въ данномъ случаѣ, такъ и въ отношеніяхъ между частными лицами, на-примѣръ при отдачѣ въ аренду мильковыхъ земель.

Обязанность найти арендатора (*мустэджиръ*) лежитъ на экономѣ учрежденія (*мутевалли*), завѣдующемъ обыкновенно всею хозяйственною частію его, равно и дѣлежомъ доходовъ между лицами участвующими въ немъ. Кстати скажемъ теперь о нихъ нѣсколько словъ; при этомъ необходимо сдѣлать оговорку, что не всегда всѣ исчисленныя здѣсь лица пользуются доходами съ вакфа, а только тѣ, которыхъ жертвователю угодно было перечислить въ документѣ. Лица эти слѣдующія:

1. *Мутевалли* — экономъ, управляющій, завѣдывающій вакуфомъ и вообще хозяйственною частію учрежденія, и распредѣляющій доходы между подлежащими лицами. Изъ такого перечисленія его обязанностей ясно видно, что должность мутеваллія довольно важная и очень выгодная. Ниже будетъ еще рѣчь о ней.

2) *Мудеррисъ* — профессоръ, учитель. Надо различать между учителями этими: а) мудеррисовъ, занимающихся преподаваніемъ въ высшихъ школахъ (*медресе*), и помѣщающихся при большихъ мечетяхъ, и б) простыхъ муллъ-учителей въ низшихъ, такъ сказать приготовительныхъ, училищахъ, *мактабъ-ханэ*. Послѣдніе сами составляютъ классъ учениковъ въ медресѐ и также участвуютъ въ дѣлежѣ доходовъ вакфа.

3) *Муллы* — ученики при медресѐ.

4) *Имамъ* — читающій въ мечети ежедневно пятикратную молитву.

5) *Муэззинъ* или *азанчи*, провозглашающій время молитвы выкрикиваніемъ звонкимъ голосомъ словъ: *Аллаху экберъ* — „Богъ великъ". Онъ же и *суфи*.

6) *Хатибъ* — читающій молитвы по пятницамъ (отсюда *хутбэ* — „эктинія").

7) *Махсурахань* — чтецъ Корана; онъ называется также *кари* — „чтецъ“ (по-арабски).

8) *Сертерашъ* — цирульникъ, обязанность котораго брить головы, подстригать усы и бороды, и мять кости правовѣрныхъ (до чего послѣдніе страстные охотники).

9) *Феррашъ* — сторожъ и вмѣстѣ прислужникъ при мечети или медресѐ.

При мечетяхъ же въ большинствѣ случаевъ находятся и *тагаратъ-ханэ* — комната, домъ для совершенія омовеній.

Всѣ эти лица, въ бо̀льшей или мѐньшей степени, пользуются доходами съ вакфа, и, понятно, что при этомъ злоупотребленіямъ всякаго рода нѣтъ конца. Такъ муллы-ученики посѣщаютъ медресѐ и живутъ въ нихъ только тогда, когда чувствуютъ приближеніе времени дѣлежа доходовъ, свои-же *худжра* (комната) или части ихъ обыкновенно перепродаютъ другимъ [9]). Это-послѣднее обстоятельство, между прочимъ, вызвало распоряженіе нашей администраціи, что на извѣстную часть изъ доходовъ вакфа имѣютъ право только тѣ изъ муллъ-учениковъ, которые пробыли при мечети не менѣе года [10]).

Хотя нѣсколько неясно и неполно изложенныя, но въ упомянутыхъ нами выше юридическихъ сочиненіяхъ есть положенія и о лицахъ имѣющихъ право на пользованіе извѣстной частію доходовъ съ вакфа. Въ этихъ положеніяхъ перечислены только нѣкоторые изъ такихъ лицъ именно: мудеррисы и муллы-ученики.

---

[9]) При мечетяхъ обыкновенно бываетъ нѣсколько свободныхъ помѣщеній или комнатъ (*худжра*), изъ которыхъ каждая отдается одному или нѣсколькимъ мулламъ-ученикамъ. Число таковыхъ помѣщеній весьма различно и мѣняется смотря по обширности пространства занимаемаго мечетью, а главное — по доходамъ, какими располагаетъ она. При нѣкоторыхъ изъ мечетей число муллъ-учениковъ доходитъ до ста человѣкъ, помѣщающихся или въ отдѣльныхъ или въ общихъ для 2—3 человѣкъ худжрахъ.

[10]) Считаемъ необходимымъ оговориться здѣсь, что въ большинствѣ случаевъ мы разумѣемъ администрацію Зерафшанскаго Округа, какъ мѣстности гдѣ преимущественно удалось намъ дѣлать свои наблюденія по настоящему вопросу и гдѣ количество вакуфовъ наибольшее. Послѣднее явленіе объяснить не трудно. Зерафшанскій Округъ, или прежній *Міянкаль* — долина р. Зерафшана — имѣющій своимъ главнымъ городомъ Самаркандъ, и находящійся вблизи отъ Бухары, представляетъ собою центръ мусульманской жизни Средней Азіи, которая нашла здѣсь среди мѣстнаго населенія свое настоящее выраженіе и въ-теченіе многихъ вѣковъ успѣла развиться полно и всесторонне. Слѣдовательно и изученіе поземельнаао вопроса, одинаковаго на всемъ пространствѣ мусульманской части Средней Азіи, возможнѣе здѣсь, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ.

Если преподаватель (мудеррисъ) какого-либо заведенія отлучится внѣ каникулярнаго времени въ другія владѣнія на разстояніи шести-дневной верховой ѣзды, и при этомъ проживетъ тамъ 15 дней, то чрезъ это онъ лишается слѣдующаго ему содержанія. Но если тотъ же мудеррисъ отлучится во время каникулярнаго времени хотя бы и на три мѣсяца, но по уважительнымъ причинамъ — для полученія наслѣдства, по тяжкой болѣзни родителей — то содержанія своего онъ не лишается; если-же время его отсутствія продолжится болѣе трехъ мѣсяцевъ [11]), *то содержаніе его уже удерживается, а слѣдующія въ счетъ его деньги или хлѣбъ отдаются переписчику божественныхъ книгъ при медресе* (Бахр-ур-Раикъ).

„*Въ случаѣ смерти или удаленія мудерриса, содержаніе ему разсчитывается по день смерти или удаленія*" (Ашбаг-ун-Незаиръ).

„*Если мудеррисъ или другое лицо, имѣющее право на часть доходовъ съ вакфа, заболѣетъ, но при этомъ все-таки будетъ сколько-нибудь исполнять свои обязанности, то онъ не лишается своего содержанія*" (Нафъ-уль-Васаиль [12]).

„*Если лицъ, пользовавшихся доходами съ вакфа, почему-либо не будетъ, то доходы эти поступаютъ въ казну для раздачи бѣднымъ*" (Бахр-ур-Раикъ).

Впрочемъ, какъ мало значенія имѣютъ всѣ эти законоположенія и какъ легко обходятся онѣ въ дѣйствительности, доказывается весьма наглядно слѣдующимъ фактомъ. Какъ значеніе, такъ и обязанности упомянутыхъ выше мутевалліевъ опредѣлены въ законоположеніяхъ весьма точно, такъ что, казалось-бы, вакуфныя учрежденія, благодаря этимъ положеніямъ, должны быть совершенно гарантированы отъ злоупотребленій сихъ важныхъ лицъ; но въ дѣйствительности оказывается, что нѣтъ болѣе плутоватыхъ и корыстныхъ людей, какъ эти самые мутевалліи. Правда, бываютъ и исключенія; нѣкоторые изъ нихъ, ведущіе аскетическую жизнь и благо въ будущемъ ставящіе выше всего, видящіе въ точномъ и честномъ исполненіи обязанностей своей должности какъ-бы свое призваніе, тѣ, конечно, не прельстятся лишнимъ коканомъ и довольствуются самымъ немногимъ... Но такія исключенія весьма рѣдки.

---

[11]) Ученики всѣхъ учебныхъ заведеній ежегодно, по приказанію высшихъ властей, увольняются въ отпускъ тотчасъ послѣ новаго года, т. е. съ 1 марта по 1 іюня, иногда и долѣе.

[12]) Чей это комментарій и на который изъ многихъ *Васаил*'ей — отвѣта у Хаджи-Хальфы не находимъ. *Прим. ред.*

Условія, на которыхъ дѣлаются пожертвованія, бываютъ иногда такъ замысловаты и запутаны, что вычисленія различныхъ 1/40 да 1/50 остатка да 1/30 слѣдующаго остатка потребовали-бы отъ мутевалліевъ значительныхъ математическихъ способностей, еслибы они не обладали, къ счастію, другими, не менѣе важными и во всякомъ случаѣ болѣе пригодными для нихъ качествами: истинно-азіатской беззастѣнчивостію и такимъ же безкорыстіемъ, позволяющими имъ выпутываться изъ такого затруднительнаго положенія весьма легко, а именно — не давая никому отчета, класть почти всѣ доходы съ вакфа въ свой карманъ. Да и какое имъ дѣло, что храмы Божіи остаются безъ ремонта, стѣны рушатся, муллы и призрѣваемые при мечетахъ остаются по мѣсяцамъ не бритыми и головы ихъ поростаютъ волосами! И въ самомъ дѣлѣ, имъ-ли, этимъ обиженнымъ природою и отверженнымъ людьми существамъ (калѣкамъ), волей-неволей посвятившимъ свою жизнь на служеніе Богу, заботиться о своей внѣшности?...

Теперь скажемъ нѣсколько словъ и о тѣхъ законоположеніяхъ которыя существуютъ относительно этихъ должностныхъ лицъ, мутевалліевъ, объясняютъ ихъ права и обязанности, и опредѣляютъ отвѣтственность за злоупотребленія по должности.

Законоположенія эти таковы.

Относительно самого опредѣленія на должность мутеваллія въ *Шарх-уль-Фераидъ* говорится, что

„*Кази безъ уполномочія государя или посланнаго отъ него лица не имѣютъ права назначать кого-либо на должность мутеваллія*". Но право назначенія мутеваллія принадлежитъ не только казію или, вѣрнѣе говоря, государю, а также и самому жертвователю, въ силу того, приведеннаго уже выше, положенія Шаріата, что „*условія жертвователей вакуфа такъ же важны, какъ слова Бога и Его пророковъ, и никто не вправѣ нарушить ихъ; потому должно дѣйствовать согласно условіямъ жертвователей вакуфовъ.*" Особенно сильны эти права, предоставляемыя жертвователямъ, въ одномъ и, какъ увидимъ ниже, самомъ неправильномъ видѣ вакуфовъ, такъ-называемомъ *авладъ* (семейномъ). Тѣмъ не менѣе

„*Казіямъ предоставляется право смѣнять поставленныхъ жертвователями мутевалліевъ, если они, казіи, замѣтятъ* (причиняемый ими) *ущербъ вакуфамъ*" (по муджтегиду Рашид-уд-Дину) или вообще

„*если обнаружатся со стороны мутеваллія какія-либо злоупотребленія*" (шейх-уль-исламъ Низам-уд-динъ [13]). И только въ

---

[13]) Авторъ книги подъ заглавіемъ *Феваидъ*. См. Хаджи-Хальфу, въ изданіи Флюгеля, IV, 474, № 9268.

одномъ случаѣ, упомянутомъ выше, казіямъ не предоставлено такого права, а именно:

„*если кто-либо, пожертвовавъ въ вакфъ свою собственность, завѣщалъ вмѣстѣ съ тѣмъ должность мутеваллія своимъ потомкамъ* (т. е. сдѣлалъ ее наслѣдственною въ своемъ только родѣ, что̀ и бываетъ при вакуфѣ *авладъ*), *то кази не вправѣ въ подобныхъ случаяхъ смѣнять мутевалліевъ; смѣна ихъ допускается только тогда, когда злоупотребленія ихъ будутъ положительно доказаны кѣмъ-либо изъ постороннихъ лицъ*" (Фусуль-уль-Имади). Затѣмъ въ другихъ сочиненіяхъ говорится, что

„*смѣна мутеваллія и назначеніе на его мѣсто другаго производится тогда только, когда злоупотребленія его будутъ замѣчены нѣсколько разъ*"; а это послѣднее достигается такимъ образомъ:

„*основываясь на заявленіяхъ или жалобахъ постороннихъ лицъ на злоупотребленія мутеваллія, казію не слѣдуетъ смѣнять его тотчасъ же; а допускается* (рекомендуется) *на первый разъ къ такому мутеваллію назначить одного амина* (*наблюдателя*) (Бахр-ур-Раикъ); или даже.

„*кази дѣлаетъ это самъ, когда только сочтетъ необходимымъ; но аминомъ назначается человѣкъ завѣдомо самый вѣрный и честный, при наблюденіи котораго мутевалли не могъ-бы утаивать вакуфныхъ доходовъ. Разъ смѣненнаго мутеваллія казій не можетъ снова назначить на ту же должность*" (Шарх-уль-Мухитъ [14]). Въ послѣднемъ же сочиненіи право смѣны мутеваллія расширяется такимъ образомъ, что:

„*въ случаѣ если злоупотребленія мутеваллія по разслѣдованіи окажутся дѣйствительными, то начальство можетъ отрѣшить его отъ должности*". — Какъ только сдѣлается извѣстнымъ, что вслѣдствіе злоупотребленій,

„*мутевалли долженъ оставить свою должность, тогда воспрещается выдача слѣдующей ему части* (хлѣба), *получаемой имъ за труды. Начальство можетъ разрѣшить эту выдачу, но не полностію, а только часть содержанія; остальная-же половина отдается тому лицу которое вновь назначено на должность*" (Фусуль-уль-Имади). Въ томъ же сочиненіи прибавляется, что

„*если вознагражденіе, получавшееся прежнимъ мутевалліемъ, очень ограниченно, то вновь назначенному выдается часть изъ остатковъ отъ вакуфныхъ доходовъ*". Послѣдняя оговорка, впрочемъ, почти лишняя, такъ какъ подобные остатки едва-ли когда-

---

[14]) Чей это комментарій и на который изъ *Мухит*'овъ, Бурганъ-эд-Диновъ или какой-другой, остается неизвѣстнымъ. *Прим. ред.*

нибудь могутъ быть, особенно-же при завѣдываніи доходами такимъ мутевалліемъ, который за злоупотребленіе ими смѣняется съ должности.

Мы уже видѣли различіе вакуфовъ по учрежденіямъ; теперь разсмотримъ различные виды ихъ, отличающіеся другъ отъ друга размѣромъ и порядкомъ взиманія податей. Въ этомъ отношеніи между ними, также какъ и между мильками, надо отличать главнымъ образомъ два вида земель: подлежащія сбору податей, и свободныя отъ нихъ, такъ сказать *хурри-халис*'ныя; но между ними есть еще третій видъ земель, вакфъ *мустадракъ*, значеніе и сущность котораго будутъ объяснены ниже.

Прежде всего изъ этихъ различныхъ видовъ вакуфовъ разсмотримъ *вакуфъ авладъ*, причисляемый нѣкоторыми къ мильками и потому, по ихъ мнѣнію, подлежащій общему порядку сбора податей, хотя такое толкованіе невѣрно уже потому, что какъ только съ мильковой землей дѣлается какая-нибудь операція, превращеніе, то она вмѣстѣ съ тѣмъ перестаетъ быть мильковой.

Раньше мы имѣли случай сказать нѣсколько словъ о земляхъ-авладъ и видѣли, что это вакуфъ, такъ сказать, семейный, наслѣдственный въ извѣстномъ родѣ. Происхожденіе его объясняется различно; одни относятъ его къ недавнему времени, другіе — за нѣсколько сотъ лѣтъ назадъ. Во всякомъ случаѣ вотъ мнѣнія о происхожденіи его.

Земли *авладъ* образовались отъ завѣщаній частными лицами земель и разнаго имущества своему потомству, на непремѣнномъ условіи чтобы завѣщанное имѣніе никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не раздроблялось и не продавалось, а всегда переходило-бы въ цѣлости потомственно одному въ родѣ. Завѣщанія такого рода могли дѣлать только лица происходящія изъ рода ходжей и сеидовъ. Всѣ такимъ образомъ завѣщанныя имѣнія получаютъ названіе *авладъ*. Владѣльцы вакуфа-авладъ иногда обязываются завѣщаніемъ платить какую-нибудь часть своего дохода въ пользу мечетей или медресѐ, но послѣднее рѣдко бываетъ. Такъ какъ имущество лицъ, передающихъ свои имѣнія на вышеизложенныхъ основаніяхъ, было и прежде освобождено отъ податей (какъ милькъ), то владѣльцы имѣній-авладъ также освобождались отъ всякихъ повинностей.

Но вѣрнѣе сказать, что вакуфъ авладъ составляютъ не самыя земли, а сборы перешедшіе въ наслѣдіе отъ святыхъ, ходжей и сеидовъ ихъ потомкамъ, по завѣщаніямъ первыхъ владѣтелей — на-примѣръ вакуфный документъ извѣстнаго въ Средней Азіи Ходжи Ахрара, который у туземцевъ считается святымъ и память кото-

раго пользуется большимъ уваженіемъ. По доходамъ это одинъ изъ самыхъ значительныхъ вакуфовъ: болѣе 500 человѣкъ дѣлятъ доходы его въ 16 тысячъ слишкомъ рублей или 80 тысячъ кокановъ. Всѣ эти лица считаютъ себя по нисходящему колѣну потомками Ходжи Ахрара, и получаютъ съ купленныхъ послѣднимъ земель сборы, на основаніи его завѣщанія, въ которомъ сказано, что „*всѣ тѣ доходы, которыми пользовался онъ самъ при жизни, съ купленныхъ земель, онъ предоставляетъ по смерти своей получать своимъ родственникамъ, происходящимъ отъ него только по мужской линіи*". Такъ какъ онъ назывался и считался туземцами святымъ, то и потомки его называются *авлад*'ами (потомками святаго?); отсюда и самый вакуфъ получилъ свое названіе, то-есть „*принадлежащій потомкамъ святаго*". Про Ходжу Ахрара разсказываютъ, что онъ имѣлъ громадное состояніе, и покупалъ земли всюду гдѣ представлялась къ тому возможность, покупалъ амляки у эмировъ, и мильковыя земли у частныхъ лицъ; говорятъ, что всѣ окрестности Самарканда принадлежали ему, но, будто-бы, впослѣдствіи добровольно были уступлены имъ въ казну. Впрочемъ, письменныхъ документовъ, которые доказывали-бы послѣднее, нѣтъ, такъ что можно полагать и то, что эти земли были просто отобраны какимъ-нибудь болѣе другихъ либеральнымъ эмиромъ, находившимъ, вѣроятно, и весьма, основательно, что не приходится святому слишкомъ много заботиться о благахъ міра сего. Ходжа Ахраръ былъ однимъ изъ великихъ *ишановъ* [15]), а потому не только народъ, но и эмиры уважали его, а онъ, пользуясь этимъ, и имѣя къ тому же громадное состояніе, старался покупать какъ можно больше земель и превращая ихъ въ собственныя, получалъ затѣмъ съ нихъ очень значительные доходы. Говорятъ даже такъ, что, бывая въ другихъ городахъ, онъ покупалъ зе́мли на томъ основаніи, что въ его высокомъ духовномъ званіи ему не подобаетъ жить на чужой землѣ, а необходимо имѣть собственную. Впослѣдствіи онъ превратилъ всѣ эти земли въ вакуфъ, получившій и носящій съ тѣхъ поръ названіе *Авладъ*.

Вакуфъ этотъ совершенно одинаковъ съ прочими этого же рода, завѣщанными частными лицами и пріобрѣтенными вначалѣ также изъ земель казенныхъ, съ тою лишь разницею, что Ходжѣ Ахрару зе́мли достались гораздо легче — посредствомъ ловко придуманной уловки, будто ишанъ не можетъ жить на чужой землѣ. Но ишаны есть у туземцевъ и теперь, однако ни одинъ изъ

---

[15]) Титулъ означающій извѣстную духовную степень, санъ.

нихъ не дѣлаетъ подобныхъ заявленій; прежде-же сдѣлать это было легко при томъ благоволеніи къ подобнымъ ханжамъ какое оказывали сами эмиры. Разсмотрѣніе и разслѣдованіе всѣхъ этихъ вакуфовъ-авладъ необходимо, потому что едва-ли ошибочно, что туземцы придаютъ это названіе вакуфу болѣе для того, чтобы выставить его, какъ происходящій отъ святаго, неприкосновеннымъ тѣмъ болѣе, что и въ самомъ документѣ на каждый изъ этихъ вакуфовъ говорится съ угрозою, что *„если кто коснется этого вакуфа, тотъ будетъ наказанъ Богомъ“*. Подобное ослѣпленіе, понятно, не сообразно съ здравымъ смысломъ и можетъ пугать однихъ лишь туземцевъ, да и то весьма немногихъ. — Права̀ всѣхъ наслѣдниковъ святого одинаковы, но съ тою лишь разницей, что лица мужскаго пола получаютъ полный пай, женщины-же на половину меньше ихъ.

Такое объясненіе происхожденія этого вакуфа слишкомъ односторонне и невѣрно. Названіе вакуфа авладъ на самомъ дѣлѣ присваивается и землямъ отказаннымъ обыкновенными смертными по завѣщанію, въ наслѣдіе изъ рода въ родъ, но въ томъ только случаѣ когда право наслѣдниковъ ограничивается единственно правомъ пользованія доходами съ имѣній. Слѣдовательно зѐмли этого вида вакфа напоминаютъ отчасти маіораты, такъ какъ наслѣдникамъ отнюдь не принадлежитъ право отчужденія унаслѣдованныхъ земель, а только право пользованія доходами съ нихъ.

Зѐмли вакуфа авладъ освобождены отъ всякихъ сборовъ, если только въ самомъ завѣщаніи не выговорена извѣстная часть доходовъ въ казну. Иногда дѣлаются изъ нихъ пожертвованія въ пользу какого-либо учрежденія, но бо̀льшею частію самый незначительный процентъ и притомъ съ условіемъ назначенія мутеваллія изъ рода самого жертвователя.

Какъ видно отсюда, вакуфы авладъ представляютъ собою видъ самой удачной спекуляціи съ казной, потому что владѣлецъ жертвуемыхъ такимъ выгоднымъ образомъ земель, а равно и его наслѣдники, ничего не теряютъ, даже если часть доходовъ будетъ итти въ пользу какого-либо учрежденія. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что жертвуемая доля составляетъ $^1/_{40}$ часть всѣхъ доходовъ съ извѣстнаго имущества; если въ казну, при опредѣленномъ размѣрѣ податей, поступала-бы съ того же имущества $^1/_{10}$ часть доходовъ, то ясно что владѣльцу остаются чистаго барыша $^3/_{40}$; кромѣ того, если принять во вниманіе, что и должность мутеваллія занимается самими владѣльцами вакуфа или лицами изъ ихъ рода, то, понятно, процентъ этого барыша будетъ еще больше.

Итакъ, по существующимъ мнѣніямъ можно принять, что

есть два вида вакуфа авладъ: одинъ, когда имъ пользуются потомки святыхъ (хотя мы не раздѣляемъ убѣжденія относительно полученія имъ отсюда и своего названія, происхожденіе котораго совершенно иное); другой — семейный, наслѣдственный, какъ и первый, но отличный отъ него тѣмъ, что составляетъ собственность простыхъ смертныхъ, далеко не святыхъ; какъ тотъ, такъ и другой, по основному характеру своему, образуютъ, такъ сказать, милькъ-маіоратъ.

Изъ существующихъ относительно его законоположеній, намъ извѣстно одно мѣсто изъ книги *Ибрагимъ-шани* [16]), гдѣ значится:

„*Если скажетъ* (подразумѣвается — владѣтель земли) *что эта земля сдѣлается вакуфомъ для моихъ дѣтей и внуковъ, то она остается вакуфомъ уже на вѣчныя времена*".

Въ практикѣ нашей администраціи случалось уже не разъ рѣшать возникавшіе споры и кляузы по поводу нѣкоторыхъ вакуфовъ авладъ (которыхъ въ Зарафшанскомъ округѣ, между прочимъ, больше чѣмъ въ другихъ мѣстахъ). Возбуждались даже такіе вопросы, какъ на-примѣръ, притязаніе на обращеніе вакуфнаго имущества этого вида снова въ милькъ, при чемъ почти постоянно оказывалось еще, что число танаповъ на самомъ дѣлѣ было гораздо значительнѣе чѣмъ значилось по документамъ. Ниже мы будемъ имѣть случай разобрать значеніе этого факта; теперь-же скажемъ только, что отдѣльный вопросъ о вакуфѣ авладъ въ вакуфномъ вопросѣ вообще занимаетъ главное мѣсто, и рѣшеніе его можетъ возбудить много недоразумѣній и непріятностей.

Кромѣ этого вида вакуфовъ есть еще два: *мустадракъ* и *ушри*.

Вакуфъ-ушри отличается отъ такого же вида земель мильковыхъ, во 1-хъ, тѣмъ, что доходъ съ послѣднихъ, за исключеніемъ извѣстной части, даримой какимъ-либо лицамъ, принадлежитъ государству, какъ и самыя земли, а первыя составляютъ собственность какихъ-либо учрежденій, какъ пожертвованныя; и, во 2-хъ, въ казну съ нихъ взималась извѣстная часть не со всего дохода, а только съ $^1/_3$ или $^2/_3$ его, что̀ имѣетъ мѣсто и теперь.

О вакуфѣ мустадракъ мы упоминали выше, когда шла рѣчь о выморочныхъ имуществахъ и о вакуфахъ упраздненныхъ. Но, собственно говоря, о значеніи его нѣтъ одного твердо установившагося мнѣнія. Мы приведемъ здѣсь два мнѣнія наиболѣе распространенныя. По одному изъ нихъ.

---

[16]) Это, по-видимому, имя и прозвище какого-то законовѣда; но съ прозвищемъ *Шани* никакого законовѣда Ибрагима неизвѣстно: тутъ опять что-то неладно. *Прим. ред.*

Мустадракомъ въ вакуфахъ назывались слѣдующія *деньги:* завѣщатель въ вакуфномъ документѣ назначалъ, кромѣ слѣдовавшей части въ пользу муллъ и мудеррисовъ какой-либо мечети или другаго учрежденія, извѣстный процентъ для приготовленія въ нѣкоторые большіе праздники, во время намазовъ, пищи для бѣдныхъ людей *(бичара, ѣтимча, байгушъ)* и странниковъ. Обязанность устройства этого лежала также на мутевалліяхъ, но такъ какъ послѣдніе, въ большинствѣ случаевъ, не исполняли воли завѣщателей, а слѣдовавшія на это деньги расхищали, то и послѣдовало отъ одного изъ эмировъ распоряженіе, чтобы послѣднія собирались особымъ сборщикомъ въ казну, а затѣмъ уже раздавались по его, эмира, усмотрѣнію. Оттого-то эта часть доходовъ, какъ непринадлежащая какому-либо опредѣленному учрежденію, какимъ-либо извѣстнымъ лицамъ, и названа была, и называется теперь — *мустадракомъ*, „выемкой".

Другое мнѣніе, на сторону котораго склоняемся и мы, называетъ мустадракомъ всякій упраздненный почему-либо вакуфъ,— что̀, конечно, можетъ случиться или за уничтоженіемъ какого-либо учрежденія, или за отсутствіемъ муллъ и мудеррисовъ въ мечетяхъ и медресѐ, когда, за неимѣніемъ личнаго состава, деньги слѣдовавшія въ пользу его по завѣщанію, остаются свободными. Съ такихъ вакуфныхъ земель или другихъ имуществъ подати собирались (и теперь собираются) полностію и поступаютъ въ казну.

Есть и еще мнѣніе, раздѣляемое нѣкоторыми, будто мустадракомъ назывались деньги собиравшіяся съ вакуфовъ на исполненіе различныхъ земскихъ повинностей. Если-бы такое мнѣніе было вѣрно, то мустадракомъ пришлось-бы назвать такіе же сборы на земскія повинности и съ мильковыхъ хурри-халисныхъ земель, такъ какъ, собственно говоря, при деспотизмѣ царствовавшемъ всегда въ Средней Азіи, ничего нельзя было назвать законнымъ и поэтому ненарушимымъ, а все зависѣло и зависитъ отъ произвола власти того, кто изображаетъ собою „тѣнь Бога на землѣ".

IV

Вотъ всѣ виды земельной собственности въ Туркестанскомъ Краѣ. Теперь коснемся слегка современнаго положенія поземельнаго вопроса.

Семь лѣтъ уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ занята Зерафшанская долина съ городами Самаркандомъ и Катта-Кураномъ (крайнимъ пунктомъ русской осѣдлости въ Средней Азіи со сто-

роны Бухары) и окончилось вмѣстѣ съ этимъ дальнѣйшее наступательное движеніе русскихъ войскъ. Все, что мы видимъ теперь въ этомъ краѣ, служитъ мѣриломъ нашей цивилизаторской дѣятельности, для успѣшнаго хода которой, безъ сомнѣнія, прежде всего необходимо основательное, по-возможности ближайшее знакомство съ нашими новыми подданными, изученіе ихъ нравовъ, обычаевъ, жизни гражданской и политической; а для этого послѣдняго, въ свою очередь, необходимо знать прошлую исторію занятаго нами края и его обитателей. Къ несчастію, этимъ-то мы и не можемъ похвастаться, потому что исторія Средней Азіи для большинства нашихъ дѣятелей на благородномъ поприщѣ цивилизованія ея такъ же темна и непонятна какъ тарабарская азбука, и представляетъ столь же много интереса. Понятно, что при такихъ условіяхъ приходится зачастую дѣйствовать наугадъ, ни съ чѣмъ не справляясь, ничѣмъ не руководствуясь, безъ всякаго плана — хотя и не потому чтобы таковой былъ немыслимъ, какъ думаютъ нѣкоторые. Оттого-то такъ часто случаются путаница понятій, недоразумѣнія, бросаніе изъ стороны въ сторону, возвращеніе назадъ, затѣмъ снова стремительная порывистость впередъ... А кто скажетъ, долго-ли можетъ длиться толченіе воды въ ступѣ и къ чему оно приведетъ?

Если на первыхъ порахъ послѣ занятія края путаница и недоразумѣнія существовали, то онѣ были совершенно понятны и неизбѣжны; но далеко-ли подвинулось впередъ съ тѣхъ поръ наше знакомство съ краемъ, что̀ сдѣлано такого что̀-бы бросалось въ глаза и принесло очевидную пользу? Въ самомъ дѣлѣ, коснемся хоть сбора податей. Не открывались-ли до послѣдняго времени новые виды ихъ? Не сбираются-ли и теперь подати съ такихъ земель которыя должны быть свободны отъ нихъ вслѣдствіе признанія тѣхъ земель обѣленными? Правда, кое-что сдѣлано и въ этомъ отношеніи; такъ мильковыя земли, наравнѣ съ амляковыми, оплачиваются податями; нѣкоторые вакуфы, прежде свободные отъ сборовъ, сравнены въ отношеніи къ нимъ съ прочими землями. А какъ хладнокровно наши новые подданные относятся къ реформамъ, доказательствомъ можетъ служить хоть тотъ же фактъ обложенія податями мильковыхъ земель. Классъ землевладѣльцевъ, какъ мы сказали выше, здѣсь особенно туго поддается всякимъ нововведеніямъ, а между тѣмъ онъ-то и отнесся съ совершеннымъ равнодушіемъ къ новому и невыгодному для него порядку, хотя, быть можетъ, потому только, что всѣ сборы вообще были уменьшены. Этотъ фактъ, по нашему мнѣнію, можетъ служить уже достаточной гарантіей за успѣхъ и другихъ мѣръ, если только

онѣ, конечно, будутъ проводиться разумно и безъ торопливости, сообразно съ обстоятельствами. Про классъ торговцевъ и промышленниковъ и говорить нечего; меркантильный духъ, господствующій въ краѣ, такъ въѣлся въ плоть и кровь туземцевъ, сдѣлалъ ихъ такими предпріимчивыми и настолько болѣе развитыми предъ земледѣльцами, что они съ перваго взгляда отличаютъ все клонящееся къ ихъ пользѣ и падки на подобныя новинки. Мы не думаемъ высказать этимъ мнѣніе, раздѣляемое, къ несчастію, многими, что всѣ мѣры должны быть, безъ сомнѣнія, удачны, и что потому слѣдуетъ торопиться ими. Новое положеніе о пошлинахъ также начали вводить торопливо — ну, и кончилось тѣмъ, что пришлось образовывать слѣдственныя коммисіи да усмирять безпорядки, возникавшіе одинъ за другимъ въ разныхъ мѣстахъ съ рѣдкимъ единодушіемъ.

Поземельный вопросъ — другое дѣло; онъ настолько важенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и запутанъ, что рѣшеніе его положительно необходимо. Изо всего сказаннаго нами выше, кажется, совершенно ясно видно, что вопросъ этотъ состоитъ изъ двухъ частей, такъ сказать, *внутренней* и *внѣшней*. Подъ первой мы разумѣемъ самое *право землевладѣнія* съ его различными видами, о чемъ и было говорено раньше; подъ второй — *объектъ права, землю*.

Не знаемъ, на сколько удалось намъ намѣреніе показать, въ настоящемъ очеркѣ, всю ту запутанность земельныхъ правоотношеній которая существуетъ на самомъ дѣлѣ и дѣлаетъ поземельный вопросъ въ Туркестанскомъ Краѣ такимъ важнымъ и трудно - понятнымъ; но мы остаемся при убѣжденіи, что это — нашъ Гордіевъ узелъ, требующій однако другаго рода распутыванія, нежели практикованный въ древности. Укажемъ въ - заключеніе еще на одинъ фактъ, чрезвычайно для насъ важный.

Въ свое время періодическая пресса наша обратила должное вниманіе на одну появившуюся въ иностранныхъ газетахъ телеграмму изъ Константинополя; напечатана она была сначала въ лондонской газетѣ „Morning Post“, въ редакцію которой доставилъ ее секретарь турецкаго посольства въ Лондонѣ. Приводимъ часть этой телеграммы изъ „Правительственнаго Вѣстника“ на 1874 годъ, № 246.

„Министръ Иностранныхъ Дѣлъ оттоманскому посланнику въ „Лондонѣ:

„Константинополь, 15 октября. Вамъ извѣстны постоянныя „усилія употребляемыя правительствомъ въ настоящее время для „улучшенія финансоваго положенія и увеличенія средствъ страны.

„Въ виду этого, и, главное, въ виду вопроса о вакуфахъ, „Правительство подвергло строгому разсмотрѣнію и добросовѣстному

„изученію рядъ мѣръ имѣющихъ огромную важность. Эти мѣры, „утвержденныя Его Величествомъ Султаномъ, вскорѣ будутъ при„мѣнены цѣликомъ. Поэтому спѣшу сообщить В-му Пр-ву вкратцѣ, „посредствомъ телеграфа, рѣшенія, принятіе которыхъ дѣлаетъ честь „нашему государю (султану). Характеръ и важность ихъ будутъ, „конечно, вполнѣ оцѣнены.

„Церковныя имущества (собственность вакуфовъ), расположен„ныя въ Константинополѣ, будутъ секуляризованы. Ихъ владѣльцы „получатъ новые документы, которые будутъ гарантировать ихъ „права, какъ собственниковъ. На недвижимыя имущества будетъ „учрежденъ налогъ съ распространеніемъ его и на собственность „вакуфовъ во всей Имперіи.

„Для приведенія въ исполненіе такой мѣры будутъ назначены „особыя коммиссіи, которыя приступятъ къ составленію кадастро„вой переписки. Инструкціи этимъ коммисіямъ, а также регистры „и правила для сбора налога, уже готовы. Вскорѣ будетъ обнаро„дованъ султанскій указъ о принятіи и примѣненіи ихъ. Такое пре„образованіе собственности вакуфовъ дастъ новыя средства казна„чейству и доставитъ собственникамъ несомнѣнныя преимущества, „новыя гарантіи и большія выгоды...“

Вотъ мѣсто сказанной телеграммы, обратившее на себя наше вниманіе. Мы не будемъ касаться путаницы понятій заключающихся въ ней, а укажемъ только на значеніе для насъ факта по поводу котораго она явилась. Нѣкоторые говорятъ, что рѣшеніе вакуфнаго вопроса въ нашихъ среднеазіатскихъ владѣніяхъ въ настоящее время будетъ преждевременно, въ виду фанатизма мѣстнаго населенія. Но намъ кажется, что въ данномъ случаѣ никакихъ непріятностей быть не можетъ и дѣло покончится совершенно мирно; даже рѣшимость Турціи на эту мѣру можетъ служить однимъ изъ доказательствъ того, что она не преждевременна и весьма удобна для исполненія. Могутъ возразить, что одно дѣло — Турція, а другое — Россія съ ея такъ недавно еще занятыми владѣніями, гнѣздомъ мусульманскаго фанатизма, съ необразованными, невѣжественными, дикими подданными. Но что касается до умственнаго развитія подданныхъ мусульманъ, то трудно рѣшить, кому отдать въ этомъ пальму первенства; вѣрнѣе, что Россія и Турція находятся въ этомъ отношеніи совершенно въ одинаковомъ положеніи. Затѣмъ, реформа, о которой идетъ рѣчь, вовсе не касается народа, а только одной весьма малой части его, правда, вліятельной и имѣющей значеніе, но стоящей какъ-то особнякомъ, преслѣдующей только свои личные интересы и потому корыстной въ высшей степени.

О фанатизмѣ Среднеазіатцевъ такъ много говорили и про-

должаютъ говорить, преимущественно любители всего ужаснаго, зажигающаго и волнующаго кровь, что онъ сталъ какимъ-то пугаломъ. На самомъ-же дѣлѣ — гдѣ этотъ пресловутый фанатизмъ? Гдѣ его кровавыя проявленія? Не анахронизмъ-ли это, перешедшій къ намъ, вмѣстѣ со многимъ другимъ, изъ временъ уже давно канувшихъ въ вѣчность, и не замѣняетъ-ли его нѣчто другое, болѣе свойственное народамъ всѣхъ вѣроисповѣданій, вѣковъ и всего земнаго шара? Но, скажутъ намъ, есть несомнѣнныя доказательства существованія его въ сосѣднихъ съ нашими земляхъ, въ Англійской Индіи, гдѣ онъ-то главнымъ образомъ и составляетъ причину непрочности господства Англичанъ. Правда-ли это? Не слишкомъ-ли это простое и одностороннее объясненіе имѣющагося предъ нашими глазами явленія? Не доказываютъ-ли Притчардъ и Дилькъ весьма убѣдительно, что сами же Англичане — главные виновники этого, что они своими мѣрами въ обращеніи съ туземцами, въ управленіи страной, довели дѣло до того, что стоятъ теперь, не сознавая того, на вулканѣ, готовомъ уничтожить ихъ? Конечно, есть и другія условія, дѣлающія господство Англичанъ въ Индіи шаткимъ; таково, на-примѣръ, сильное и постоянно возрастающее распространеніе секты *Вагабитовъ*. Но послѣдователи ея далеко не фанатики, и чтобы называть ихъ такъ, надо или говорить съ чужаго голоса, не зная сущности этого новаго ученія, или понять и толковать его превратно.

Что-же касается до фанатизма нашихъ новыхъ подданныхъ въ осѣдлой части Средней Азіи, то, намъ кажется, бояться его нечего: онъ такъ же дѣйствителенъ, какъ и успѣхъ *постоянныхъ усилій, употребляемыхъ турецкимъ правительствомъ для улучшенія финансоваго положенія и увеличенія средствъ страны*, о которыхъ такъ краснорѣчиво говоритъ турецкій министръ въ приведенной выше телеграммѣ [17]).

Самаркандъ. 1875.

---

[17]) Авторъ настоящей статьи пишетъ одно и тоже слово, то *вакфъ*, то *вакуфъ*. Замѣтимъ для не-оріенталистовъ что слѣдуетъ писать *вакфъ*; форма-же *вакуфъ* образовалась, ошибочно, изъ множественнаго числа этого слова — *вукуфъ*. *Прим. ред.*